

Василий Чернышев

III. ЗАПИСКИ РЕДАКТОРА

Книга третья

ИНОБЫТИЕ
как
М И Ф
и
ЛИТЕРАТУРА

*Посвящается моим читательницам,
а также всем тем, кто создал мою личность:
родным, наставникам, учителям и друзьям*

© В. И. Чернышев, текст. 2017
© «NAPISANO PEROM», 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Три события случились за последние полтора года. Во-первых, неожиданно для себя, я начал писать немалую по объему книгу «Призвание литературы» (хотя, конечно, так и не выяснил, в чем ее призвание).

Во-вторых, затем на меня напустились всяческие бедствия, но множество людей бросились меня спасать, а два ангела – две сестрички милосердия – лично обещали за мной *присматривать* и отваживать от меня все плохое.

Впадая иногда в уныние, я говорю себе с укоризной: Ну как же тебе не стыдно, быть может, ни о ком столько не заботятся, как о тебе, а ты...

Мне стыдно, и я хотя и продолжаю впадать в уныние, но стараюсь изо всех сил писать по возможности лучше...

Итак, "Призвание литературы" я через три месяца после тех своих бедствий, а лучше сказать "приключений" дописал, но так как уже *разбежался*, то случилось и *в-третьих*: написал вдруг я и вторую книгу, всего за полгода, "Литература как Инобытие и Действительность", а сегодня, как это ни удивительно, вписываю первые строки в третью книгу "Инобытие как Миф".

Я уже когда-то разводился с марксизмом, в "Записках на пальме" начал разводиться с христианством, и теперь чувствую, что пришла наконец пора довершить все мои *разводы* и с тем, и с другим, да и еще со многим.

Выскажу я, в частности, вслед за Пушкиным, и свои претензии к России и к русскому народу, к интеллигенции, к истории и быту. Я не готов разрешить "*мирным народам*" *пастись*, хотя не могу и заставить их, увя, за "*счастье и свободу*" "*каждый день идти на бой*"... Зато, по крайней мере, скажу им, что я о них думаю (цитируя Предисловие к предыдущей книге): «Я буду строить баррикады и свергать ваших богов и кумиров и вождей, я буду вас обличать и проклинать, я *отрекусь* от вашего рабского марксизма и христианства, от вашего нынешнего созидания "золотого тельца", от вашего недавнего стояния на коленях в восторженном упоении, от вашей ненависти к неравенству и культуре и жажде всех сделать одинаковыми, от вашего предательства справедливости и вашего преклонения перед "новыми богатыми", от вашего невежества и самомнения...»

Но так как одними обличениями не достигнешь душевного мира и не изменишь мир вне себя, то эта книга будет посвящена и поискам новой Истины, новых богов, новых путей в философии и в литературе, на которых я мог бы прийти не только к объяснению мира, не только к ответу на старый вопрос «Кто виноват?», но мог бы найти ответ и на более важный и столь же древний вопрос «Что делать?»

Пока же я почти в потемках, сыро, неудобно, свечи не горят и не загораются, Бога рядом нет, голос истины не слышен, куда идти – не знаю, идти не с кем... С этого я и начну следующую страницу Первой главы.

...Оригинальное, право, начало: о чем писать, не знаю, чего надеюсь достигнуть – тоже, а вот тем не менее новую книгу писать начинаю...

...Да потому что если не писать... то лучше не станет! 7 апреля 2014 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**БЫТИЕ И ИНОБЫТИЕ
ЛИЧНОСТЬ И БОГ**

Тюремный сумасшедший дом на Арсенальной,
где я провел два с половиной года
(а перед тем полгода в тюрьме Большого дома на Литейном)

ГЛАВА ПЕРВАЯ ОДИНОЧЕСТВО

1. Народ-богоносец

8 апреля 2014 года. Уже почти середина апреля, весна началась рано, да вдруг и застряла, холодно, каждый день идет снег, потом тает.

Разговариваю с знакомыми и друзьями, слышу отголоски мнений окружающего народа, и становится тоскливо. Читаю в газетах о бесчинствах власти и растлении народа, и становится еще тоскливее.

Такое чувство, что я один живой и нормальный человек, остальные все или идиоты, или сумасшедшие, или трусы, или негодяи.

Ну вот, например, из газет: двое пьянчуг избили местного алкоголика почти на глазах у десятков людей, алкоголик умер, менты возбудили дело, следователи допросили свидетелей, *назначили* виновного (в буквальном смысле слова *назначили*), и хотя сначала все свидетели в голос твердили – не *этой*, не похож (да к тому же у *этого* вообще алиби), но *назначенного* посадили. А свидетелей нашли и покладистей... Вот, например, одна девица (давно уж не девица)... Менты ей велели опознать кого надо, опознала... А других менты запугали... А народ – там же тыщи народа живут, на улице и в поселке? Ну, лучше про этот народ не говорить, хочется повеситься. Вот одна моя подруга переживала из-за крепостных, что они были несчастными, она из-за них слезы лила, ей трудно было смириться с попранием справедливости... Но этот сегодняшний народ уже своим существованием справедливость попирает. Они что-нибудь хорошее сделали? Вступились за хорошее? У несправедливо осужденного есть жена, она за него хлопочет, нанимает адвоката, работает день и ночь, чтобы его оплатить, у нее больной ребенок, и у нее есть соседи. Они работают, смотрят телевизор, выпивают, может быть, не каждый день, но не редко, то есть на выпивку и на закуску денег хватает. Может быть, они ей помогли? Хотя бы в долг денег дали? Может быть, ребенку дали конфетку? Или посочувствовали? Улыбнулись?

И это и есть русский *народ-богоносец*, по выражению Достоевского? Да ладно Бога на плечах носить, соседке бы кто-нибудь помог?! Но некогда им о соседке думать, когда надо Бога носить на своих плечах...

Может быть, лучшие богоносцы русские патриоты? Ибо они вопиют, что русский народ *лучший* в мире. И сомневающих размажут по стенке. Хотя неужели кто-то есть хуже тех, которые вопиющую несправедливость не замечают так, словно рядом не человека уничтожают, а... так, ничего не происходит...

И вот никто не помогает несчастным, которых государственная машина просто похода раздавила, только потому раздавила, что некогда было этой машине искать виновного, ей надо было по факту происшествия – убийства алкоголика – срочно отчитаться и кого-нибудь посадить, а кого – неважно.

И никто из интеллигентов-обывателей не осуждает ни государственную машину, ни негодяев, сажающих невинных, ни быдло, которое не способно

сочувствовать хотя бы тем, с кем рядом живет. Никто, кроме меня. Даже среди моих знакомых либо никто не читает таких газет и не слушает таких радио-передач, в которых говорится о несчастных, *униженных и оскорбленных*, раздавленных государственной машиной, либо если и читает, то им это неинтересно и не важно, и их «не колышет».

Так что я в одиночестве. Есть, правда, романтики, сочувствующие участи крепостных, живших в девятнадцатом столетии, но и их смущают ли беды тех, кто рядом с нами? – а остальные – это всё только *молчаливое большинство*, в том смысле, что не разевают они рот против государственной власти, в их душах мир и благоволение, их церковь, государство, царь и Бог в согласии с окружающим безобразным миром. Так что не буду я больше об *остальных*, они даже не стоят того, чтобы их обличать.

Но с кем же я, неужто совсем один?

Что Бог не со мной, несомненно, потому что он мне не помогает, поэтому я и не состоялся как общественный деятель, политик или государственный чиновник, ученый или писатель, чтобы смог *возвысить* свой голос – и его бы услышали, чтобы смог, например, написать статью о злоупотреблениях ментов – и какая-нибудь газетенка меня напечатала, а не так, как теперь, на скудном принтере четыре экземпляра и раздаю знакомым...

Нет, с таким Богом далеко не уедешь, и в союзники его звать бессмысленно, хорошо бы он еще меня не шарахнул за то, что я на него сетую... А то приехал бы я, к примеру, в этот поселок, собрал бы местную общественность, только бы их уже уговорил помочь невинным страдальцам, как вдруг голос с неба: Подвиньтесь, граждане, щас я этого негодяя шарахну!!! И тут гром и молния, и от меня нет даже мокрого места...

Так что ладно, пусть этот Бог сам по себе, со *своими*, если они у него есть, а я буду сам по себе и поищу собственных *своих*...

2. Кто же со мной?

Так как Бог не со мной, и Большой народ не со мной тоже, а *местный народ*, соседи тех, несчастных, и мои собственные соседи и знакомые и друзья – тоже не со мной (как бы они еще не устроили мне *темную*), то надо осмотреться и высмотреть: кто же со мной? Есть ли такие?

И я начинаю осматриваться...

Смотрю в окно на улицу. Хотя весна застряла, но деревья уже покрылись почками, почти готовыми выпускать листочки. Природа каждую весну начинает возрождаться, несмотря на хамское отношение к ней населения, особенно в городе... да, впрочем, и везде. Я уже писал, что в лес не войти, вокруг городов свалки (да и вокруг деревень тоже). И все таки природа еще не погибла, еще весной возрождается, не сдастся совсем безнравственному народу, который уже ничто не бережет, не любит и не жалеет.

Так что я не совсем одинок, *деревья под моим окном со мною*. И те березы, которые у меня в деревне, и не мной посаженные и посаженные мной, тоже со мною.

Вышел на улицу, вдруг засияло солнце, и в закоулке, где ветер стих, даже стало по весеннему жарко.

Лужи, облака на небе... Я вдруг вспомнил свое стихотворение:

На дорогах лужи, облака на небе.
Я маковое зернышко в жертве или в требе.
Голубого неба краски снова ярки,
Дождь взимает пени, солнце шлет подарки...

Ну, я это писал два года назад, еще пытался примириться и с миром и с Богом, еще надеялся на сотрудничество, теперь надежды такие я оставил, но *природа*, оставленная ими (как и я), *со мною*. Я распахиваю ей свои объятия, и она мне распахивает свои, через два дня поеду с женой в деревню, там огород, печка, баня, буду ремонтировать сарай (*тот самый*), копать грядки, ставить теплицу... Природа не поможет мне кого-то защитить, но она вдохнет в меня силы, а я хотя защитить пока никого не могу, но в деревню привезу кое какие детские вещи, которые мне дадут знакомые, и моя добрая деревенская знакомая их раздаст нуждающимся детям.

Со мною и Культура. В воскресенье я пойду слушать музыку, на флейте будет играть очаровательная Машенька, возможно, у меня прибавится душевных сил. Да и *русский язык со мною*, а не с русским народом (с народом только самая низшая часть языка). И поэзия со мною. Я думаю, что все эти окружающие, все это население, все это *молчаливое большинство* давно уже не читает стихов и не нуждается в них, и не только ему не понадобятся мои стихи, но они и Пушкина не читают и не будут (да и помнят ли они, кто такой Пушкин?)

Итак, *со мною* не так мало из окружающего мира, в частности, и *мои читательницы*, те трое, которые со мной переписываются, и сестрички, которые обо мне заботились, когда я в прошлом году попал в «аварию», и множество других людей из больничной сферы, которые помогли мне справиться с этой «аварией», хотя бы тем, что на оплату двух сложных операций были выделены благодаря их ходатайствам государственные квоты, а не пришлось мне брать деньги в кредит и занимать у знакомых.

3. Вера

9 апреля, среда. Снова думаю о молодой женщине, мужа которой ни за что ни про что посадили на восемь лет, и теперь она бьется как рыба об лед, пытаюсь ему помочь, наняла адвоката, да у нее больной ребенок, и хотя работает на двух работах, но вся в долгах... Она ему пишет, что будет его все равно ждать... Правда, хватит ли у нее сил на восемь лет?

Меня в семидесятом году посадили в тюрьму и в сумасшедший дом, жена осталась с ребенком, но все же я просидел не восемь лет, а три года, да родные помогали, и друзья, и общественное мнение мне сочувствовало... Кто же поможет этой несчастной? И как я могу относиться к Богу, если он даже денег мне не дает, чтобы я ей немножко помог, все деньги Бог истратил на олигархов и правителей, а что мне удастся выудить из своих доходов, на то я иногда покупаю книжки для деревенских детей или покупаю им пряники и конфеты или иногда так им даю, по мелочи (потому что государство забирает у меня из пенсии половину по несправедливому судебному приговору, и именно поэтому для помощи нуждающимся у меня остается мало).

Возможно, я что-то придумаю, чем-то смогу ей помочь...

А пока не знаю, как помочь самому себе в горестных моих мыслях.

Обыватель – тот, которого еще не тряхнула судьба и не саданула машина (а попадают под колеса судьбы и машины еще не так много, примерно пятая или четвертая часть, считая с родными тех, кого безвинно посадили, ограбили, избили, изгнали с работы, лишили имущества или квартиры) – но благополучно живущий обыватель «цветет и пахнет», как острили когда-то девушки, и даже крестится, то на правителей, то на священников, вознося молитвы их общему Богу. (А так как вся власть от Бога, то, собственно говоря, и весь Бог от этой власти, их уже и не различить, они тождественны).

И не только крестится этот обыватель, но даже *верит*, притом самоотверженно, верит даже тогда, когда покрывается струпами, как Иов.

Заходит разговор о Блокаде, о несчастных, умерших от страшного голода и холода (а умерла половина жителей блокадного города, около миллиона, и женщин, и детей), кажется, и обывателю их жалко. Известно, что правительство и диктатор не пытались блокаду преодолеть и уменьшить, они этой картой (картой сочувствия сердобольного мира к страдающим людям) *играли* на геополитической арене, ибо сердобольный мир относился к советской России из рук вон плохо перед началом войны.

И я замечаю еще о том, что партийно-государственная элита не только не голодала, но жила в благоденствии, получая даже деликатесы через распределители, и что – и это меня еще сильнее возмущает – из вымирающего города она посылала родным в эвакуацию продовольственные посылки.

Обыватель приходит в ярость, он расценивает мои слова как кощунство.

Я приехал в Ленинград более полувека назад, живы еще были многие жители блокады, то, над чем сегодня вдруг приоткрывается завеса секретности, вчера знали многие из тех, кто тогда выжил.

Так же в ярость приходил обыватель, когда (еще в студенческие годы) заходил разговор о расстреле демонстрации рабочих в Новочеркасске в 62-м году. Но когда не приходил обыватель в ярость, если задевалась его слепая вера, не важно, во что: в Бога, в царя, в четырех китов, на коих покоится земля?! Не зря говорилось, что *если имеешь веру с горчичное зерно и велишь горе подвинуться, то она подвинется*, – а что же тогда могло происходить, если вера была с ту самую гору, что можно было делать с горчичными зернами таких как я?

Удивительно и непостижимо вот что: прежняя, сталинская власть, была коммунистической, она боролась с собственностью, с религией, даже с верой, ибо единство народа и партии должно было проистекать *не из веры*, а из якобы "знания", богатых та власть искореняла, как и верующих, их иногда сажали в тюрьму, расстреливали, особо яростных верующих тоже сажали в тюрьму... а нынешняя власть искореняет бедных (не то чтобы делает их богатыми, но помогает им совсем перестать *быть*, сдохнуть от голода и болезней и отчаянья), а богатым всемерно благоволит – и что же? Нынешний обыватель яростно верит и в ту власть, и в эту, и в ту, которая строила светлое

будущее, как они уверяли, *для всех*, и в эту, которая построила светлое настоящее *для немногих*. Лидер коммунистов был почти Бог, «национальный лидер», уже *антикоммунистический*, чуть ли не выше Бога.

Эпоха, когда ВЕРА превозносилась как главное чувство, как самое высокое чувство в человеке, которое только дополнялось любовью, эта эпоха была эпохой упадка науки, особенно математики, но и философии, музыки, литературы. Сегодня в России также идет деградация и образования и культуры и науки.

Но снижается и качество человека в целом. Вот я яростно презираю и ненавижу период советизма, особенно первые его тридцать пять лет, за его жестокость, бесправие человека, ничтожную цену жизни, за его безмерную ложь, когда черное повсеместно выдавалось за белое, а белое за черное – но я жил среди тех людей, которые либо этот период пережили, как поколение родителей наших родителей, либо в этом поколении выросли, как наши отцы и матери. Я этими людьми был воспитан, я получил от них понимание добра и зла, понимание красоты и достоинства, я ими восхищался. И в нашей деревне, и в поселке, где я учился, и в Ленинграде, где я потом и учился и жил, были и глупые тоже, были и невзрачные, и даже были не совсем хорошие, некоторые были ... не знаю, были ли такие негодяи как сегодня, по крайней мере, я с ними не встречался. Но ведь сегодня целые сообщества состоят из негодяев или беспросветного грязного, пошлого, ничтожного... Целые поселки и города, целые страны состоят из подонков, как «Страна падонкаф», которую я недавно пытался редактировать.

Посадили учителя за то, что он отремонтировал школу, и никто не вступился за него из соседей. Посадили невинного, о котором я выше писал, из тысяч не выступил в его защиту никто. Если бы мне удалось собрать их всех, его соседей, на площади, я бы задал им один только вопрос: *Как вы думаете, а есть ли где-нибудь кто-нибудь подлец, чем вы?*

3. Народ

Но, возможно, и среди этих, как и среди тех, есть и те, кто верит в Бога, возможно, вполне искренне. Возможно, гораздо искреннее меня, потому что – какая у меня вера, когда я на Бога негодую?!

И поэтому, только из сочувствия к тем, кому иногда больше верить некому, и поэтому верят они или в христианского Бога, или в коммунистическую высшую справедливость, или в царя, или в народ, или в науку или в невежество, верят то философам, то тем кострам, на которых этих философов сжигают – итак, только из сочувствия к *верующим* (особенно если они унижены и оскорблены) буду я иногда умерять и утишать свои выкрики, свои обличения неправды и зла. Несут они портреты Сталина (истребившего всех почти образованных, умных и работающих, офицеров, дворян, поэтов, философов, ученых, священников, крестьян-кулаков и их соседей, и всех их детей и родных и знакомых)... несут они портреты Сталина, втоптавшего в поля и в леса и в болота всех почти защитников Родины, солдат и не солдат, числом *по десять человек на каждого погибшего немца*, и я подумаю, что

среди них не одни идиоты и негодяи, но есть и те "старушки", которые носили хворост на костер Яна Гуса, и о которых он воскликнул: *Святая простота!* – и не в каждого плюну. Хотя и знаю, что эти, защищающие наше "героическое недавнее прошлое", все же не те, у которых отцы или матери погибли на войне или умерли от голода в блокаду, или умерли в Лагерьх советской власти, или были просто расстреляны с миллионами других на бесчисленных пустырях и у бесчисленных рвов – нет, не те. Эти исповедуют одну изуверскую веру «Мы за ценой не постоим», потому что платили за их химеры не их отцы и матери, братья и сестры и пращурь, а мои!!!

Вот в чем дело. Народ разделен на ДВЕ части. Одна часть, меньшая, это дети раздавленного народа. Другая, бóльшая, дети тех, кто был с теми, кто "вышел строить и мечь", и если сам не расстреливал, то или охранял подконвойную колонну, или стоял в стороне преступно равнодушно, или благоденствовал, когда другие стреляли. Грубо говоря, народ разделен на *закон и вольняшек*. *Зэки* страдали, поэтому, может быть, в их души заронилась искра Божия; *вольняшки* неправедно благоденствовали (даже если не совершили преступлений), поэтому в их душах искры Божией еще нет. Да и не о всяких страданиях я говорю.

Возвышают душу, воспаляют в ней божий огонь страдания не за себя, а только за родных, друзей, несчастных, культуру и Россию.

Так о каком народе я говорю, говоря о том, что я *народник*?

Во-первых, о моем *Малом народе*, народе праведных, умных, красивых, милосердных, свободолюбивых и культурных.

Во-вторых, о *молчаливом большинстве*, которое само по себе неоднородно, включает в себя и обывателей, и чернь, да и никогда нельзя знать заранее, кого оно включает, вдруг подхватит его неведомый порыв, и воздвигнут они гильотину, запоят Марсельезу, и пойдут на "Бой кровавый" – да вдруг и за правое дело?! Всё возможно, именно поэтому история и жизнь непредсказуемы. (И в некоторых отношениях *Большой народ* и *Молчаливое большинство* – почти одно и то же).

Но только не свидетельствую я за народ угнетателей, народ чиновников, "ментов" и правителей. Это враги русского народа (как Идеи) и России. (Но и из их числа могут на нашу сторону перейти хотя бы единицы).

Я постоянно склоняюсь к разделению и противостоянию, к тому, чтобы любить только своих (по крови и духу) и ненавидеть врагов – но разве не к этому же склоняются и те, к кому я сам когда-то склонялся? А теперь пытаюсь разъединиться?

Разве не сказали Христос и апостол Павел, что когда придет секира Страшного суда, то спасется только "малый остаток", а все остальные будут ввергнуты в печь огненную, где "плач и скрежет зубовный"; разве не проповедовали и большевики, что "весь мир насилья мы разрушим ДО ОСНОВАНИЯ", но они так широко понимали насилье, что свое безоглядное, жесточайшее, **тотальное насилье** осуществляли во имя, якобы, окончательного разрушения насилья чуть ли не сто лет, пока их самих не сковырнули с разбухшей и заплесневевшей от крови русской земли?!

4. Сомнения

Но писать ли в жанре «Записок редактора» еще одну книгу, ни на кого не оглядываясь, как если бы только для себя? Хотя наговорил я уже много, но не повторяю ли сам себя, то есть не бегу ли отчасти по кругу? – но, возможно, и это хорошо, не так быстро добегу *до конца*.

Правда, буду ли я кому-нибудь интересен, кроме самого себя? Чтобы привлечь внимание читателя, пытался я себя заменить Мифом, в котором хотел оказаться лучше и интереснее, чем я сам, но с ужасом начинаю понимать, что не так уж я хорош, как надеялся стать. Не такой хороший человек, совсем никакой математик, неудачливый Учитель...

Надеялся в *редактировании* достичь совершенства, выстругивал из себя Редактора, как папа Карло выстругивал Буратино, из того полена, каким я был, следуя прекрасным образцам, Пушкину и Иванову-Разумнику.

Я хотел бы *исправить свой народ*, но не знаю, КАК его заманить в правильную печь.

Я хотел бы исправить нашего Бога, но Бог меня не слушается, особенно тот, *всеобщий*. Правда, у меня есть еще свой, не совсем тот, что у других, или совсем не тот – но я и его хочу исправить. Он мне ни в чем не помогает, хотя и не страшат геенной и не требует императорских почестей.

Я хочу исправить даже Дьявола, в романе мне это почти удалось.

Единственное, что мне не хочется исправлять теперь, это ЖЕНЩИНУ. Ибо она прекрасна. Если она станет еще лучше, это ей будет во вред.

Ее надо только любить, терпеть от нее ярость и поношения, иногда нелюбовь, равнодушные... и восторгаться ее любовью... Если бы мы знали, каких страданий ей стоит ЛЮБИТЬ нас такими, каковы мы есть, мы никогда не посмели бы ее ругать, ей пенять, даже только нахмуриться.

Но мы не знаем. Нам плохо удается роль положительного человека, даже мне, хотя я не самый худший. Или худший из лучших. Но определенно – *лучший из худших*. Впрочем, не знаю...

5. Не полное одиночество

Если бы я был до конца одинок, до конца отвергнут, так, словно отшельник в лесной пустыне, узник в одиночной камере, не только оставлен всеми, но и сам бы всех уже оставил, то был бы мой предполагаемый Разговор свободным, и я высказал бы все, что думаю о народе, истории и Боге (хотя и так-то не совсем уж стесняюсь), – но меня кое-что останавливает: связи с другими людьми – а это и есть моя религия – связь с человеком, а не с Богом. Многие люди одиноки, *многие до конца одиноки*, многие несчастны, но находят утешение – в любви, в социальной химере, в философской доктрине, в учении о конце света или, наоборот, в учении о бесконечности мира, в светлом будущем и революционном настоящем, Втором пришествии, Страшном суде, возмездии, перевоплощении, любви к женщине, семье, родине, истории, в любви к царю и его "первосвященнику". Они находят какое-никакое утешение посреди своих невзгод и бедствий, а я и последние иллюзии их хочу осмеять и унизить... И это останавливает меня в намерениях окончательно *развестись* с моими собственными иллюзиями публично.

И все же...

Будет ли существенная польза от того, что я не поколеблюсь безумцем «навеянный человечеству сон золотой» или, наоборот, будет ли существенный вред от того, что поколеблюсь? Ведь и Лермонтов своими строками уже этот "золотой сон человечества" поколебал, не так ли?

А писатель должен писать правду, *он должен правде* – хотя и человеку тоже, но *"наступая на горло собственной песне"*, как показала история литературы, никому никакой пользы он не приносит, ни правде, ни человеку. Так, почти две тысячи лет христианство, якобы в защиту Бога и человека, насаждало воззрения на мир самые противные астрономии и науке, и ставило Землю в центр мироздания, и превращало ее в плоскость, и подкладывало под эту плоскость четырех китов, и отрицало математику, геологию, биологию, палеонтологию, медицину, даже саму литературу и философию, замедлило ход культуры на полторы тысячи лет, но ни на миллиметр не смогло замедлить вращение Земли ни вокруг самоё себя, ни вокруг Солнца – а сколько человек перебило, самых умных и самых образованных, не считая бесчисленных ведьм!!! Сколько религиозных войн развязало, сколько иноверцев, раскольников, еретиков истребило, да и евреев преследовало не меньше, чем нехристианский нацизм (хотя, впрочем, их преследование протестантов неотличимо от геноцида по национальному признаку).

И что же, обо всем этом забыть, не упоминать, не предъявлять счет христианству, как будто бы ничего не случилось, чтобы *сон золотой* не нарушить? "Спи, младенец мой прекрасный, баюшки-баю!?" А младенец уже далеко не младенец и далеко не прекрасный!

Так ведь можно не предъявлять счет и Гитлеру (ну, погорячился немного, а Идея какая была возвышенная, чуть не возрождение великого Рима, всемирной империи, только во главе уже с *новыми римлянами*, германцами); можно не предъявлять счет и Сталину (ну, зарвался в личных амбициях, а Идея какая была великая, хотя и не возвышенная, – возрождение татаро-монгольского ига и Чингис-хана с Батыем, да не на одну только Русь, а и на всю Европу, прикрывающаяся "светлым будущим всего человечества"); можно не предъявлять счет и Ленину с большевистской камарильей, разгромившими Российскую империю во имя духовного рабства; можно не предъявлять счет и бандитам и "*новым русским*", грабящим случайных прохожих и всех подряд, и той банде, которая захватила и ограбила всю Россию; можно тогда не трогать и не исследовать ни Теорию прибавочной стоимости и верховенства материи над духом, ни теорию Канта о непознаваемости "вещей в себе", ни теорию эволюции Дарвина, ни насаждаемый всемерно "*новыми интеллигентами*" (либеральными и демократическими – то есть свободными и народолюбивыми) взгляд на Россию как на единственно только мерзость и на русскую историю как на историю рабства и на русский народ как на скопище рабов; можно тогда не трогать и хотя бы не исследовать ни истоки гнилой толерантности ("тьфу на ваш колоколовый лимонад!"), ни все остальное, что *раздражает светлый ум*, но что любо болоту и гнили...

ГЛАВА ВТОРАЯ ТВОРЧЕСТВО КАК БУНТ

*Творческий акт есть освобождение и преодоление.
Н. А. Бердяев. Смысл творчества*

1. Самооправдание

19 апреля 2014 года. Прежде всего, я должен оправдаться перед читателем и литературой, обосновать необходимость еще одной, третьей книги, когда и первые две не оправдались, и воспринимаются в лучшем случае как необязательный, не подчиненный плану и высшему замыслу *Поток сознания*. Быть может, если эта книга оправдается, то она оправдает и первые две, по крайней мере, как необходимую подготовку, как Введение. Вот так же существуют Введения в математику, философию и историю.

Но чем я могу оправдаться?

Во-первых, Замыслом и целью. Во-вторых, совершенством формы и глубиной содержания.

Если я напишу книгу безупречную, в которой сумею объяснить то, что не удалось другим, ответить на важнейшие вопросы, мучающие мыслящего читателя, то никто не прекнет меня в ее ненужности.

Итак, о чем я собираюсь сказать?

О любви – в том числе о любви к женщине, к ближнему, к царю и отечеству; о марксизме и коммунизме, светлом будущем и революционном настоящем; о матерьяльной или духовной причине бытия, жизни и истории; о христианстве, создании мира и человека, первородном грехе, конце истории и конце света, втором пришествии и страшном суде; о Большом взрыве, бесконечности мира, теории естественного отбора Дарвина и происхождении человека из обезьяны; о семье, родине, истории, национализме и народничестве. О России и Европе, культуре и религии, гармонии и хаосе. О смысле жизни, грехе и добродетели, спасении души, осуждении зла и оправдании человека. О русских и немцах, евреях и цыганах, империи и республике. И, наконец, о том, *кто виноват и что делать*.

Многие и кроме меня пишут нечто "невразумительное", как сказал апостол Петр о писаниях Павла, и как думают многие о философии и полуфилософских записках, к которым можно отнести и философию таких философов и писателей, как Ортега-и-Гассет – ведь нет в сердцевине этих писаний некой ясной и определенной цели, как в историческом и научном исследовании, а только *философствование*, разговор обо всем и отчасти ни о чем. К чему сводится такой разговор, оправдан ли он, станет яснее, когда мы уясним результат, к которому направлены мои рассуждения. Я буду стараться подвергнуть критике доминирующие воззрения на мир современного российского обывателя, возможно, мне удастся их опровергнуть, показать их ложь, несостоятельность и несправедливость. Я словно с некой секирой приступлю к непроходимой чаще и буду прорубать в ней просеки, чтобы можно было пройти, возможно, после моей работы останется пустырь, целина, не-вспаханное поле, которое стоило бы вспахать и засеять, и естественно мне

возразить: если я собираюсь разрушить и опровергнуть ложные воззрения, то что предложу я взамен? Что построю или что посею на пустом поле?

Удивлю и приведу в недоумение читателя: я расчищаю поле для Культуры. Она существует уже две тысячи семьсот лет, со времени Гомера и Фалеса, она существует и посреди безобразной чащи, в которой мы блуждаем, не видя ни зги, и я только для ее более полного существования и расчищаю поле. Требование и ожидание, что отвергнув одни учения, я тут же предложу другие, может быть, даже свои, это требование души, воспитанной в условиях тоталитарного существования. Существует только один правильный способ видеть, чувствовать, мыслить и жить, существует только одна Истина, *все, что не с нею, то против нее* – вот таков преимущественно современный человек. Существование личности в рамках такого представления о правильном и неправильном, об истине и заблуждении, я называю духовным рабством и тоталитарным способом бытия и сознания. Взамен я предлагаю духовную свободу. Существует некоторая методология анализа и размышления, на христианство мы смотрим через марксизм, на марксизм через христианство. Но возможен и другой способ размышлять и видеть, искать понимание, который, быть может, стоило бы назвать *отсебятиной*. Вот как смотрю и рассуждаю я сам? Я буду исследовать и смысл христианства и смысл марксизма, но я уже им не подчинен. Ни то ни другое не превращаю я ни в подозрную трубу, ни в рычаг или какой либо инструмент познания, а рассуждаю, исходя из данной мне способности рассуждения, при этом опираясь и на некоторые познания в философии и науке. Поле, на котором я сею, способно к тому, чтобы на нем произрастали злаки, оно удобрено трехтысячелетней культурой, а не одними Марксом и Гегелем. Дороги, по которым я иду, представляют из себя твердь среди хляби житейской, потому что они утрамбованы этой культурой. А я – человек, отчасти нечто непостижимое, отчасти квинтэссенция истории и культуры.

Ну, например, якобы открыт Гегелем некий закон мироздания, который гласит, что *количество переходит в качество*, в частности, если довести до кипения воду, то она начнет испаряться. Это я понимаю и с этим согласен. Только не понимаю, каким это образом одна философская категория переходит в другую, хотя выражение это с литературной точки зрения, как метафора, интересно. Но философского смысла в нем нет никакого, иначе, увеличивая зло, при его возрастании мы вдруг начали бы получать добро. Интерпретация остроты как философского закона – это схоластика.

Или, например, спекулянт разбогател на продаже водки, построил дачу и баню и завел в ней *тёлок*. Но продолжая богатеть, при возрастании богатства в тысячу раз он уже становится олигархом. Не видеть ли и здесь проявление перехода *количества в качество*? Хотя здравый смысл говорит, что это всего лишь возрастание богатства, и даже Крез – это не новое качество богатея, а только богатея еще больший чем другие.

Мне уже кажется, что стоит продолжать рассуждать дальше. Трудно сразу решить, оправдаюсь ли я своею книгой, пока ее не напишу до конца. А когда напишу, придется ее прочитать, чтобы узнать, оправдана ли она.

2. Утверждение и доказательство

20 апреля 2014 года, Воскресение. В этом году день *Пасхи* совпал у православных, католиков и евреев, и я боюсь, не перед концом ли света?

Вчера в конце дня разболелся, напился спасительных таблеток, а чуть настала полночь, поздравив жену с Воскресением, тут же лег спать. Ночью чувствовал себя не хорошо, но всякие мысли и образы для книги в моей дурной голове все же теснились.

Так что, буду ее продолжать писать. План, перечень тем уже у нее есть, и никто теперь не скажет, что это *поток сознания*.

Но есть даже и цель. Я подвергну критике основные воззрения мыслящего человека, чтобы разрушить скрепы духовного подавления и утвердить духовную свободу. Хаос народных верований, мифов, суеверий, смеси христианства и язычества, преданий и легенд я не буду почти рассматривать, так как и вреда в этом хаосе нет, и ясных утверждений. Но мыслящий человек в плену суеверий, худших, чем невежество. Его суевериями я и буду заниматься. В результате мы получим ясный взгляд на бытие и историю, который я называю духовной свободой. Освобождение от иллюзий – *Духовное освобождение*.

Существует одна область знания и размышления, в которой отношение между посылками и выводом принципиально отличается от всякого другого исследования и размышления – это математика. Исходные посылки с общего согласия считаются истинными, но не доказываются. Результаты-следствия выводятся из посылок (или утверждаются наравне с ними) и доказываются через рассуждения (силлогизмы); сумма безусловных (*аксиом*) и условных (*теорем*) утверждений и составляет содержание математики, но еще и методология, скрепляющая то и другое. Но есть и еще один способ доказательства частных (не общих) истин, он состоит в непосредственной проверке. Так, что число 91 сложное, проверяется, оно делится на 7 и 13; так же проверяется, что число 1001 простое (впрочем, я не проверял...).

Судебное установление виновности и невиновности отличается от математического: во-первых, сомнение толкуется в пользу подсудимого, во-вторых, подсудимый считается юридически невиновным и не подлежит уголовному преследованию, если сумма имеющихся доказательств НЕ достаточна для заключения о его виновности. Еще раз: *невиновность* подсудимого НЕ требуется доказывать. Требуется доказывать **ВИНОВНОСТЬ**.

Но *доказательство* – становой хребет только математики и механики, формально относящейся к физике, но по существу входящей в математику, ибо и законы движения и интеграл живых сил вытекают не из опыта, а из дифференциального уравнения Ньютона.

Но в литературе и философии силлогизм имеет вспомогательное значение. Что Бог есть, удостоверяют Вера и мистический опыт, что его нет, убеждает рассуждение, но ни в философии ни в литературе аксиомы не лежат в основании целого: в литературе – образ, характер и сюжет, в философии (или метафизике) – образ мира, бытия, представление о человеке... или какое либо другое общее представление, к которому привязывается образ мира...

Из этого следует чрезвычайно важный вывод, позволяющий мне спорить с авторитетами и предлагать и отстаивать собственный взгляд на основные учения о мире: ни одно из их утверждений не является теоремой, а потому не может претендовать на неоспоримую истину.

Да и история философии показывает, что я не первый, кто сомневается в несомненном, вон Маркс и Ленин осмеивали религиозные воззрения, вон Ницше написал Антихристианин, вон Толстой спорил с церковью, вон Лютер спорил с папой, вон апостол Павел разошелся по самому кардинальному пункту: чем человек спасается, верой или добрыми делами, с апостолом Петром и евангелистом Иоанном.

Ну и потому не неистовствуй, мой читатель, если тебе покажется, что я колеблю и таблицу умножения – ее-то я как раз не колеблю, а в споре с тем, что было удостоверено «всем прогрессивным человечеством» и против чего "возникал" только я один, именно я один и оказался прав, а все прогрессивное человечество шархнулось вдруг в прямо противоположную сторону и поклоняется теперь тому, над чем только что смеялось.

3. Двадцатое столетие – трагедия и тайна

Это столетие ужасно и трагично, в нем погибли мировые империи, начался Закат Европы, вознеслись на вершину славы и пали ниц социализм и национализм: во-первых, большевистский интернационал-социализм, во-вторых, немецкий национал-социализм; затем итальянский фашизм, немецкий же нацизм; и, наконец, то падало то вздымалось христианство.

Никогда, казалось бы, не поднималась так высоко идея социальной справедливости и равенства, и никогда не торжествовала так несправедливость. Никогда, казалось бы, не провозглашались так громко свобода и братство, и так цинично и жестоко не попирался человек и так бесстыдно не торжествовало духовное рабство в России. Двадцатое столетие уничтожило столько же своих сограждан, как все предыдущие двадцать столетий. Кровь воистину лилась реками и водопадами, и ответственны за пытки и казни невинных антихристианские формы жизни общества (но из этого не следует, что христианство можно реабилитировать: именно христианство со своей ненавистью к человеку и культуре – но об этом пойдет серьезная речь впереди – проложило в Европе пути преследования за инакомыслие, иноверие и инородчество. Христианство преследовало и своих еретиков, и иноверцев, в частности, язычников и мусульман, и евреев – то за то, что они иудеи, то за то, что они евреи. Христианство преследовало и единоплеменных, староверов в России, почти половина собственного народа на протяжении трех столетий претерпела гонения).

В двадцатом столетии совершились два чудовищных избиения: избиение армян, в котором турецкий народ так и не покаялся, и избиение евреев на территории Европы, за которое ответственны немцы – но они потерпели военное поражение и покаялись.

Но разве немцы преследовали и уничтожали только евреев? А цыгане разве меньше пострадали от их холодной и методичной ненависти? А славяне? А русские? Погибло три четверти мужского населения России в

возрасте от двадцати до сорока лет, сорок миллионов человек, мужчин и женщин, и стариков и детей, в боях, под бомбежками, от голода и болезней, погибли за пять лет войны.

Русский народ в этом столетии словно был распят на Кресте истории. Вступив сто лет назад в войну с Германией и ее союзниками, он умудрился, по вине большевиков, потерпеть поражение от побежденных, потеряв при этом пять миллионов человек. Затем, сменив своих русских вождей на всякую "татарву́ и оторву́", этот народ словно обезумел, развязал войну против своего же образованного сословия, уничтожив в Гражданской войне еще двадцать миллионов лучших своих детей, а затем продолжил "Гражданскую войну", своего рода Варфоломеевскую ночь, даже в мирное время, под водительством конопатого тирана истребив еще тридцать миллионов человек.

Кто же были революционеры, идеологи Революции и Гражданской войны, ненавистники Российской империи и "тюрьмы народов"? Прежде всего инородцы, жители окраин, те же, что и могильщики Римской империи – как это и бывает во все времена исторических смут и катастроф, – и важную, если не главную роль играли среди них евреи. Но мы никогда не освободимся от собственного рабства и не воскреснем, если не поднимемся над этой полуистиной-полуложью истории. Главная часть вины всегда лежит на главенствующем народе государства, а то, что в пожаре, в котором гибнет империя и имперский народ, воспламеняющими веществами оказывается чернь окраин и жители еврейских гетто, так это было всегда... Не спички виноваты в том, что сгорает огчий дом, а тот, кто ими его поджег. Да и поджигатели виноваты только наполовину, вторая половина вины – в эгоизме правящего сословия. Оказались ли дворянство и аристократия состоятельны перед вызовом истории? Готовы ли они были передать часть своих прав растущему классу? Об этом достаточно сказать вот так кратко, потому что это настолько ясно зрячим, что смешно говорить пространно.

Латышские стрелки, еврейские вожди, шлюхи, возбуждающие чернь и воздвигающие гильотины, самозванный корсиканский император, "комиссары в пыльных шлемах" (а не стекала ли у них кровь с рукавов кожаных курток?) – но где же были французы и русские? Или вся Парижская и Петроградская чернь состояла из латышей и евреев? Виноваты и те. Но в собственной гибели виноваты прежде всего собственные пророки и пороки, и народа и личности.

В русском народе по крайней мере две части, и "*мой собственный народ*" – это его наименьшая часть – как и во всяком великом народе. И так же и еврейский народ состоит из марксистов, христиан, иудеев, сионистов... но и из поэтов, ученых и философов. Еврейские публицисты, не видящие в русском народе ничего, кроме рабов, не лучше русских, объявляющих всех евреев торговцами и приспособленцами. Но эти публицисты ненавидят всё национальное, даже свое, они ненавидят и Пушкинскую "любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам."

Но роковое двадцатое столетие – словно новое татаро-монгольское иго. Неужели и сегодня нам суждено трехсотлетнее рабство?

4. *Оправдание истории*

«Плох тот народ, который не помнит, не ценит и не любит своей истории!» – сказал художник В.Васнецов.

То же почти утверждал и Пушкин, говоря в стихах о «любви к родному пепелищу», и в письме к Чаадаеву: «я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человек с пред-рассудками – я оскорблен, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал.»

Я не могу предполагать, что Пушкин менее меня любил свободу, и все же он примиряется с русской историей – да и, если не быть предвзятым, разве сравнение тысячелетия русской истории с тем же тысячелетием французской или английской говорит к невыгоде России? Воистину надо ненавидеть Россию, русский народ, русскую историю, и даже Пушкина, чтобы наполнять публицистику, посвященную дню сегодняшнему, бесконечным перечнем злобных упреков русским в их рабстве. Но эти публицисты и о Пушкине пишут так же злобно.

Я хотел было разобрать некоторые из их упреков, но потом решил, что им слишком много чести. Пусть они остаются кумирами у невежд, которые и не знают другой литературы, другой философии и истории, кроме литературы и философии вчерашних интернационал-социалистов, ставших сегодня мелкими лавочниками.

И все же и мне примириться с русской историей трудно. Правда, *любовь к родному пепелищу* означает ли оправдание злодейств? Примирение с историей означает ли примирение со всеми ее частностями? В восемнадцатом столетии помимо Петра Первого и Меншикова были Екатерина и Потемкин, Ломоносов и Радищев; в девятнадцатом, помимо Николая Первого – весь великий девятнадцатый век (хотя и Николай Павлович был неизмеримо величественнее каждого из большевистских временщиков и узурпаторов).

Ну а с двадцатым столетием я примиряться и не должен, он сам противостоит всей русской истории. Оправдывая Россию, мы должны осудить двадцатое столетие; и наоборот, оправдывая двадцатое столетие и "комиссаров в пыльных шлемах", мы неминуемо отречемся от России и осудим ее историю. Вот центральный пункт всего отношения к России, к ее истории, культуре и народу, всего патриотизма, национализма и народничества – или мы принимаем тысячелетие и отрицаем последнее столетие, либо во имя этого жестокого и безобразного века презираем и ненавидим русскую историю и культуру.

Советизм и большевизм – уже нерусскость, жертва русским человеком коммунистическому интернационалу. СССР – такая же Россия, как казарма – частный дом, и советский народ – такой же русский народ, и как христиане – это те эллины и иудеи, которых отныне не должно было быть...

И, разумеется, принимая двадцатое столетие, мы должны будем оправдать физическое уничтожение миллионов людей по марксистской и ленинской теории экспроприаторов и диктатуры пролетариата: уничтожение дворян, аристократии, священства, офицеров, крестьянства.

5. Дух и плоть

Многие думают так: Теория не виновна в том, как ею пользуется человек. Человек – существо падшее и порочное (согласно христианским воззрениям), и он способен даже святыню втоптать в грязь.

Но марксизм предлагает взгляд на историю и практику общественного строительства, в которой человек, целые сословия и даже народы (в случае необходимости) могут быть принесены в жертву светлому будущему.

Что такое жизнь в сравнении с вечностью истории? – спрашивает марксизм. – Мгновение.

Что такое человек в сравнении с обществом и человечеством? – Пылинка. Ничто.

Мао Цзе-дун предлагал Хрущеву сбросить атомную бомбу на Европу. Половина человечества, говорил он, погибнет, зато вторая будет жить при коммунизме.

Правда, они пытались варить сталь в горшках в крестьянских дворах, пытались одним большим скачком перепрыгнуть в светлое будущее, но не допрыгнули. Возможно, их теория Большого скачка была интерпретацией Большого взрыва, как Коммунизм и светлое будущее всего человечества – сектантская интерпретация христианского рая для *малого остатка* праведных, а само христианство – отчасти сектантская интерпретация иудаизма.

Но что и иудейское христианство, и русско-советский коммунизм, и немецкий нацизм – "одного поля ягоды", своего рода двоюродные братья (или сестры) – несомненно. И пренебрежение человеком не только в исторической практике, но и в священном учении у них одинаково: сколько спасется, когда явится Христос, чтобы отделить овец от козлищ, спрашивает апостол Павел (Марк христианства)? – *Малая горстка!*

Жалеть ли солдат, спрашивают генералы у "маршала победы", Георгия Жукова. "Бабы еще нарожают!" – отвечает он. И пока стоит его памятник на Красной площади, пока ходят с портретами Сталина, пока не покаялись и христиане ни в гонениях на староверов, ни в Варфоломеевской бойне, ни в уничтожении "идолов на улицах Афин", их сегодняшний "гуманизм" и любовь к культуре ничтожны. ("Бедные" нацисты... Их противники торжествуют, а они-то разве больше перебили народу? Но вот приходится стоять на коленях, посыпав головы пеплом...)

(Кстати сказать, и иудаизм – в фразеологии, в идее избранного Богом народа – напоминает, не правда ли, немецкие бредни об *избранной* расе, а *светлое будущее* марксистов – не тот же ли *тысячелетний рейх*?)

Но, как всегда, я отвлекся, речь все же начал я о марксизме, и наша задача – понять, действительно ли это – учение об исторической истине, удостоверяемое научностью и всеми критериями практики?

Практика, правда, захромала, "строители" оказались то ворами, то разбойниками, то невеждами, то пьяницами, но, может быть, теория все же верна? И надо снова попробовать?

Христианство ссылается на веру, марксизм – на знание и науку, но обе эти теории далеки от математики, доказательства у них у обоих невозможны.

Как доказывал Ленин истину марксизма? Он говорил: "Марксистское учение верно, потому что всеильно!" Можно, конечно, считать эти заявления аксиомами, но тогда их математика только и сводится к аксиоматике, теорем и доказательств в ней нет. А, следовательно, и так называемая научность их основана только на вере и убеждении. Но *убеждение* – это не знание, это *уверенность*, то есть вера.

Марксизм предлагает материалистический метод понимания жизни общества и истории, он утверждает, что источником, причиной движения, жизни и истории является материя, или, иначе говоря, плоть, а дух, душа и культура вторичны.

Разумеется, я ни доказывать, ни опровергать *с помощью доказательств* марксистский взгляд на жизнь не буду. Мировоззрение, как ни удивительно, напоминает характер человека или его внешность. Можно подвести брови и покрасить волосы, но все же существенно внешность изменить почти невозможно, она врожденна. Мои попытки поколебать взгляды моих собеседников так же привели меня к выводу, что я не могу их ни в чем переубедить. А ведь знакомство или даже дружба с иными продолжается почти столетия, и вот почти столетия продолжаются безрезультатно наши споры.

Итак, я лишь обозначаю отличие моих взглядов от марксистского материализма, целая жизнь на него истрачена, целую жизнь я в него сначала врал, потом из него выдирался, хватил уже им заниматься. Важнее исследовать дарвинизм, его сущность, причины его популярности не только среди биологов, но и среди всяких людей, даже среди христиан, тем более что дарвиновская идея поддается анализу. Важно так же закончить мне мой развод с христианством, ведь меня с ним связывала любовь-страсть. (А с марксизмом? Или я не только за девами бегал, но и идеи меня увлекали как женщины?)

Для того, чтобы нагляднее представить деятельность народов в истории, сравним народ и личность человека. Между ними есть общее, ибо и народ – нечто целостное как деятель, обладает волей, ставит перед собою цели, действует и достигает их. Это не просто аморфное множество элементов, он подобен реке, текущей в определенном направлении и имеющей русло, характер, лицо. Или он подобен ветру, перемещающему массы воздуха, несущему пыль и даже выдирающему с корнем деревья, но своенравному, способному неожиданно изменить направление и силу напора. Но иногда он подобен лесу, озеру или морю, никуда не стремясь, а даже, бывает, подобен болоту. Русский народ, к несчастью, более всего напоминает сегодня поле после побоища или свалку.

Итак, народ – почти личность, но, конечно, не во всем. Он рождается, растет, мужает, достигает зрелости и силы, даже величия, потом дряхлеет и умирает. Если для русского народа наступила старость, то это прискорбно, это я переживаю как более полную трагедию, чем моя собственная смерть. После меня, как я уверен, останутся мои родные, друзья, результаты моего творчества – но если погибнет Россия, то невозможно уже будет сказать, что "весь я не умру" – нет, и я всё умру, и мои родные и друзья тоже: негде нам будет оставаться после себя.

Личность человека, конечно, богаче, полнее, многообразнее, чем личность народа, в человеке есть и все то, что и в народе, и еще есть пол, мужчина может изменяться под смягчающим влиянием женщины: матери, жены, возлюбленной. Народные нравы может смягчать *культура*, уподобить ли последнюю жене, матери, подруге?

Но представление народа как личности поможет нам уяснить марксистские взгляды на историю. Начнем с человека. Он стремится к образованию, культурному развитию, часто под влиянием достойных воспитателей, испытывает любовь к женщине, создает семью (то же относится и к женщине, я не называю, конечно, человеком одного мужчину). Приобретает профессию, которая, по возможности, соответствует его характеру и склонностям, приобретает друзей. Делает карьеру в той или иной области социальной жизни или даже во многих областях, добивается авторитета и уважения окружающих и общества. Поднимается по социальной лестнице, достигает определенной степени богатства, власти, славы. Испытывает увлечения, страсти, ставит перед собою множество преходящих целей, хотя, возможно, имеет и некую главенствующую цель, например, в науке, философии, литературе, политической деятельности. Участвует в революции, в войне, в походах, мятежах, предает, спасает, вызывает на дуэль, убивает несправедливого, кончает жизнь самоубийством, спасает народ и страну, как Жанна Д'Арк, становится святым, как Серафим Саровский, или юродивым, как Василий Блаженный, попадает на каторгу, уходит в монастырь, бежит из тюрьмы, обретает веру, как многие сторонники марксизма или, в последнее время, разуверившиеся в нем.

Психология, дух, культура, происхождение, образование, пол, характер, сословие, в котором произрастает человек, – играют в его судьбе и жизни главенствующую роль – или мы сумеем о нем сказать все самое главное, представив только декларацию о его расходах и доходах? Трудовую книжку, в которой будет поименовано его перемещение с одной работы на другую?

Но история народов в интерпретации Маркса, то есть мятежи и перевороты, которые происходят в их политике и государственной жизни, выбор религии, перемещение из Азии в Европу (как у Тамерлана), а из Европы в Азию (как у Александра Македонского), поражение при Ватерлоо и "победа" при Бородино, как у Наполеона, битва при Калке и на Куликовском поле, Великая Французская революция и Великая Октябрьская (которую я именую катастрофой, как и падение Константинополя) – всё это объясняется только кухней? Все это сводится только к поискам пропитания и его распределению между алчущими? Почему же только Бальзаминофф ищет богатую невесту и женится НЕ по любви, а все остальные готовы во имя любви погибнуть, как и Ромео и Джульетта и Тристан и Изольда? Сумма причин и следствий каждой частной жизни, сумма событий в ней (и тем более, чем более эта частная жизнь незаурядна), никак не сводится к экономической материи, как не сводится любовь к вождению и сексу.

Или и в самом деле вся наша жизнь прежде всего голод, жажда, сексуальная жажда, защита от холода, а все остальное только второстепенный

хитиновый покров, как у насекомых, и вздор писали и Лев Толстой и Достоевский, ибо в их романах почти совсем не распределяется прибавочная стоимость (а часто даже и не производится, как при сражениях и объяснениях в любви), или по крайней мере не из одних потребностей плоти проистекает и жизнь человека и жизнь человечества? Что «жизнь – это форма существования белковых тел», как доказал Энгельс, что «способ производства – это основа истории и культуры», как доказал Маркс, на этих формулах на двести лет весь мир почти сошел с ума, да по существу продолжает бредить и сегодня, и невозможно никого переубедить в том, что *содержание исторической жизни народов и частной жизни людей* – а они неотделимы друг от друга и взаимопроникают так, как кислород в воздухе – *не определяется и не исчерпывается экономическим материализмом.*

Учась в школе, я сталкивался с подростками, которые «хотели» девочек, они не только верили, но всей своей кожей и желудком и всем прочим чувствовали, что никакой любви нет, а есть вот это «хотение». И так чувствуют многие. Надо ли их разубеждать? Невозможно. Некоторые и живут так: после работы выпивают кружку пива, иногда доливая в нее глоток водки, затем дома обедают, усаживаются на диван и смотрят по телевизору футбол, утром идут на работу, затем после работы... и так далее, пока не отпоят...

Экономический материализм Маркса даже чрезмерно усложнял жизнь, она проще... Все дело в том, что существует отдельный человек, и их, таких отдельных, подавляющее большинство, и они, даже самые примитивные, не совпадают друг с другом. Литература в некоторой степени рассказывает нам о многих из них, и эти рассказы в той или иной степени достоверны. Отдельные люди существуют *на самом деле*, они рождаются, живут, страдают, оставляют по себе добрую память... или недобрую... или никакой... Но отдельные люди существуют. А вот существуют ли множества, объединения, группы людей, существовал ли уже десятый «А» класс школы, в котором я учился более пятидесяти лет назад (ибо тогда я сам существовал двойко, и как отдельный человек, личность, и как часть некоего не совпадающего со мною целого, которое тоже было отчасти личностью), это уже меня приводит в недоумение. Исторический рассказ не в состоянии представить подлинную жизнь множественного целого отдельно от каждого отдельного, но при этом он игнорирует каждого отдельного, утверждая его несущественность в целом. Так рождаются химеры, *народные массы*, пролетариат, человечество. Хотя они существуют, как и пассажиры самолета, который терпит крушение, и существование того, что определенное множество отдельных представляет из себя пассажиров самолета, появляется именно тогда. Но историк пытается рассказать об Истории так, словно бы отдельные в ней не существуют.

Что же такое "Капитал" Маркса? Это не математическая теория, это величественный миф, отчасти сопоставимый с Мифом о создании человека и его жизнь в раю, пока Ева не надкусила злополучное яблоко. Мифом являлся и Пролетариат (или рабочий класс), и обе социалистические партии, Ленина и Гитлера (не имеющие никакого отношения ни к российскому ни к немецкому рабочему классу), но в мифотворческой истории именно они, будучи Инобытием, победили Действительность.

6. История и Народ-личность. Национализм.

О евреях мне еще придется говорить. И не только потому, что они мне так уж нравятся, или, напротив, так уж не нравятся, но потому, что мы скоро окажемся друг другу полезны (ну, хотя бы в моих намерениях). А что касается симпатий к народам, то мне, вероятно, не нравятся все народы, одни больше, другие меньше (как и большинство мужчин). Не нравятся мне немцы, во-первых, из-за своего высокомерия, во-вторых, что они только себя посчитали людьми, а всех остальных "недочеловеками", и развязали войну во имя уничтожения низших народов, евреев и славян. Но немецкую культуру я ставлю высоко, и, следовательно, к той части немцев, которая эту культуру создала, даже если они были высокомерны, я отношусь с симпатией. К французам отношусь и в целом неплохо, а также к испанцам. К цыганам и полякам отношусь не очень хорошо, как и к русским, но к русским, пожалуй, хуже всего. Но русских я разделяю на части, меньшая часть – это мой малый народ, все же остальные, Большой народ, или *молчаливое большинство*, мне не симпатичны, а многих я даже ненавижу.

Евреи тоже делятся на части, к большей части из них я отношусь неплохо, к среднему сословию равнодушно, но есть малая горстка (не знаю, спасутся ли они при Втором пришествии и их ли считать Избранными) – это даже иногда прямо таки враги рода человеческого. По всей видимости дело в том, что они ненавидят свое собственное племя, национальное (еврейское) как ту причину, которая формирует их личность, а потому они ненавидят и всякое *национальное*, национализм и патриотизм, любовь к своему народу объявляют прямо таки преступной. Некоторые из них, отрицая национальное, отрицают его во всех, и в себе тоже, заменяя национальное чем-то другим: *христианским* заменял апостол Павел, *пролетарским* Маркс. Эти мне, правда, и интересны и симпатичны, в них нет ненависти к чужой национальной идентичности, возможно, потому, что они избрали себе другую вместо той, в которой родились.

Но окончательно по поводу наций выскажусь так: нация похожа на громадный лес, большая часть которого дикая, иногда представляет собою бурелом, непроходимую чащу, мне в ней дико и неудобно. Небольшие части леса, прилегающие к городу, представляют собою сады и парки, я туда хожу на прогулки, с томиком Аристотеля или Вольтера или Мережковского в руках. В некоторых частях леса водятся кровожадные звери, одни из них дикие, эти менее опасны, другие выпущены из вольеров и выдрессированы для охоты на людей. Этих надо обходить стороной.

Читаю вчера в газете интервью с Нетаньяху, младшим братом бывшего израильского премьер-министра, он говорит о том, что само государство Израиль создано сионистами, то есть еврейским национальным движением. Национализм и патриотизм, говорит он, это чувство, связывающее человека со своим народом, дающее ему сознание общности с культурой, историей и традицией. Читаю русского писателя, которого читаю по крайней мере полвека, предки которого жили, возможно, на Украине или в Польше. Чем он отличается от меня, русского националиста, я не знаю, думаю, ничем. Правда,

вначале он был советским, как и большинство из нас, потом уже осознал свою идентичность прежде всего с Россией, русским народом, его историей. Ну, конечно, у многих есть привязанность к тому или иному краю в составе великого государства, как у меня к Сибири, к той или иной племенной или языковой общности в составе великого народа, как у меня, например, есть чувство родства и симпатии к белорусам, так как у меня по матери полесско-белорусские корни. Но я еще и петербуржец, Петербург, его история, его культура – это мое государство и мой народ, как, очевидно, и у этого писателя. Со многими из таких, предки которых жили когда-то на окраине империи (да я и сам из Сибири, хотя в ней от того места, где я родился, до краю еще чрезвычайно далеко), я близко знаком, со многими дружен, в последнее время меня заинтересовал тот колоритный быт, с которым были они связаны в детстве через дедушек и бабушек. Мне захотелось их воспоминания печатать в "Русских страницах", иные я напечатал. (Ишь ты, кричит мне "отказник", отказавшийся от всего русского, нет чтобы назвать их "Чукотские страницы", норовишь всё "русские"!)

Впрочем, вот такие отказники численно составляют незначительную примесь в родниковой воде России, но именно они, почему-то, с их ненавистью к *народности*, в большинстве своем властители дум современного европейского обывателя. Вероятно, это из-за немцев, из-за того, что немцы захотели нас, славян, евреев и цыган, искоренить с лица земли, посчитав, что славяне пришли из монгольских степей, евреи с окраины римской империи, а цыгане из Индии. Возможно, это и так, но и сами немцы пришли невесть откуда, по крайней мере, во времена Цезаря и Цицерона их в Риме не было, не пускали их образованные римляне из-за их дикости и жестокости. (Впрочем, если они искренне каются в своей ненависти к соседям, то мы и их должны простить).

Помогать друг другу граждане России просто вынуждены, в усилиях по возрождению России, а не по ее разрушению. С цыганами и евреями у русских тождественная судьба, во-первых, мы отличаемся от других некоторой загадочностью, во вторых, нас многие ненавидят, цыган за их независимый образ жизни, часто лень и нежелание кочевую свободу менять на оседлую жизнь с непривычными обязанностями, евреев за то, что они образованнее и умнее, русских... у каждого своя причина их ненавидеть. Еврейские публицисты ненавидят русских за верноподданность и тупость (и я тоже их ненавижу за это), иные за грязь вокруг городов и деревень, за ненависть к русскому культурному достоянию (евреи больше всех пытаются защитить памятники русской культуры от русского варварства), малые (малочисленные) народы ненавидят за то, что в составе великой империи они были защищены от поглощения алчными соседями. Если Россия будет совокупными усилиями всех ее ненавистников разрушена, то русские еще просуществуют какое-то время, а все остальные исчезнут еще при своей жизни, составив улусы и волости Поднебесной империи или возрожденного Халифата, или новой Золотой Орды, или Соединенных штатов Аляски.

Язык, культура, история и личный выбор (как, например, у Сенковского

или Багратиона или Екатерины Великой или Растрелли и неисчислимо других) определяют национальную идентичность, и клянусь, что у этих было не меньше русскости, хотя не было ни одной капли русской крови. Так с чего бы отворачиваться от матери-России, которая одинаково уютна (или одинаково неприютна) ко всем? Словно мне, "русскому из русских", в России уютнее, чем грузинским вора́м в законе, еврейским публицистам, невесть какого роду-племени чиновникам, владельцам магазинов и офисов, недавно приехавшим с далеких окраин... Только вместе мы можем сделать нашу страну уютнее, не презирая ее и не ненавидя (если только не мечтаем немного накопить и свалить)...

Ключ к тому, что́ значит быть русским, я осознал, читая об украинцах. Есть, пишет ученый, украинские "украинцы", есть русские "украинцы", есть украинские "русские", есть и русские "русские". Это на Украине. Но то же и в России. Кто укоренен в двух культурах, например, с детства говорил по-татарски и ходил в татарскую школу, является *одновременно* и татаринном и татарским "русским". Но кто всегда говорил только на русском языке, да еще, возможно, крестился и ходил в христианский храм или ни в какой храм не ходил и даже в синагогу, тот ... ну кто же он? Может быть, у него нет пола, как нынче модно? (Кстати, эту моду всемерно поддерживают вот такие, *люди мира*, по их мнению. Впрочем, у мира они не спрашивались, признаёт ли их мир за своих). Нет уж, если человек с детства говорил только по-русски, и свои статьи, в которых объясняет, что русские все сплошь рабы, пишет по-русски, то он еще более русский, чем я сам, во-первых, потому, что и я так считаю, только временами опомниваюсь, во-вторых, этот критический взгляд на себя и на свою историю – это самая что ни на есть русская традиция, раньше еще Чаадаева (вспомните хотя бы князя Курбского, собиравшего войско из поляков в поход на Русь). Или вы слышали от армянина, что армяне плохие? Или от еврея? Или даже от чукчи и от цыгана? Нет, если человек клянет русских, то он *русее всех русских!* Или его национальная идентичность еще не выкристаллизовалась, как у многих украинцев.

Итак, новый русский народ, вокруг которого будет спасена Россия, это новая общность ПО ДУХУ, ЯЗЫКУ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ, ТРАДИЦИЯМ и НАЦИОНАЛЬНОМУ САМОСОЗНАНИЮ, по уму и образованности, в конце концов, и в последнюю очередь по крови.

Выдающийся ученый и поэт Теодор (Тадеуш) Адамович Шумовский родился в польской семье, в польской части Украины, детство провел в Шемахе (Азербайджане), говорил на ста языках, писал стихи по-русски, хотя переводил на русский язык со множества языков, перевел и Коран стихами на русский язык, памятник на могиле у православного храма поставили ему мусульмане, русские его трижды сажали и просидел он около двадцати лет, по большей части в Сибири, на моей родине, в Варшавском университете в Восточном кабинете висит его портрет и стоят его книги, чего нет в Петербургском университете, который он закончил и где работал – кто он по национальности? Если барон Маннергейм, швед по рождению, президент Финляндии, противник России в самой кровопролитной войне в русской

истории, с гордостью говорил: *Я русский офицер*, то так же с гордостью говорил о себе Шумовский: *Я русский поэт!* Но он продолжал и далее, он считал себя *полноценным русским*, хотя есть множество его стихов, посвященных Польше и ее трагедии, оккупации Польши Германией, из которых следует, что польские его корни в нем были живы.

Ну а жена, прилепляясь к мужу, и продолжая в своих детях род мужа, хотя и остается принадлежащей и своему роду, но все же в дальнейшем не растворяется ли прежде всего в мужнином? Вот поэтому создаются общества потомков Лермонтовых, Пушкиных, Толстых... А кстати, кто же была Софья Андреевна? К стыду своему, не помню, заглядываю в Яндекс... Итак:

[Софья Андреевна – вторая дочь Андрея Евстафьевича Берса, происходившего по отцу из немецких дворян, и Любови Александровны (урождённой Иславиной). В молодости её отец служил врачом у московской барыни Варвары Тургеневой и имел от нее ребенка, Варвару Житову, которая таким образом оказалась сводной сестрой и Софье Толстой, и Ивану Тургеневу.]

Вопреки яростной антинациональной пропаганде еврейских публицистов, отстаивающих право личности на *нестандартную* национальную ориентацию, граждане европейских стран, как и США – *патриоты*, то есть *националисты*. Более того, евреи так же гордятся своею национальной принадлежностью (как и цыгане), как невинная девушка – невинностью, в отличие от русских, которые при всяком удобном случае спешат от нее (национальности) избавиться.

Римская империя создала великое государство, великую культуру, всемирную цивилизацию, всемирную религию. Каждый житель империи стремился стать ее гражданином и гордился своим гражданством, что не мешало ему быть патриотом своего отдельного народа, вливающегося во всеобщий народ Рима. И апостол Павел, восклицая: *отныне несть ни эллина, ни иудея*, тем самым не отрекался от своей родовой памяти, он оставался евреем, становясь христианином и гражданином Рима.

Итак, пора закончить. Народ – отчасти целостная личность, отчасти семья, состоящая из многих личностей, отчасти множество, соединяющееся в надличное. Но не общежитие и не сожительство ничем не обязанных друг другу случайно встретившихся на дороге истории подростков.

7. История и Государство

Итак, история Народа-личности – это прежде всего история науки и культуры, затем политическая история, то есть история государства. И история религии, возвышающейся над государством и народом. Но и история сословий, групп, племенных, профессиональных и культурных общностей. История открытий, путешествий, перемещений, поглощений, упадков и подъемов. Прозрений и заблуждений. История выдающихся личностей. Благо народу, который более чтит и помнит не царей и полководцев, а поэтов, писателей, ученых и святых, гордится не завоевателями, а просветителями, мудрецами и прекрасными женщинами. Это все азбучные истины и общие места, и как низко мы пали, что слышим об этом словно бы впервые!!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ОДНОМЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

«Кто же будет спасать Россию и меня, если Вы серьезно заболеете? Молось о Вашем здоровье, только Ваши книги и письма помогают мне жить.»

Из письма читательницы

1. Самомнение и сомнение

23 апреля, около полуночи. Встречался с товарищем, он объяснил мне, почему мои книги плохи, я расстроился и выпил водки, закусив бутербродом с килькой. В утешение он объяснил мне, что и как надо писать, я расстроился еще больше и выпил еще водки, закусив вторым бутербродом с килькой. Мне уже казалось, что я освободился от тщеславия и самолюбия, но, оказывается, и мне хочется услышать славословия, хочется, чтобы меня читали.

Вот почему к новой главе предпосылаю строки из частного письма, они меня согревают и утешают, и придают смелости писать откровенно, а значит нескромно.

И здесь же, наконец, надо мне окончательно оправдаться перед читателем, чтобы он более не чертыхался, недоумевая, зачем еще я продолжаю писать, когда как будто я уже все сказал, что знаю, да и сказанное не произвело сильного впечатления.

Во-первых, почему я так оробел, почему оправдываюсь и чувствую необходимость оправдываться?

В 97-м году, семнадцать лет назад, я начал писать «Жизнь на краю», книгу, которая представляла из себя откровенный дневник, в центре повествования был я сам, Автор, во всех своих ипостасях: и как автор, и как частное лицо, поэт и философ, размышляющий о жизни и литературе, и как обыватель, полудеревенский-полугородской житель, и как Дон-Жуан, перепутавший себя с Дон-Кихотом и ищущий Дульцинею во всех встречных девицах.

И меня даже не особенно заботило, интересно ли читателю то, что я пишу: «не нравится, не ешь!», так как я не боялся сделать главной темой повествования и самого себя, и свою судьбу, и свои ожидания и надежды, я был уверен, что я сам достаточно интересен и значителен, что я сам аккумулирую в себе судьбу окружающего русского мира и быта, что во мне русский человек собран и проявлен в своих устремлениях, в своей растерянности и своей беспомощности, и противостоящее тоже ясно: банда разбойников, захватившая Россию, и Молчаливое большинство.

Что же изменилось?

Во-первых, я и сам от себя устал, нет движения вверх. По крайней мере, остановилось это движение лет пять назад, когда и Критика христианства («Записки на пальме») и Учебник математики оказались дописаны, и никому не нужны, а новые книги только повторяли все то, что я писал перед тем.

Во-вторых, если не рассматривать мои книги как Записки обо мне самом, о моей судьбе и о моих поисках Истины, а относиться к ним как к произведениям художественной Литературы, то, конечно, одного героя, как бы он ни был интересен, мало для читательского любопытства. «Записки писателя» Достоевского притягивают обыденного читателя не сами по себе, а в дополнение к романам знаменитого писателя. Может быть, мои книги своего рода философские эссе? Но в этом жанре у меня нет имени, да и в книгах нет философской строгости и цельности. Некоторые читатели прямо говорят, что это книги *обо всем и ни о чем*, что они не более чем «поток сознания».

Следовательно, мне надо собрать развязавшиеся направления и нити художественных и философских тем в одно целое, прояснить и укрепить метод, лежащий в основании исследования, писать яснее и глубже. Или я напишу в избранном жанре лучше всех, или мне надо собрать мои книги и сжечь!!!

Возможно, еще потому я продолжаю так "неукротимо" писать, что чем-то болен, мне плохо... И не стал бы об этом упоминать, чтобы не раздражать читателя, но только потому, что есть одна странная и удивительная, которая, даже без моих жалоб, а по случайной обмолвке, обо мне начала беспокоиться. Лекарства не помогают, "усилием воли" преодолеть болезнь тоже не удастся, а ночью не удается хорошо спать, поэтому продолжаю писать Книгу, так как ее писание иногда меня успокаивает вместо таблеток. Да и, к тому же, вдруг... мало ли что... а ведь я еще не все высказал, что мне кажется стоящим...

И чтобы закончить с жалобами, приведу какое-нибудь из посвященных ей стихотворений...

Мне плохо, я болен. А может быть, просто устал,
И рано прощаться, черту подводить, ставить точку?
Одно несомненно – не мне возвели пьедестал
Почета, и деньги не мне собирали «на бочку».

И всё же – мне плохо. Ну, что же, возьму перерыв.
Читатель, прости, отпусти меня, друг, на полгода!
Сложенье стихов – это страсть, и болезнь, и порыв!
Но – прежде всего – это труд и, увы, несвобода.

А та – проводница в Аид – сторожит, ждет, когда упаду.
А, впрочем, я часто в последние месяцы падаю духом.
Я – редкий цветок в каменистом российском саду.
Но все ж не прошу, чтоб скорее земля стала пухом.

Итак, ухожу. На полгода. Я просто устал.
Болезни и страсти как снег придорожный тают.
Пусть строят другим ненадежный земной пьедестал.
Но только меня поцелуют и редкие рифмы в уста,
И речи мои незнакомки смеясь пролистают.

Но беру ли я перерыв, не ясно. Возможно, я распишусь и буду еще мучить и себя и других. Но несомненно, что теперь писать буду строже и собраннее, стараясь объяснить и оправдать свою отдаленность от основных миро-воззренческих мифологем.

2. Инобытие

В наиболее общем смысле основные темы моих книг о литературе, а в особенности вот этой, третьей: *Бытие, Инобытие, Сверхбытие*. Можно было бы для красного словца добавить еще и Небытие, но во-первых Парменид почти доказал, что *небытия* нет, а во-вторых, даже если оно и есть, я от него стараюсь держаться подальше.

Термин «инобытие» мне так привычен, что я даже упустил из виду его однозначность. Гегель говорил, что *Природа – это инобытие Идеи*, то есть **иная** форма ее бытия, помимо непосредственно данной в основании умозрительного понятийного мира. Итак, Идея существует в двух формах "*существования*", то есть в двух формах бытия (или бытийности): в непосредственно данной и в *иной*, но обе они – бытие, "это" и иное...

Я же *ино-бытие* противопоставлял бытию как нечто выходящее за пределы бытийности, как своего рода *сверх-бытие*, хотя важно чувствовать в этом термине не его сверх-положенность, а его ино-положенность (так, когда говорится: *не от мира сего*, то имеется в виду *другой мир*, но тоже существующий. *Инобытие* – это «мир НЕ сей», а *Бытие* – «мир сей».)

Однако, так как *Бытие* – это мир естественный, то *Инобытие* – мир сверхъестественный (хотя, возможно, допустим и мир Неестественный).

В интернете нашлась целая диссертация, посвященная *Инобытию*, различным формам его "бывания", но, чтобы не запутать читателя (при желании, он сам найдет эту статью), я, хотя и многословно, уточняю этот термин, чтобы случайно читатель не залетел в *Инобытие* совсем не в то, куда предлагаю лететь я. Возможно (я этого пока не доказываю), существует *Инобытие*, независимое от *сего мира* и нашей в нем деятельности, то, в котором пребывает Бог (следовательно, точнее его будет называть *Сверхбытием*), и в нашем мире (в *Бытии*) мы имеем лишь эманацию того мира (как в областях, близких к морю, веет морской мокрый ветер, донося "дыхание моря"). Или имеем даже только границу между мирами (о которой пишет Флоренский в Иконостасе), ибо даже такой трансцендентный человек, как апостол Павел, пишет о "седьмом небе" иносказательно (а я и вовсе о нем не пишу. Мистический опыт должен быть достаточно ясным, не туманным, чтобы сообщать о нем читателю).

Итак, *Инобытие* – это одна из тем моих книг, это "иное" *Бытие*, нежели *Бытие*, это скорее даже *Сверхбытие*, но при этом ни апостол Павел ничего вразумительного о нем не сообщает, ни я. Не запугал ли уже я читателя?

Отнюдь. Гомеровская Илиада существовала, все эллины знали ее наизусть и сопереживали Троянской войне, хотя никто из них не бывал в Трое, да и Троя существовала не как явление нашего мира, а как литературный образ, МИФ. Вот такой образ *Инобытия* представляю и я в своей книге, это не то действительное *Инобытие*, о котором нам могли бы поведать ангелы, обитающие там, или сам Господь, но тот Образ его, который соизиден культурой. Ученый не может поставить опыт, в котором подтвердить или опровергнуть его существование и свойства, так как Наука не выходит за пределы сего мира, но культура вполне правомочна.

Но миф существует двояко, он соединяет два мира, он словно бы открывает окно из сего мира в иной (но не дверь. Мы заглядываем отсюда туда, но мы пребываем в Мифе, а Миф пребывает в нашем Бытии).

Но миф и активен, он преображает и этот мир и тот, или, по крайней мере, преображает Образ *Инобытия*. Как Реальность, мир естественный, дикий лес мира, преображается культурой, и возникает новый мир, в котором мы действуем, мир Действительности, так и Миф преображает образ *Инобытия*, независимо от того, появилось ли *Инобытие* только в результате действия мифа, или оно уже существует для человека изначально, вместе с реальностью. Мы имеем дело с действительностью, а не с ее прообразом; мы имеем дело с *Инобытием*, языческим, христианским, марксистским, буржуазным, а не с его прообразом. Нет ни ПротоБытия, ни протоИнобытия, и человек не может стать атомом или инфузорией и заново пережить весь путь эволюции.

Порывая с язычеством и принимая христианство, русский человек создал свой языческо-христианский мир, отличный от мира католической Европы; порывая с христианством и принимая марксизм, русский человек и ему придал разнообразные почти языческие формы, особенно сталинизму (посмертно), и поклоняется Сталину как Христу; порывая с марксизмом-ленинизмом и принимая заново христианство уже в новой оболочке, и русский человек соединил в этом христианстве почти всю историю: самодержавие, социализм, тиранию, ушкуйников и воров в форме чиновников и буржуа.

Именно потому, что мне противно продолжать русскую историю в такой извращенной форме, я подвергаю ревизии Миф. Я хочу отделить себя от его данных России форм, чтобы ... начать заново? Этого я не знаю. Не уверен, что мы это узнаем и по окончании книги. Но мне оставаться в доме, в котором так душно, уже невозможно.

Куда-нибудь я забреду... Хуже, чем есть, не будет.

4. История и Миф

25 апреля, 16-43. Открывая книгу Н. Н. Страхова «Мир как целое», я уже не читая был ее сторонником, хотя о Страхове достаточно много знал, в частности по его статье к "России и Европе" Данилевского. Так же подкупает нас "Аленький цветочек" – не только лучший, но и магический, и Философский камень, с помощью которого можно металл превратить в золото, познать истину и обрести молодость, и Петушиное слово, сулящее сверх-естественные возможности. Подкупают простые способы разбогатеть: получить наследство, найти клад или золотую россыпь; поэтому и рассказы о зологонскателях популярны в России не только у романтиков. Ну а приворожить девицу-красавицу с помощью колдуньи – мечта всех влюбленных. Последнее, что следует упомянуть в этом ряду: помощь целителей, знахарей и магов в излечении от болезней.

Вместо того чтобы пить проклятые горькие микстуры, садиться на диету и делать гимнастику, достаточно выпить глоток заговоренной воды; вместо того чтобы создавать свое "дело" и долго трудиться, иногда получая

значительный результат лишь через два-три поколения, достаточно выкопать яму в нужном месте или найти Карту Острова сокровищ, или, как случилось в современной России, достаточно вступить в банду преступников, поделивших между собою Россию. А последнее, кстати, доказывает, что упование на петушиное слово, Философский камень или на колдунов и магов не совсем беспочвенно. Мне не приходилось отыскивать кладов, и даже истину я ищу *в поте лица*, но вот моё избавление от серьезных болезней, которые словно и впрямь были результатами воздействия на меня темных магических сил, совершалось нередко волшебным же образом. Тетя моя излечила меня от "рожи" за две минуты, посыпав на нее пепел кудели, sprыснув водою и пошептав, а я сам излечился однажды от смертельной болезни каким-то сверхъестественным образом, примерно так, как рассказывается об этом в одном из мистических рассказов Грина.

Цельный мир, единая причина бытия, всеобщая истина, действие, приводящее к сверхпоследствиям (а это отражено в главнейшем Мифе европейских народов, мифе о грехопадении Евы, разрушившем гармонию мира) – все это характерно для мира и бытия, устроенных *просто*, являющихся такой целостностью, что надкушенное яблоко повергает эту целостность в смятение.

Найди кончик ниточки, дерни за него, и весь клубочек развяжется!

Такое сознание свойственно и мне, а всем прочим в еще большей степени.

Мир, устроенный так, что у него есть единственная первопричина, что он связан тотально во всех своих следствиях, то есть детерминирован (предопределен), что он и стремится к какой-то одной общей цели, и что он вообще объясняется с помощью *одной идеи*, одного принципа – этот мир можно символически объяснить с помощью математических представлений, в частности, понятия размерности. Мир прост, даже *всё гениальное просто*, пролетарский пророк *прост как правда*, а правда, следовательно, еще проще, "в начале было слово... и слово было Бог и Бог был слово" (это по крайней мере возвышенно, величественно и красиво), мир создан Богом или он произошел в результате Большого Взрыва (а значит он ВЕСЬ един, **один**, целен, взрывов ведь было не несколько... хотя, впрочем, могла бы родиться двойня, но теория эту возможность не рассматривает)...

Итак, **МИР ОДНОМЕРЕН**.

Вероятно, он представляет собою числовую ось.

Самое простое понятие числа, это представление его как **точки** на этой оси или расстояния до этой точки, то есть представление его в виде отношения отрезков к некоторому эталонному отрезку, обозначаемому как единица.

Правда, сложно представить переход от одной точки к другой, ибо у каждой такой точки нет *соседней*, в которую данная точка могла бы переместиться при изменении мира.

Но мир можно представить в виде натурального ряда. Если за начало такого ряда положить **НОЛЬ**, то мир создается из ничего, но то, что его создает, движущая причина мира, должна быть, и это **ЕДИНИЦА**.

Если за начало такого ряда положить ЕДИНИЦУ, то мир создается из своей Причины (*Бог создает мир сам из себя*).

Этот мир хотя и одномерен, но он разнообразен, в нем есть четные и нечетные числа, "простые" и составные, да и *простые* не так *просты*, в них еще большее разнообразие.

Мир, в соответствии с христианским мифом, создан сразу как гармония, но так как он отнюдь НЕ гармоничен, и это "даже ежу понятно", как говорят раздражительные люди, то ёсть простая причина порчи мира, во-первых, Змий-искуситель (Анатолий Курагин), возбуждаемый завистью или страстью, во-вторых, яблоко и Ева (простыня и Наташа Ростова). У позитивистского мифа мир НЕ портится, но он слишком медленно совершенствуется (хотя причину совершенствования позитивисты предложить не могут). И все же у эллинов их миф о преображении хаоса в космос (да и вообще языческие мифы европейских народов) гораздо возвышеннее, чем слепое и бесцельное блуждание атомов.

Является ли мир натуральным рядом или последовательностью разлетающихся атомов, в любом случае упрощенное сознание представляет его как одномерность или как совокупность таких одномерностей, тождественных по содержанию друг другу. Но такое сознание и такой мир, или, лучше сказать, такой мир и такой человек должны соответствовать друг другу. Если мир одномерен, то и человек в нем одномерен тоже, одномерно сознание. Но тогда естественным образом Миф, создающий образ этого мира, будет так же одномерен, как это и показал Герберт Маркузе в своей книге «**Одномерный человек**. Очерки идеологии ...»

5. Что есть Истина?

Конечно, мир не одномерен, особенно в наше время, когда экономически и политически властвует та банда "экспроприаторов", о которой писал еще Маркс, и, казалось бы, общественная жизнь определяется способом производства, принадлежностью большей части общественной собственности небольшой группе людей, олигархов, и поэтому над умами властвует Миф "либерального" (буржуазного) общества, но одновременно властвует и марксистский миф, который разделяет даже бо́льшая часть тех, кто хоть что-нибудь "разделяет", и одновременно властвует над умами миф христианский.

Но одномерный человек не в состоянии мир воспринимать и мыслить многомерно, и даже если он исповедует все три мифа сразу, его сознание движется не внутри некоторого синтеза идеологием, а строго по прямой линии. Даже если он не только исповедует три мифа, но и мыслит одновременно в соответствии с ними, то есть видит и мыслит и как *христианин*, и как *марксист*, и как *либерал*.

Если мир не одномерен, то и Истина не существует в том смысле, в котором она проповедовалась Христом и Марксом, то есть «Кто не со Мною, тот против Меня», «Шаг влево, шаг вправо, конвой стреляет без предупреждения». Истина двояка, в математике она доказывается, является

выводом из теоремы, там нет двух противоположных выводов. Но в истории, в философии, в литературе, в богословии единая истина способствует духовному подавлению, в культуре Истина многообразна, и даже может противоречить сама себе. *Едиственная* Истина исключает свободу, и существует только в детерминированном мире, то есть в мире, определенном следствиями неизбежных дифференциальных уравнений. Но даже в механике некоторые состояния и движения описываются вероятностными уравнениями.

Мир не одномерен. Но удивительное состоит в том, что он одновременно И одномерен. Истина, конечно, есть. Но удивительное состоит в том, что ее в то же время вот в этом тотальном смысле слова как полной и всеобъемлющей причины всего, и полного и объемлющего всё вывода – нет. Потому что или есть Абсолютная Истина и тогда есть Абсолютная несвобода, то есть рабство, или есть Свобода, и тогда ... да, тогда ни Маркс ни Христос НЕ правы в своей категоричности, в своем отождествлении своего учения с Истиной (правда, в некоторых случаях Христос молчал в ответ на вопрос об Истине).

Вот так же в сложном единстве и противопоставлении Любовь и Долг.

Некоторые злоумышленники спешат использовать свободу, данную в мир, во зло, и заявляют: Ну, тогда всё позволено, и *всё относительно*.

А иногда и просто заблуждающиеся, сочувствующие, якобы, свободе, говорят, что *никто никому ничего не должен*.

Сосуществование необходимости и свободы, любви и долга предполагает не одномерное сознание. Людям, способным мыслить только прямолинейно, по-видимому нельзя ничего доказать из того, что относится к действительно миру, но они очень легко усваивают тоталитарные нормы и легко подчиняются приказам. Правда, иногда и они оказываются в положении, когда кто-то должен подать им стакан воды. Хотелось бы мне тогда им напомнить, что «никто никому ничего не должен».

6. Способ производства как Причина Истории.

Вот теперь я и перечислю основные разделы книги. Во-первых, некоторое внимание уделю я теории Маркса о сущности и истории общества, некоторое лишь потому, что об этой теории я уже немало писал, к тому же несостоятельность марксизма показана достаточно и его критиками, и падением советской системы, пал и "одномерный человек" в его советской разновидности, "Homo soveticus" (о котором писал Александр Зиновьев), хотя "одномерный человек" как исторически наиболее устойчивая форма человека остался неизменным.

Во-вторых, попробую развенчать теорию Естественного отбора Дарвина.

В-третьих, быть может, скажу еще несколько слов о материализме... Но если почувствую, что я уже давно повторяю сам себя и ничего нового о материализме не говорю, то и ограничусь всего несколькими словами.

Несколько слов посвящу «вещи в себе» Канта.

И, наконец, напишу комментарий к Евангелиям и объясню, как так получилось, что я отошел от христианства.

*Итак, Маркс, Дарвин, Кант, Христос.
Немало еще напишу о себе, жалуясь на жизнь...
Может быть, что-то еще, но что именно, пока не знаю.
Вот и все.*

А теперь перехожу к Марксу, который "открыл" законы общественного развития, законы, по которым совершается История.

Так как экономика по отношению к Культуре и Религии то же самое, что тело человека по отношению к его душе, то это старый спор между двумя способами видения, притом, дополнительно к тому, что для материалиста из материи проистекает дух, она еще для него и *важнее* (ибо иначе было бы непоследовательно: материя является главной причиной всего бытия, но она менее важна, чем некоторые второстепенные причины).

Впрочем, меня интересуют причины, по которым умами владеет христианство, причины, по которым Российская империя потерпела поражение и теперь терпит поражение Россия – что мне может сообщить Маркс? Или он мне объяснит, почему германский народ захотел уничтожить одних своих соседей, а других обратить в рабов? Распределением прибыли это объясняется не лучше, чем кознями Дьявола, посему хватит с Маркса и того внимания, которое я ему уделил (тем более что, возможно, несколько слов позже я посвящу и его теории Прибавочной стоимости).

7. Литература и Миф

Однажды я вознамерился написать рассказ о любви, но повествование у меня буксовало, удалось написать только полстранички:

«Сережа был юноша восторгающийся, то есть загорающийся, хотя обычно он был довольно спокойный, уравновешенный, но вдруг вспыхивал, как бенгальский огонь, и горел с потребностью догореть до конца. Так, он мог остановиться перед картиной на выставке, перед зданием, облаком, человеком и стоять в восхищении, замерев, а в груди его звенели литавры или играла свирель.

Вот так однажды он столкнулся на платформе метро с девушкой, надо сказать, и вправду ослепительной красоты, и замер, схватив ее за руку, лицо его сияло, а по щекам катились слезы. Прошло два часа.

– Ну, что? – спросила девушка.

Сережа встрепенулся, сознание к нему вернулось, частично, но руку ее он не выпустил.

– Идем! – сказал он.

– Куда?

– В Загс!

– Но я уже замужем...

– Это неважно...

И это действительно оказалось неважно....

Прочитал я сей набросок подруге, надеясь на ее одобрение. «Ну что ты за глупости пишешь, – воскликнула моя подруга, – откуда ты взял таких девушек? Их не только в действительности нет, но даже в мечтах!

Благонамеренная постесняется с незнакомым стоять прищипленной к нему даже одну минуту, а порочной это и вовсе «нафиг», она пойдет в ресторан или на дискотеку! Жизнь в твоих сочинениях воображаемая, да и воображение какое-то искусственное!»

Я не спорил с ее возражениями, понимая ее правоту. Девушкам приходится себя ограничивать в снах и в фантазиях, действует вековой охранительный инстинкт, да и то Наташа Ростова полезла к соблазнителю на простыне из окна – вот ведь, не совсем права моя подруга! Но все же отношения наши, мужчин и девиц, напоминают идиллию июньского солнечного утра – носятся пчелки от цветка к цветку, собирают нектар, и горя им мало, что там будет с отставленными бутонами – вот, таковы мы, мужчины. Посему и бояться девицы уподобиться простодушным цветкам.

Хотя... Исследователи, собирающие ряды однородных фактов из каких-либо полунучных областей жизни, скажем, из социологии, психологии и т. п. в этом роде, постоянно сталкиваются с тем, что даже самые благонамеренные ряды не совсем однородны, и постоянно появляются среди них некие «из ряда вон выходящие» факты, их они называют «артефактами», и благонамеренные исследователи их отбрасывают, не изучают, но есть и такие исследователи, кои призывают и к этим, «из ряда вон выходящим», или, как говорят совсем злобные охранители, «жареным» фактам относиться с вниманием. Бывает, что и писатели о них пишут, из породы «очернителей», «искажителей» действительности, хотя большинство писателей ведут себя правильно, являясь правильными «сказителями».

Итак, по поводу «артефактов» я подумал следующее.

Камень падает вниз, и правильно ученые не исследуют те камни, которые сами собой летят вверх. И в повседневной жизни преобладают факты над «артефактами», и даже пьяные менты не каждый день убивают, и даже судьи обычно судят рутинно, не каждый день у них Ходорковский... Хотя... Вот ведь Троцкий с Лениным убили 12 миллионов за семь лет, и Сталин истребил 20 миллионов, и бездарно и преступно веденная война сожрала еще сорок миллионов лучших российских сынов и дочерей – а народу и горя мало, не хочет он знать эти факты, и нас, глядящих правде в глаза, называет злобными очернителями. Чья репутация дороже народу – писателей, ученых, философов – или правителей? Конечно, правителей! И даже если это оголтелые людоеды, народ их любит и защищает, это, говорит он, *наши* людоеды, а всякие Ходорковские и Колчаки – чужаки!

И все же, я почти не пишу рассказов, кажется, за последние десять лет написал только три. Дело в том, что выдумать мне хотя что-нибудь и удастся, но я боюсь, что читатель сразу заметит, что я это все выдумал и в жизни такого не бывает. А то, что в жизни встречается, мне совсем не интересно, и хотя я часто упоминаю пьяного Серегу, но любовного рассказа о нем я написать не смогу. Да если бы и смог, мне никто не поверит.

Итак, в следующих главах я буду читать Новый Завет, но теперь буду писать медленнее, много дел, плохо сплю, да иногда еще кажется, что мне так плохо, что это, наверное, я уже отмираю, как ветка на дереве, и вот-вот упаду...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ГРАНИЦА БЫТИЯ И ИНОБЫТИЯ

1. Инобытие как целое

26 апреля, середина дня. Каждое явление, состояние, идею, понятие можно объяснить не пространно, когда сам уясняешь себе их содержание. Вот, например, приходит (когда я был еще студентом) в нашу комнату в общежитии Сережа К. Волосы включены, глаза горят, воротник растегнут.

– Ребята, я встретил ЕЁ! Я влюбился!

И далее он нам описывает её, и на наши вопросы, не ошибается ли он, принимая влюбленность за любовь, объясняет, что такое ЛЮБОВЬ.

Ему ясно, и кто такая она, и что такое любовь.

Ему это ясно настолько, словно он держит и ее и любовь на своей ладони. Но ясно ли становится нам?

И если в коротком сообщении можно передать нечто великое, выдающееся, глубокое, необыкновенное, то – зачем же тогда литература? Для развлечения (как многие и думают)?

Все основные идеи человечества, укорененные в культуре, существуют только в ней, неотделимы от нее, питаются ею. Простой пересказ их невозможен, как невозможно в словах передать Лунную сонату Бетховена.

И поэтому хотя и неловко мне, что я так много пишу, и уже целую книгу напечатал, посвященную Инобытию и Действительности, но все еще принужден к ним возвращаться в дополнительных объяснениях. И сегодня утром продолжал приводить примеры.

Итак, напоминаю, что существует Культура как изменение, возделывание, преобразование исходно данного мира Реальности, то есть Почвы, результатом является сам мир культурных результатов: романов, философских сочинений, научных открытий и теорий, музыкальных произведений, живописи и зодчества. Взаимопроникновение, взаимодействие Культуры и Реальности порождает мир Действительности, в котором мы и живем, чувствуем и мыслим.

Кроме культуры, которая рождается через творчество и хозяйственную, интеллектуальную и духовную деятельность народа, существует МИФ. Что это такое, дополнительно к прежде сказанному говорить не буду, лучше понимать его содержание интуитивно. Миф и входит в культуру и НЕ входит в нее, он и ее часть и сам по себе. Он пользуется плодами Культуры, часто заставляет ее обслуживать свои интересы, как это делало христианство и марксизм, но и стремится ее уничтожить, как это и происходило то при владычестве христианства, то при владычестве марксизма (наверное, вы еще не забыли, сколько памятников русской истории уничтожила марксистская советская власть, сколько она уничтожила поэтов, ученых, писателей и философов). Но и христианству есть чем похвастаться.

Центрами иудейского, христианского и исламского мифов является мифологическая идея Бога как источника, причины и устроителя мира, но этим не ограничивается религиозный миф, его содержание, его богатство заключены во всем Священном Писании, аналогичном литературному Роману.

Обычный светский роман посвящен миру и взаимодействует с ним, изменяя его. Роман сакральный Священного Писания посвящен «не миру сему», а «миру иному», христианство призывает отряхнуть прах мира сего с обуви своей, и даже самому НЕ изменяться, а **веровать** в Бога и ждать Его пришествия. Правда, религия и церковь стремятся изменить сей мир, активно, если не сказать, безжалостно (как и марксисты) действуют в нем – но *вопреки собственной идее*, собственной устремленности ОТ сего мира. (Многое таково, что заявляется одно, а делается и стремится и достигается другое, как Мефистофель говорил о сем Маргарите. Да разве не клануся и обольстители легковерным девицам в вечной любви, лишь бы она им "дала"?)

Бога в нашем мире нет, ибо Он не является частью пространства или времени, он не предмет и не существо. Вот Он и находится в том, в другом мире, о котором повествует религиозный Миф, то есть в *сверхъестественном* мире. В том мире никто из нас не бывал, и даже апостол Павел говорит осторожно о своем опыте «восхищенности на седьмое небо».

Итак, мы знаем *действительность*, и ее мы и называем *бытием*.

Как я уже показал в предыдущей книге, существование не ограничивается действительностью, культура создает и некий другой мир, продолжающий действительность, то есть *Инобытие*; другой мир создает и религия., то есть *Сверхбытие*. Но оба эти мира мы знаем через Культуру и Религиозный миф, следовательно, знаем только как Образы. Не будет ошибки, если мы не будем разделять ТО *бытие* у Культуры и Религиозного мифа, а обнимем их в одно понятие *Инобытия*, при необходимости поясняя, что мы имеем в виду.

Следовательно, существует или нет иной мир (для атеиста его нет, для верующего есть), но в сфере Культуры и Религии он существует как ОБРАЗ. (Тем более, что и верующий не может о нем повествовать непосредственно, мистический опыт даже у мистиков довольно туманен, относится к сему миру, к проявлениям в этом мире мира иного, то есть к Чуду).

Вот почему, говоря о ТОМ мире, я теперь не буду разделять, навеваны ли представления о нем Священным Писанием или Культурой, и буду называть его термином *Инобытие*, понимая под этим названием не само подлинное *Инобытие*, которого мы не знаем, но ОБРАЗ его, который мы знаем, так как он содержится в Мифах и в Культуре. Если кто-то возразит мне, что в Мифе и в Культуре содержится множество *Инобытийных* миров, что и у верующих в головах каша, а уж у философов и поэтов, особенно у тех, которые даже и отрицают *Инобытие*, то есть даже не начинали варить кашу, в их чугунках вообще пустота, то я на это возражу еще убийственнее: мы же не разделяем наше привычное *бытие*, наш "сей мир" на множество миров, а разве в чугунках обывателя и ученого и философа один и тот же мир? Большинство, как ни удивительно, верят еще, что и наш мир на четырех китах и вокруг него летает солнце, и все же мы принимаем «Мир как целое».

(Но целое ли Мир или не целое, об этом мы еще тоже поговорим).

Так что принимаем за несомненное, что существует *Инобытие*, точнее говоря, образ *Инобытия* в культуре и мифе, но именно этот Образ, занимающий столь значительное место в Истории и в действительной жизни личности и народа, не меньший почти, чем Образ нашего мира (который ведь тоже только Образ, если верить Канту), мы и будем далее называть *Инобытием* – аналогично *Бытию*.

Они взаимодействуют и влияют друг на друга. Подлинное *Инобытие* (Вещь в себе, да еще и недоступная восприятию), если оно действительно существует, мы не знаем, мы знаем только образ *Инобытия*. Но ведь и *Бытие* мы знаем как образ, разве не спорят между собою представители философских направлений о том, что из себя представляет наш мир? Поэтому, чтобы не умалять ни тот мир, ни этот, договоримся о том, чтобы они были равноправны.

Если *Инобытие* существует как Миф, то в значительной степени таково и *Бытие*. Они, выражаясь языком Шпенглера, еще не стали до конца, но находятся в *становлении*, притом Образ *Бытия* даже более изменчив, если учесть стремительное развитие науки и техники. *Инобытие* консервативнее.

Если Бог существует, то Он существует в *Инобытии*. Но так как *Инобытие* пронизывает наш мир, то в наш мир истекает и дыхание Бога, существующего в мире ином. Принимая образ Павла Флоренского о границе между двумя мирами, об Окне в мир иной, которым является Иконостас, можно сказать, что Культура, источником которой является вдохновение, словно бы исходит из этой границы. Но так происходит со многим и в нашем мире, и муссонные дожди зарождаются где-то в Индийском океане, чтобы выпасть в Гималаях, и Гольфстрим пробегает от берегов Южной Америки миллионы километров, чтобы обогреть и растопить льды у берегов Архангельска, да и само Солнце посылает свой свет и тепло на Землю словно бы из *Инобытия*.

2. Сомнения и объяснения

Озаглавил я предыдущую главу «Инобытие как целое», а теперь уже не понимаю, что я этим хотел сказать. Если отчасти я начинаю понимать, что термином «Инобытие» я называю «тот» мир не сам по себе (или в себе) сущий, а только Образ его, данный в культуре и в Мифе, то что я хотел сказать, именуя его «целым» (или целостным?). По аналогии ли только со Страховым, озаглавившим свою основную философскую книгу «Мир как целое»? На этот свой вопрос я не знаю как ответить, посему ответ на него откладываю, может быть, еще и смогу что-то умное о сем сказать. Но по ассоциации с понятием целого и отношения целого к своим частям мне припомнились некоторые старые мысли – которые я хотя уже тысячу раз записывал, но они так важны, что можно еще и в тысячу первый раз их припомнить.

Я ругал неоднократно христиан и христианство, и за отношение к миру и

жизни, и за отношение к культуре, и за ту роль, которую христианство играло в истории Европы. Но мне справедливо иногда отвечают, что христианство очень разнится в своих особенных национальных проявлениях, а тем более в сектах, и есть православные, есть католики, лютеране, баптисты... но все они одинаково гнали свободу и свободную мысль, отвечаю я, и не все равно ли, жигают меня на костре православные, католики или кальвинисты?

Но мне справедливо иногда отвечают, что и *христиане* очень разнятся между собою, и в злоупотреблениях христианской церкви, папы, патриарха и инквизиции не должно обвинять верующих в воскресение Христа, среди которых было множество достойных людей, часто ни в чем не виноватых; как и в преступлениях сталинского режима неповинны крестьяне, поэты и ученые, многие из которых верили в коммунизм.

Вот точно так же, если народ, нация – это личность, то нельзя национальную личность объяснять, исходя из представления о множестве составляющих ее элементов. Нельзя думать, что эта личность – своего рода среднее арифметическое входящих в нее отдельных людей.

Как относиться к русским, к русскому народу, к немцам, к Германии, к евреям, – и в своих разнообразных проявлениях, и в их совокупности? Меня уже так допекли неумеренные и неумные нападки на евреев со стороны и просто тупых обывателей, и иногда серьезных историков и писателей; меня уже так допекло мое собственное неумеренное раздражение русскими, их невежеством, ленью, пьянством, часто тупостью, ограниченностью, раболепием, приверженностью общественным психозам, зависимостью от часто тупой пропаганды, что я уже почти ненавижу своих русских – ну так тем более надо определиться в том, что вызывает наше раздражение, злобу и ненависть, и можно ли переносить отношение к черни на отношение к народу. Если личность не среднее арифметическое между желудком и сердцем, то тем более народ не сумма черни и аристократии, и хотя в него входит И чернь, И аристократия, но и те и другие, составляя НАРОД, в нем не то же самое, что они сами по себе. (Как сие ни странно). Вот так же очевидно, что волки в волчьей стае ведут себя иначе, чем порознь.

Духовная нищета обывателей определяется именно тем, что сегодня они уже ничего значительного НЕ составляют, ни отдельных сословий, ни народа в целом, а каждый из них сам по себе почти ничтожен. Да ведь и я (при всей своей относительно большей образованности и уме, чем у обывателя) незначителен вне культуры и европейской и русской истории, отдельно от Пушкина, Толстого, Гете, Фихте и Гегеля. То, что я говорю, в какой степени принадлежит лично мне? Боюсь, что в ничтожной.

С прискорбием приходится признать, что и крестьянство и крестьянская культура были величественны и самобытны, пока существовали связи крестьян с землей, деревней, между собою, с сельским храмом, традициями, с общим государственным укладом жизни – все это определялось тем, что мы привыкли называть рабством, то есть крепостной зависимостью крестьянина от места жительства и от повинностей перед государством и помещиком.

Получив свободу, крестьянство не возвысилось, самобытная крестьянская культура стала только разрушаться. (Как и культура многих других сословий после освобождения их от сословных зависимостей, в результате ли буржуазных революций или по "Указу об освобождении крестьян".)

Народ как Личность – это не население, это не сумма своих составных частей, его характер, дух и судьба не складываются как мозаика из отдельных элементов. В социологии и биологии взгляд на целое исходит именно из такого представления, и его уже не нужно доказывать, как и вообще в философии многое не требует доказательства именно потому, что философ НАПОМИНАЕТ известные почти аксиоматические истины (но даже механизм – не сумма частей, а их взаимодействие).

Народ состоит из сословий, классов, иногда взгляд на сословия и классы определяется некой своего рода исторической злобной истерией, так что объявляется "крестовый" поход вдруг на помещиков, офицеров, священников, купцов и аристократов, и они избиваются "всеродне" (как если бы в человеческом теле его части вступили между собою в смертельную схватку, и не ограничился Гоген отрезанием уха).

Народ состоит тоже И из "колен", как евреи, и Мейринк говорит в романе "Голем", что всего среди них семь колен чистых и семь нечистых – так не то же ли самое и в русских и в немцах?

Евреи, говорят, стремятся к мировому господству... Будто немцы к нему совсем недавно не стремились, и большевики, среди которых русские, все же, составляли большинство...

Так хороши или плохи евреи?

Про русских мне это легче сказать, я их лучше знаю, и русский народ и русская власть вызывают во мне подчас желание или самому удавиться, или их всех удавить.

Евреи же меня иногда раздражают тоже (особенно отдельные еврейские публицисты, ведущие злобную пропаганду против народничества, против "любви к родному пепелищу", хотя собственным народникам-националистам, сионистам, они обязаны тем, что возродилось, наконец, еврейское национальное государство). Но – это раздражение не переносится у меня на ту часть еврейского народа, которая не меньше, чем я, укоренена в российской почве и культуре.

Я уже писал и повторю: раздражаясь тем, что ёсть, я мечтаю о "новой исторической общности", но не о советском народе, и не о христианском народе – их судьбы уже разрешились; я мечтаю о "новом русском народе", сплавляющем в себе на единой почве, которую составляет русский язык, русская культура, историческая память и традиции – всех тех, о которых писал Пушкин, и к которым принадлежат "и гордый сын славян, и ныне дикой тунгус, и друг степей калмык..." – (и, разумеется, всех, у кого к этому есть внутренняя потребность).

Но этот *новый русский народ* – не подобие мертворожденному советскому народу или химерическому российскому народу, или народу христианскому, который был возведен апостолом Павлом.

Ну а другие народы и племена в составе России или Российской империи продолжали бы существовать подобно тому, как это было и в исторической России. Всех "обращать в русскую веру" я не намереваюсь, пусть продолжают и чукчи и калмыки, пусть продолжают и евреи, но так как они не могут составлять территориальное единство, а только ... да, вот какое? Культурное? Религиозное? Племенное?

Вот эта особенность, что татары, например, могут существовать двояко, и как отдельный народ, и как диффузирующая в русское племя пограничная часть народа, то же и немцы, и поляки, но только евреи существуют и словно бы в растворении, в единстве с другими, и одновременно ОСОБО, – делает их непохожими на других.

Но почему я к ним так привязался? Да потому, что я уже понял и преодолел причину своего к ним недоверия и раздражения и хочу обрести в них наиболее действенных союзников в строительстве новой свободной России. Разве немцы не были такими важнейшими союзниками в протяжении прежде всего восемнадцатого столетия? Итак, русские евреи именно в силу роковой своей судьбы, занесшей их в эту дикую страну, обязаны стать более русскими, чем до сих пор, стать **СОВСЕМ** русскими (кроме тех, кои пожелают оставаться иудеями или космополитами или ненавистниками русских). Раскол с евреями пагубен, в них очень сильно начало свободы, а в русском низшем народе очень сильно начало рабства и подчинения, надо как-то умерить и то и другое (хотя, впрочем, начало свободы не меряется ничем, кроме любви. Или слова личности.)

Сегодня, правда, надо преодолевать недоверие, вражду и раскол не только между русскими и евреями, но и между русскими и другими ветвями некогда единого общерусского народа. Но для этого должна произойти *освободительная революция в духе* (не война всех против всех, а соединение в братской взаимопомощи).

И об этом тоже надеюсь я высказаться в своей нынешней книге.

3. Смогу ли я написать ту книгу, которую хочу написать?

13 мая, полночь. Я чувствую себя словно посреди бескрайнего моря. Бесчисленное количество точек зрения, теорий, учений, объяснений... объяснено, кажется, уже почти все, и как космос родился и когда, и что есть истина, и как обращаются электроны, но по-прежнему не ясно, куда плыть и есть ли твердь, до которой можно доплыть из безбрежного моря.

Я не самый образованный, не самый умный, да и к тому же, если пятьдесят лет назад мне противостояло только коммунистическое тотальное учение, и множество умных людей разделяло отчасти мое отношение к окружающему миру, то теперь истин стало почти столько же, сколько читающих людей, но никто никого не читает и не слушает.

А во вторых, напустились на меня хвори и немощи, и часто я впадаю в самое мрачное отчаяние, особенно по ночам. Надо ведь хотя бы жить для того, чтобы написать необходимую книгу, в которой я хотя бы для себя найду направление, в котором надо плыть к тверди. Да и достаточно ли просто

жить? Надо иметь еще силы, чтобы писать. Еще лучше иметь достаточно сил, чтобы противостоять дьявольскому государству, стремящемуся подавить свободную мысль. А немощи пригибают меня к земле. Доходит до того, что в метро я не успеваю выйти на нужной остановке, потому что если зазеваюсь, то не успеваю встать и разогнуться. Шнурки не могу завязать на ботинках. Не могу одеть носки. Одеть брюки. Повернуться с левого боку на правый в постели. Обернуться на улице на красивую девушку. Поднять с полу рубль (больше, правда, не попадается, может быть, и поднял бы). Не успеваю остроумно ответить на глупость. И уж тем более не удастся разбогатеть. А об этом мечтал больше, чем о славе и власти, но – тщетно.

Немощи пригибают меня к земле – так как же мне посмотреть на небо?

И сил нет, и времени нет. И денег нет. И девушки не смотрят (впрочем, на днях одна посмотрела. Я, правда, не успел разогнуться, чтобы понять, КАК она посмотрела, она уже впорхнула в трамвай. И уехала.)

Но не хватит ли уже мне про мои собственные немощи? Апостол Павел только раз обмолвился о том, что *дано ему жало в плоть, ангел сатаны, удручать его, чтобы он не превозносился чрезвычайностью откровений*, а я трезвоню об этом с утра до обедни...

Но и правда, что "надо и быть живым для того, чтобы написать необходимую книгу... и иметь еще силы, чтобы писать". Так что стенания мои, думаю, хотя отчасти оправданы.

Кроме того, Книга эта тоже в значительной степени посвящена раздробленности, не целости, не цельности Личности, во-первых, тому, что всякий Народ (и русский тем более) не представляет из себя только Личность, он еще и Семья, Род, совокупность не тождественных сил, словес, часто даже враждующих между собою, он, по крайней мере, ДВУЕДИНСТВО, он, в понятиях девятнадцатого века, во-первых, Образованное сословие, правящее, привилегированное (прежде всего дворянство), во-вторых, Народ необразованный, податный, тягловый (прежде всего крестьянство). Народники называли себя так не столько потому, что полагали основой истории и культуры Народ как Нацию-Личность, но сколько потому, что стремились к освобождению зависимой части народа от слишком большой, по их мнению, экономической зависимости, стремились упразднить привилегии дворянства и аристократии.

Народ как целостная личность возникает только в представлениях национализма о Народе-Нации, порождающей и государство и культуру, и судьбу и историю.

Но хотя я и националист, но одновременно я противник тотальных истин, христианской ли, коммунистической ли, националистической ли, поэтому одновременно с утверждением приоритета Народа-Личности в общественной жизни стремлюсь к освобождению Личности отдельного человека.

Отдельный в такой же степени растворен в народе, как Народ в Отдельном, они равноценны. Отдельный человек проявляется через Народ, к которому он принадлежит, и через культуру этого народа.

4. Русофобия

"Дружба народов", к которой принуждал марксистский коммунистический интернационал и всемирное христианство апостола Павла, не состоялась. Несмотря на Священную Римскую империю (да была ли она *священной?*), несмотря на "пролетарии всех стран, объединяйтесь", несмотря на коммунистическую проповедь ненависти к русскому народу и любви к чужим, все таки и свой народ русские не до конца возненавидели, и чужие народы не до конца полюбили.

Иногда удается услышать в разговоре: «Я к евреям хорошо отношусь, у меня и в собутыльниках вон двое евреев, и сосед по лестничной площадке, и даже в классе я сидел с одной девочкой...» – нет, ничего не значат эти заявления. Они бессознательно лживы.

Правдив только я. Дело в том, что я и к русским плохо отношусь, и к немцам, и к цыганам, и к евреям. *Я отношусь хорошо только к людям, но не к народам.* Народам я до конца не доверяю. Вот ведь немцы, несмотря на двухтысячелетнее заклинание, что "огнь несть ни эллина, ни иудея", начали вдруг уничтожать и иудеев и эллинов, и вознамерились уничтожить и русский народ, а славян обратить в рабов! Могу ли я их за это простить? Нет, ибо вечно «Плачет Рахиль о детях своих, и не может утешиться!» И могу ли я забыть и простить еврейских комиссаров и латышских стрелков? Но зато в психиатрической тюрьме на Арсенальной именно я утешал и поддерживал попавшего туда латышского националиста, хотя он всё мне пенял, сколь виноваты русские перед латышами. И я поддерживал бабу Лександру, цыганку, и она нам с женой говорила, что мы ей как родные. И я дружу и с цыганами, и с евреями, и с немцами, и с финнами, но не из-за лживой "дружбы народов", а из-за человеческого СОЧУВСТВИЯ, которое ЕСТЬ ГЛАВНОЕ ЧУВСТВО В ЧЕЛОВЕКЕ.

Если привлечь понятие «теплоты», то именно я чувствую тепло, расположенность, симпатию к человеку, с которым дружен. Других я уважаю или им сочувствую в зависимости от обстоятельств и их личных качеств. *Дружить* с евреем или цыганом и не испытывать вот этого уродняющего тепла я не могу, так что только я, верно, мог бы последовать призыву апостола, если бы не испытывал привязанности к собственному народу как к той почве, на которой только и возможно произрасти. Мой народ – почва. Я – растение. (Но не только это. Я еще и весь космос! Этот дуализм никогда не поймет тотальное сознание, индивидуалистическое или коммунистическое).

Отдельных евреев я люблю. Отдельных не люблю до раздражения. Не люблю я тех публицистов, которые больны особенной болезнью русофобии, и такие, увы, как раз и «делают погоду», они в наибольшей степени влияют на общественное сознание. Русофобия и антисемитизм – близнецы-братья.

И что самое удивительное, это то, что еврейские русофобы в значительной степени сами антисемиты, они брезгливо относятся ко многим и в своем народе, они не любят и собственный народ, они не любят *народность* как чувство привязанности к своему народу, к почве. Им чужд и сионизм, и иудаизм, и христианство, чаще всего они атеисты.

Впрочем, русофобия распространена не меньше, чем антисемитизм, и тоже имеет довольно давние корни (хотя, конечно, с антисемитизмом ей не тягаться). Русофобы находятся во всех слоях общества, и во всех племенах, часто она проистекает из ощущения собственной неполноценности. Так как я был всегда деликатен, то еще со школьных лет мои приятели (которые бывали кем угодно, даже и эскимосами) мне изливали свои чувства к русским, которые, якобы, вообще ничего хорошего в истории и культуре не сделали, и сколь русские тупы, злобны, трусливы и раболепны и ничтожны! При этом недостатков у собственного народа они не хотели замечать ни одного.

Я иногда почти соглашаюсь с оценкой русских как ничтожного племени, но одну все же положительную черту в них я вижу, и ее нет ни у одного народа, сколь бы ни был он кичлив и высокомерен и заносчив, и сколь бы не претендовал на верховенство в культуре или науке или философии. А это – критический взгляд на самих себя. Только русский способен в пылу негодования на свойственные своему народу недостатки и подлости вскричать в отчаянии: Да, мы и рабы, и грязнули, и невежды, и дураки, и ничтожества!

Другие же не замечают и бревна в собственном глазу, а уж как оскорбляются на выпады в собственный адрес (что, по моему разумению, достойнее лживого сюсюканья).

И как уместно и сегодня, через сто семьдесят лет после прошлых событий, вспомнить Пушкинскую отповедь **КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ!**

О чем шумите вы, народные витии?
 Зачем анафемой грозите вы России?
 Что возмутило вас? волнения Литвы?
 Оставьте: это спор славян между собою,
 Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
 Вопрос, которого не разрешите вы.
 Уже давно между собою
 Враждуют эти племена;
 Не раз клонилась под грозою
 То их, то наша сторона.
 Кто устоит в неравном споре:
 Кичливый лях, иль верный росс?
 Славянские ль ручьи сольются в русском море?
 Оно ль иссякнет? вот вопрос.
 Оставьте нас: вы не читали
 Сии кровавые скрижали;
 Вам непонятна, вам чужда
 Сия семейная вражда;
 Для вас безмолвны Кремль и Прага;
 Бессмысленно прельщает вас
 Борьбы отчаянной отвага –
 И ненавидите вы нас...
 За что ж? ответствуйте: за то ли,
 Что на развалинах пылающей Москвы

Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..
Вы грозны на словах – попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайльский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

5. О чем и как писать?

14 мая, до полуночи. Но отзываясь на протекающее, сиюминутное, невозможно изложить связную мировоззренческую систему, невозможно противопоставить убеждениям и заблуждениям убедительный и разумный образ мыслей. Так, сколько бы мы ни решали геометрических задач, в которых сумма квадратов двух чисел оказывается равна квадрату третьего числа, они не построят здание ума; ибо мыслестроительно только формулирование теоремы о равенстве суммы квадратов катетов всякого прямоугольного треугольника квадрату его гипотенузы, и только формулирование и других подобных теорем.

Частные случаи и частные примеры проходят бесследно словно сны, они забываются. Остаются и становятся почвой для урожая лишь *обобщения*.

Художественный образ апеллирует к единичному, индивидуальному, он живой и личностный, хотя и не имеет силы доказательства. Но утверждение математической теоремы, подкрепленное соответствующим рассуждением о всеобщем, хотя и имеет силу доказательства, но не лично, и потому почти не живо. Наташу Ростову и князя Мышкина мы видим и слышим их голоса, они даже более душевны и телесны, чем мы сами, – а где мы видим и слышим прямоугольные треугольники? Быть может, мы бы и сегодня думали, что земля плоская и солнце вокруг нее движется, если бы не живые судьбы Коперника и Галилея. Поэтому я в затруднении: продолжать ли мне свои «Записки редактора» как "рассуждения об общем", или поставить в их центре самого себя, со всеми моими частностями и индивидуальными необидитель-

ностями? Или даже махнуть рукою на все мои "затруднения", не заботиться даже ни убедительностью ни неубедительностью, а писать так, как при не предумышленном разговоре с понравившейся девицей, когда чем не-предумышленное, тем успешнее?

Писать ли о том, что меня гнетет, что меня заботит? Возможно, если я буду писать именно об этом, то оно и окажется интересно читателю; а буду я думать только о том, что именно ему может быть интересно, то оно не пригодится ни ему ни мне. Меня гнетут мои немощи, мое *тело*, которое отказывается мне служить, моя *душа*, которая не находит утешения в общественной правде (ибо правды в обществе нет), мой ум, который не находит света в наступающей тьме. Так разве не это же гнетет всякого подлинного человека? А для неподлинного надо ль писать?

Моя собственная нецельность, *мое раздвоение на душу и тело, болезнь тела и падение души* – разве это не самое основное и в судьбе страны и народа? Тело моей родины – ее природа, которая уже умирает. Душа – культура, которая вырождается. И так же и народ представляется то в виде народа телесного, невежественного и покорного большинства, то народа духовного, аристократии и интеллигенции. Печальна, впрочем, судьба и тех и других.

Поэтому буду писать о себе. Буду писать для себя. Возможно, именно поэтому мои Записки окажутся интересны и полезны другим.

6. Еще несколько оправданий

Во-первых, я собираюсь "разводиться" – с христианством, коммунизмом, либерализмом (буржуазной демократией). Так что мой Развод – это основная тема Записок, об этом я преимущественно и буду писать.

Но, все же, вместо философского исследования христианства, коммунизма и либерализма я буду писать Роман о себе и о моих отношениях с литературой, философией и жизнью. Проще было бы сказать, что это роман о моих отношениях со всем окружающим, но нет, это не так. В центре романа будет "герой", а не только я сам в своей полноте, то есть в повседневности. Даже в "Жизни на краю" я писал не о повседневном человеке, хотя о чем только я там не писал! – и о бане, и о выпивке, и о моих приставаниях к девицам, и о моих горестях и болезнях... Нет, здесь будет более "философский герой", философ или редактор, или философ-редактор, хотя мое собственное *раздвоение на душу и тело, болезнь тела и падение души* будут представлены достаточно полно, так как и в судьбе России прежде всего меня волнует то же самое, *болезнь и падение России*.

Во-вторых, помещая в центр повествования "героя", я и в действительности пытаюсь его сделать более возвышенным, не только от повседневности освободить, но и от многого из того, что моего "героя" принижает, поэтому, сколько бы ни был он придавлен жизнью, бесславию, безвестностью, немощью, бедностью, временем и ускользанием жизненных сил, даже на операционном столе он пытается противостоять "погружению во тьму" и обращению в прах, поэтому не только "познание и заблуждение", "воля к смерти", "восстание масс" и "одномерный человек", не только "что делать" и "кто виноват", но и "пол и характер", "похоть очей и плоти" и кипение страстей!

7. Еще несколько оправданий

В начале двадцатого столетия балетмейстер Михаил Фокин написал книгу «Против течения»; и этой книгой и своей театральной деятельностью он изменил лицо балета. Я тоже надеялся изменить лицо русской действительности: хотя в общественной жизни мне участвовать почти не пришлось, но я писал книги, а на эту, которую теперь пишу (боюсь ее назвать *последней*), возлагаю особенные надежды. Окружающую русскую действительность я НЕ изменяю, но хотя бы изменю ту, что рядом со мною...

Я словно собираюсь уйти из Ясной Поляны, из привычного уютного мира с родными и друзьями, избалованный похвалами, имеющий хотя бы трех-четырёх читателей, хотя бы двух-трех поклонников, из мира согревающих иллюзий в мир холодной пустоты.

И с чем же ты останешься, спрашивают меня, когда расстанешься с надеждами на Свет и Справедливость в Том мире, с надеждами на Справедливость в предполагаемом будущем этого мира, с надеждами на пусть и скромный успех в мире настоящего, хотя и не справедливого?

Но я устал от притворства, от лжи, от потакания притворству и лжи, от обеления (пусть и невольного) того, что я считал темным, от оправдания того, что я считал злым и жестоким.

Я расскажу о том, что я вижу, какими предстают мне Действительность, История и Миф – мне, одному из немногих, достигавших границы Бытия и Инобытия. А действительно ли я достигал до этой границы, верить придется мне на слово, этого доказать нельзя, хотя можно опровергнуть: либо свидетельствами других, более авторитетных, либо несовершенством Книги, которую я пишу.

Немногие поклонники сегодня у меня есть. Боюсь, что потом не будет и этих немногих – но не это меня смущает. Люди, с которыми меня сблизила судьба, вызывают у меня симпатию и даже иногда восхищение, во многом благодаря тому, что у них есть идеалы, достойный образ Мира, в котором они живут, вера в будущее. У меня почти ничего нет. Я отчетливо вижу пустыню или свалку в душах. Свалки вокруг городов и деревень. Обезображенную природу, даже в Сибири. Уничтожение старых домов в городах. Не то же ли и с культурой? Не в том дело, что люди перестают читать, но все меньше таких людей, которым интересно читать. Падение культуры обесценивает меня самого, обесценивает и Пушкина и Толстого, нет уже того народа, которому нужны мы. Но вот этот новый народ, которому неинтересна культура, это уже не тот народ, ради которого жили мои любимые, ради которого жил я.

Помогут ли мне преодолеть падение России церковь, государство, партии, новые и старые, даже интеллигенция? Новые и старые русские, озабоченные выживанием или богатством? Молодежь, озабоченная успехом?

Даже литература, даже те лучшие люди, которые пишут книги. Писатель обеспокоен тем, что его не печатают и не читают, а надо беспокоиться только уровнем написанного. Не стремление к успеху должно нами двигать, а стремление к совершенству! Поэтому я расстанусь с иллюзиями, своими и вашими, я вас огорчаю – простите меня за это! Но я больше не могу...

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЛЮБОВЬ

«Вы самый лучший человек в России
и самый лучший писатель.»

Из письма читательницы

1. Слово как имя и понятие

1 мая 2014. Неделю назад с Н. Тр--м зашел у меня разговор о любви, Н. Т., вспомнив апостола Павла, писавшего о любви, риторически спросил, возможно ли найти для нее лучшую формулу. Вот теперь я думаю, не написать ли мне некоторое эссе о любви, так чтобы в результате если и не найти лучшей формулы, то хотя бы прояснить и для себя и для читателя понятия, до нее относящиеся, и самое существо этого явления, чувства, состояния, лежащего в основании и в центре современной художественной литературы.

Но начать придется издалека. Сначала рассмотрим отношение между каким либо явлением и понятием, его обозначающим.

Возьмем, к примеру, *человека*. Произнося это слово, мы понимаем, что речь не идет о дереве или хижине или, скажем, чернильнице. Но человек бывает добрым или злым, умным или глупым, молодым или старым, он бывает еще мужчиной или женщиной, а если он женщина, то еще она может быть привлекательной или не очень... и так далее... В слове же человек, а значит и в понятии человека ничего этого не содержится, или, напротив, содержится почти все это и многое другое... хотя, впрочем, я думаю, что термин лишь ОТГРАНИЧИВАЕТ, отделяет один предмет или явление от других, но ничего почти конкретного, определенного о называемом предмете не сообщает. Итак, говоря: "на горé стоит человек", мы лишь утверждаем, что там стоит НЕ дерево и тому подобное...

А если мы добавим к "имени", то есть, например, к слову "человек" еще и "формулу человека" – узнаем ли мы что-то новое? Вряд ли. Определение слова (т. е. его "формула") призвано лишь пояснить его, указать на тот предмет или образ, именем которого это слово является).

Так же обстоит дело с понятием свободы... любви... долга... (хотя, впрочем, не до конца и не всегда именно так).

Итак, человек может быть злым или добрым, он может быть лжецом и лицемером. Понятие "человек" более общее, нежели лицемер, следовательно, оно вмещает в себя и лицемера, и даже лжеца. Значит ли это, что содержание более общего понятия шире, нежели более узкого, то есть более общее понятие *содержательнее* узкого, ибо в нем содержатся и то и другое, и третье, как в человеке и лжец и лицемер и многое еще?

Если вспомнить математические (общие) понятия, то кажется, что они так же точны и огрeделенны, как и образы конкретных предметов и явлений, например, говоря о "треугольнике", разве мы не имеем в виду все и всякие треугольники, то есть и прямоугольные и равнобедренные, то есть разве

понятие "треугольника" менее содержательно, чем понятие "прямоугольного треугольника"?

И все же оно постепенно обогащалось за счет своих частей, первоначально их не подразумевая. Исследуя "треугольники", мы кое что узнаём о них новое и затем дополняем понятие их прямоугольными треугольниками и всякими другими, и далее уже употребляем понятие "треугольника" двояко: и как более бедное, без тех его обитателей, которые потом в нем поселяются, и как более богатое, хотя, впрочем, в математическом рассуждении, пожалуй, "треугольник" присутствует без своих особенностей, и только в случае необходимости мы говорим о тех конкретных треугольниках, которые нам нужны. Так же и с числом. Понятие ЧИСЛА богаче или беднее понятия натурального числа, входит ли в ЧИСЛО четность и нечетность, "простота и сложность"?

Положим, *начали* входить, когда мы их осознали, как и египетский треугольник вошел в множество прямоугольных треугольников после Пифагора; но тогда и понятие человека расширяется в связи с тем, что мы узнаём о человеке как частном и отдельном, узнаём о нем как о русском, о немце, чекисте и дворянине, и в соответствии с этими новыми знаниями расширяется содержание понятия... Или это не так? Да, вот именно! Понятие того или иного общего предмета – это ИМЯ, данное множеству, в которое они входят. Сколько бы мы об этом множестве ни узнавали нового, мы пользуемся понятием как словом, как именем, как ярлыком, наклеенным на общий ряд предметов, притом ярлыком неизменным, смысл которого не меняется. Следовательно, **содержание** связано только с конкретным, частным, особенным, то есть с узким, а не широким. Общее не содержит ничего сверх того, что содержало при крестинах, при именовании, назывании (или, по крайней мере, изменения эти не того же рода, что изменение наших знаний о тех частных предметах, которые входят в общий ряд).

Иначе был бы невозможен язык, слова были бы слишком тягучи, изменчивы, у двух собеседников они различались бы существенно, а уж разговор «философа» с десятилетней девочкой был бы бессодержателен – но это не так! Я разговаривал с детьми о чем угодно, и мы вполне понимали друг друга, во всяком случае, не менее, чем при разговоре со взрослыми... а то со взрослыми взаимопонимание было и хуже.

Понятие «прямоугольного треугольника» одинаково для всех, и для тех, кто даже не подозревает о существовании пифагорейских и египетских треугольников, следовательно, это понятие неизменно, следовательно, оно не включает в себя частное, отдельное и особенное.

Значит, исследуем и познаём мы не понятия. Узнавая много нового о человеке и народе, словами «человек и народ» мы пользуемся так же, как и всегда.

Хотя, впрочем, известная изменчивость присуща всему, в том числе и языку, хотя он преимущественно консервативен. Возможно, со временем меняется и содержание слов. И все же, к счастью, эти изменения в протяжении последних двухсот лет не разлучили нас с Пушкиным и Лермонтовым, и слава Богу!

2. *Самомнение и сомнение*

25 мая, 21-00. Возвращаюсь из деревни в электричке, проехали уже Тосно, но я так устал, что не чувствую радости... И как это я исписывал блокноты и страницы и клочки бумаг в трамваях и троллейбусах, в поездах и электричках, так что в итоге написал, неведомо для себя, уже ДЕВЯТЬ книг?! А теперь и страницу дописать еле сумел за два дня...

Но все же, как-то продолжать начатое необходимо: предыдущие книги не вызвали широкого внимания, не сделали меня ни знаменитым, ни известным, даже не привели к тому, чтобы мои книги были интересны хотя бы небольшому кругу читателей и они захотели бы их купить. Несколько книг, которые я напечатал (то тиражом в четыре, то в восемь экземпляров), я подарил своим знакомым, иные их прочитали, иные из этих иных меня хвалят.

Но разве этого достаточно, чтобы в себя поверить? Да, иногда мне кажется, что я пишу глубоко и хорошо стилистически, но потом думаю, что все же в этой глубине и стилистическом совершенстве взращиваемый плод не насыщает. Кто-то сказал, что мои рассуждения – это поток сознания, почти то же, что песнь кочевника, который едет по степи на лошади и поет обо всем, что видит... Кто-то сказал, что мои писания – калейдоскоп мыслей и образов. Ужасно, если это только так...

Но все же возвращаюсь к своей «заунывной песне кочевника»...

Зачем я рассматривал перед тем отношения между словом и содержанием понятия?

Затем, что сколько бы глубоко и остроумно я не мыслил и не писал, если читатель будет ждать от меня совсем другого, чем я ему объясняю, то объяснения мои будут бесполезны. Он, возможно, ждет, что я объясню ему, что такое любовь, свобода, долг... А я скажу ему, что это он знает и без меня, еще лет с пяти, научившись говорить.

Ибо я не о понятии любви ему буду разглагольствовать, а, как и в ряду натуральных чисел, начну доискиваться, какие числа бывают, и что бывают они и простые и сложные, и что простые сложнее сложных. И тогда мы увидим, что, возможно, нет формулы и определения любви как некого единого цельного нечего, а что представляет она из себя множество чувств и состояний, и для одних пригодны поэтические слова Павла, для других – нет, и что это не значит, что только такая любовь, о которой говорит Павел, это любовь, а другая – нет...

То же верно и для свободы, и после любви я скажу несколько слов о ней, чтобы объяснить, почему мы спорим о ней как о Боге, есть она или ее нет. Впрочем, иногда и о любви говорят, что ее нет, вот, например, Анна Ахматова написала об этом прекрасное стихотворение (хотя и печальное):

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле.
Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на земле.

И от лени или со скуки
Все поверили, так и живут:
Ждут свиданий, боятся разлуки
И любовные песни поют.

Но иным открывается тайна,
И почиет на них тишина...
Я на это наткнулась случайно
И с тех пор все как будто больна.

Вот и моя тетушка когда-то, еще даже когда была молода, говорила с грустью, что любви нет (а мне было лет пятнадцать, и я пребывал в этом восторженном состоянии влюбленности то в одну, то в другую), но что есть страсть (то есть "похоть", по Павлу или Льву Толстому и по всем остальным христианам вместе взятым), есть привычка или есть еще жалость. Кажется, только потом, когда и она и ее муж "перебесились" с "нелюбовью", и она уже родила ему и себе пять дочек, они все же согласились, что есть какая-то неведомая любовь. Так есть ли понятие любви, если даже неизвестно, есть ли сама эта любовь?

Я теперь, размышляя о взаимопроникновении матерьяльного и идеального, "объективной реальности" и преимущественно "субъективной культуры", о самой жизни как непреодолимой эклектической смеси того и другого, как о ее нецельности, неединстве, *неопределенности*, начинаю подвергать сомнению цельность и единство и всего остального. Это, конечно, не значит, что ВСЁ зыбко и неопределенно настолько, что условны все правила и критерии, что НЕТ МЕРЫ – нет, МЕРА ЕСТЬ, но о многом нельзя судить наобум. Нельзя в подворотнях и каморках трахать безменом старушек и девиц, хотя не так и легко доказать неотносительность, абсолютность этого "нельзя", Достоевскому понадобилось для того написать целый роман. Но "нельзя" вовсе не в силу того, что "надо" возлюблять ближних как себя самого (а еще неизвестно, надо ли и себя-то возлюблять), а по совокупности, вероятно, нецельных причин. А, может быть, вовсе даже не в силу причин, а в силу СЛЕДСТВИЙ. Иные попадают на каторгу и там томятся, и тогда понимают, что "нельзя", ибо становится плохо. Другие попадают на каторгу душевных мук, как Раскольников, и там томятся еще пуще, и тогда понимают, что "нельзя", ибо становится невыносимо плохо, и *вот это-то следствие: стыд, раскаянье, мука, потеря связи с миром, потеря душевного благоденствия – и является метафизической причиной "нельзя"*.

Существуют ли **понятия**?

Кажется, да.

Но одни из них смутны, неопределенны, эклектичны, другие ясны и определены – но, возможно, есть и те и другие. И тут нам на помощь приходит математика.

Отношение двух бесконечно-малых не то стремится, не то не стремится, а если и стремится, так не то к одному, не то к другому... Но после хитроумных исследований, после сокращения, например, на общий бесконечно-малый множитель, после применения, например, "правила Лопиталья" или

чего-то еще более хитроумного, удастся выяснить, что это отношение имеет ПРЕДЕЛ.

Так, возможно, удастся и с любовью. Она представляет собою соединение различных видов ее и родов, как и натуральный ряд в отношении, например, к числам Фибоначчи. Что натуральный ряд существует, не сомневался ни один грек целых две тысячи лет, но даже римляне и итальянцы не знали, что в нем затаились числа Фибоначчи, пока этот Фибоначчи их не открыл. Но при этом разве представление о натуральном ряде у школьников и обывателей, у философов и филологов, плохо знающих математику (да я и сам уже начинаю ее забывать), неправильно? Недостаточно? Нет, и правильно, и достаточно. Натуральное число, это число, полученное в результате счета, а натуральный ряд из них и состоит, то есть это числа 1, 2, 3, 4...

И именно это правильно, достаточно, а что есть еще простые числа, и числа Фибоначчи, не меняя смысл понятия натурального ряда. Значит, "натуральный ряд" – это ИМЯ, и пусть проходит время, и поименованное изменяется, развивается и стареет, но имя остается все тем же.

Правда, это не всегда только так.

Слово – это и понятие, и имя, и знак, и символ, и ярлык, и метафора, и эвфемизм и образ. И категория, и Идея.

Разве Миф – это то же самое, что было до Лосева? Мы употребляли это слово в значении придуманного, воображаемого, легенды и сказки, а вот теперь я пишу и о Религии как о мифе, и о Инобытии как о мифе. Но только ли они воображаемы? Разве не действительны (хотя бы отчасти)?

Привычно было, что миф – это то, что придумано, воображаемо, сказочно и легендарно, но чего в действительности не было. Или что если и было, то, возможно, совсем иначе, и в мифе отразилось какими-то черточками, крапинками, отблесками, то есть, что миф – это в лучшем случае воспоминание о том, что помнится совсем смутно, и что дорисовывается воображением. Значит, в мифе существует то, что как-то все же существовало, но осталось для нас в виде смутного образа, как ускользающий сон. И разве сегодня мы не создаем мифы, изменяя бывшее в соответствии с какими-то странными пожеланиями и потребностями души, и в Мифе обнаруживается полностью преображенная действительность, даже подмененная своим антиподом, ложная, антидействительность (и все же НЕ выдумка, а ОБРАЗ, имеющий основание). Таков миф о Сталине как победителе Германии (хотя кроме русского народа и его духовного слоя тиран больше ничего не победил).

Привычно думать, что всё **есть как есть**. Но это не так. Всматриваемся в далекий предмет, видим словно бы куст, напрягаем зрение – нет, это человек! Так и во многом. А история в особенности ОТКРЫВАЕТСЯ нам при непрестанном усилии ума и души, при насыщении духа образами и знаниями не только прошлого, но и настоящего. Так и содержание древнего мифа (скажем христианского) открывается глубже и полнее, когда мы узнаём и Аристотеля, и Платона, и Павла Флоренского, романы Толстого и Достоевского и фантазмагории Даниила Андреева, музыку Бетховена, но и Прокофьева и Шостаковича.

Миф о Сталине мне глубоко враждебен, и сколько бы ни задевал я христианство и социализм, но они неоднородны, и в них есть свои Торквемады и Сталины, подвижники и юридивые, Джордано Бруно и Плеханов, Ян Гус и Махно. И поэтому поклонение нечистой силе и поклонение хотя бы и ложным кумирам – это разные типы поклонений, как и ложная мечта русского народа о «светлом будущем» для будущих поколений на основании научного знания (которая, в сущности, ничем не отличалась от самых диких шаманских представлений дикарей и научности не содержала ни на грош – но об этом говорил только я один среди всех образованных и умных, а теперь они прозрели и строят светлое настоящее на твердом фундаменте узаконенного воровства) – и мечта немецкого народа об обращении в рабство других народов и сытой жизни рабовладельцев – все же не сравнимы. Оба народа совершили множество преступлений, но иные из наших преступников были романтиками, их преступники – только алчны, жестоки и высокомерны.

Но жизнь вне мифа невозможна, это мы еще увидим. Как невозможна без мифа и культура и литература, «в начале было слово», и слово было у Гомера, и Гомер был слово.

И вот почему в центре своего странного романа с бытием и инобытием, романа с литературой и философией, романа с вертихвостками (а этот роман проходит радужной нитью через всю мою жизнь) – миф обо мне самом как о противостоящем неправде, заблуждению, несвободе, несправедливости. Но противостоящий столь многому темному должен быть Героем в романтическом смысле этого слова, и поэтому я создавал миф о себе как герое.

Но... но жизнь постоянно меня унижает, немощи одолевают, страх смерти пригибает к земле, неудачи ввергают в отчаянье, собственное невежество одолевает сомнениями, невежество других подвергает коррозии слова и мысли...

Герой ли я? Или «прав не имею»?

3. О понимании

Так как я преподавал математику, а иные ее положения, например, понятие "равномерной непрерывности", довольно сложны для восприятия, то мне приходилось искать наиболее ясный и доступный способ изложения, чтобы понял меня и студент со средними математическими способностями.

При этом при чтении чужих учебников математики я и сам страдаю, мне почти ничего не понятно (откуда я сделал вывод, что математические способности у меня даже ниже средних, поэтому мне два математических курса даже пришлось переписывать, чтобы их понять: аналитическую теорию дифференциальных уравнений и качественную теорию этих же уравнений); многое непонятно мне и при чтении книг философского и подобного философскому характера, например, о языке, искусстве, культуре, истории. Читая, например, замечательную книгу А. М--ва, ряд статей в которой посвящен модерну и авангарду, я тоже с трудом ее понимал и не всё в конце концов понял.

Именно поэтому я стараюсь исправлять форму изложения своих идей, *редактирую* текст, чтобы он стал понятен читателю и его не отпугивал: и так-то меня почти никто не читает, а если еще придется продираться сквозь меня как сквозь "**терния и волчцы**", то и друзья и подруги отбросят мои книги в сторону. (

[Вот, как видите, я совсем не большевик, ибо теми движут противоположные устремления: "через терния к звездам!", причем не столько манят звезды, сколько возможность продираться к ним "через терния", хотя бы и бесконечно. А, кстати, не то же ли и христиане? В достижении ли рая смысл их учения? Нет, в том, чтобы к раю продвигаться тоже только "через терния", "жить аки умереть", спать во гробе, изъязвить плоть струпами, а то лучше и вовсе содрать шкуру, свою или чужую.

Ибо «...за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; **терния и волчцы** произрастят она тебе; и будешь питаться полевой травою; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт. 3:17-19).]

Правда, А. М---в пишет, что бедствия творческому человеку необходимы ДЛЯ... и для того, чтобы что-то начать понимать, и чтобы измениться к лучшему, и чтобы духовно подняться, и чтобы достигать высот в творческих усилиях. Возможно, многое оправдывается именно этим, но все же одно дело, когда я сам влачусь в пустыню, другое, когда в пустыню влачу других, да еще и сдирая при этом с них шкуру.)

Так вот, я стремлюсь излагать свои идеи так, чтобы они стали понятны читателю, и часто бывает, что проверяю их на близких, а иногда на случайных попутчиках, мне все яростно возражают, понимая меня вкривь и вкось, я злюсь, падаю духом, отбрасываю в сторону свои Записки и не знаю, что делать дальше. Разумеется, "Роман" доходчивее, читатель многое усваивает через образы героев, их судьбу, взаимоотношения, и в последнюю очередь через их речи, которые, таким образом, третьестепенны (поэтому, возможно, герои романов не слишком в интеллектуальном отношении поднимаются над окружающим миром) – но я не уверен, что все философские (а тем более математические) идеи и положения можно передать через Роман, да я, к тому же, романы писать совсем разучился.

Вот и сегодня пытался изложить известную идею (общепринятую) о том, что *плоское* изображение (на скале или на листе бумаги) переживается, воспринимается как *объемное* только через ум, деятельность сознания, и что некоторые племена в Африке видели на таком листе только бессмысленный набор точек и черточек, то есть, они должны были еще *научиться видеть* *плоское* изображение как *объемное* – но мне опять яростно возразили, что в нас все уже заложено физиологически, никакой работы ума тут не нужно, что мы ТАК ВИДИМ. А как же с музыкой, разве мы сами собою сразу слышим симфонию Шостаковича и не нужно пятьдесят лет ходить перед тем в филармонию (хотя, возможно, бывает и так, что и в пять лет открывает

ребенок квантовую механику и говорит: А здесь вот, ребята, ошибка!); разве идея Платона о "врожденных идеях", разве представления о том, что воззрения Беркли и Фихте глубоки и поучительны, а их критика вождем пролетариата тупа и невежественна – сразу усваиваются всеми, а не наоборот ВСЕ думают, что справедливо только примитивно простое, а умники слишком умничают, и если «солнце всходит и заходит», то разве не очевидно, что солнце вращается вокруг Земли, а не наоборот?

Так как я пытаюсь быть учителем и понятным собеседником, то поэтому мне приходится часто бывать пространным, то есть словно бы плыть в потоке сознания; мне приходится объяснять слова, прежде чем идеи, выраженные ими, приходится «сеять очи», прежде нежели образы, видимые ими.

Поэтому продолжаю объяснять слова.

Что такое слово? Это и ИМЯ, и метафора, и знак, и символ, ярлык, образ и эвфемизм. Категория и Идея.

Иное слово является понятием, но это изредка, как и понятие Мифа по Лосеву, как понятие прямоугольного треугольника, понятие натурального ряда и понятие равенства (?). Но уже "свобода" – только имя для множества, и только я ввожу понятие "духовной свободы", и целую жизнь и всю мою литературу посвящаю его обоснованию, раскрытию и проповеди духовной свободы как истины.

Существует ли свобода? – восклицают одни, и отвечают, что или ее нет, или нет "абсолютной" свободы, а другие им вторят, что она относительна. Спорить с ними не надо, надо их посадить в тюрьму и держать там до тех пор, пока не прозреют.

Так ведь никто не говорит и не отрицает, есть ли "абсолютная" вода, ибо она бывает родниковой, социалистической или эпохи разнуданного капитализма, грязной и чистой, горячей и холодной. Иногда ее нет, например, в пустыне, но ее зато много в Ледовитом океане. Так и свободы мало при деспотических режимах и тотальном устройстве государства, как теперь, когда все формы народовластия являются только видимостью. Но и то та или иная свобода есть, например, чиновники свободны воровать.

Свобода – это слово-знак, имя для множества сходных явлений, противоположное связанности. Наиболее ясно представляется содержание того, что обозначается этим словом, в механике, там существуют различные степени свободы как возможности или отсутствия движения в том или ином направлении, причем твердый предмет может удерживаться неподвижным, тогда он абсолютно связан, то есть абсолютно несвободен. Если же он в той или иной степени свободен, то может вращаться, двигаться вверх или вниз, по плоскости или в пространстве.

В общественной, социальной и государственной жизни существуют различные формы свободы и несвободы (связанности, ограничения), например, есть право наций на самоопределение (которое, впрочем, чаще всего является только декларацией), есть политическая свобода граждан, которая проявляется разнообразно, и даже в России есть право на один митинг и одну демонстрацию, поскольку государство пользуется своим самозванным правом

заклывать их участников после осуществления ими своих «прав» в тюрьму, после чего следующей возможностью воспользоваться дарованными правами приходится ждать долго. Оправдывая бесправное общество, его сторонники начинают ссылаться на то, что "абсолютной" свободы нет, и это несомненно, и отпущенный из тюрьмы, я во многом все равно несвободен, но все же стремлюсь «освободиться», не приравнивая несвободу вне тюрьмы к несвободе в тюрьме. В большевистское и в сталинское время мы все жили в советской тюрьме, но все же тюрьма была хуже. И прикрепление крестьян к колхозам (то есть возвращение крепостного права), доносы и посадки за неосторожно сказанное слово, а чаще всего и без всяких слов нельзя оправдывать ссылкой на то, что все равно нет "абсолютной" свободы. Мне ведь и от вертихвосток не нужна абсолютная любовь, но достаточно какой-нибудь хоть и не абсолютной, но все же симпатии!

Итак, свобода существует или не существует только как *особенная*, существует или не существует свобода слова, *духовная свобода*, то есть свобода литературы, философии, научных и исторических исследований, и т. п. Существует или не существует политическая свобода, свобода вероисповедания (что часто является самым важным для того, кто ее добивается), свобода говорить и писать и заниматься культурной деятельностью на родном языке, свобода развода и множество других свобод. Когда мы говорим о свободе, то о какой именно свободе идет речь, должно быть понятно из контекста, иначе такой разговор будет бессодержательным. То же самое и о любви. Любовь между Ромео и Джульеттой или любовь к Сталину имеют в себе мало общего, но все же слово «любовь» как символ и знак, как наименование привязано к целому множеству чувств и предпочтений не случайно, хотя, конечно, обжора, то есть *любитель поест*, и фанатик, идущий на смерть во имя *любви к тирану*, не принадлежат к одному лагерю, черта, их в чем-то объединяющая, не выразительна.

Но существует ли "понятие любви"? Размышляя, я прихожу к выводу (хотя, казалось бы, почему не посмотреть в философском словаре? Или у Даля? Но я хочу быть *свободным от чужих мнений*), что понятие – это преимущественно отношение, но не предмет. Предмету или множеству сходных предметов присоединяется *имя*, как, например, имя "стол" обозначает, по функциональной принадлежности, те предметы, которые используются для расположения на них других предметов, необходимых в быту, потому есть и обеденный стол, и кухонный, и письменный, и даже ящик может быть столом. Но слово *движение* является обозначением понятия о *движении*, причем это понятие может обозначаться и другими словами.

Посмотрел, наконец, в словаре... Пусть и читатель в него заглянет, хуже не будет, но я не хочу уже дальше уточнять свои рассуждения о словах, ибо они посвящены, все же, не словам как именам предметов и обозначениям логических отношений, а сначала любви, и мне только важно было подчеркнуть, что это общее имя-слово "любовь" обозначает множество различных понятий (отношений), и возможно ли вводить понятие ЛЮБВИ как неопределенной *склонности*, я затрудняюсь сказать.

Возможно, каждый автор пишет о какой-то конкретной, то есть *особенной* любви, и именно ее наделяет теми или иными свойствами, или, наоборот, лишает ее их, но не говорит о "любви поесть и выпить" тех возвышенных слов, которые он говорит о любви как самопожертвовании. Таким образом, уместно сказать, что слово-знак может означать множество предметов, отношений и соответствующих им понятий, а что одно какое-то слово является знаком для целого разноречивого множества – это особенности языка.

И считать ли, что слово "любовь" означает *понятие любви как склонности* (к еде, питью, женщине, родине – что, конечно, мало что говорит о той или иной особенной любви), не будем на этом останавливаться, ибо говорить мы будем о любовях более содержательных, и о тех, которые волновали Христа и апостола Павла, и о тех, которые волнуют меня.

4. Из переписки с подругами

27 мая, 21-00. Отвечаю на вопросы обстоятельно, так как по большей части эти вопросы обо мне, а еще Толстой говорил, что ни о чем человек не любит так говорить, как о самом себе.

Впрочем... – есть у программистов шутка, что во всякой сколь угодно отлаженной программе есть по крайней мере одна ошибка – и я перефразирую ее так: «Всякая даже несомненная Истина хотя бы отчасти ложна!» А нынче я настроен нападать даже на несомненные истины. Нет, это не значит, что я проповедую зыбкость и относительность критериев правды, добра и справедливости – нет, я только хочу по новому их понять, в единстве противостояния полюсов и пониманий...

Вот и замечание Толстого справедливо лишь отчасти: во-первых, оно относится к мужчинам, а женщина, напротив, любит слушать, соучаствовать в других, сочувствовать и помогать; во-вторых, оно справедливо по отношению к тщеславным мужчинам и к тем, в которых мало женственного, а я как раз противоречив и двойствен в силу своей двойственной природы; и в третьих, то, каково мне, проявляется и в том, что и как я пишу, то есть в идеологии, так сказать, моих текстов (я прежде отталкивался от героического мифа, в центре которого помещал себя, то есть отталкивался от *самоуничтожения*, а теперь, когда жизнь меня прижимает, я свое "героическое" вдруг ощущается как самозванство, и пытаюсь дополнить себя *сомнением*, покаянием и сознанием ничтожества и тщеты своих усилий...)

Но это относится прежде всего (или только) к литературе, а в частной моей жизни я ведь еще и чей-либо родственник, друг, знакомый, сотрудник, посему поневоле должен выходить за рамки покаяния и самоуничтожения; да еще у меня есть подруги, с которыми я переписываюсь, и которым я важен как «достойный собеседник» (по Ухтомскому), а посему я не должен слишком уж падать, ибо какой вес будет тогда у моих слов?!

Да кроме того, мои близкие (в основном почему-то женщины) изливают на меня сочувствие и энергию помощи. Если представить, что я растение, которое доброжелательницы поливают, согревают и вокруг которого

взрыхляют землю и выпалывают *терния и волчцы*, то я был бы самым неблагодарным растением, если бы сох и увядал, вместо того чтобы «расцветать и благоухать». Посему... маятник все время качается, не очень хорошо я себя чувствую, и не знаю точно, в чем дело, вероятно не только в теле, но и в душе и в духе... в общем, падаю духом довольно часто, особенно ночью, но верю в преодоление трудностей и в окончательную победу светлых сил.

Возможно, написал я как-то темно и неопределенно, но и вправду мое самочувствие не всегда отделимо от литературы, так бывало и раньше. Первая серьезная книга, Боль и любовь, которую я начал писать в 99-м году, началась почти на смертном одре. И ничего, бегаю... Даже за девицами.

(Кстати, сделал открытие... О, если бы я сделал его пятьдесят лет назад! Итак. Приставать к девушкам надо в метро. Вагон трясет и качает, всё вокруг грохочет, не слышно ни зги, я ей говорю фразу, из которой она не может разобрать ни слова, тогда я наклоняюсь к ее уху, почти касаясь его губами, выкрикиваю ей эту фразу, кое что она понимает, наклоняется, прижимается к моему уху, нас трясет, она меня невольно обнимает, в ответ я ее тоже, и так продолжается полчаса. Доехав до нужной станции, мы уже почти возлюбленные. Я прошу ее меня простить за то, что по-прежнему не помню, как ее зовут, она меня прощает, я обещаю принести ей свою книгу, она клянется, что ее прочитает, а книгу моего соперника читать не будет. Ну, ладно, кое-что из него почитайте тоже, милостиво я соглашаюсь, но меня, разумеется, раньше...»

Вчера и сегодня дни были, увы, неудачные, «жизнь не складывалась», и работалось ужасно плохо.

Но все же, я надеюсь, всё будет хорошо, а если понадобится, я пушу еще корни и боковые побеги, ваши симпатии не пропадут втуне.

Ах, мои литературные подруги, вы так тепло и с такой симпатией пишете о моей книге, что если бы я даже совсем не умел писать по-русски, то и то должен бы расшибиться в доску, но написать ее хорошо, если не лучше.

Так и напишу на титульном листе: «Это не я, это те, кто меня поддерживал и оберегал. Им я и отдаю свою рукопись».

Кстати, посмотрел далее в интернете, и там автор статьи пишет еще удивительнее: «Это означает, что смерть, тяжкий труд, необходимость обрабатывать землю, чтобы вырастить свой хлеб, а также колючки и тернии – все это стало результатом греха Адама, поразившего все творение (Рим. 8:19-23). Таким образом, согласно Библии, ни один шип, ни одна иголка или колючка не могли существовать до того, как Адам согрешил – а значит, их ископаемым останкам не может приписываться возраст несколько миллионов лет. А если эта эволюционная датировка верна, значит, неверна Библия – и тогда перед христианами, разделяющими светские представления о почтенном возрасте Земли, встает поистине острая проблема.»

«...в Исх. 20:8-11 и Быт. 2:1-3 четко сказано, что Бог после окончания шестого дня Творения не создал ничего *нового*. Творение было *завершено*. Как ни странно, именно этот факт порождает проблему для христиан, которые верят в долгие века земной эволюции, потому что они верят также и

в то, что процесс эволюции продолжается до настоящего времени. Если эволюция происходит и сейчас, значит, Творение *все еще не завершено*, а значит, оно *и не проклято*. Зачем же тогда была нужна искупительная жертва Иисуса на кресте (Ин. 19:30)?»

Кстати, волчѐц – это колючая сорная трава, а тѐрн – кустарник или небольшое дерево вроде сливы – и вот у меня на огороде расцвели заросли тѐрна, а я пишу Книгу, продираясь сквозь терния невзгод и телесных немощей – так не следует ли символом её поставить терновник? И как бы на меня не одели по ее завершении терновый веноч!?

Или меня спасут мои подруги??!!!

5. Любовь к Родине, любовь к народу

Народы во многих отношениях все плохи: мало образованы, не умны, грубы, не способны к критическому осмыслению истории и жизни, как о том пишут Гюстав Лебон в «Психологии масс и народов», Маркузе в «Одномерном человеке», Бодрийяра в «Восстании масс»...

Правда, народ состоит из двух частей, одна – Большой народ, скопище легковерных невежд, легко увлекающихся мифами и порочных по преимуществу. Другая – меньшая часть, более образована, способна к творчеству, хотя тоже, оказывается, увлекается мифами и даже подвержена психозам. Революция 89-го года во Франции и Наполеон – это французский психоз, в России – Революции 17-го года, гражданская война, Ленин, большевики, строительство коммунизма, Сталин...

Как ни удивительно, стремление к безвластию, вольнице, убийству царя сопряжено с фанатической любовью к тирании, приходящей на смену законной власти.

Сознание пороков власти, государства, народа приводит к разочарованию, к тому, что сначала критически относишься к правительству, потом уже теряешь любовь к родине и народу, как это случилось с Чаадаевым, Герценом и Печѐриным. Но так ли отстояли от их раздраженного пафоса и Пушкин и Лермонтов? В письме к Чаадаеву Пушкин пишет о «любви к отеческим гробам» и о том, что «ни за что на свете не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков», но он же продолжает: «Поспорив с вами, я должен сказать, что многое в вашем послании глубоко верно. Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь — грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству – поистине могут привести в отчаяние».

И вот коренная разница между моей нелюбовью к России и бездумным верноподданническим патриотизмом Большого народа: их патриотизм – это любовь и поклонение тиранам, мое презрение – это горькая любовь к моей родине, соединенная с ненавистью к ее подлым хозяевам.

Разве не так же ли мужчина любил бы падшую женщину, оплакивая ее падение?

Спрашиваю в деревне Кристину, не влюбилась ли она в кого-нибудь, и она уже даже не печально, а безнадежно отвечает: «В кого же? Приличный юноша один из ста. Остальные хулиганы, пьяницы и наркоманы».

КАЧЕСТВО народа и человека упало и продолжает падать. Но и численно нас становится все меньше, и скоро в России мы станем меньшинством.

Так же о своей судьбе в деревне рассказывала Маша, то же в романе Троицкой «Обнарв». Даже жизнь крупного города, Екатеринбурга, как это рассказано в «Стране падонкаф» – пропасть, в которую скатывается Россия. Вероятно, население Москвы и Петербурга живет сравнительно благополучно, здесь еще вырождение не так сильно сказывается, и здешние школьники хоть таблицу умножения помнят. А в Новгородских поселках, деревнях и городах я спрашиваю пятнадцатилетних школьников, что будет Девятого мая? День Победы. А когда была война? Этого они не знают, и когда она началась, и когда закончилась, кто с кем воевал и каковы были жертвы. Не знают они, что писал Толстой и Тургенев и кто такой Достоевский.

И с изумлением и глубокой печалью я убеждаюсь, что даже Малый народ поддерживает чекистскую власть и не желает видеть Трагедии России, её судьба, судьба русского народа и русской культуры всем этим людям, когда-то учившимся в школе, в университете, воспитанным на великой культуре, безразлична, она их "не колышет".

Справедливо сказать, что они и Россию и Русский народ не любят, они им не нужны, образ царя, образ той или иной идеи, коммунистической ли, христианской, языческой или евразийской им дороже подлинного живого человека.

А я, при всем моем презрении к Большому народу, его жалею. Я хочу, чтобы он жил в красивом городе или опрятной деревне. Пил родниковую воду. Ходил в театр, читал Пушкина и Лермонтова, учился в хорошей школе, как это было даже при советском режиме. Чтобы он пробудился от беспросветного пьянства, от наркотической дури, от жестокости и склонности к психозам, яacobинскому ли, гитлеровскому, сталинскому, психозу наживы. Я просто хочу жить среди умных, образованных, культурных, мыслящих людей, в ДОСТОЙНОЙ и красивой стране.

И я жалею и бестолковую и беспутную Юлю, а теперь уже прямо заколдованную, у которой менты убили третьего (или четвертого) мужа, жалею и ее глупую дочь Аню, и Кристину, которой не в кого влюбиться, и тех женщин, у которых мужья пьют, и Серегу, который спился, но у которого нет другого света, кроме бутылки... А кто ему поможет в духовно нищей стране с духовенством, вышедшим из комсомола и Музея религии и атеизма?

Вот и о подлинной любви к человеку я тоже должен написать.

Революция на Болотной площади – это бунт средней и мелкой буржуазии и новой интеллигенции против нынешней власти. Но они ближе к человеку, чем олигархи и чиновники, жулики и воры...

6. Любовь как всемирное притяжение

Да есть еще страсти (и это тоже любви), и страсть к собирательству книг и картин и других предметов старины и культуры и быта, и охотничья страсть, и рыбалка, и спорт... Есть еще страсть к накоплению денег и вещей, и тщеславие, и честолюбие, и властолюбие, и любовь к самому себе... Есть и Гобсек, и Плюшкин, и Скупой рыцарь, и Фальстаф, и Ричард третий, и многие другие, обуреваемые страстями-любовями. Правильно или неправильно они любят, так ли как должно, но они существуют и в жизни и в литературе.

Но преимущественно, когда идет разговор о любви, говорят о любви, связывающей двух или больше людей, о любви, дружбе, о любви-дружбе...

И преимущественно в литературе и в философии и в богословии идет разговор о любви, связывающей мужчину и женщину или каждого человека с его близкими или просто с окружающими.

И преимущественно в литературе и в жизни присутствует и проявляется и действует любовь, притягивающая и связывающая мужчину и женщину, та любовь, которая наполняет литературу, жизнь, драму, музыку, живопись и даже философию... и даже присутствует и отражается в витражах соборов и в речах адвокатов, ибо из-за нее совершаются и подвиги и преступления.

Голод и жажда, жажда богатства и власти меньше наполняют мир и человека, чем у мужчины жажда женщины, а у женщины жажда любить и быть любимой, рождать и воспитывать и утешать.

Можно ли об этой любви, притягивающей и соединяющей две плоти в одну и две души в одну и две жажды в одну сказать существенно в немногих словах? Если судить по великим произведениям литературы и искусства, то даже они, вместе взятые и столь разнообразные, не сказали о ней не только всего, но хотя бы многого. И раньше нас любили, и будут любить еще, и каждый любящий открывает свою любовь для себя, то есть напишет о ней свой собственный роман, не похожий на романы Толстого и Достоевского.

Но кроме любви к Родине, которая, конечно, не только немаловажна, а часто вдохновляет и возвышает личность более всякой другой любви и подвигает его на жертвы большие, чем того требует всякая иная любовь, и о которой наш великий и несравненный поэт сказал:

"Пока свободой горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!";

кроме любви к женщине и любви, связывающей детей и родителей, существует разнообразная дружба, связывающая преимущественно мужчин, так называемая "мужская дружба", прекрасные образцы которой дает нам русская история, и прежде всего дружба лицейстов пушкинского круга – помните:

"Мой первый друг, мой друг бесценный ... " или
"Друзья мои, прекрасен наш союз!

Он, как душа, неразделим и вечен –
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз"?

Помним мы и о дружбе Огарева и Герцена, Данилевского и Страхова, Лакшина и Твардовского...

Нет, существует и нежная женская дружба, и между пылкими красотками, и между мужчиной и женщиной, и удивительная дружба взрослого поэта, художника, писателя или полководца – и девочки-подростка, чуть-чуть овеянная эротизмом, как пробуждающееся весной дерево неразвернувшимися клейкими листочками! И тоже история оставила нам несравненные образцы такой дружбы, и в письмах Цезаря его двенадцатилетней племяннице, в письмах Свифта к Стелле, в книге монаха-математика Кэрролла "Алиса в стране чудес", в дружбе дочери графа Толстого (президента Академии художеств) с поэтом Бенедиктовым (*она* оставила о нем воспоминания) и другой его дочери с великим Шевченко (и кстати, когда император потребовал от него выбрать между должностью и дружбой, граф отказался от должности – что вы можете привести сравнимого по благородству с девятнадцатым столетием из других столетий европейской истории?!)... испытал такую дружбу и ваш покорный слуга (и даже через двадцать пять лет *она* мне написала: "читаю твои сочинения, и не перестаю тобой восхищаться.")

Вспомним же и слова Тараса Бульбы у Гоголя: *«Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породиться родством по душе, а не по крови, может один только человек.»* – и в этой же повести мы видим жертвенную любовь к Родине, за которую любящие ее идут на смерть, необыкновенную родительскую и сыновнюю любовь, и затмевающую разум и чувства любовь-страсть!

Ибо хотя, быть может, "нет уз святее товарищества", но та любовь, которую я сравниваю с всемирным тяготением, *любовь как всемирное тяготение* – эта единственная любовь, смешивающая и соединяющая и душу и плоть, и дух и плоть, возвышающая до небес и низвергающая в бездну, оживляющая и убивающая, прославленная поэтами всех времен и народов и проклятая монахами, проклятая даже самим Богом, ибо не из-за нее ли он изгнал детей своих, или самое высокое творение свое из Рая! – эта триединая любовь, иная святая Троица, неразделимая и не растворяющаяся в одном, в которой соединены Женщина, Дитя, Родина! – ибо разве не из одного корня растут к ним чувства? – эта ЛЮБОВЬ включает в себя, быть может, ВСЁ. Пусть, пусть в ней и "похоть очей", похоть плоти, но от нее неотделимо и эстетическое (быть может, Красота и ее каноны проистекают из очарования женщиной), и этическое (любовь к родине и ребенку и роду)... в ней же заключена судьба и драма, обетование и будущность. Эта любовь – ключ к Инобытию и Небытию, ключ к Богу и Дьяволу, только в этой любви две части человеческого бытия соединяются в неразделимое тождество – дух (душа) и плоть.

Как бы ни были возвышены слова апостола Павла о Любви, но очевидно, что не об этой любви он говорит, ибо и он отвергает (как и христианство в целом) эту самую подлинную, всеобъемлющую, обширную и глубокую как море любовь. Но противопоставляет ли он низкой, вмещающей в себя все скверны и всю мерзость мира плотской *действительной* любви к женщине, с которой так безуспешно борется *Блаженный Иероним*, что-то кроме Мифа?

7. Существует ли любовь?

Вы меня вдохновляли и помогали мне жить, не пожалели на это времени. Часто про Вас думаю и стараюсь следовать Вашим советам.

Вы мой любимый поэт и писатель.

...но я как-то не могу без Вас жить, не знаю, что мне делать, боюсь Вам надоедать...

Из письма читательницы

30 мая 2014, пятница, 19.00. Еду в деревню, ремонтировать злополучный сарай, который меня чуть было не прикончил, но теперь еду с помощником, да и разобрал я его уже более чем на три четверти.

Устал от города, отдохну ли в деревне? Много работы, а я пишу свою книгу, главу о любви, пренебрегая долгом. Хотя и понимаю, что долг выше, но устал уже от должного, поэтому, вместо того чтобы выполнять необходимую работу, рассуждаю о любви.

Впрочем, невозможно рассуждать о той особенной любви, связывающей мужчину и женщину, то есть о любви, как иногда говорят, *плотской*, или, привлекая на помощь эллинского Бога любви Эроса, любви *эротической*, любви-страсти, любви-желания, которая и является темой и сердцевинной поэзии и в значительной степени литературы, – не рассматривая ее во взаимоотношениях с *долгом, семьей, родом, родиной*, взаимоотношениях с *Богом*, то есть с религиозным чувством (*Верой*) и переживанием сакрального (*священного*). Но удовлетворит ли нас только философское или только научное исследование этого непостижимого чувства-явления? Я уверен, что полное и глубокое понимание любви дает только Поэзия в совокупности (относя к ней и все то, что пишется о любви в высоких образцах художественной прозы.)

Но я не пишу исследование о любви, не пишу статью для философского словаря с объяснением термина, я учитель математики, и как и во всем, что я пишу, я преимущественно обращаю внимание на "ошибки при решении задач", то есть ошибки прежде всего в мышлении.

Что такое любовь (хотя бы и только к женщине), какую она бывает, какую должна быть, на этот вопрос литература ответила достаточно, и продолжает отвечать, потому что и жизнь и литература продолжают тоже, появляются и новые судьбы, новые их столкновения, новые "дифференциальные уравнения", описывающие их, новые "частные решения этих уравнений", например, «Случайная любовь» Юнусова. (Вот ведь как, существует, оказывается, и Случайная любовь, и рассказ о ней дает многое для более глубокого понимания *эротической* любви в ее разнообразных проявлениях.)

"Любовь НЕ существует!" – заявляет циник и реалист, или "практик соития". Я не хочу ему ВОЗРАЖАТЬ. Меня только интересует, в чем он заблуждается, в чем пытается заблудить других. Существует множество разнообразных проявлений *эротической* любви (а мы теперь говорим именно о ней, а не о той любви, восторженный гимн которой пропел апостол Павел), в том числе существует и "случайная любовь" (с этим

соглашается даже циник), существует и любовь-похоть, любовь-вожделение, существует и та, которая у Эльзы и Лоэнгрина, и та, которая у Ромео и Джульетты, Тристана и Изольды, у Анны Карениной, влюбившейся в «жеребца в мундире», у Манон Леско, *Травиаты*, Люсьена Сореля, Герцена, соблазнившего жену своего друга Огарева, у Сонечки Мармеладовой и "Леди Макбет " (той и другой), у двух эзков, видевшихся однажды, отсидевших по семнадцать лет и все же обретших при встрече свое земное счастье-блаженство... существует любовь, связавшая протопопу Аввакума и боярыню Морозову (хотя они и не прикоснулись друг к другу, хотя и сами они и их последователи эту любовь не считали любовью... или, наоборот, только ее любовью и считали, отказываясь располагать ее в том ряду, который я теперь привожу)... существует любовь, связавшая Грибоедова с грузинской княжной, Пушкина с Анной Керн (казалось бы, мимолетно, но вот уже почти два столетия)... и многая и многая...

Но это не в жизни, а в литературе, восклицают мне с возмущением!

Но дело в том, что невозможно понять и представить, чтобы жизнь существовала *отдельно*, сама по себе, ОТДЕЛЬНО от литературы (или даже культуры в целом), отдельно от истории, общества, нации. Если думать, что они существуют отдельно друг от друга – некая жизнь сама по себе, некая культура сама по себе, некая история народа с его войнами и его песнями (например, «Вьется в тесной печурке огонь, На поленьях смола как слеза. И поёт мне в землянке гармонь Про улыбку твою и глаза.») сама по себе, то это будет представление о совокупности галлюцинаций, а не о слитном бытии, включающем в себя и инобытие и даже небытие.

Существуют не жизнь вне культуры и культура вне жизни, а они и отдельно и вместе друг с другом, слитно, что я и называю *действительностью*. Вот так же существует река, и масса текущей воды, и берега, ее ограничивающие. Берега существуют, они не совпадают с водой, они отдельно от воды – и все же ни вода в реке ни берега в реке не существуют отдельно, а только вместе, образуя реку.

Вот так же существует любовь, существует она или нет – вместе с тем временем, в котором она существует, с тем народом, обществом, романами, балами, танцульками, литературой и музыкой... И всегда разная...

Более того, она настолько соединена и с тем, и с другим, что она вообще неотделима от целого, являясь и его частью и пронизывая его.

В поисках нужного текста я открыл Яндекс, и застрял на три часа в военных песнях про любовь. Казалось бы, страшнее противостояния любви, чем война, невозможно представить, и в то же время человек и на войне остается тем же, что и до нее, и после нее. А что же за любовь на войне? А на ней и «мать сыночка ждет», и жена ждет мужа, и невеста суженого, и дети отца, иногда и мать – и где заканчивается *эротическая* любовь? Где начинается и заканчивается цветущее дерево? Любовь между родителями и детьми неотделима от той любви, которая притягивает двоих так, что становятся они *единой плотью*, даже если они не чувствуют и не представляют тогда, когда становятся единой плотью, ни мякоти плодов, ни

труда корней, ни аромата цветов. Как Бог есть хотя бы в некоторой степени во всем, так во всём, что продолжается, а не только пребывает, есть *эротическая* любовь, есть она в родителях, в рожденных, в роде, в родине.

Когда говорится, что «любви нет», то имеется в виду, вероятно, что хотя и есть притяжение полов, что не отрицает и циник, но что больше ничего нет, *нет другого*, того, о чем поется в романсах и в песнях, повествуется в романах, в драмах, в Вешних водах, в Белых ночах.

Но это другое ЕСТЬ и в романсах и в песнях, и в романах и в драмах – а кто может утверждать, что жизнь существует отдельно, сама по себе, что она помимо них, и в ней все не так, как в культуре? Культура проникает всякую жизнь, даже сакральная культура, на всех ступенях человеческого общества, и у дикарей есть пляски, гимны, ритуалы, игры, боевые кличи, раскраска жилищ и тел, и культ предков.

И разве этого нет в животном мире? Например, у журавлей есть любовные игры и танцы, и самка выбирает того, кто отличается лучшим танцем, и соловей находит подругу, которая выбирает его за лучшую песню.

Так если даже тетерева сначала токуют, а не просто слетаются и воспаряют, то сколь же богато и непостижимо "токование" людей?!!

Но я, говорит циник, говорил о причине, по которой *токуют*, не отрицая, что *токование* существует. Нет того, что вы подразумеваете, говоря о любви, но есть, разумеется, притяжение и слияние тел, я это не отрицаю.

Но это то же самое, что говорить о причине человека, состоящего из души и тела. Тело ли причина души, или душа причина тела, не это важно, важно, чтобы существовало и то и другое и чтобы вместе они составляли *совершенную личность*.

Любовь существует вместе почти со всем, что еще существует, ее невозможно понять вне ее отрицания, которым является ненависть. И вот странно, что существование ненависти никто не решается отрицать, а существование любви отрицают, словно бы признавая, что холод есть, а жара нет, или что безобразие существует, а красота придумана...

Впрочем, отрицанием любви является не ненависть, а *нелюбовь*...

«Любовь и ненависть близки.

А что в соседстве с нелюбовью,

Неразделенностью тоски,

Немильстостью под черной бровью?!»

Но и для философского словаря напишу несколько строк. В том общем, что именуется любовью, существует стремление, желание, предпочтение, склонность, удовольствие. Мне нравится музыка, люблю танцевать, люблю девушек, люблю власть и почести...

Впереди предстоит писать мне о "любви к Богу" и "любви к ближним" (а именно им апостол Павел и посвятил свои вдохновенные строки). Существуют ли они, эти любви? Относятся ли к тому, что нами понимается под любовью? Об этом я буду потом писать еще пространно, а теперь, только прикоснувшись к любви (существующей или нет), я с ней на время расстанусь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ ЛЮБОВЬ К БЛИЖНЕМУ

«Вы ко мне были очень добры, и я к Вам так привязалась, что не могу без Вас жить.
Ваши книги прекрасны, не думаю, что нужно, чтобы все их покупали в ларьках у метро.»

Из письма читательницы

1. Покаяние

3 июня 2014. Совсем уже впал в соблазн и в грех, дела вопиют, а я продолжаю свои "Записки", вместо того чтобы редактировать издательские тексты. Но пал духом, потому что оскалился Левиафан, зарычал и разинул пасть, чтобы снова в меня вцепиться.

Есть что-то непостижимо странное, если не трансцендентное, связанное с некоторыми моими книгами, вдруг посреди почти ровной дороги в меня вцепляются нечистые силы и тащат на эшафот, в тюрьму, в пропасть... Зачем? Или они стремятся к тому, чтобы я опомнился, покаялся и не писал больше, или же кем-то задумано так, чтобы писал я только в тисках, как в тисках болезни писал я «Боль и любовь», в тисках безденежья и страха тюрьмы писал я «Жизнь на краю», на тюремных нарах писал «Записки на пальме»... В прошлом году «Призвание литературы» начиналось почти в страстном порыве, вдохновении, но только до середины, а вторую половину писал я уже вблизи операционного стола, вторую же книгу, «Инобытие и действительность», писал на нем лежа, хотя и не скажу, что приходилось страдать – две операции промелькнули как слепые пули, даже не оцарапав.

Я, вероятно, слишком расхрабрился, слишком уж стал обуян гордыней, тщеславием и самомнением, в упоении поскакал на белом коне, красуясь как Ондрий перед гордой полячкой (в повести Гоголя), и тут тяжелая рука Тараса (или господ Бога) легла на мое плечо и оно снова треснуло... «А ну-ка, остановись, сынку!» Дрожащий, в поту, слезаю я с лошади...

Писать или не писать? Покаяться и затаиться или искушать судьбу, раздражая высшие силы своею дерзостью?

Времени на третью книгу должно бы еще хватить, но хватит ли сил?

Страх меня наполняет и предостерегает против дерзости писательского самомнения...

Но есть еще одна причина, по которой я пребываю в сомнении – ведь я противопоставляю свои взгляды на мир всему русскому обществу, а разве я не связан с ним тысячами нитей?

И вот перечислю последовательно свои противостояния.

Я ненавижу Сталина и сталинизм, Ленина и ленинизм, ненавижу большевистскую практику и теорию марксистского коммунизма – но миллионы русских патриотов, многим из которых бываю я «ближним», ходят с красными знаменами и портретами Сталина, словно он русский вождь

русских, а не взбесившийся восточный сатрап, словно не марксистский интернационал-социализм разгромил Российскую империю в угоду народам, прозябавшим в России, как они полагали, на вторых ролях, в то время как они сами хотели оказаться в роли главенствующих.

Да и помимо национальной политики коммунистической идеологии я противник ее, в то время как большинство моего же народа вздыхает о счастливым прошлом – но ведь и они мои возможные читатели и мои ближние, а я задеваю и их чувства.

Итак, противостояю я марксистскому социализму (и ленинско-сталинскому большевизму) – это *во-первых*.

А *во-вторых*... Я русский националист, то есть человек, для которого Россия, русский народ, русская культура – основа жизни общества и личности, но значительная часть городской интеллигенции пропитана духом «общемировых» ценностей и искоренения *национального* из общества и из личности, а многие и из этих – тоже мои «ближние», евреи ли они или татары, или русские, какими их выделала советская власть.

И *в-третьих*, я уже не поклоняюсь Богу христианского мифа, с христианством я "развожусь" так же, как прежде развелся с коммунизмом, ибо мне чуждо подчинение культуры и личности тотальной идеологии, христианская она или коммунистическая. А сколько наивных романтиков перешагнуло порог церкви, как недавно еще – порог комсомольских собраний! А я отхожу и от их любящего, как они полагают, Бога!

И, *наконец*, я не поклоняюсь и богу науки, мне чужд рационализм и в жизни, и в литературе, и в философии, и хотя я, казалось бы, должен быть ближе к тем, кто воспитан на математике и физике, а не на литературе и искусстве, мои сочинения в значительной степени задевают и их чувства.

В нашем разделенном на секты обществе трудно писателю и философу, исповедующему свободные взгляды на мир, требуется "партийность", требуется маршировать в колонне под определенным знаменем с единомысленными и убежденными сектантами.

Поэтому я непременно обижаю многих и из своих добрых знакомых, и даже из близких друзей. Символом нынешнего состояния умов можно считать православную Икону с ликом бывшего семинариста и налетчика, фанатика и лицемера, "лучшего друга" школьников, спортсменов, учителей, заключенных, нацистов и убиенных по его приказу русских детей, – которую несут в православно-коммунистической колонне романтики для всех светлого будущего и прожженные циники для них светлого настоящего.

Но, увы, множество людей искренне *верят*: одни в Христа, другие в Маркса, третьи в свободный рынок и рыночную демократию для богатых.

Что же делать мне? Щадить чувства «святой простоты», несущей хворост на тот костер, на котором догорает моя душа?!

А тут еще оскалился Левиафан, зарычал и разинул пасть, чтобы снова в меня вцепиться...

Боюсь, что у меня не будет сочувствующих в моем Расколе. Мне не посочувствуют русофобы, потому что я русский и не признаю, что Россия была тюрьмой народов и что в русской истории было одно подавление, плач и

скрежет зубный, что на каждом перекрестке и в каждой строке газеты проповедуется еврейскими публицистами; мне не посочувствуют и юдофобы, потому что я ценю энергию, знания, культуру, талант и стремление к свободе народа, давшего миру апостолов и евангелистов, одержимых революционеров, проповедников крайних учений от тотальной ненависти к плоти до прославления ее как единственной причины и сущности человека и истории.

Мне не посочувствуют охранители и верноподанные, потому что я мечтаю об изменении русской жизни и русского государства, мечтаю о замене плутократии на власть образованных и культурных людей; но мне не посочувствуют и реформаторы-революционеры, мечтающие о полном сломе русских обычаев и русской народности.

Боюсь, что я останусь один, и даже в тюрьму некому будет приносить мне передачи, кроме моих семейных, которых я не заменяю, в отличие от Христа, на учеников (тем более, что учеников у меня нет).

Общество образованных людей мне глубоко чуждо, это некая вселенская «тусовка» из евразийцев (сторонников Льва Гумилева и Чингис-хана, "освободившего" Русь от русских князей); из православных коммунистов; верных сталинцев; детей и внуков "старых большевиков"; из молодых "новых левых" (но эти еще вызывают сочувствие своей искренностью); истинных догматиков, пламенных демократов, поклонников царя Николая и Распутина, поклонников Дзержинского и "разведчиков" прошлого и будущего, волхов и язычников, противников России и сторонников ее монархической неподвижности, бывших комсомольцев и новых православных... но все же главными в любой из таких тусовок являются дети «Октября», припаявшиеся к советизму и ненавидящие дореволюционную Русь...

Общество образованных людей мне глубоко чуждо, но и невежды, проповедующие дикость и воспламеняющиеся ею, утомляют меня.

Одни довольны нынешней жизнью, особенно те, кто уже ни на что не дерзает, кроме "маленькой" ввечеру и бутылки пива на опохмел по утрам (а пенсии на сие хватает); другим некогда думать о жизни, они на нее зарабатывают; третьи достигли всего... И поговорить не с кем, даже с теми, с кем выпиваешь. А ведь в советское время, которое мы не любили все вместе, мы были единодушны, *мы верили и надеялись...*

2. Посыпать ли голову пеплом или надеяться?

4 июня 2014, восемь часов утра. Разбудил ранний звонок из Сибири, а ночью я спал совсем плохо, почти воочию чувствовал смрад государственной пасти у своей шеи. Неужели так нужно для того, чтобы я научился писать?

Или внешняя сила пытается изменить настроение книги, образ ее героя? «Ты лучший!» – прислала мне смску другая моя поклонница, и я воспарял на небо в кружевах сладких слов, я продолжал создавать Миф о вдохновенном поэте, *сеющем очи*, чтобы видеть глубоко и правдиво. Но в этой реальности, от которой жизнь постоянно отдирает кожу культуры, все не столь благолепно, если не сказать, что прискорбно. Вновь на меня спущена свора собак, имущество и квартиру придут описывать, и меня с семьей выбросят на

пустынную улицу, хуже чем в "пустыню уединения", в которой молился Иисус из Назарета.

Мир словно разделился на две противоборствующие части. Почему вдруг начали мне многие улыбаться, заботиться обо мне, спрашивают, всё ли хорошо, не болит ли что в душе или в теле? Или они пытаются меня приободрить, чтобы я все же писал мою книгу, пусть и с другим героем, не на белом коне, не на танке у Белого дома, не в лавровом венке, а в терновом (благо, и терн расцвел у моих окон в деревне, хороший признак, значит, не надо далеко ходить за венком)?!

Я мал и слаб, книги мои нужны только двум или трем (и ими я тоже горжусь, и они меня умиляют!), я мал и слаб, не герой-любовник, не Дон-Жуан и Ставрогин, не герой в доспехах, и даже не Дон-Кихот.

У меня болит спина, болит и все остальное, болит бок, на котором я спал и проснулся, болит шея, которую я поворачиваю, чтобы дольше смотреть на пробегающую красотку, болят глаза, которыми уже не только трудно видеть правду, но даже видеть природу.

Но вчера получил я очки. Перед этим две красотки долго меня исследовали на компьютере, заставляя разглядывать даже крохотные буквы, потом искали для новых очков оправу, и как у меня было мало денег, начали наперебой предлагать разнообразные скидки. Наконец очки готовы, мне их одели на нос нежные пальчики и заставили смотреть не зажмурившись.

Вижу все замечательно, даже зеленые крапинки в ваших глазах! – восхищенно воскликнул я.

Да не на меня надо смотреть, а на страницу с буквами! – строго мне она приказала. Я смотрел и на то и на это, и на другую, которая вдруг перестала улыбаться, потом улыбнулась словно бы нехотя.

Но мне разрешается к вам заходить?

Непрененно! Когда захотите! И мы за вами тоже будем следить, чтобы зрение не ослабевало.

Девять часов утра. Провожал жену до метро, цветет сирень и кустарники диких роз, солнце сияет и даже начинает поджаривать.

Вдруг возникло видение: я просыпаюсь на тюремных нарах и вспоминаю, что книга уже дописана, а я еще жив. И даже по ночам приходят музы и не дают спать... Так что же, не совсем падать духом, надеяться на помощь тех, кто меня любит, в меня верит и на меня надеется? И поэтому все же писать дальше?

Правда, теперь пора наконец "взяться за ум" и отдать должное Долгу, необходимо сделать теперь перерыв в моем собственном литературном писании, ибо вопиют дела, порученные Издательством, обстоятельствами, "суею сует" и всяческими житейскими нуждами. Спасибо всем, кого инстинкт сочувствия заставил мне улыбнуться, даже если они не знали, что я в их улыбках нуждаюсь. Мне помогают жить и надеяться и спорить с темными силами столь многие, что я обязан держаться в моей "буре в болоте" и не тонуть. Больше не буду жаловаться, пока не поставлю последнюю точку. Писать буду не только для себя, но и для тех, кто протягивает мне руку, хотя бы только чтобы я прикоснулся к ней!

3. «Качество» человека

8 июня 2014, воскресенье, 17-55. В пятницу после полуночи приехали с женой в деревню, ехали на электричке, вся дорога заняла девять с половиной часов. Между электричками в Малой Вишере надо было просидеть два часа, мы купили бутылку кефира и булочку (а за неделю до того, тоже в пятницу, с С---ым купили мы закуски и выпивки и славно посидели здесь в садике у фонтана, только в дальнем уголке... вот и говори после этого, что пить вредно! По крайней мере, разочарованных пассажиров я не писал тогда) – итак, с кефиром и булочкой прошли мы вдоль ряда скамеек, числом 37, каждая из которых предназначалась для троих, но на каждой сидел кто-то один, расположив на остальном пространстве скамейки вещи, так что вдвоем мы туда сесть уже не могли. Наконец я попросил одну гражданку подвинуться.

– И что, никого больше не нашли, только меня и надо двигать?! – недовольно заворчала она. Остальные враждебно молчали.

...Главным моим желанием (как, возможно, было и у некоторых большевиков), является желание изменить мир к лучшему, отремонтировать дома в городах и селах, исправить Российские дороги, очистить загаженные леса и реки и озера, воду и воздух, уничтожить свалки мусора на окраинах.

Леса вернуть к тому состоянию, которое было в "проклятом до-революционном прошлом", то есть чтобы и впрямь в лес можно было идти как на прогулку, как во времена моего детства можно было ходить в дремучую сибирскую тайгу, пахучую, привольную, с полянами и тропинками, вытопганными людьми и зверьём, с темными ельниками и с живописными звонкими ручьями, малинниками, смородинниками, кедрочками, сосновыми и осиновыми рощами, березовыми колками... Итак, я мечтаю о том, чтобы исправить мир, а христианское Учение мне лицемерно велит: *Начни с себя!*

Да я с себя начал еще при рождении, потому что родился не в "смрадном греху", а среди любящих, и сам был незлобив, сочувствен и деликатен, и не пытался кого-нибудь обидеть. Слабости и неосторожные поступки были и во мне и в моей жизни, и я о них сожалею, стараясь быть осторожнее впредь – но "стать лучше" для меня, не делающего злого, означало бы перестать совсем жить своей собственной жизнью, то есть, скажем, посыпать голову пеплом, раздать имущество и жить в пустыне, питаюсь акридами – не говоря о том, что я сделал бы несчастными своих близких, я и никому не смог бы помочь, а теперь, временами зарабатывая редактированием чужих текстов, все же понежнугу кому помогаю.

Если закончить со скамейками, то я их никогда не переворачивал, как Христос, а если садился, то всегда оглядывался, не ищет ли кто места, и садился, сжимаясь, чтобы не мешать соседям, портфель же клал себе на колени.

Итак, тридцать семь человек даже не подумали чуть-чуть подвинуться, провожая нас с женой злобными взглядами – и вы хотите, чтобы я восторженно принимал Учение о "любви к ближнему"?

Недавно много говорили о "качестве жизни" – но не важнее и не прежде

ли "качество человека"? С хорошим человеком даже где-нибудь на бревнышке, а не на скамейке, постелив газету, открываем мы кильку в томате (как с Сашей Михайловым или Казимиром), раскладываем картошку в мундирах, ржаной хлеб, соль, крутое яйцо и открываем бутылочку – не шотландское виски за три тысячи, и не текилу, не ром или другое какое заморское дорогое пойло, символизирующее высокое "качество жизни", а простую "аржаную" – и мы счастливы, потому что даже если мы и не кичимся тем, что мы два образованных, культурных и добрых человека, то безотчетное знание об этом делает нас счастливыми. Того "качества жизни", которое могло бы быть даже при скромных доходах, если бы не свалки мусора повсеместно и злобные взгляды рядом, достаточно для счастья! Но основой его является *достойный человек*. А основой для существования и производства достойного человека является государство и общество, в которых власть и влияние принадлежат достойным людям, в которых на первом месте образование и культура, а не богатство.

Говорят, что пять процентов населения (возможно, мы двое с женой на остальных 37 человек) принадлежат к людям значительным, а остальные составляют темную массу, равнодушное большинство и завистливую чернь; так как духовно люди значительные превосходят остальных, то Толстой и мечтал о том, чтобы *хорошие* объединились для доброго, как объединяются плохие для злого – но почему-то правят нами худшие, а лучшие страдают.

И странно, что талантливые и даже гениальные, способные писать великие романы и философии и расщеплять атом, не способны отобрать власть у недостойных.

Так что нам, умным и сострадающим, образованным и культурным, незачем уходить в пустыни и «начинать с себя», мы и так, возможно, чрезмерно «собой продолжаем», вместо того чтобы строить баррикады, ибо изменять к лучшему страну и народ возможно только, имея власть. Сами по себе они улучшаться не будут. *Пока правят жестокие, будет царствовать зло; пока правят алчные, будут доветь жадность и зависть; пока правят низкие, страна будет растлеваться.*

Нам уже стало противно оставаться с этими, где-то на платформе мы притулились в уголке, и нам с кефиром и булочкой стало все равно хорошо.

А потом проверяли билеты, от Вишеры до Окуловки надо было доплатить по 120 рублей, я показал свое удостоверение репрессированного (которого, впрочем, недостаточно было для бесплатного проезда, но я уже за пятнадцать лет проверяющих *приручил*), жена начала рыться в сумочке в поисках денег, и вдруг билетерша воскликнула: завтра праздник, не буду я вам досаждать!

Так мы и доехали бесплатно, вскоре пересели на автобус, из Соинского начали спускаться по дороге уже в двенадцатом часу ночи. Было жарко, на нас были рубашки с короткими руками и набросились на нас комары! Но и здесь нам повезло, накануне мы купили необходимое средство от них, и оказалось оно эффективным, нечистая сила от нас отстала.

На холме у выхода из Сушилова снова стояла машина, как и неделю

назад, и с визгом из нее выскочили две девчушки и ринулись к нам, Люба и Аня, сшибая с ног.

Оказывается, они уже третью полночь дежурят, ожидая, когда мы пройдем.

На следующий день они прибежали к нам в гости в Перелого, мы напоили их чаем, а они варили суп из крапивы.

В субботу мы уже возвращались в город, было жарко и душно, сначала шли пешком четыре километра, затем ехали в автобусе, и в нем повторилась та же история, что и в Малой Вишере, никто не хотел подвинуться и снять вещи с кресла (хотя ставить сумки на сиденья запрещено).

Но случилось потом и худшее, я купил холодной воды в бутылке (которую никогда не покупаю, знаю, что это яд), но вот... и сегодня ночью почти умирал, и все еще плохо, и жить не хочется.

Нет, не скажу, что мое отношение к миру определяется свалками и комарами – но ведь если не ощущать низость человека как принижающее тебя лично вселенское зло, то тогда разве сам не чувствующий низость не низок? Для чего же совершались революции, приходил Христос, шла на костер Жанна Д*Арк, шли на жертвы мыслители и революционеры? Разве для собственного благополучия? *Нет, изменение мира и человека до уровня **достойных** – вот цель и смысл жизни всякого достойного человека!* Жить для себя, жить, не страдая от несовершенства мира – значит, еще не стать человеком.

Радищев воскликнул, что взглянул окрест, и *душа его страданиями человеческими переполнилась*, и с детских лет это чувство главенствовало в моей жизни. Но теперь к его словам хочу я добавить: *Смотрю окрест, и душа моя переполняется скорбью от несовершенства мира и низости человека!* Христианское спасение мира и человека по-прежнему должно пробуждать в нас совесть, но смирением с низостью мира и ожиданием **Спасения** как божественной милости разве не утомились мы уже за две тысячи лет? Кто-нибудь спасся кроме тех, кто уже и родился в добродетели?

Разумеется, я не знаю, как сделать так, чтобы достойные стали властителями, иначе я бы не писал эти книги. Я только взываю к сочувствию тех, кто, как и я, страдает от несовершенства мира и жаждет его изменить. Может быть, если нас станет хотя бы трое, мы сумеем что-либо сделать?!

4. «Любовь к ближнему»

19-55. Устал, и сидеть тяжело, брюхо болит и уныние внутри. Пошел погулять по улице, замерз – вот о чем я мечтал вчера, но что-то сегодня от сего счастливым не шибко стал.

Моя необразованная деревенская мама входила в вестибюль общежития, где наспех пробежали студенты, не глядя на нее, низко кланялась и нараспев говорила: *Здравствуйте вам!*

А как она пела, как рассказывала детям сказки, работала воистину «не покладая рук», и умела делать все, что ее интересовывало. Варила бражку, чтобы она была в оплату за привоз дров или сена, но трактористы и шоферня шли в наш дом вереницей и выклянчивали эту бражку, не хватало потом для оплаты, приходилось покупать еще водку. Но бражка была и впрямь хороша,

что-то среднее между пивом и медом! Купила в магазине сыр, первый раз в жизни, начала расспрашивать, как его делают, никто не смог объяснить толком, но она изготовила свой собственный, да такой, что я потом и в жизнь не встречал. Узнала, что пиво делают из ячменя, поставила и сама, сварила черное пиво, хмельное и душистое. Сама сделала ткацкий станок и ткала половики. Поехала в Индию, посмотреть диковинную страну, а дорогу пыталась оправдать, получив заказы от соседей на платки и мониста и что-то еще из восточных диковин. Но посмотрела, сколь бедно там живет народ, и даже заболела от огорчения. И на скамейку садилась она на самый краешек, стеснялась занимать много места. Да и жители моей деревни Корневище были своеобразны, талантливы, работащи, умели пить и веселиться, и даже, после войны, бывало, затевали и потасовки, но быстро отходили, мирились, и никогда не отказывались помочь ни "ближнему", ни дальнему.

А как пели!!! ВСЕ. На праздниках, свадьбах, просто идя по улице под гармошку. Я думал в детстве, что так и живет весь народ, но оказалось, что не весь... большинство не так... И все же и в городе, хотя бы и пьяные, возвращаясь за полночь домой – пели, последнего такого пьяного я слышал в 73-м году, после тюрьмы и психушки, а потом вдруг как отрезало, петь перестали. А если бывало в электричке кто и затевал брянчать на гитаре и подпевать, то фальшивя, скушно, однообразно.

Жили в моей деревне трудно и бедно, и я мечтал, что когда вырасту, помогу я своей деревне, и своему несчастному народу.

И вот я вырос. Деревни моего детства нет, хотя есть чужая новгородская деревня. В которой я живу налетами летом. Но в ней уже почти ни одного деревенского не осталось, наезжают из городов, как и я, городские, чаще всего только на лето. Возможно, они несчастливы, но никому из них почему-то не хочется помогать. Да и хватает им и на выпивку и на закуску, а петь никто не умеет, и никто не сядет с краюшкой скамейки, как моя мама.

Всматриваясь в прошлое, я иное неожиданно переоцениваю.

В девятнадцатом столетии существовали крепостные крестьяне и помещики, великая дворянская литература, искусство, наука, философия. Но существовала и великая *крестьянская культура*, русская народная песня, не уступающая дворянскому романсу, былины и сказки, танцы и пляски, праздничные и бытовые обряды. И крестьянка рожала десятерых детей и их воспитывала, и сыновья годились на всё, и пригодны были и к крестьянскому труду, и к ремеслам (а разве это не часть крестьянской культуры – и гончарное дело, и строительство деревянных, иногда очень затейливых, домов и храмов, и ткачество, и вышивка, и моченье брусники и яблоч, и квашенье огурцов и капусты, и изготовление кваса – все это входило и в дворянский и в купеческий быт, не одними фортепьянами жив был и помещик) – и Русь ширилась и возрастала. Да так ли уж плохо было крепостное право и прикрепление крестьян к земле (правда, и к помещику тоже...)?

Ибо неравенство есть и сегодня, даже более вопиющее, чем тогда, думаю, от моего пращура-казака даже Потемкин не так отстоял, как от меня отстоят современные выскочки, "новые русские". Но прежняя сословная жизнь была не одной матерьяльной, но и духовной – есть ли еще в каком глухом уголку

России сегодня живая деревня и живая деревенская жизнь, с ее этическими и эстетическими особенностями, чтобы цело гречишное поле, жевала жвачку корова в хлеву, стоял в кадке хлебный квас, курилась в субботу баня, а утром будил нас крик петуха?

Переживая падение и оскудение народной жизни (да во многом и городской интеллигентской), я скорблю, не радуют меня даже проигрыватель и интернет – то есть, хотя и радуют, но не преодолевают скорбь и тоску.

Не следует, разумеется, из того, что человек повсеместно упростился, отстал от традиций и памяти, стал одинок и нищ духом, отвязался от общего, во-первых, от природы, во-вторых, от окружения, деревенского ли, домового или дворового в городе (что было еще недавно и давало ощущение почвы, на которой человек рос), и в третьих, от рода, семейных широких связей (с двоюродными и троюродными, с внучатными племянниками, невестками и золовками, сватями и кумовьями – я уже и сам начинаю путаться в том, кто есть кто) – что такого человека уже не надо пожалеть, не надо ему сочувствовать, а только презирать и отталкивать – но надо ли и можно ли такого человека любить? Существует ли «любовь к ближнему» или это только химера? Возможна ли эта любовь, имеет ли она смысл, нужна ли она?

Вот ведь существует любовь к Родине, и то многие сомневаются в этом, или прямо ее обличают как анахронизм и нелепость, как чуть ли не преступление против человечности, сравнимое с немецким патриотизмом времен «Дранг нахт остен» и газовых камер. Так же если даже существует, то оправдана ли «любовь к ближнему» и благотворна ли она?

И всё ли она вмещает по крайней мере из должного во взаимоотношения между людьми, условиями и народами?!

В Нагорной проповеди Христос сказал: *«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: Возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки.»* (Мф. 22:37-40)

Именно этот Завет Христа современные последователи Его (не вдаюсь в историю церкви) утверждают как сердцевину христианской этики.

Что *надо любить Бога*, косвенно возведено было в десяти Заповедях Моисея (в Ветхом Завете). В первых двух, в частности, говорится от лица Бога, «Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим; Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов ... и творящий милость ... любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои.»

А что *надо любить ближнего*, возведено было тоже сначала в Ветхом Завете, в книге Левит: *«Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя.»*, а затем уже повторено Христом.

Так что Заповеди о любви к Богу и любви к ближнему, во-первых, высказаны и в Ветхом и в Новом Заветах, а во-вторых – неотделимы один от другого, более того, самые знаменитые христианские деятели церкви, подвижники и писатели подчеркивают их взаимосвязанность, зависимость любви к ближнему от любви к Богу, например, святитель Игнатий Брянчанинов пишет: «Любовь к ближнему есть стезя, ведущая в любовь к Богу».

5. Любовь к Богу

9 июня 2014, понедельник, 11-45. Изнемогаю – и не в борьбе с соблазнами или страстями, не в борьбе с неустройством мира, а просто *изнемогаю*, болезни сдавили, и даже во сне плохо. Но и пробуждение не облегчает, болит брюхо, спина, поясница, шея, плечи, даже мышцы на ногах. Надежда только на то, что в среду утром (послезавтра) уеду на поезде в деревню на четыре дня, буду строить сарай, полоть, топить баню, благоустраивать огород, может быть, свалится что-то с плеч...

И еще отягощает бессмысленность того, что я пишу.

Многие из нас не христиане, хотя и слышали об этой самой *Любови к ближнему*, и поскольку это проповедь любви, а не ненависти, то думают, что это хорошо, и им даже неинтересно знать, понимают ли они, что это такое. Я, например, не до конца понимаю, что такое движение, единство противоположностей, красота – но что с того? Того, как я понимаю, мне кажется, достаточно, и от более точного и глубокого понимания во мне и в моей жизни ничто не изменится. И христиане тоже уверены, что они понимают, что это за любовь, и что это что-то прекрасное, недостижимый этический идеал, и что было бы хорошо, если бы вдруг все люди возлюбили друг друга, но это, к сожалению, невозможно по греховной, испорченной природе человека.

Так многие и не сторонники коммунистической теории думают до сих пор, когда уже пала и их теория, и их практика, что коммунизм – это мечта о прекрасном, и жаль, что мечта эта не осуществилась.

Нацисты тоже мечтали о чем-то прекрасном (для себя), но так как потерпели военное поражение, то их вожди были осуждены, а победители приложили слишком много усилий к развенчанию их мечты, и они перестали мечтать и воображать совершенства в побежденной мечте. К сожалению, Россия словно бы победила (русские не способны к латинским историческим и философским тонкостям, им недоступно понимание того, что победа бывает Пирровой, то есть еще хуже поражения), но в действительности она трижды побеждена, после Цусимы, после Бреста, после немцев на берегах Волги и у стен Москвы и Петрограда.

И всё же в идее коммунизма какое-то содержание было (достаточно почитать Платона), и казарма вместо частных жилищ, и общие жены, и открытые для всех двери, и всеобщее равенство (хотя избранные были отделены от остальных пропастью, тою же, что *чекисты* от прочих, большей, чем эски от вольняшек), но в *любви к ближнему я вижу только* бессодержательную схоластику, и в ней любви столько же, как семьи в *любви однополый*.

Обращаясь к учениям, властвующим над государствами, народами, царями и подданными, мы увидим, что сакральные из них тоталитарны (одно государство, одна вера, один царь), а тоталитарные, клянущиеся истиной, наукой, разумом и этим миром – сакральны в такой же степени, только Миф, выражающий Инобытие, словно бы "зашифрован", спрятан за полог.

Левиафан Государства, как пишет Гоббс, забирает у гражданина часть прав в обмен на его безопасность, но тщится забрать и все права и властвовать неограниченно, для чего непременно присоединяет к себе философское или религиозное Оправдание своих кровожадных инстинктов.

Все для человека, все во имя человека! – написано в моральном Кодексе строителя коммунизма. И пролетарский писатель, "буревестник революции", патетически поднимал "к небу" образ этого человека. "Человек – это звучит... гордо" – возглашал в его пьесах опустившийся босяк Сатин, поэтому "надо уважать человека!" – заклинал он далее.

Черту под лозунгами подвел величайший философ всех времен и народов, раскуривая трубку: "Нет человека – нет проблемы!" – сказал он, и пламенные большевики-человеколюбцы неустанно следовали его завету.

Когда-то, в эллинской древности, Протагор возвестил: "*Человек – мера всех вещей!*" — но согласно ли с этой максимой мифологическое сознание, согласно ли с этой максимой *Инобытие*, в котором нет человека, и которое мы знаем только как Миф?!

Ибо хотя и возглашается в Ветхом и Новом Заветах, что необходимо *возлюбить ближнего*, любить человека (?), но так ли это на самом деле?

Гуманистически, то есть обращенным к человеку, было мировоззрение эпохи Возрождения – человек ставился в центр всего мира – но разве ставился он в центр мира в христианстве и в иудаизме? Если же он был вторичен, подчинен чему-то более важному, то любовь к нему не имела основополагающего значения. Так женщина, выбравшая себе из ухаживающих возлюбленного, иногда в утешение говорит отвергнутому, что он ей *тоже* дорог, что она его *тоже* любит – сразу же вслед за тем, кого любит – но кого это утешает? А любят ли человека те силы, те сущности, которые ставятся в сакральных учениях на первое место? Так и мужчина клянется, что нет никого дороже, чем *она*, пока она ему не *даст*.

В марксизме-ленинизме не утверждалось, что *мера всех вещей в человеке*, отдельно взятом, частном, самом по себе, нет, действующими силами истории были "народные массы", пролетариат, рабочий класс, его боевой авангард – партия рабочего класса... ("единица – вздор! Единица ноль! Вот если в партию сгрудилась малые!") Но и в партии ведущая роль принадлежала не ВСЕЙ партии, а ее знающей и целеустремленной части, ее руководству, представляющему из себя нечто вроде "Ордена меченосцев", в котором... и, наконец, круг замыкался на *одном!* Сначала отрицался человек во имя народных масс, а в итоге и народные массы оказались ничем, ВСЁ стало принадлежать человеку, но *единственному*, самому знающему, ведущему – ВОЖДЮ (как в интернационал-социализме, так и в национал-социализме).

Сначала кто был никем, стал всем (*последние стали первыми*), а затем ВСЕ стали никем, пока и вовсе не превратились в лагерную пыль.

Что "*все для человека, все во имя человека*" – это только провозглашалось, ибо человек – лишь незначительная деталь самодовлеющей системы, что *гуманизм* вдохновляет цели социализма – это лишь дымовая завеса, скрывающая подчас неясные для самого большевизма цели. "Смерть, уничтожение, ничто – вот цели социализма", им движет *воля к смерти*, как пишет Шафаревич, и это воистину так

Но так как социализм – лишь секта внутри христианства (как и христианство – секта внутри иудаизма), то надо сначала понять до конца христианство (и хотя бы отчасти иудаизм).

В центре этих двух религий – Бог, человек же – Его (неудачное?) творение, но вместе с тем и поле продолжающегося творчества, даже более того, если верить Достоевскому, еще и то попроще, на котором Бог борется с Дьяволом (по крайней мере *сердце человека*). Взаимоотношения Бога и человека в Священном Писании допускают множество истолкований – хотя, впрочем, о каком Боге идет речь? О том ли, который существует в Сверхбытии и в Инобытии, то есть ВНЕ обычного существования (а, значит, как еще раньше я говорил, *не существует*), или о том, который создается в Инобытии как форме Мифа?) Не говоря уж о том, что многие частные люди создают свои собственные интерпретации Мифа, невзирая на то, что еще недавно их за это сжигали...

Но вернемся к любви, так как в этой главе я пытаюсь понять, что такое любовь и какую роль она играет в жизни человека.

Сначала напишу о том, любит ли человека Бог.

Бог христиан утверждал, что пришел спасти *все* народы, которые уверуют во Христа, и что все они, бывшие язычники, *ему* дороги (хотя в посланиях апостола Павла эта основополагающая идея выкристаллизовалась не сразу, сначала апостол учил, что Бог пришел прежде к евреям, потом уж к язычникам, а затем уже стал учить, что пришел Бог прежде к язычникам). Но Бог иудеев относился ко всем не равно: Он избрал Себе изначально ближний народ, дал им Завет и заповедал, что они Его народ *избранный*, и этому избранному народу дал он города и земли, и хотя часто сурово относился и к сынам Израиля, но к другим жестоко до крайности:

"А в городах сих народов, которых Господь Бог твой даёт тебе во владение, не оставяй в живых ни одной души, но предай их заклятию: Хеттеев и Аморреев, и Хананеев, и Ферезеев, и Евеев, и Иевусеев, и Гергесеев, как повелел тебе Господь Бог твой." (Второзаконие 20:16-17).

Но он же был и ревнив, не позволяя никаких сомнений о себе, не позволяя и в самом малом отклонений от "*единственно верного учения*" (как у коммунистов):

«Если услышишь о каком-либо из городов твоих, которые Господь, Бог твой, даёт тебе для жительства, что появились в нём нечестивые люди ...говоря: "пойдём и будем служить богам иным, которых вы не знали", ... то ... порази жителей того города остриём меча, предай заклятию его и всё, что в нём, и скот его порази остриём меча; всю же добычу его собери на средину площади его и сожги огнём город и всю добычу его во всеожжение Господу, Богу твоему ...» (Второзаконие 13:12-16).

Многие искушаются сими страницами Ветхого Завета и пеняют евреям, обвиняя их в жестокости за их жестокого Бога – словно Бог вавилонян менее жесток и не из человеческих тел строил башни народ сей, словно не Бог ацтеков повелевал приносить в жертву себе по сто тысяч – не покоренных народов, но даже и из своего возлюбленного!

И словно Бог христиан не был ревнив, и не пылал в течение столетий костры в Европе, на которых сжигали еретиков и ведьм. Заглянул в интернет, там перепалка, чей Бог превосходнее в жестокости, и приводится справка о

Русской земле: «1680 год. Сожжен протопоп Аввакум за двоеперстие. 1714 год. В срубе на Красной площади сожжен Фома Иванов, отрицавший Божьи чудеса и почитание икон. 1738 год. Еврей Борух Лейбов убедил поручика Александра Возницына перейти в иудаизм, оба сожжены заживо. 1743 год. Мордвин Несмеянко сожжен за то, что отрекся от православия.»

Ну а ведьм и колдунов сжигали во все века десятками.

В 1204 году в Суздале сожгли «лихих баб», которые наколдовали неурожай. ... В 1411 году в городе Пскове сожгли 12 «ведьм». 1666 год. На берегу Днепра сожжены шесть ведьм. ...

Иной читатель усмехнется, гордый современными нравами, вот ведь каковы христиане! Ну а что было написано в самом новейшем Завете, у апостола социализма Маркса и его учеников?

"А в городах и в селах, которые Революция даёт Пролетариату во владение, не оставляй в живых ни одной души из эксплуататорских классов, но предай их заклятию: помещиков и фабрикантов, купцов и священников, офицеров и жандармов, белоказиков и кулаков уничтожай всеродне, как велит тебе твоя Революционная советь" (Манифест Коммунистической Партии, гл. 1-7).

И миллионы были убиты в России в завоеванных городах, а при нашествии национал-социализма миллионы были убиты в Европе. (Майн Кампф цитировать я не буду.)

«Бога никто не видел...» – пишет евангелист Иоанн, и когда мы повествуем о Боге, сие не значит, что речь идет о Существе, имеющем человеческий образ и повелевающем казнить и миловать, посылать смолу и вар на Содом и Гоморру, разводить костры на площадях европейских городов – нет, все повеления идут либо от природных сил, либо от первосвященников и царей, Инквизиции и ЧК, вождей и гестапо, ибо Бог не является Существом, Он даже не совсем Сущность, он существует только через Миф и как Миф, и если в Капитале повествуется о том, что к революции приводит неустрашимое противоречие между общественным характером труда и частным характером собственности на средства производства, и в силу этого надо "экспроприровать экспроприаторов", то есть их уничтожить, и если в Библии повествуется о том, что по наущению Дьявола Ева вкусила с Древа познания, и в силу этого род человеческий проклят, и при втором пришествии Христа все почти люди на земле будут уничтожены, а спасется только малый остаток («Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят»), то это и значит, что Бог – ТО невидимое, что стоит за видимыми образами, за невидимым Творцом неба и земли и человека и за незримыми и неотвратимыми мировыми Законами – что принимается через Миф (христианский или марксистский) и Веру – (марксистская же *научность* не менее *мифологична*).

Но Завет Маркса грозит карами только эксплуататорам, меньшей части человечества, Завет же христиан грозит карами чуть ли не всем людям, обещая спасение лишь *малому остатку*. В одном случае говорится от имени «Науки и Законов общественного развития», в другом от имени Сына Божия, но различия в форме не должны нас смущать, это различия только в форме, в

обоих же случаях возмещает МИФ, а *воплощен* он может быть и в дерево, и в "Сына человеческого", и в незримые небесные силы, в Саваофа и в Зевса, в бесплотный «Дух святой» и в Стихии, каковыми являются и Законы экономического материализма, и Революция, и Возмездие, и Судьба, и Конец света... *воплощен* он может быть в «Корифея всех наук», в «Председателя Мао», в Фюрера, в глобализацию, в общечеловечество без границ и племен, или в неизвестного еще демона, который, быть может, грядет...

Миф и является Богом, даже если это научный миф, или Миф Политической экономии.

Отличительная черта мифа состоит в том, что с ним невозможно спорить, погруженные в миф – *верующие*, даже если они клянутся атомом и электроном.

Справедливость мифологии не вызывает сомнений, и по отношению к мифу каждый человек все равно что дикарь или, чтобы не обижать дикарей – то же что влюбленный. *Пока не спадут чары, очарованный не разочаруется.*

Итак, очевидно, что Бог человека не любит (хотя на него и направлена его деятельность), Бог ли Ветхого Завета (и Нового) или Бог науки.

Но человек Бога любить *должен – всем сердцем своим, и всю душу свою, и всю крепостию, и всем разумением своим* – Иегова ли этот Бог, или *родная* коммунистическая партия.

6. Любовь к Богу – или ненависть к человеку?

11 июня 2014. Изнемогаю в болезнях, но еще пуще в сомнениях. Вот закончу я свои рассуждения и *узнаю*, наконец, что «я не зерно, а потому курица меня не склюёт» – но не будем ли мы все так же несчастны, если не более, не будем ли все так же прятаться в самый нелепый и самый жестокий Миф, ибо «хотя мы и узнаем, что мы не зерно, но курица ведь не узнает!»

Эта курица – наша жизнь, и даже когда она к нам милосердна, близится миг, когда она каждого из нас *окончательно* клонет... вот перед этим мгновением еще отчаяннее мы мечемся в поисках новых Мифов.

Историю мы, как правило, знаем плохо, поэтому мифологизируем недавнее время, и за эти мифы держимся крепко.

Перечитывал недавно "Блокадную книгу", сердце обливалось кровью от сочувствия к страдальцам.

Но почему многие ее ненавидят? Что их в ней раздражает?

И наконец я понял.

Эти люди воспитаны в традициях советского патриотизма, они любят свое государство и живут в согласии с «своим временем», которое они принимают не только как должное, но и как необходимое, удовлетворяющее высоким критериям правды и справедливости... или чего-то еще, чему они молятся... *Их время* началось в семнадцатом году, когда был разрушен несправедливый эксплуататорский строй и настало царство справедливости, "пусть и трудной, но достойной". Коммунистическая эра для них еще не закончилась, несмотря на богатство и власть олигархов, они все еще живут *в своем* прошлом времени, гордятся "свершениями" и Победой.

Но после Блокадной книги им уже не так легко восторгаться Подвигом народа, победившего фашизм и Гитлера, мысль о страданиях и принесенных на алтарь этой победы жертвах, многие из которых, быть может, были даже неоправданны, мешает их гордости.

Патриот молится государству, это его церковь, его святыня, Бог – всё.

Несчастные и несправедливо уничтоженные мешают им любить этого Бога и быть с ним в любовном согласии. Но не значит ли это, что коммунист или "патриот-государственник", любя *государство* и государственную власть, как и христианин *любит церковь и Бога* (как дети любят даже сурового отца, как жена подчас любит мужа даже жестокого, который ее бьет!) – ненавидят *человека*, иногда от себя втайне, иногда бессознательно?

ВСЕ верующие, и те, кто с иконами пресвятой Троицы, и те, кто с красным знаменем и портретом Сталина, *сначала* должны возлюбить Бога – и они его возлюбляют, а *потом* уже человека... но до "потом" дело как правило не доходит. Да и не остается уже у них любви, она изливается вся на первенца в любви, которым является Миф: Бог ли еврейского народа, Христос, Будда, "строительство светлого будущего", победа в смертельной войне, вожь-победитель. Мифом, который является Богом, может служить очень многое, это станет понятнее, если мы заменим слово Бог словом святыня – и хотя Бог обычно еще является и Демиургом, создателем если не всего Бытия, то хотя бы нашего мира или только Человека, но и Нечто меньшее, чем Демиург, может заменить Божество как Символ святости, поклонения, выхода за границы обычного мира. Таким ограниченным Богом может стать романтика звездных полетов и встреч иных миров, романтика стремления к мировому господству, как у нацистов.

В Боге, как обычно верит *верующий*, заключена Истина – но разве не истину ищет и современный ученый-позитивист, отрицающий, как ему кажется, всякую "чертовщину" и Бога в том числе – но, значит, разве не Бога в Истине ищет этот ученый? Но научная деятельность не включает в себя "духовную жажду", она может обходиться без нее, поэтому, скорее, ищет Бога шарлатан-алхимик, колдун и маг – и все же и Атеизм неотвратимо мифологизируется и превращается в Религию, это очевидно по опыту жизни в СССР в двадцатом столетии: выросло несколько поколений своеобразных верующих – в безбожие, в мир без духа, в царство Материи, или, по крайней мере, в Материю, способную при надобности произвести достаточный объем духа. Отличительными признаками таких верующих является их догматизм, убежденность (которая сродни вере – ибо в справедливости Таблицы Менделеева мы НЕ убеждены, хотя и не сомневаемся), неспособность раздвигать границы, в которых заключена их мысль.

Да, есть еще одна важная особенность любви сакральной, она состоит в верности. Мы, мужчины, как правило любим женщину, но мы ей не верны (даже когда, по исключению, верны). Я любил математику, не зря же на ней женился, но я не был ей верен, и в конце концов совсем изменил, то есть просто перестал заходить в Дом, где она обитает. А сакральной любви не изменяют, она дается на всю жизнь. Хотя, конечно, и здесь бывают исключения...

И все же, разве нельзя, любя Бога, любить кого-то еще?

7. Велит ли христианство любить мир и человека?

Увы, Бог ревнив и эгоцентричен, он требует человека целиком, он требует его себе даже пуще чем в рабство, он требует его себе в жертву. Человек, приходящий к Богу, отказывается от ВСЕГО, что ВНЕ Бога, даже от собственной воли, и как Христос, идущий на Голгофу, восклицает: ***Но да будет воля Твоя, а не моя!***

Потому мужчины и женщины, выбирающие любовь к Богу, отказываются от семьи, от телесной любви, рождения детей, мирской жизни.

Если хотите любить Бога, то тогда, как сказано в Первом соборном послании Иоанна Богослова, ***«не любите мира, ни того что в мире! Кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек.»***

Но если не следует любить ничего из того, что в мире, то возможно ли любить человека, ибо это через него всё то, что не следует любить, то есть ***«похоть плоти, похоть очей и гордость житейская»***?

И все же, хотя прежде необходимо ***«любить Господа Бога всем сердцем, и всею душою, и всею крепостию, и всем разумением»*** и ***«не любите мира, ни того что в мире!»***, но есть же и ***«вторая заповедь подобная первой: Возлюби ближнего твоего, как самого себя!»*** – не значит ли это, что необходимо ***любить и человека?*** И потому необходимо понять, что значит ***любить ближнего***, возможно ли его любить, сочетается ли эта любовь с любовью к Богу.

Казалось бы, ничто из живущего не живет без любви: если не склоняется к другому в страсти и влечении, то хотя бы помогает или сочувствует, в природе это повсеместно и сообразно с естеством, посему называется такая склонность ***любовью естественной***. Склонность и сочувствие среди людей естественно дополняются запрещением не причинять вреда ближнему своему, и десятая заповедь Моисея гласит: ***«Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего.»*** И в книге Левит еще к сему добавлено: ***«Не обижай ближнего твоего и не грабительствуй.»***

И я думаю, что все это очень хорошо, и как в древне-библейском народе, так же это и у других племен и народов, и если бы мы жили в обществе, руководствующемся этими наставлениями, то можно ли было бы желать большего? – если бы христианское повеление ***«любить ближнего»*** и было повелением любить человека, и не шла в христианстве речь о ***другой любви*** – а дополняет ли она Любовь к Богу или растворяется в ней, то есть остаются ли две различные любви, одна к Богу, другая к человеку, или существует только Любовь к Богу, об этом еще надо нам поразмыслить.

И тогда мы увидим, существовала ли когда-нибудь на деле любовь к человеку и согласны ли с "любовью к ближнему" и восклицаниями ***«все для человека, все во имя человека»*** и ***«человек – это звучит – гордо!»*** жестокости христианской эры и преступления двадцатого столетия, ибо все же и те и другие не велит любить мира и того, что в мире.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ ЛЮБОВЬ К БОГУ

«Чего мне не хватает?

Глубокого понимания и способностей творчества и действия, которые я называю Магическими.

Ну и, наконец, почему так трагична жизнь писателя? Она словно бы треплет нас как лен, безжалостно, чтобы выделать из нас гениев.

Свою книгу, Отбеливание льна, я пишу пятьдесят лет и сжигаю, и снова, когда жизнь начинает трепать, продолжаю.

Хотя на меня изливается так много сочувствия, помощи, любви, что мне грех на жизнь сетовать, разве я не баловень судьбы?..

А у Вас есть сочувствие – только через него исправляются наши недостатки и слабости, и проистекающих из сочувствия любви и потребности помогать другим.

Пишите книгу, любите близких и дочурку, иногда посылайте мне утешительные слова, этого мне достаточно. Ну и культура и работа... и весь остальной божий мир...

Мои трудности, я надеюсь, преодолеются помощью внешнего мира, на которую я надеюсь, и собственными духовными усилиями, и тех, кто меня любит, и помощью литературы и музыки.

А вы, мой ангел, *счастливьтесь* во всю силу, иногда мне пишите, и я тоже буду посылать Вам какие смогу флюиды..»

Из письма читательнице

1. Возвращение к Запискам с чувством исполненного долга.

15 июня 2014. Как ни удивительно, но *должную* редакторскую работу я исполнил, тексты были прочитаны и отосланы в Издательство. Да еще удалось съездить в деревню на целых четыре дня, я ремонтировал сарай, косил траву, полон грядки. Может быть, несколько слов надо сказать о том, все ли я еще плыву и не ухватился ли за что-то более прочное, и затем продолжить писать Книгу – но хвататься пока не за что, Левиафан у ворот, но выжидает, и я пытаюсь о нем не думать. Авось... да, вот это у меня единственная надежда...

Я человек страстный и пристрастный, мятущийся и исполненный слабостей, не только телесных, но и душевных. Слишком часто забываю я о долге, потом спохватываюсь, пытаюсь исправить свое небрежение должным, иногда это мне удается. А если не удастся, я испытываю если не страдание, то чувство неловкости и огорчения. Но, как ни удивительно, *должное* и *Долг* совсем ничего не значат для правильного христианина, можно пренебречь заботой о близких, о родине, пренебречь обязанностями гражданина и семейного человека, друга и возлюбленного, и оставаться христианином.

Я легко падаю духом, когда приходят испытания, стремлюсь к удовольствиям, к преодолению невзгод, мечтаю о счастье, немало о нем хлопочу и забочусь – а христианин должен умертвить все привязанности, и уж тем более не стремится к счастью, не только принимать страдания смирением, но даже с радостью.

Такой идеал человека, который предлагается христианским учением, никак не возможно соединить с любовью и сочувствием к человеку, отдельному, действительному, а не символическому.

Жаль, что я беспокоен и огорчен, что плохо мне телесно и душевно, трудно писать что-то стоящее, когда не погружен в творчество, а отвлекаешься от него, или вздрагиваешь от страха, или терзаешься от жажды, жара, желания сна, желания сочувствия близких. Но ведь и близкие мои таковы, и я этим себя утешаю. Я им сочувствую в их горестях и болезнях, и они мне сочувствуют тоже. Возможно, нас не соединяет любовь. Но нас соединяет нечто более важное и высокое – сочувствие или *сострадание*, или *жалость*.

2. Не вымощена ли и «любовью» дорога в ад?

17 июня 2014. Религиозный миф разрушителен, что бы он ни обещал в будущем – спасение души, райское блаженство в мире *том*, царство справедливости в мире *этом*, – но он *начинает* с того, что предаёт проклятью нечто привычное и важное для человека, и далее во всей своей деятельности руководствуется только тем, что важно для Мифа.

«Весь мир насилья мы разрушим

До основанья. А затем

Мы наш, мы новый мир построим:

Кто был ничем, тот станет всем!» – поется в большевистском гимне.

«Многие, кто сейчас первые, станут последними, а последние – первыми.» – говорится в Евангелии от Матфея.

Сходство двух мифов в тысяче важных сентенций и даже в мелочах столь поразительно, что не стоит далее на этом останавливаться, к тому же я и не собираюсь сие сходство доказывать: кто с ним не согласен, тот пусть и думает по своему. Так ведь бывает и при сходстве двух сестер, когда кто влюблен в одну из них, то его раздражает, если ему указывают на вторую, которую он не любит. Нет, кричит он, они даже противоположны!

И это тоже справедливо, они могут быть и похожи и противоположны одновременно, как и Иудаизм и Христианство, но апостолы и евангелисты и отцы церкви соединили, однако, их вместе в Священном Писании, и Ветхий Завет сделали словно бы как Предисловие к Новому. Хотя в быту, в частности, в России даже в девятнадцатом столетии, мирянам не поощрялось читать Ветхий Завет, и даже многие священники были в нем мало сведущи, и на всю Орловскую губернию, пишет Лесков, был только один экземпляр Библии – у епископа.

Крупные общественные движения, теории и религиозные мифы все кланутся в любви к человеку, все пытаются ему помочь, освободить от

рабства, от проклятия, от нищеты, но легче дышать человеку становится только тогда, когда эти учения и движения находятся уже на излете, дряхлеют, энергия и сила давления на человека ослабевают.

Так коммунисты начали с того, что перебили в собственной стране три четверти образованного народу, в результате революции, карательных походов, Гражданской войны, чисток и усмирений, а остальных половину изгнала в чужие страны; так и христиане поломали предметы искусства, чуждые святыни, театры и храмы, сожгли рукописи и книги и остались с народом кротким и смиренным, как и положено было по их теории.

Лозунги у тех и других были правильными, человеколюбия чуть ли не избыток, приговаривая очередную жертву к сожжению, судьи рыдали. Так как основным способом установления истины была пытка, то во избежание злоупотреблений велено было ограничиться пыткой разовой, а не применять ее к одному лицу дважды или трижды – посему при продолжении пытки в другой день говорилось, что это не новая пытка, а продолжение старой. Буде кто пытку выдерживал и в сношениях с дьяволом не признавался, те все равно объявлялись преступниками, ибо считалось, что именно дьявол в таком случае им помогает.

Почему не упорствовали арестанты в СССР, не всегда ясно, одни не выдерживали пыток, вторые от страха, но на процессах над коммунистическими вождями создавалось впечатление, что они добровольно стремились помочь следствию и обвинить как можно больше невинных людей.

И при этом "вольняшки" продолжали верить, что у нас самый справедливый в мире строй, что он создан и существует для блага человека... ну а что касается разных "врагов народа" и прочих, не достойных этого высокого звания – человек – то репрессии против них были необходимы для защиты интересов достойных.

С тех пор как сказал Христос, что не мир он принес в мир, а меч, все учения, кроме Буддизма, проповедовали бескомпромиссную войну против Дьявола и его сил зла; согласно христианству дьявол гнезвился в душе каждого человека, ибо в результате первородного греха вся природа пала, и не только человеческая, а в рамках коммунистического учения Дьяволом были все эксплуататорские классы в совокупности, и все те, кто их поддерживал, вольно или невольно, и все, кто им сочувствовал, и те, кто проявлял "мягкотелость", например, не доносил на родных и близких.

Своеобразная «любовь к ближнему»... К ней нам и надо присмотреться.

3. Любовь к ближнему

Что же она означает? Последую за объяснениями известнейшего духовного писателя 19-го столетия епископа *Игнатия* (Дмитрия Александровича *Брянчанинова*, 1807 – 1867). Будущий епископ был хорошо образован, еще дома упражнялся в каллиграфии, рисовании, нотном пении, игре на скрипке, а в 1826 году окончил Военное инженерное училище, где получил еще и отличное математическое образование.

Перед ним открывалась блестящая карьера, однако он стал монахом, к чему склонность имел с отрочества, и духовным писателем.

Итак, обратимся к Игнатию Брянчанинову, так же вдохновенно, как и апостол Павел, говорящему о любви:

«Ощувивший любовь духовную, с омерзением будет взирать на любовь плотскую, как на уродливое искажение любви.

Весь закон и пророки сосредоточиваются в любви к Богу и ближнему.

Любовь к ближнему есть стезя, ведущая в любовь к Богу: потому что Христос благоволил таинственно облечься в каждого ближнего нашего, а во Христе – Бог.

Не подумай, возлюбленнейший брат, чтоб заповедь любви к ближнему была так близка к нашему падшему сердцу: заповедь – духовна, а нашим сердцем овладели плоть и кровь; заповедь – новая, а сердце наше – ветхое.

Естественная любовь наша повреждена падением; ее нужно умертвить – повелевает это Христос – и почерпнуть из Евангелия святую любовь к ближнему, любовь во Христе.

Свойства нового человека должны быть все новые; никакое ветхое свойство нейдет ему.

Не имеет цены пред Евангелием любовь от движения крови и чувствовании плотских.

И какую может она иметь цену, когда при разгорячении крови дает клятву положить душу за Господа, а чрез несколько часов, при охлаждении крови, дает клятву, что не знает Его?.

Евангелие отвергает любовь зависящую от движения крови, от чувств плотского сердца. Оно говорит: *Не мните яко приидох воверещи мир на землю: не придох воверещи мир, но меч. Приидох бо разлучити человека на отца своего и дочь на мать свою, и невесту на свекровь свою. И врази человеку домашнии его.*

Падение подчинило сердце владычеству крови, и, посредством крови, владычеству миродержителя. Евангелие освобождает сердце из этого плена, из этого насилия, приводит под руководство Святого Духа.

Святой Дух научает любить ближнего свято. Любовь, возженная, питаемая Святым Духом – огонь. *Этим огнем погашается огонь любви естественной, плотской, поврежденной грехопадением.»*

Но, быть может, возможно одновременно возгораться и огнем любви духовной – к Богу и "ближнему", и огнем любви естественной, плотской – к женщине, семье, роду, родине?

Нет, *«говорящий, что можно иметь ту и другую любовь, обольщает сам себя»*, сказал святой Иоанн Лествичник», – дополняет свою проповедь словами духовного сподвижника святитель Игнатий.

Святитель говорит о любви не во всех ее разновидностях, но только о любви "плотской", то есть о любви к женщине, любовнице, жене, и о той любви, которая из сего проистекает, он отрицает и ее, ссылаясь на Евангелие, которое «отвергает любовь зависящую от движения крови, от чувств плотского сердца.»

«Естественная любовь наша повреждена падением; ее нужно умертвить»,

говорит святитель, таким образом и та любовь, которая в заповедях Ветхого Завета благословляется, то есть любовь к родителям, любовь родительская, им отвергнута (как и Христом), ибо «ощутивший любовь духовную, с омерзением будет взирать на любовь плотскую, как на уродливое искажение любви.»

Итак, «не подумай, возлюбленный брат, чтоб заповедь любви к ближнему была ... близка к нашему падшему сердцу: заповедь – духовна, а нашим сердцем овладели плоть и кровь; заповедь – новая, а сердце наше – ветхое. ...»

Свойства нового человека должны быть все новые; никакое ветхое свойство нейдет ему.

Не имеет цены пред Евангелием любовь от движения крови и чувствовании плотских.»

Итак, наивные "новые русские христиане", думающие, что Христос пришел подтвердить Заповеди Моисеевы, то есть пришел еще раз сказать, что надо почитать отца и мать, любить братьев и сестер, заботиться о детях, остались еще в Ветхом Завете, и в "естественной любви", которую "нужно умертвить".

Святая *любовь к ближнему* – это любовь во Христе.

«Совершенная любовь к ближнему – в любви к Богу, для которой нет совершенства, для которой нет окончания в преуспевании.»

Та любовь, которая нам, обычным грешным, дана – это "любовь по *сердечной склонности*", к своим детям, жене, друзьям, родителям, к своему роду и своему народу.

Но «когда сердце твое не свободно, – это знак пристрастия».

«Взгляни на предметы твоей любви: они очень тебе нравятся? К ним очень привязано твое сердце? – Отрекись от них».

«Истинная любовь к ближнему основана на вере в Бога: она – в Боге.»

Вне веры в Бога и вне любви к Богу «любовь к ближнему» не имеет смысла и не существует.

А, следовательно, она и НЕ СУЩЕСТВУЕТ. Ее нет самой по себе, как отношений между мужчиной и женщиной, отношений семейных и дружеских, нет и того чувства, которое Гоголь называл *товариществом* и которое воспел в героической повести «Тарас Бульба».

Если бы я не пытался в своих заметках быть не слишком пристрастным, я бы сказал, что эта бесплотная и бесполовая любовь не менее извращенная любовь, чем любовь однополая.

Чтобы *возлюбить ближнего*, надо возлюбить Бога, увидеть в ближнем образ Божий, и возлюбить не ближнего как такового, а образ Божий, который в нем.

Таким образом, кого же следует возлюбить по учению Евангелия?

Во-первых, *Бога*, во-вторых, *ближнего*. Но значит ли это, что в ближнем надо возлюбить подлинного человека, с его слабостями, муками, надеждами и склонностями? Нет, и в *ближнем* надо возлюбить Бога, ибо надо возлюбить в ближнем *образ Божий*, но не образ человеческий. Если учение о любви к человеку в эпоху Возрождения являлось Гуманизмом, то чем же тогда является учение о любви к ближнему – в любви к Богу?!

4. Любовь к Богу

Что же она означает? Последую и здесь за объяснениями Игнатия Брянчанинова, тем более что все православные писатели повторяют друг друга, ни в букве ни в духе у них нет разногласий, они ведь пишут не от «своего мудрствования», а от слова Божьего, как они его понимают.

В мои отроческие годы при критике того, что кто-нибудь пытался высказать в философии, сильнее всех других обвинений было обвинение в *отсебятине*. «Да что ты отсебятину порешь?! – возмущенно говорили такому незадачливому мыслителю.

Боязнь и неспособность высказывать (или *пороть*) отсебятину объединяет христианских и коммунистических философов.

Итак, что же такое Любовь к Богу?

«Не сочиняй себе восторгов, не приводи в движение своих нервов, не разгорячай себя пламенем вещественным, пламенем крови твоей. Жертва, благоприятная Богу – смирение сердца, сокрушение духа. С гневом отвращается Бог от жертвы, приносимой с самонадеянностью, с гордым мнением о себе, хотя б эта жертва была всесожжением. ...

Послушание пред Господом паче жертвы благи, и покорение паче тука овня, говорил пророк царю израильскому, дерзнувшему принести Богу неправильную жертву (1Цар.15:22): желая принести Богу жертву любви, не принеси ее своевольно, по влечению необдуманному; принеси со смирением, в то время и на том месте, когда и где заповедал Господь. ...

Ты хочешь научиться любви Божией? Удаляйся от всякого дела, слова, помышления, ощущения, воспрещенных Евангелием. Враждою твоею к греху, столько ненавистному для всесвятого Бога, покажи и докажи любовь твою к Богу. Согрешения, в которые случится впасть по немощи, врачуй немедленным покаянием. Но лучше старайся не допускать к себе и этих согрешений строгою бдительностью над собою. ...

Постоянным уклонением от зла и исполнением евангельских добродетелей – в чем заключается все евангельское нравоучение – достигаем любви Божией. ...

Совершенство любви заключается в соединении с Богом; преуспеяние в любви сопряжено с неизъяснимым духовным утешением, наслаждением и просвещением. Но в начале подвига ученик любви должен выдержать жестокую борьбу с самим собою, с глубоко поврежденным естеством своим: зло, природнившееся грехопадением естеству, сделалось для него законом, воюющим и возмущающим против Закона Божия, против закона святой любви.

Любовь к Богу основывается на любви к ближнему. ...Когда сердце твое осенится святым, благодатным миром ко всему человечеству, тогда ты при самых дверях любви. [Или забыл *свяtitель*, что только что он утверждал, что «Истинная любовь к ближнему основана на вере в Бога: она – в Боге»?]

Но эти двери отверзаются одним только Духом Святым. Любовь к Богу

есть дар Божий в человеке, приготовившем себя для принятия этого дара чистотою сердца, ума и тела. По степени приготовления бывает и степень дара: потому что *Бог и в милости Своей – правосуден*. [Узнаю математика, мыслящего рационально. Апостол Павел, казалось бы, должен быть авторитетен и для епископа Игнатия, но апостол говорил, что *даром* мы получаем от Бога любовь и спасение, а не по заслугам. Да и вообще в монашестве очень сильно представление трансцендентного и не детерминированного мирским восприятия любви и веры, благодати и спасения – как результата определенных действий. Но кто читал Новый Завет, тот знает, что это и так и не так...]

Любовь к Богу вполне духовна: *рожденное от Духа дух есть (Ин.3:6)*.

Рожденное от плоти плоть есть (Ин.3:6): плотская любовь, как рождаемая плотью и кровью, имеет свойства вещественные, тленные. Она непостоянна, переменчива: огонь ее вполне в зависимости от вещества.

Слыша от Писания, что Бог наш огонь (см. Евр.12:29), что любовь есть огонь, и, ощущая в себе огонь любви естественной, не подумай, чтоб этот огонь был один и тот же. Нет! Эти огни враждебны между собою и погашаются один другим (Лествица. Слово 3 и Слово 15). *Служим благоугодно Богу, с благоговением и страхом. Ибо Бог наш огонь поядаяй (есть) (Евр.12:28.29)*.

Естественная любовь, любовь падшая, разгорячает кровь человека, приводит в движение его нервы, возбуждает мечтательность; любовь святая прохлаждает кровь, успокаивает и душу и тело, влечет внутреннего человека к молитвенному молчанию, погружает его в упоение смирением и сладостью духовною.

Многие подвижники, приняв естественную любовь за Божественную, разгорячили кровь свою, разгорячили и мечтательность. Состояние разгорячения переходит очень легко в состояние иступления. Находящихся в разгорячении и иступлении многие сочли исполненными благодати и святости, а они несчастные жертвы самообольщения.

Много было таких подвижников в Западной Церкви, с того времени как она впала в папизм, в котором богохульно приписываются человеку Божеские свойства, и воздается человеку поклонение, подобающее и причастующее единому Богу; много эти подвижники написали книг из своего разгоряченного состояния, в котором иступленное самообольщение представлялось им Божественною любовью, в котором расстроенное воображение рисовало для них множество видений, льстивших их самолюбию и гордости.

Сын Восточной Церкви! Уклонись от чтения таких книг, уклонись от последования наставлениям самообольщенных. Руководствуясь Евангелием и святыми отцами истинной Церкви, восходи со смирением к духовной высоте *любви* Божественной чрез посредство делания заповедей Христовых. ...

Тщетен труд, бесплоден он и вреден, когда мы ищем преждевременно раскрыть в себе высокие духовные дарования: их подает милосердый Бог в свое время, постоянным, терпеливым, смиренным исполнителям евангельских заповедей. Аминь.»

5. Любовь к человеку

«Ничто из живущего не живет без любви: если не склоняется к другому в страсти и влечении, то хотя бы помогает или сочувствует». Любовь разлита в мире, надо ли ее так уж проповедовать? Но, говорит епископ Игнатий, разлита в мире совсем не та любовь, которая требуется, эта, разлитая в мире, *естественная*, ее надо умертвить и облечься в любовь божественную, ибо, чтобы *возлюбить ближнего*, надо сначала *возлюбить Бога*.

Но что же такое «Любовь к Богу»? Из пространных объяснений епископа Игнатия я этого уразуметь не смог.

В Первом соборном послании Святого апостола Иоанна Богослова говорится:

«Бога никто никогда не видел. Только если мы любим друг друга, Он в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас.

... не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?»

И, наконец, я успокаиваюсь, и хотя, возможно, я уже почти совсем стал язычником, но не боюсь ни спорить с Иоанном, ни соглашаться – споря, я не слишком от него уклоняюсь, соглашаясь, не слишком уклоняюсь от самого себя.

Христос, Сын Божий, пришел в мир для спасения человека, движимый любовью. Сколько бы суровых слов в осуждение человека ни говорилось им, но невозможно пожертвовать жизнью для человека, ненавидя его, но только любя. От комсомольских христиан (как и от средневековых монахов) я слишком много слышал слов осуждения человека, и о том, что человек слаб, и что растлен, и что мерзок, наверное, пять из каждых четырех богословских статей посвящены именно мерзости человека, вот и в интересном фильме «Остров» повторяются эти старые классические слова «Да мои добродетели смердят перед Богом!» Это говорит святой. Что же тогда сказала бы грешница, которую тащили библейские старцы, чтобы побить камнями за блуд?

Итак, Бог снизошел до человека, движимый любовью. Надо бы и человеку полюбить Бога. Но как? Ученым математикам, увы, как и Игнатию Брянчанинову, объяснить это нам не удастся. А это, оказывается, уже давно объяснено. *«Бога никто никогда не видел. Только если мы любим друг друга, Он в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас.»*

Итак, ***не любовь к человеку через любовь к Богу, а любовь к Богу через любовь к человеку.***

6. Любовь к Богу и Любовь к человеку

Сакральный миф клянется любовью к человеку и благом его, но надо признать за неоспоримое, что любовь к Богу противостоит любви к человеку. Чем больше человек любит Бога, тем меньше он любит человека.

Мы христианство знаем преимущественно через культуру, в особенности через литературу, иногда и через собственный духовный опыт. Учат нас ему старец Зосима или игумен (архимандрит) Авраамий, писатели Достоевский и Толстой, философы Павел Флоренский и Сергей Булгаков, а то и Бердяев,

Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Максимилиан Волошин, музыканты Римский-Корсаков, Мусоргский и Скрябин, мистик Даниил Андреев. Что христианство не любит культуру и противостоит ей, об этом мы забываем.

Но так же и марксизм (достаточно вспомнить навязшую в зубы партийность литературы, проповеданную Лениным, расстрельные списки поэтов, сочиняемые Сталиным).

Но разве они противостоят только культуре? Нет, прежде всего они противостоят человеку. Горьковская метафора «Человек рожден для счастья» христианству ненавистна, ибо «Человек рожден не только для того, чтобы умереть, но и жить аки умереть!» – где тут место для счастья?

Есть ли место для той любви, о которой нам рассказывает великая русская литература девятнадцатого века (да и французская тоже) среди духовной «любви к ближнему», о которой говорится, что «ощутивший любовь духовную, с омерзением будет взирать на любовь плотскую, как на уродливое искажение любви»?

7. Скорбит душа

17 июня 2014, полночь. Кажется, совсем недавно я был пионером, потом, чуть позже, но тоже недавно, НЕ был комсомольцем, и никогда не состоял ни в одной партии, тем более в «партии развитого социализма».

Я, конечно, по отзывам многих, уже с детских лет был не совсем от мира сего, и постоянно оказывался плывущим *против течения*. В школе и в университете мы изучали, помимо нужных и глубоких дисциплин, множество разнообразной чепухи, а часто и всяческой мерзости, книги, которые нам навязывались, оскорбляли всю русскую историю, «белогвардеец» был символом негодяя и чуть ли не убийцы, помещики, попы и аристократы были людоедами, купцы – пьяницами и невежественными дикарями, офицеры – сплошь скалозубами, чиновники – только ворами (как сегодня).

Читали все это, учили наизусть, и не оскорблялись ни за царя, ни за бога.

В трудное положение попал я сегодня.

В 64-м году пламенные комсомольцы сорвали со стены Матмеха Литературную газету, редактором которой я был, потому что, кажется, я позволил себе что-то светлое сказать о прежней России и ее храмах. Сегодня пламенные христиане, напротив, готовы меня растерзать за трезвый взгляд на Историю России и Европы, прежде всего на духовную и культурную.

Казалось бы, Вольтер позволял себе гораздо более резкостей в отношении Церкви, это ему принадлежат кощунственные слова «Надо раздавить гадину!», однако же с ним переписывалась Екатерина Великая. Чемберлен в своей книге «Основания девятнадцатого столетия» приводит примеры вопиющей жестокости христианских церквей, но консервативное немецкое общество не попыталось сжечь его самого. Даже Пушкина, невзирая на Гавриилиаду, читали и прославляли, а позже воздвигли памятник.

Сегодня российское общество стало так же НЕТЕРПИМО, как недавно вчера, только вчера нельзя было хотя бы вскользь задевать марксизм и советскую литературу, сегодня хотя бы вскользь нельзя задевать христианство и русскую классику.

Помимо "общества", которое само нетерпимо и переменчиво, и сегодня поносит то, что восхваляло вчера, есть ведь еще немало читателей, которых я люблю и не хочу обижать. Но хотя они читают Вольтера, нападавшего на церковь (да и на христианство), и восхваляют его и не бьют стекла в его жилище, но на меня они обижаются. И хотя они восхваляют Варлама Шаламова, который отверг марксизм и даже не был христианином, меня они, возможно, попытаются растерзать.

Если я уверяю, что люблю и Пушкина и Толстого, да и их, *ближних*, тоже люблю и даже, временами, жалею, они требуют от меня, чтобы я сам сжег свои книги.

Были у меня читатели и из моего поколения, и чуть старше, но они уже умерли, умер Никольский, еще десять лет назад сказавший, что в моих книгах соединены Исповедь и Проповедь, умер Саша Михайлов, полагавший, что я возродил чуть ли не древний античный жанр, Мениппею, умер Толя Степанов, просто любивший со мной разговаривать и меня ничему не учивший. А хотя я и пытаюсь придать себе черты "героя из мифа", но вовсе не самонадеян, не восхваляю свои сочинения, не уверен в достоинствах их, и даже две из уже написанных книг отправил в Корзину, а две другие разъял на части и переписываю. Да и те, с которыми уже смирился, не восхваляю, и надо ли их оставить, не знаю.

У меня есть три читательницы и сегодня, и они меня хвалят и даже любят, и я их люблю, потому и боюсь их обидеть, но мне трудно их не задеть при моей горячности: одна из них любит революционеров, другая – христиан, третья – сторонница эволюции.

Как же мне быть?

Сложить вместе Дарвина, Библию и Капитал и поклониться в любви к ним ко всем, чтобы никого из читательниц не обидеть?

18 июня 2014, дождливое утро. Вчера я чуть не заплакал.

Так как мои друзья меня любят, то они хотят мне помочь, прежде всего в моих беспомощных попытках писать. Десять лет назад А. прочитал мой роман «Боль и любовь», вернул мне с пометками, потом потребовал назад, собираясь из романа сделать повесть, страниц на тридцать, чтобы я прославился. Я ему роман не вернул, и он на меня обижается.

Второй товарищ посоветовал мне последнюю книгу выбросить, чтоб не срамиться (как уже сделала это племянница, выбросив по совету *батюшки* книги мои на помойку).

И, наконец, самый терпеливый решил мою книгу отредактировать, исправив в ней грубые ошибки и сократив непомерные длинноты.

Правда, он предлагал начать с кардинальных переделок, выделить из нее некоторую часть и превратить в статью, назвав «Записки редактора-дилетанта», а остальное, сократив втрое, и оставив только то, что относится именно к «Призванию литературы», как у меня было именовано, уже и начать редактировать. Но я из последних сопротивлялся.

В третью встречу мы уже подошли к пятнадцатой странице, как вдруг позвонили два других моих товарища и через десять минут принесли еще

две "маленькие". Отодвинув на время листки и разлив по стаканам, мы выпили.

– Ну, что, все мучаетесь? Ищете соль? Соли там нет, одна желчь. Ненависть к русской литературе и русским гениям. И *поток воспаленного сознания*.

Надо выбросить все, что говорится о Толстом, все цитаты из Мережковского и из всех современных писателей, так как литературы уже давно нет, она умерла, поэтому нет и никаких современных писателей. Надо выбросить и все то, что автор пишет о себе, так как это нескромно.

Можно оставить несколько рассуждений о поисках призвания... хотя, впрочем, все, кто был призван, свое призвание не только нашли, но и оправдали. Да, надо быть скромнее. Разве ты уже знаешь, в чем призвание литературы?

– Нет, – пролепетал я.

– Вот так и напиши: "Несколько мыслей при чтении душеполезных книг". Или: "О пользе чтения". Или: предложения по внеклассному чтению для средних классов... На старшие ты не потянешь...

Мне показалось, что я уже где-то это слышал, кажется, в Театральном романе, и я об этом сказал. И еще предложил изменить название книги, оставив его зачеркнутым волнистой чертой.

– Мы тебе добра хотели, я даже начал твою поганую книжку читать, а ты еще нас оскорблять вздумал?!

Книга полетела в меня, грохнула дверь, товарищи удалились.

Сели мы с редактором продолжать чтение дальше, как снова раздался звонок, оба они явились, принеся еще маленькую.

Во избежание взаимного непонимания решили мы говорить только о детях, тем более что Толстой советовал у них учиться писать. Теперь раз-говор потек и закончился мирно, критические читатели ушли удовлетворенные, посоветовав быть смиренным и кратким, а лучше не писать больше совсем ничего.

19 июня 2014, середина дня. Против меня возобновили старое дело, десятилетней давности, так как десять лет еще не до конца прошли. Грозит мне до пяти лет тюрьмы и конфискация имущества.

Левиафан государства рычит перед дверью, я вздрагиваю от каждого шороха, не взламывают ли они уже дверь, чтобы отобрать квартиру, в которой живет семь человек.

Ходил вчера получить пенсию, нет, пенсию они уже отобрали, и хотя и пришел я к выводу, что *редактировать* писателей, пожалуй, и впрямь излишне, так как хороших – не надо, они и сами с усами, а плохих улучшать – только портить, но надо ведь мне хоть немного зарабатывать, чтобы ездить в деревню, покупать хлеб и сметану, а иногда покупать и *маленькую*?!

Поэтому... да еще меня и литература волнует, и женщины, любовь, неустройство жизни, и нет у меня «Ясной Поляны», из которой можно бы убежать, и нет тысяч почитателей, спрашивающих у меня о смысле жизни... поэтому я и продолжаю писать. С тремя верными я поделюсь написанным, а от других теперь придется его утаивать...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
СОЧУВСТВИЕ И БЛАГОДАТЬ

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется.
Но нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать.*

Ф. И. Тютчев

1. Чудо, Тайна и Авторитет

21 июня 2014, *хмурый вечер*. Инобытие мы «знаем» тройко, хотя, разумеется, мы его *знаем* не в том смысле, в котором знаем математические теоремы, например, хотя бы и "неудобовразумительную" теорему Гёделя, или тем более простую теорему Пифагора или *Закон всемирного тяготения* и отношение скорости падения с крыши сарая в зависимости от его высоты.

И так же, разумеется, мы его *не знаем* в том смысле, в котором вообще *знаем* результаты научных исследований, относительно которых временами хотя и спорим, но в конце концов соглашаемся, и не остаётся сектантов и диссидентов, продолжающих верить в то, что Земля плоская. Да и форму Земли мы бы узнали правильно задолго до *христианства*, если бы оно само не вмешалось в научное знание, получаемое нами в результате астрономических исследований и не объявило его *знанием сакральным*, получаемым из Священного Писания, а не из математики, физики, астрономии и географии. Правда, в двадцатом столетии, когда и христианство покалялось в своих заблуждениях и злобных гонениях на науку, другой миф, марксистский, пошел вслед за ним по проторенному пути и начал многие разделы науки табуировать, а ученых, не отрекающихся, как Галилей, а продолжающих ими заниматься, если не сжигал, то расстреливал или гноил в лагерях – во-первых, философов, во-вторых, генетиков, в третьих, экономистов... а *далее почти везде*... Впрочем, этот Миф по своим злобным гонениям на Мысль превзошёл даже инков с их человеческими жертвоприношениями, временами превосходил он и христианство, которое и само было противником гуманизма и основополагающей эллинской идеи **Протагора** (490-420 до н.э.), лежащей в основании Культуры «**ЧЕЛОВЕК – МЕРА ВСЕХ ВЕЩЕЙ**» – (читатель в этом мог убедиться, читая если не латинских писателей, то хотя бы материалы судебного преследования Жанны Д*Арк, затем Вольтера, Чемберлена, Пушкина и Льва Толстого или просто книги девятнадцатого столетия). (Да, кстати, и марксистский миф апеллировал к вере, например, нам говорили на уроках физики, что «партия нас учит, что при нагревании газы расширяются»).

Итак, Инобытие мы «знаем» тройко, но не через научное исследование, а, во-первых, через Миф, например, через Священное Писание, во-вторых, через Культуру (которая и сама включает в себя Миф), и, в-третьих, по собственному духовному опыту, проистекающему из того, что Инобытие

проникает Бытие, и их граница, как показывает в «Иконостасе» Павел Флоренский, отчасти – Окно из этого мира в "*тот мир*", а человеку случается к нему подходить.

Инобытие проникает Бытие, разумеется, не так, как приходит к нам в гости кто-то из нашего мира, кого мы знаем, – но ИНАЧЕ, отчасти это сравнимо с великими природными явлениями, например, с Северным Сиянием; и, кстати, переживая любовь и страсть к женщине, погружаясь в это ослепительное состояние, мы, вероятно, тоже соприкасаемся с Инобытием.

Но все любят по разному, а, как вы видели, Игнатий Брянчанинов не только не видит в любви к женщине ничего духовного, а только плотское, но даже утверждает, что эта любовь «находится под управлением духа лукавого, духа нечистого и погибшего», «доставляет любимому своему одно земное; о небесном ... не думает» и «враждует против Неба и Духа Святаго, потому что Дух требует распятия плоти. Ну, конечно, если человек – вместе и *дух и плоть*, то *таково и все человеческое, таково и любовь*. Так же, я думаю, «воодушевлено плотью» и воинство монашеское, "защищающее" от меня и от КУЛЬТУРЫ (и от таких, как я) *христианство в его противостоянии человеку и культуре*. Ибо, по-видимому, прав Розанов, и они и вправду – "Люди лунного света", и воодушевляет их тоже "Пол и характер", их *третий пол* и их особенный характер, такой же *особенный*, как и у многих других особенных, но не ближе к небу, а, возможно, дальше. (Поэтому позже непременно мы поговорим и о христианских писателях, вроде Брянчанинова и Нилуса, и о христианских святых. Дело не в том, чтобы развенчивать их святость – разные среди них были, – а чтобы понять, какое место занимает их подвиг среди подвигов человеческих).

Но все любят по разному, иные только плотски, не спорю, иные же испытывают нечто особенное (*я помню чудное мгновенье: передо мной явилась ты* – особенно сильно и глубоко выражено это *особенное* в музыке Глинки, так как Пушкин только называет, описывает то, что случилось, а Глинка нам это показывает и передает).

Это *состояние любви*, о котором я говорю, не только изображено, но присутствует как *действительность* во многих музыкальных произведениях, особенно в музыке Вагнера, например, в Лоэнгрине, в Увертюре к Тангейзеру, в Тристане и Изольде, и у Мусоргского и у Бетховена, ... и у многих других...

Подобно *состоянию любви* существует и *состояние веры*, не только радостное умозаключение о том, что Бог *есть*, не только порыв вступить в их партию (церковь), состоящую из тех, кто ранее пришел к этому выводу, но именно *состояние веры* как *переживание*, во многом переживающееся и как любовь.

И я думаю, что *состояние вдохновения* тоже отчасти подобно *любви и вере*, как и та *духовная жажда*, которая томит человека и о которой пишет Пушкин в Пророке, и те мистические озарения, которые испытывал Даниил Андреев и Жанна Д*Арк. При некоторых угнетениях души и тела становится глубже видение и понимание мира, особенно при томлении сердца, возникающем у меня перед утром. Не так же ли и Паскаль, которому по ночам было плохо, принужден был писать свои Записки (я, правда, большей

частью ничего не записываю, потом мучаюсь днем, пытаюсь вспомнить, что именно мне нашептывали музы и духи, являющиеся ко мне, когда сердце начинает биться неровно).

Итак, Инобытие *проникает*, проникает в Бытие, и узнаём мы это проникание через особенные, таинственные явления и состояния, загадочные и непостижимые, и мы их объединяем общим именем Тайны. Так и *озарение* Любви и Веры, в особенности когда это озарение чрезмерно, поражающе, когда оно изменяет обыденную жизнь не предвидимо и непостижимо, сообщая ей новый свет и новое содержание, – вероятно, вспыхивает в результате нисхождения Инобытия в Бытие.

Эти явления и состояния *таинственны*, ибо мы их не до конца понимаем и объясняем, но мы их потому и не можем объяснить, что они нарушают привычный порядок вещей, противоречат и тому, что мы о нем знаем, но и тому, что мы о нем не знаем, – их то мы и называем Чудом.

Чудо и Тайна невидимы. Полож

Надвое мир разделил.

Сердце томит ожидание. Долог,

Господи, взмах Твоих крыл...

– так писал я давным-давно, еще в юности.

Но если относительно почти всего обычного, что происходит в мире, мы находим взаимопонимание с собеседником или читателем легко, ссылаясь на теорему или главу из физики или номер газетной статьи, идет ли речь об акуле, напавшей на человека, о соседе, не ночевавшем дома, о наводнении в Сибири, горящих торфяниках под Москвой, "голубых" в Париже и талибах а Афганистане... то о некоторых вещах *как ни спорили, не согласились мы...*

Почему? Что-то, видно, в них есть *иное*, выходящее за пределы разумного, что ли? За пределы того, что находится в этом мире или им определяется... Казалось бы, всё находится в этом мире. Но тогда почему не обо всем удастся найти взаимопонимание?

Я начал понимать, как мне кажется, в чем тут дело, почему буксует логика и ссылки на здравый смысл и повседневный житейский опыт – в том, что касается *бытийного*, мы все почти одинаковы, учились в одних школах, читали одни книги, терпели общие бедствия, да и девицы по отношению ко всем нам одинаково были непредсказуемы и упрямы. Но, значит, кое-что определяется чем то иным, не повседневным, не находящимся в бытии (иначе зачем бы нам так ожесточенно спорить), и если это "кое-что" все же хоть как-то существует, то я и говорю, что оно *инобытийно*. Но инобытие мы знаем только в форме Мифа... нет, не только, возражаю я сам себе, ведь существует еще и таинственное и чудесное, оно происходило со многими, о ком мы знаем, оно происходило даже с нами! А происходило ли? Не приснилось ли, не иллюзия ли, не выдумка? Не результат ли глупости и неглубины проникания бытия?

Тайна и Чудо, вероятно, касаются своими крылами каждого – но, становясь фактами личной жизни, они не становятся фактами *всеобщего*, с ними нельзя действовать так же, как с аксиомами логики и с теоремами или с

некоторыми историческими фактами, нельзя в связи с ними сказать так же, как мы говорим: «но так как $a + b = b + a$, ТО... или: так как Карфаген был разрушен, то ... или: так как камень падает с горы вниз, ТО...»

Итак, нельзя сказать, что:

Но так как и ко мне являлись музы,
И даже не давали спать с рассветом,
То *верно*, что таинственные шлюзы
Проходит жизнь, рождая в мир поэта.

Нет, я могу сказать только, что «*верю я*, таинственные шлюзы...» – но не могу сказать: «верно...»

Хотя во множестве других случаев собеседник не возражает мне, даже когда весьма сомнительно то, что я ему заявляю.

Вот, например, третьего дня (в середине июня), к вечеру похолодало, и я сказал тревожно: надо бы теплицы закрыть, *верно*, снег пойдет! – и верно, снег пошел, и никто не удивился ни тому, что он пошел, ни тому, что я это предполагал.

Но как только заходит речь о Боге, церкви, большевиках, сомнительной победе в той или иной войне, расстрелах поэтов (возможно, большинство поэтов преступны, так часто их расстреливают!), святости царей и народов, изначальной преступности (первородном грехе) человека, одновременной справедливости в России интернационал-марксизма и «самодержавия, православия, народности» – нет, невозможно найти общий язык почти ни с кем. Почему? Потому, видимо, что эти области *бытийного* сакрализованы и табуированы (как в недавнем прошлом и форма Земли), следовательно, они относятся к Мифу как образу Инобытия, в который входит и то, что преобразуется в Миф, или проникая в Бытие из Инобытия, или существуя на границе Бытия и Инобытия, или входя в Миф из Бытия по сходству с образами *инобытийного*.

Границы Мифа неопределенны, расплывчаты, причина его в Инобытии, но содержание в значительной степени определяется не "волей богов", но волей заинтересованных – тех, кто обладает духовной и светской властью.

Миф – синтез двух сил: действующей из нашего мира и изливающейся из *того мира*, в совокупности с силой воображения, глубиной видения и духовным опытом. Поэтому дикарь раскрашивает себя татуировками, одевает маску, пьет возбуждающий напиток, бьет в барабан и пляшет у костра, поклоняясь священному дереву; а европейский образованный обыватель слушает в католическом храме мессу Баха или слушает в концертном зале ораторию «Страсти Христовы». Но жители Европы, тем не менее, под влиянием того же Мифа способны подносить хворост к костру, на котором сжигают еретика, или на партийном или производственном собрании голосовать за предание смертной казни врагов народа из собственных же рядов.

Рождение, судьба, становление и развитие Мифа сложны и многообразны. Наряду с Мифом существует Культура, включающая в себя философию, отчасти теологию, науку, искусство и литературу. Граница мифа и культуры расплывчата. И хотя Миф, Церковь и Культ (то есть театральное действо,

основанное на мифе) тщатся объявить культуру своею частью, принадлежностью и служанкой (наряду с государством, которое также посягает на автономию культуры), но культура существует на собственных основаниях, отчасти независимо от церкви и государства, отчасти зависимо от них, отчасти воздействуя и на государство и на церковь и преобразая их.

Потому тотальная власть церкви и государства над личностью и культурой не продолжалась вечно, наступило Возрождение, и идеалы Веры и ожидания Второго пришествия и Страшного Суда сменились на идеалы Гуманизма.

Конечно, это были пока только идеалы, человек же оставался преимущественно предметом насилия и потребления, пока не наступило относительно блаженное девятнадцатое столетие, даровавшее личную свободу и самодостаточность хотя бы привилегированным сословиям (в России – от времени Екатерины до начала Первой мировой войны).

Так как меня волнует судьба моего собственного народа (как и Христа, который неоднократно заявлял, что пришел *спасти свой народ*), то писать я буду преимущественно о России и только отчасти о Европе.

Русская революция, русская литература, "православие, самодержавие, народность", Российская империя и будущее русского народа, свобода, достоинство и самостояние личности – вот важнейшие темы моих Записок.

Но чтобы наступило равновесие в моих отношениях с читателем, чтобы все то, что меня так волнует и к чему жажду привлечь я внимание хотя бы немногих неравнодушных, не вызывало только неприятие и раздражение, необходимо согласиться о причинах, по которым собеседники не хотят понимать друг друга и друг от друга отталкиваются.

Во всем обыденном, *здесьбытийном*, включая математику, главенствует в понимании логика, здравый смысл, жизненный опыт. Но отношение к самому важному, включая семью, любовь, религиозный миф, церковь и государство, культуру, смысл и цель жизни – определяется *инобытийным*.

Так как треугольники, оползни в горах, снег и дождь, соседей, сослуживцев, родственников и начальников мы видим, воображаем, способны понимать, то отношения с ними рациональны.

Но «Бога никто никогда не видел», говорит апостол Иоанн, *Он невидим и непостижим*, и ни математика, ни физика, ни рассуждение, ни жизненный опыт не способны сделать Его видимым и понятным. Бог – это центр Инобытия (или Сверхбытия, считаем ли мы Инобытие и Сверхбытие тождественными или несовпадающими мирами). Но многое из того, что составляет наш мир и нашу жизнь, включая семью, любовь, религиозный миф, церковь и государство, культуру, смысл и цель жизни – определяется *инобытийным*, а, значит, его центральным символом, то есть Богом.

Видимое определяется невидимым. Смысл жизни ищется в том, что само для многих бессмысленно.

Но отношения с невидимым могут быть только иррациональны, и потому бесполезно убеждать кого либо посредством рациональных рассуждений.

Там, где присутствуют Тайна и Чудо, убеждает и воздействует на дух человека только Авторитет.

Прежде всего, это *авторитет мифа* – Священное Писание, Распятие, Капитал, «самый человеческий человек», «прост как правда», Десять Заповедей, Моральный кодекс строителя коммунизма, Помазанник Божий, Строительство коммунизма, Тысячелетний рейх, Арийская раса, Богоизбранный народ...

Во-вторых, авторитет личности: Христос, Будда, Магомет, Пушкин, Толстой, Достоевский, Маркс, Ленин, Сталин, Гитлер, Мао, Платон...

Таким образом, чтобы убедить собеседника в том, что два треугольника равны, надо их наложить друг на друга, либо сослаться на признаки равенства треугольников – и это по силам даже простому учителю математики.

Но чтобы убедить собеседника в справедливости какого либо одного утверждения Мифа, надо сослаться на Миф в целом или на другое утверждение того же Мифа, или на Жития святых (будь они хотя бы из Жизни Замечательных Людей), или на знаменитую Личность, авторитет которой бесспорен: Толстой, Достоевский, Ленин, Сталин...

Или же самому стать таким Авторитетом, написать Войну и Мир, Братьев Карамазовых, Мертвые Души, Демона, Евгения Онегина...

Таким образом, дело не в том, чтобы в этой книге я предложил читателю изысканные, парадоксальные, глубокие доводы и убеждения, но чтобы Книга стала Великой. Возможно ли это? «Человеку ничего не возможно, но Богу возможно все», сказано в другой бесспорно великой Книге, поэтому, если и вправду Призвание мне было обещано в том удивительном сне шестилетнего ребенка, то я ее напишу, ибо Кто обещал мне призвание, Тот и поможет его осуществить...

Но есть и еще один путь к тому, чтобы я написал все то, что хочу, и так, чтобы результат меня удовлетворил, и состоит он в том, чтобы я только ясно и точно изложил то, что чувствую, знаю, в чем уверен, о чем ранним утром, когда плохо с сердцем, говорят мне музы и некие духи.

И при этом я не должен заботиться о том, чтобы убедить несогласных – убедятся они или нет, это их дело, они отвечают за то, что слышат, я отвечаю за то, что повествую.

Не нужно мне быть авторитетным ни для народа, ни для избранных. «*Ты сам – свой высший суд!*» – сказал величайший авторитет в русской поэзии, и я его послушаюсь. Доволен ли я сам тем, что и как пишу – вот что отныне важнее всего. Посему и ни горячиться, ни заботиться о впечатлении на читателя я не буду. Посему продолжаю далее...

2. Нам не дано предугадать...

22 июня, дождливый вечер. Друзья способны подчас обидеть и оскорбить больше, чем враги. Следователь в семидесятом году был со мною вежлив и мне сочувствовал, не хотел меня *топить* и старался, чтобы те ножницы, в которые я попал, отрезали от меня наименьший кусок плоти, да и резал не он, а судьбы и прокуроры, затем психиатры.

Следовательница в девяносто восьмом году со мной целовалась и мне сочувствовала.

Но зато при недавней встрече на обсуждении моей книги «Призвание литературы» друзья сказали мне *всё*, что они обо мне думают.

Я услышал, что я ненавижу русскую литературу, что я пигмей и ничтожество, и даже злобная моська, которая лает на слона, а слон, добродушный и глупый, это Лев Толстой, "зеркало русской революции". Более того, он вовсе не глупый, а образованный и чрезвычайно умный, и его нападки на культуру и церковь происходят от его Исканий, которые мне и не снились.

Посему, чтобы по мере сил сгладить недоразумение, я теперь пытаюсь вдогонку заявить, что я и сам русскую культуру и русскую литературу люблю и даже не представляю возможности жизни без них, как и без русского языка, что я не сомневаюсь в том, что Война и Мир – гениальный роман, и что больше подобного никто не напишет, и те заоблачные выси, те сомнения и разочарования, которых достиг Толстой, не всякая моська способна достигнуть.

Но это не значит, что отдельный читатель, к тому же литератор, пусть и не известный, не может оспорить некоторые мнения того или иного известного писателя, написать на них комментарий, даже и в публицистически острой форме, высказать и собственные мнения тоже – ибо размышления о праведности или неправедности культуры, неравенства, да и самой жизни естественны для всякого мыслящего, не только Толстой размышлял и о Боге, и о церкви, и об отрыве интеллигенции от «простого» народа, о необходимости и о возможности культуры... Культура невозможна вне неравенства и сословного устройства общества, так как в Театре всегда нуждается только ничтожная часть народа, и он не окупаем. И балы, на которых блистала Наташа Ростова, и бриллианты на шее красавиц, и философские сочинения... да и самого Толстого читают немногие, и я один из этих немногих, и я им восхищаюсь... Более того, даже апостола Павла, с которым я спорю, читают немногие, а те, которые меня в защиту его сожгут или побьют камнями, его не читали и никогда не прочитают.

Это я, безвестный, восхищаюсь известными, понимая их величие, хотя и НЕ коленопреклонён. Но *коленопреклоненные* позавчера сожгли Жанну, а вчера Аввакума, завтра они сожгут меня.

Значит ли это, что ВСЕ равны, что не надо никем восхищаться?

Нет, не значит, и я не уравниваю Пушкина с Булгариным, и даже с собой, и даже с Маяковским, который ведь призывал «сбросить Пушкина с корабля современности» – но побиваем ли мы за это камнями Маяковского?

И когда модный ныне космополитический писатель пишет о наших *великих* фигурские пассажи, распространяя их и устно и письменно, я негодую, но не унижаюсь до того, чтобы вступать с ним в спор. И когда выдающийся русский писатель двадцатого столетия Иван Бунин заявляет, что он мог бы отредактировать Войну и мир Толстого, сократив роман вдвое, я развожу в изумлении руками и задвигаю его книги во второй ряд, чтобы у меня самого не появилось искушения редактировать Бунина.

Но многое я начинаю видеть менее предвзято. Люди во многом отличаются друг от друга, часто односторонни, односторонен бывает и Толстой. Но и мы, читатели, должны понимать глубже ошибки и уклонения гениев. У некоторых жанров и форм культуры есть особенности, сбивающие с толку зрителя, слушателя, читателя. Так подчас и либретто оперы, если его читать как новеллу, как драму, может поражать наивностью, излишним пафосом, немотивированностью и недостаточной оправданностью поворотов сценического действия; драма внутри оперы часто условна, иногда сказочна, иногда почти бессвязна. Но опера живет музыкой, именно музыка раскрывает подлинную драму, лежащую внутри нее.

На днях совершенно случайно я попал в Мариинку на Трубадура Верди, которого слушал месяц назад; сначала я огорчился, но потом увидел, что знание сюжета и мизансцен зато не отвлекает от главного, я погружаюсь в музыку и в пение, я слышу их так, словно нет ничего больше в мире, кроме музыки Верди.

И вдруг я почувствовал, что слезы катятся у меня по щекам, что рыданиями захлебывается горло, с трудом удержал я себя, чтобы не зарыдать в голос. Хотя, возможно, сюжет этой оперы неправдоподобен, и Толстой мог бы немало сказать по его поводу неместных слов.

Добавлю и я несколько слов о культуре, о несправедливости и неоправданности которой я еще буду писать подробнее. Да, культура несправедлива, она бременем на шею народа, как и наука и образование, как и армия, как и роскошь и богатства, распределенные неравномерно. Я читаю Воспоминания Юсупова, богатейшего человека России – разве справедливо, что его семья владела дворцами, заводами, поместьями и домами, а те комиссары, которые приходили потом унижать и грабить аристократов, и уничтожили три четверти из них вместе с детьми, и многих ученых, писателей и музыкантов, были бедны, жестоки и некультурны? Разве справедливо, что я умею писать иногда и замечательные стихи, что мне на шею вешались и красотки, что даже теперь, когда меня пора уже сжигать на костре, все еще добиваюсь я восхищенных взглядов, пусть и с трудом, а многие «на улице безъязыки»?

И я понимаю Толстого, и я не забываю, что мне самому говорили мои учителя и мои деревенские: *Кому многое дано, с того и многое спросится!*

Виноват ли я в пущем неравенстве, чем имущественное, в неравенстве таланта, привлекательности, ума, образования, культуры?

Нет, я не виноват, «но все же, все же, все же...» Это и заставляло Толстого страдать и издеваться над культурой, которой он так возвышенно и действительно послужил. И если приходил с докладом слуга: *Барин, пахать подано!* – то я вижу в этом не только комическую сторону жизни, но и трагическую.

Мне самому часто казалось, что должен был я возвыситься, когда я так унижен... Но, возможно, и слава Богу? Герой моего рассказа, идя в мороз в колонне эзков в рваной одежде, восклицает: *Господи, как хорошо!* Спасибо тебе, что исделал меня таким, что не иду я в теплом полушубке рядом с колонной, с автоматом и псом на поводке!

Спасибо, Господи, что ты меня измучил,
Что глух к мольбам, что так жесток ко мне:
Как к дереву, растущему на круче,
К погибшему солдату на войне...
Но как цветок, проросший на дороге,
Под звук колес встречающий зарю,
За краткость жизни, остроту тревоги
Тебя, о Господи, вдвойне благодарю!

Но для кого же я пишу, если так превратно меня понимают иные читатели, если не читают другие, если только обструганная мысль, как я убедился, пытаюсь оправдаться перед третьими, находит отклик?

Метафора, оксюморон, инверсия, ирония, сарказм и горечь, параболы и гиперболы, эллиптические обороты, парафраз и скрытое цитирование, верлибр и белый стих, стихи в прозе, образ и пунктир... и все другое, что предоставляет нам Язык, ушло из литературы вместе с аристократическим девятнадцатым веком.

Пятьдесят лет я учился. Наконец, показалось мне, я умею чувствовать, мыслить и говорить – но оказалось, что мои возможные читатели почти все умерли.

Ладно. Не надо воздевать руки. Есть превосходные певцы, актеры и музыканты, есть красивые женщины, роскошные сады и парки, прекрасные восходы и закаты... В России осталось еще очень много того, что способно вызывать восхищение, поэтому стоит писать мою книгу, даже если ее прочтает только одна читательница – а одна, кажется, у меня найдется...

Только и мне надо измениться. Не надо пытаться убеждать других в том, что мне самому кажется единственно верно. Достаточно убедиться в нем самому. Достиг ли я безупречности логики, совершенства формы, то есть эстетического идеала, нравственной безукоризненности и высоты? Если еще нет, то я должен продолжать свой путь к совершенству, не думая о том, есть или нет у меня читатель...

3. Презрен ли человек?

Христианство исходит из представления о человеке как о ничтожнейшем и омерзительном и падшем существе, достоинства в нем отрицает (не говоря уж о том, что *женщина* и вообще *«сосуд Дьявола»* и вместилище всех скверн), по существу в этом мире и в этой жизни смысла не только не находит, но яростно отрицает. Для меня несомненно, что центральная мысль христианства – ненависть к человеку и этому миру и взыскание *того мира*.

Если же я наполнен мечтой о возрождении России и преображении ее, о преобразении этого мира, преобразении этого человека (как мать, воспитывающая свое дитя, мечтает, чтобы вырос он умным, красивым, здоровым, добрым и счастливым) – то как я могу быть христианином и стремиться *жить аки умереть?*

Но как совместить ненависть к человеку (не забывайте, что она

воодушевляет всякую почти религию... если не всякую) – с проповедью любви к ближнему?

Конечно, можно было бы сказать, что совместились она так же, как проповедь *свободы, равенства и братства* совместились с гильотиной, а "все для человека, все во имя человека" совместились с уничтожением нескольких сословий в России "всеродне", то есть никак не совмещалась, а просто проповедалось одно, а бесстыдно делалось другое... Но все же есть и глубокое совмещение несовместимого, и оно содержится в сочинениях Игнатия Брянчанинова.

«Любовь к ближнему есть стезя, ведущая в любовь к Богу. Естественная любовь наша повреждена падением; ее нужно умертвить ... и почерпнуть из Евангелия святую любовь к ближнему, любовь во Христе.

Ощувивший любовь духовную, с омерзением будет взирать на любовь плотскую, как на уродливое искажение любви.

Истинная любовь к ближнему основана на вере в Бога: она – в Боге.

Отвергнув вражду, отвергнув пристрастия, отрехшись от плотской любви, ... воздавай почтение ближнему как образу Божию... ... – и постепенно начнет являться в сердце твоим святой любовью.

Причина этой святой любви – не плоть и кровь, не влечение чувств, – Бог.»

Таким образом, любовь к ближнему – это не любовь к действительному живому человеку с его страстями, слабостями и грехами, а любовь к человеку как образу Божию, то есть любовь к Богу.

Входит ли в эту «святую любовь» обычная любовь к родителям, детям, братьям и сестрам, друзьям, любовь к женщине, любовь к Отечеству (тем более что в Отечестве, поскольку оно не так конкретно, как человек, трудно различить образ Божий), любовь к культуре?

Итак, можно совместить любовь к ближнему как образу Божию с ненавистью к человеку как орудию Дьявола, как и большевики совместили любовь к эксплуатируемым, которых они клялись осчастливить, «освободив от цепей», с ненавистью к эксплуататорам, которых, как и весь мир насилия, стремились они уничтожить.

Но, может быть, и поделом человеку? Может быть, так и надо, ненавидеть человека как конкретное существо, живущее рядом с нами, и любить его как грядущий идеал, или как образ, который в нем где-то глубоко скрыт?

Разве не удостоверился я неделю назад в Малой Вишере, что *даже в мелочах человек мелок*? Когда и малость этот человек не захотел сделать для ближнего своего, не захотел подвинуться на скамейке, или снять с нее сумки, чтобы сели двое прохожих (а скамейки и были предназначены для всякого прохожего, но не для сумок его).

Затем, через несколько дней, возвращаясь из деревни, вновь я сел в автобус и пошел с рюкзаком по проходу, в поисках свободного места – тут же пожилой господин снял сумку с сиденья и подвинулся, не дожидаясь от меня просьбы.

Большинство оказались себялюбивы и мелочны, один поступил ... как? Не

думаю, что «по христиански» или в соответствии с «моральным кодексом», из «любви к ближнему» или из долга – нет, поступил он, как обычно говорят, просто «по человечески», как человек воспитанный, или как культурный, как вежливый, добрый, как человек *нормальный* в отличие от безумного, грубого и эгоистичного большинства. Большинство – придурки, прохвосты, идиоты, ничтожества!

И все же я попытался рассуждать и о подло-пошлом большинстве и о немногих приличных, деликатных, достойных похвал... Рассуждать, чтобы попытаться их если не оправдать, то понять. Ну, понятно, светит обывателю миллион за то, что он стукнет невинного прохожего и он хватается за миллион; или светит обывателю тюрьма за то, что он не поднимет руку в осуждение своего ближнего, ругнувшего власть... Но ничего не светит обывателю, а он все равно осуждает ближнего или толкает его в канаву?!.. Зачем? По врожденной ли злобе, подлости, в силу того самого падения Евы?

Но ведь не все же люди негодяи? Или все или, по крайней мере, большинство?

Мысленно я провел шкалу, на которой от нуля до пяти поставил точки-баллы (оценки), отражающие добродетель. Один человек помещается в нуле, полный и закоренелый негодяй, другой отличник труда и учебы, переводит старушек через улицу и не соблазняет бесхозных девиц, заслуживает отличной оценки.

Но присмотримся к ним поближе. Точно ли каждому можно поставить твердую оценку? Вчера он напивается, сегодня чинит изгородь и моет пол, завтра бежит в атаку вместе со всеми и вытаскивает с поля раненого товарища... И бесхозная девица вчера с ним напилась, а сегодня плачет над колыбелькой и ночью из своего старого платья шьет распашонки младенцу... Нет, они переменчивы, поступают то хорошо то плохо, они не получали в наследство Ясной Поляны и не умеют писать Оперу Глинки, они ощущают ущербность своей жизни и от этого страдают и ташу на себе незнакомого *самоутвердиться*, занять более или менее твердое положение в жизни, расположиться не с краю скамейки а в ее середине, так чтобы совсем не сдвинули их наземь, поэтому и мешок свой прижимают крепко к себе вместе со скамейкой, на которой усаживаются, боясь, чтобы их не отобрал кто-то сильный... Не оттого ли я единственный, возвращаясь домой в полночь, вытаскиваю из сугроба замерзающую пьяную «снегурочку», от которой только ножки торчат наружу, или поднимаю и ташу на себе незнакомого ползущего по снегу в канаву пьяного, а он норовит меня ударить, так что ташу я его, прижимая к себе и прижимая свое лицо к его спине, и, наконец, весь мокрый дотаскиваю до его квартиры, где на меня чуть не спускает собак его жена и теща?! Увы, я единственный, совершающий подобные мелкие добродетельные глупости – но я не самый лучший из всех! Я знаю женщин, у которых я брал в разные годы молоко, которые приютили детдомовских детей, кормили их и воспитали – разве их подвиг сравним с моими мелкими добродетелями? И разве их мужья не работают в поте лица, зарабатывая и на своих и на чужих детей?

Во время войны с немцами многие оказались на той стороне – значит ли это, что они были хуже большинства тех, кто остался с этой стороны? Нет, чаще всего человек оказывался там или здесь случайно, его несло потоком обстоятельств, которому противостоять он был не в силах. Редко совершал он выбор по своей воле. Но в этих самых обстоятельствах все-таки все вели себя большинством по разному, и подлыми (там, где выбор шел между жизнью и смертью) оказывались немногие. Немногие оказывались святыми. Но не зависело их поведение от партийной или религиозной принадлежности.

Большинство же колебалось на моей условной шкале почти по всей его длине, никто из них не был только плох или только хорош.

Вот почему о человеке правдиво говорит литература, но не социология, не политическая экономия, не Миф.

Когда толпу эков пускают в пустую камеру, мы все пытаемся ухватить шконку поудобнее; и точно так же мы ведем себя, врываясь в электричку. В России человека постоянно ставят в условия, в которых он принужден отталкивать ближнего, чтобы сесть хотя бы на край скамейки, и так происходит веками, власть и государство МУЧАЮТ русского человека. Поэтому, когда появляется возможность занять скамейку целиком для себя одного, инстинкт срабатывает раньше здравого смысла и чувства сострадания к прохожему. Жаль, конечно, что не выработался инстинкт накормить сначала голодного прохожего, а потом уже самого себя, но не человек в том виновен. И не пресловутая «любовь к ближнему» заставляет обывателя разломить свой кусок хлеба и половину отдать «ближнему»; эти, так красноречиво рассуждающие о «любви к образу Божию, заключенному в человека», чаще неспособны просто ПОЖАЛЕТЬ страдающего (хотя бы и без всякого образа), и из *сострадания* помочь ему.

Впрочем, существует еще и «Диалектика», искусство доказать, что черное – это белое, и наоборот. От "несчастной любви" в юности мы иногда совершаем глупости, и девушки, и юноши, и я тоже замешан был в таких глупостях, за что советская психиатрия уцепилась, как следователь-бульдог вцепляется в «классовое чутьё». Но ведь и пролетарский писатель стрелялся от отчаянья, пытался я себя защитить... Да что ты, у пролетарского писателя это была глубокая духовная драма, а не мелкие ссадины от вертихвосток! И у Толстого нападки на культуру были вызваны духовными исканиями, твои же нападки на Толстого вызваны мелочностью и сомнением! (Хотя, повторяю, я и не в пролетарской колонне отвергающих дворянскую культуру, и не среди эстетов, ревнителей чистого искусства, отворачивающихся от народных нужд. Я и не там и не здесь, но и там и здесь, и с теми, кто смотрит только вперед и не способен видеть окружающее целое, мне не найти понимания).

Впрочем, как всегда, слишком отвлекаюсь я от темы рассуждений. Начал я с того, что задал вопрос о человеке, но на вопрос этот отвечать не хочу. Достоин ли человек уважения, ненависти, любви, презрения, равнодушия?

Люди различаются по своим достоинствам, как и народы. Надо ли любить русских и ненавидеть немцев или евреев? Но даже если народ вызывает неприязнь, человек из этого народа может вызывать любовь, и наоборот. Ибо личность отдельного не совпадает с личностью народа.

4. Деревенские впечатления и философия на пустом месте

27 июня 2014, пятница, солнечное утро, девять часов. «Ласточкой» прилетел я уже в Малую Вишеру. Слегка подремал, стало легче, даже взялся за продолжение Записок.

Или слишком устал от города, его насущных забот, необходимой редакторской работы, которой набрал я слишком много, и от страха перед государством, или из-за разнообразных болезней, мучающих меня, но я совсем было пал духом, уже воображал свою скорую смерть. Только мысль о близких удерживала меня от того, чтобы совсем раскиснуть: как же останется милка одна, кто же будет помогать Мите в редактировании (я-то уже редактирую почти бесплатно, а другим-то надо будет платить!), да и Насте надо помогать с окончанием института, и как же справятся близкие без меня с прочими житейскими тяготами, коих немало?

Вот и поучай человечество и русский народ, навязывай ему знание Истины, когда и сам не знаешь, как жить?!

Попытаюсь в деревне придти в себя.

Вчера, засыпая, в воображении я видел, как ремонтирую сарай и прибавляю доски к столбам, и это меня утешало больше, чем философские и религиозные рассуждения... Увы, это меня утешало даже больше, чем надежда на воскресение и продолжение посмертного существования в потустороннем мире! Я привязан к *здесьнему* миру, и именно его я хочу исправить и улучшить, хочу улучшить и собственную жизнь, просыпаться без стонов и охов и днем не бояться, что придут приставы и опишут квартиру.

Кстати, читаю замечательные воспоминания Юсупова, богатейшего человека России, который был даже богаче царя, для спасения России убившего в декабре 16-года Распутина. В Революцию и он, как тысячи других богатых и влиятельных, потерял почти всё, что имел, и оказался в эмиграции с жалкими остатками своих прежних сокровищ. Жил он не так бедно, как многие, но все же и к нему в 31-м году в Париже пришли судебные приставы уже с ордером на арест, но он напоил их водкой, пел им цыганские романсы, и расстался с ними как с друзьями, только описали имущество, а арестовывать его не стали. Вот он испытал сначала взлет, потом падение, был богат, затем страдал от бедности... Многое меня с ним объединяет, но надо бы для полного сходства мне неожиданно разбогатеть, чтобы так же испытать *превратности судьбы*.

Воскресенье, 30 июня, 17-51. Мы в Окуловке, ждем «Ласточку». Крышу на сарае почти покрыли, прочие работы я в состоянии сделать сам. Приедем снова в деревню в следующую пятницу на электричке.

Вчера парились в бане, потом ужинали с пивом, вином и водкой, потом с Г. С. ходили за околицу, сами не пели, но слушали в записи песни и романс: Виновата ли я, Ах, зачем эта ночь так была хороша, и другие...

Говорили о музыке и поэзии, в частности, я заметил, что многие талантливые и гениальные были расстреляны, в частности, Павел Васильев, на которого возлагали надежды как на продолжателя Есенина, это был,

возможно, в тридцатые годы поэт номер один, хотя были уже и Ахматова, и Цветаева, и Пастернак, и много других...

«Ну и что, что расстреляли? – заметил С. – А зачем нам второй Есенин? И зачем нам так много поэтов? Ну, оставить человек десять, и достаточно!»

И композиторов много не надо, и романсов тоже. Ну, скажем, штук тридцать романсов и песен, и уже достаточно!»

И вот я с недоумением думаю: Зачем же я пишу свои книги? И зачем пишут другие, и даже лучшие, чем я? Для кого мы пишем, для тех ли, которые не удивляются и не негодуют на то, что поэт расстрелян, так как они думают, что поэтов стало слишком много, как сорняков на грядке, и если государство лишних поэтов расстреливает, то это нормально, и если расстреливает даже не лишних поэтов, то и это небольшая беда? Чему мы их будем учить, и научим ли?

А сегодня по дороге к шоссе зашел разговор о Ньюtone и Лейбнице. Это величайшие ученые мужи, и о заслугах их перед культурой всякий культурный человек должен знать. Что они создали дифференциальное и интегральное исчисление, мы могли услышать еще в школе, или, по крайней мере, получая высшее образование, хотя бы и гуманитарное, но так как не все мои читатели математики, то я расскажу, чем эти два ученых мужа отличаются друг от друга, в каких отношениях находятся они по отношению к «интегралу и дифференциалу истории», о которых писал Толстой в Войне и мире (и о чем необходимо знать и что доступно пониманию даже филолога).

Итак, Ньютон ввел понятие производной (называя ее *флюксийей*), и основное дифференциальное равенство, вводящее это понятие имеет вид:

$$\Delta y / \Delta x = v \text{ (средняя скорость изменения функции).}$$

При стремлении дельта к нулю получаем:

$$DY / DX = Y' \quad *$$

Из основного дифференциального равенства следует и дифференциальное исчисление и теория дифференциальных уравнений.

Переписав же (*) в виде

$$DY = DX \times Y',$$

получаем, что дифференциал (или приращение, или *конечная разность*, по терминологии Лейбница) есть произведение приращения аргумента на скорость изменения функции. Суммируя приращения, или дифференциалы, или конечные разности, мы получаем Интегральное исчисление, следующее из формулы Лейбница.

Итак, из сего сказанного следует, что можно сказать и так, что Ньютону принадлежит честь анализа, а Лейбницу честь синтеза.

Надеюсь, читатель меня в данном случае понял. Отчего же с убийством Николая Гумилева или Павла Васильева нам так трудно друг друга понять, и один несет околесицу, что народу не нужны лишние поэты, другой начинает оправдывать его убийство тем, что при зверских допросах Павел Васильев не до конца держался стойко? И оба они защищают кровожадный режим, хватаясь за какие угодно доводы, как оправдывает себя гулящая или пьяница,

то ссылаясь на благо «трудового народа», то на то, что перебил он народу, якобы, меньше, чем в том избобличают его противники...

И тут же я вспомнил Льва Толстого, когда он в разговоре с извозчиком порицал Пушкина, что вот де ставят памятник не генералу, не защитнику отечества, не царю, а поэту, писавшему любовные «стишки», да еще стрелявшему в соперника с намерением того убить, и извозчик, разумеется, заохал: что за время настало, какое падение смыслов жизни!

Но это не толстовское порицание и отрицание, это пропасть, разверстая в христианском мифе между бытием и инобытием, и Толстой, достигший границы, мечется на ней, не решаясь совсем отвергнуть жизнь вместе с культурой, но и не решаясь отвергнуть Миф, противостоящий и жизни и культуре. (Характерно, что у него была страница, разделенная на две части, в левой графе он записывал писателей полезных, которых он рекомендовал для чтения, а в правой – бесполезных, которых он убеждал совсем не читать и отвергнуть. Так вот, Достоевского он несколько раз переносил из одной графы в другую, в конце концов, вздохнув, сказал, что пусть его, мечется человек, и это поучительно тоже. А метался-то Толстой, как и христианство в историческом продолжении мифа мечется между жизнью и безжизненностью.)

Неужели я единственный прав, мыслящий так правильно, и даже чувствующий согласно с жизнью, а все остальные с своими дикими замечаниями и представлениями о жизни все сплошь идиоты и совершенно не правы? И если даже так, то каков смысл в моих спорах с ними, ибо они непробиваемы и непоколебимы, так вот, если человек думает, что чума у него в голове, потому что его сглазили, то переубедить его невозможно.

Впрочем, ведь и **сглаз** существует, разве подавляющее большинство народа в твердой памяти и здравом уме «сужденья черпает из забытых газет времен Очакова и покоренья *Крыма?*») или из телевизионного ящика, болезнетворнее грязной воды из канавы?

Но вдруг словно забрезжил смутный свет из окошка и я заадеялся на лучшее. В доме темно, а на улице рассвет разгорается, или, бывает, там крошечная тьма, а в светлице горит лучина, трещат дрова в печке, полыхая пламенем, мужик сидит за столом, зашивая драный носок, а жена жарит на печке картошку... И назавтра обещают хорошую погоду.

В человеке два человека, один из них, наружный, видимый, словно маска на лице актера, хотя к лицу уже почти и приросшая, а другой, внутренний, только и есть подлинный. Первый повторяет вбитые ему в школе слова и фразы, или слышанные по радио и из газет, или так, ветром нанесенные, но он и не понимает их смысла, он не философ, и вообще говорить и мыслить *отвлеченно* не умеет. Он человек практический, житейский, действующий часто по инстинкту, как зверь, или по отголоскам народного прошлого, как мать и отец и деды мыслили и поступали. Он и царя защищает потому, что все его пращурь царей защищали, и поэтов не жалеет поэтому же. Но это не значит, что он пройдет мимо плачущего ребенка. Мимо пьяного, даже лежащего на снегу, возможно, и пойдет, но по жестокости ли, бог весть, ибо

не так уж он и жесток, и не он ли в камере или концлагере делил свою пайку с товарищем, и не он ли приносил мне передачу, даже в душе и осуждая меня и думая, что я виноват, что попал в тюрьму.

Смысла слов, сказанных им о Павле Васильеве, он не понимает, увы, и не понимает и того, что, защищая Сталина, плюет он на могилы убитых Сталиным не только взрослых крестьян, инженеров и рабочих, но и их детей и жен и родителей. Когда он говорит, что наплевать на сорок миллионов убитых в прошедшей войне, *но зато мы победили!!!!!!!!!!!!* – то это говорит в нем не ненависть к нескольким загубленным на войне поколениям, не к *миллионам женщин, оставшихся без мужчин*, которым не только родить было не от кого, но и давать было некому, а разве без этого нормальный человек (в отличие от «людей лунного света») способен прожить? Ведь не только лоно жаждет прижаться, но и вся плоть человеческая, неотделимая от его же души, ибо нет в человеке отдельно души и отдельно тела, а они прорастают друг в друга и страдают или радуются вместе!

В *обывателе со знаменами* говорит комплекс униженности, его часто унижает девица, за которой он бегаёт, а она отдаётся другому, а то унижает жена, мстящая ему за то, что не в нем её мечты, и нет ей ни богатства, ни неги, ни праздности, ни постели при свете свечей под музыку Вивальди, а ежедневный труд, грязные пеленки, а он полежит на ней да и отвалится к стене и захрапит... его унижает вся его жизнь, неудовлетворенность которой он топит в вине и рыбалке или футболе... Да и многое, многое, о чем нам как раз и говорит литература, а не социология, не политическая экономия и даже не философия...

Смысла слов, которые мои собеседники говорят в разговорах со мной, они НЕ ПОНИМАЮТ, то защищая от меня Толстого (который мне ближе, чем им, я то его читаю и ВОСХИЩАЮСЬ им и сегодня, даже его заметками об искусстве, не так все там чудовищно нелепо, как я теперь это представляю, хотя и нелепо... но и на то есть причины); защищая от меня евангельские проповеди (о которых я не только размышляю, но вот теперь даже начал писать, чтобы ПОНЯТЬ их хотя бы для себя понимаемо, ибо и там не все чудовищно нелепо); защищая от меня социализм, советский или несветский, потому что у народа бывает МЕЧТА, но невозможно в здравом уме признать, что мечта осуществляется в накоплении вещей и денег, что смысл жизни воплощается в жизни обширного слоя владельцев России и наших душ, которые ВСЕ СПЛОШЬ МЗДОИМЦЫ И ВОРЫ И НАСИЛЬНИКИ, – но их защита социализма тоже как то безобразно упирается в защиту всего социалистического маразма, бесправия, власти тупых и ничтожных, в защиту лжи и неправды, унижения умных и талантливых, и чем талантливее, тем униженнее, словно весь народ русский, как будто бы и захвативший в России власть, огнявший ее у царя и дворян, МСТИЛ тем, кто выделялся ростом, силой, красотой, умом и способностями!!!

Но мои собеседники смысла слов, которые говорят, споря со мной, не понимают. Почему они со мной спорят и никогда не соглашаются, я пока тоже понять не в состоянии. Возможно, думаю я, они избирают святыню,

прилепляются к ней, начинают ей служить (то есть, СОТВОРЯЮТ СЕБЕ КУМИР ДЛЯ ПОКЛОНЕНИЯ), а я, живущий на ниве культуры, возделывающий (culture) свой крестьянский огород в деревне, возделывающий свои сочинения, размышления, вопросы и ответы и споры с случайными собеседниками, «в детской резвости колеблю треножник их святынь», по выражению ныне забытого поэта Надсона (к счастью, не дожившего до того благословенного времени, когда и поэты и люди уже оказывались лишними, и им становится из-за меня не так уютно... Разве истиной озабочен обыденный человек? Если он голоден, то он озабочен хлебом, если ему скучно, он озабочен зрелищами. Но и этот *обыденный человек* и таков и не таков, он и пошел до невозможности, часть той части народной, которую Пушкин называл чернью, но он же и пашет и сеет и иногда взглядывает на звезды, и воспитывает детей и не всегда их учит дурному, иначе вокруг нас были бы все сплошь разбойники, а так почему-то разбойники происходят больше от людей несколько более образованных и утонченных, чем *обыденный человек*.

Ну, вот, у этих моих собеседников «другая культура», нежели у меня, у них не Вивальди и Скрябин, не оперы и романсы, но песни, частушки, бывальщины и небывальщины, есть же у них и язык, тот самый, что и у меня, и восприятие природы с ее красотой, но так как культура у них другая, а философия моя им не интересна и не понятна, то у нас во многих отношениях не находится общего языка.

Но это не значит, что они дурные и глупые, и невежественные, а я слишком умный и образованный – нет, часто они и умнее меня, и образованнее, и языки знают, и талантливы то в одном, то в другом, и достигают успеха, который мне и не снится, то в литературе, то в науке, то даже в философии, как это ни странно... Но, тем не менее, именно они становятся то христианами, и тогда горе афинским идолам, то марксистами, и тогда горе христианам, то поклонниками золотого тельца, и тогда горе и тем и другим. В истине той секты, или того мифа, к которым они примыкают, они не сомневаются ни на йоту, и горе сомневающимся!

Хорошо, если они не следователи, не судьи и не прокуроры, и хотя бы иногда удастся с ними поспорить, прежде чем приговорят они оппонента к гильотине, костру, замуровыванию в башне или к сибирским ледяным лагерям.

Но это не значит, что все они, с кем я спорю, такие, нет, большинство вполне милые и отзывчивые, могут и дровишек в костер подбросить, на котором сгораешь, а могут и передачу в тюрьму принести.

Возможно, дело в том, что у них каша в голове, хаос слов и понятий, образов и представлений, они внушаемы, они усваивают прочитанное даже лучше меня, но доверчивы, а поскольку глубоких книг гораздо меньше, чем поверхностных и лживых, то каша варится в их головах преимущественно из вздора. Например, читают они популярного некогда журналиста Энгельса, писавшего статьи о книге Моргана «Древнее общество», а затем собравшего свои описания в почти философский труд о происхождении человека, семьи и общества, в пику Библии – но Моргана они не читают. Или читают они НЕ

популярного когда-то публициста Ильина (ну, того самого, Ульянова), псевдофилософский труд которого называется «Материализм и эмпириокритицизм» – но ни Маха, ни Авенариуса, ни Богданова, критикой коих увлечен автор, они, разумеется, не читают. Не читают и Розанова, но зато в пору комсомольской юности читают «Библию для верующих и неверующих», а затем, в пору христианской зрелости, «на ночь со слезой» Игнатия Брянчанинова.

Правда, есть и другие, и они читают и то и другое, но со мной не соглашаются тоже, поэтому легковесные и мгновенные споры надо оставить совсем, и или совсем не писать, или писать обстоятельно, *ab ovo usque ad mala* (то есть *от яиц до яблок* – как проходил обед у римлян) или *ab ovo* – от яица Леды, из которого родилась Елена, виновница Троянской войны.

Дело еще и в том, что я, размышляя о христианском мифе, пишу не о христианах, не о христианской церкви или христианском вероучении, я пишу исследование о тексте Нового Завета, пытаюсь понять, о чем он повествует, как, например, в школе пишут сочинения об Анне Карениной или Наташе Ростовской. Я пишу прежде всего для себя, ибо я частный человек, а не общественный, ни старую церковь я не собираюсь разрушать, ни новую строить, я не богостроитель и не богоискатель, мой Бог мною найден – это Бог размышления и духовного опыта. Если мой духовный опыт возрастет, возможно, расширится и мое понятие о Боге. Кроме того, я пытаюсь понять человека. Я пока его еще не понял, и в нем еще ничего не понимаю, но только вижу, что человек не равен самому себе. Он не тождествен себе, ибо он не неизменный предмет, но еще и потому, что он вечно становится, по определению Шпенглера, но становление в нем никогда не заканчивается. Есть крайности, которые, вероятно, понять легче, например, злодеи, скупцы, живущие только для себя эгоисты, циники, подлецы, сластолюбцы... Но обычный человек, это река или море, которые могут чрезвычайно меняться от шторма до шторма. Не зря же говорят, что в «тихом омуте черти водятся», а отсюда следует, что совсем мало говорит о личности то, что он о себе самом мнит и за кого себя выдает, за марксиста или христианина. Тем более, что мало кто достаточно глубоко понимает, что такое христианство и христиане, и когда они причисляют себя к тем или к другим, то, возможно, в действительности принадлежат они ни к тем и ни к другим, а к третьим, или вовсе ни к кому. И в спорах с этими людьми, самолюбиво мнящими себя знатоками, не надо терять зря ни времени, ни душевных сил.

Меня интересует судьба России, ее будущее и настоящее, ее культура, образование, хозяйство, свобода или рабство, и поэтому я продолжаю писать свою книгу не для того, чтобы кто-то из моих читателей стал большим или меньшим христианином или марксистом, но чтобы он яснее видел, каковы последствия его мыслей и поступков, и по мере сил помогал в спасении России – или, хотя бы, не помогал ее губителям. Сил и коммунисты не все Россию ненавидели, и антикоммунисты не все ее любят, так и христиане не все отрекаются от себя для Бога, и атеисты не все отрекаются от Бога и ближних для себя.

Но я не собираюсь выдавать себя за оракула или за современного Сократа, и с надменным видом поучать глупый народ. Я, правда, учитель, в том числе я преподавал математику, и мои ученики начинали понимать ее гораздо лучше, чем прежде, я и редактор, а значит, в немалой степени преподаватель современности, и некоторым из пишущих оказался не бесполезен.

Но я и вправду не самый умный. Чем же я отличаюсь от тех, которых упрекаю в заблуждениях, и заблуждения которых пытаются объяснить и развеять? Может быть, тем, что не так быстро схватываю сущность того, что слышу, вижу, читаю, поэтому внимательнее присматриваюсь к виденному, и мне удается заметить то, что другие не замечают не из-за глупости, а из-за поспешности, из-за доверчивости, отсутствия сомнений и критического таланта. Многие талантливее и образованнее меня, как писатели, лицедеи, математики, физики, биологи, политики, философы, историки поэзии и культуры, – но есть еще особый талант, не частный, не состоящий в способности к тому или иному роду деятельности, а талант, который определяет личность – узок ли у данного человека духовный мир и способ видеть мир или широк. Мне кажется, что меня отличает большая широта взгляда, чем у других, поэтому я всю жизнь и спорил, отстаивая истину против поспешных и неосновательных пристрастий.

Общество устроено в значительной степени тотально, господствуют в нем некоторые идеи и тенденции, не всегда справедливые, господствуют в нем и партии и люди, по большей части всегда не справедливые. *Тоталитаризм* – основная форма существования общего, в отличие от частного. А я человек преимущественно частный, но не общественный. *Истина* тоже тоталитарна, и я когда то, чтобы избавиться от ее тирании, заявил, что **истина не истинна**.

А дальше оказалось, что и **тождество не тождественно**, а недавно я сообразил (хотя это и общеизвестно, но не заявляется), что и **$a + b \neq b + a$** .

Ну, разумеется, при сложении двух чисел не важно, в каком порядке их складывать, но уже при сложении сил порядок бывает важен, при сложении капиталов (например, в бизнесе при достаточных исходных затратах дополнительные капиталовложения позволяют довершить начатое, а недостаточные исходные затраты даже не позволяют построить фундамент и уйдут в песок). Не одинаковы результаты при сложении мужчины и женщины и женщины и мужчины, и тем более различаются и суммы и смысл сложения, когда складываются человек и Бог. Если Бог, культура, Дух, государство, смысл бытия и само бытие складываются с человеком, то мы получаем результат вовсе не тот, что при прибавлении к ним человека, когда личность приносится в жертву сумме, и умалется до нуля, так что и сумма оказывается равна только первому слагаемому, если это общество, государство, Бог, Царь.

Итак, то, чем человек является в действительности, в действительной жизни, и как он себя представляет по отношению к мифам, господствующим в общественной жизни, не совпадает. А посему не надо спорить с иллюзиями, которыми жив человек (это я говорю себе), а надо оспаривать его подлинное поведение в мире.

5. Путаница слов и понятий

Итак, возможно, я, как учитель математики, сумею указать на некоторые ошибки в умствованиях современного мне человека, и тем если не *буду любезен народу*, то хотя бы принесу пользу тем, кто начинает учиться.

А ошибок много.

Вот, например, раздумывая об отличиях меня от других, я захотел было сказать, что я более естествен, чем другие – и осекся.

Естественного человека Руссо противопоставлял обычным людям, испорченным цивилизацией. Справедливо ли это, во-первых, и как надо понимать *естественного человека* Руссо, во-вторых?

«Науки и искусства являются худшими врагами морали и источниками рабства», говорит Руссо. «Наука и добродетель несовместимы, и все, что отличает цивилизованного человека от необученного варвара, есть зло».

В русском языке слово *естественное* противопоставляется не только *искусственному* как следствию воздействия культуры, но и вычурному, жеманному, нелепому. Стать *естественным*, то есть отбросить надуманные, сковывающие условности, звучит привлекательно в молодости, но хотим ли мы стать дикарем, Пятницей вместо Робинзона Крузо, даже на необитаемом острове? Впрочем, *естественный*, дикий, природный человек, абсолютный дикарь не существует, кроме как в воображении Руссо, даже язык – следствие культуры и общественного развития, а у дикаря есть верования, обряды, мифы, часто даже более запутанные, чем у человека цивилизованного. Есть у него и неравенство, и часто нелепая мораль, и рабство, и, о ужас, голод, холод, болезни, войны и людоедство. Эллин эпохи Сократа – или дикари, съевшие Кука – кого вы выбираете, читатель?

Кстати будет несколько слов сказать и в оправдание моих нападок и насмешек, то в отношении Руссо, то Марата, то Толстого, то Маркса, то многих других учителей человечества, включая Игнатия Брянчанинова.

Я ли не перевосторгался и не переболел всеми восторгами и всеми болезнями Просвещения, Революции, Реформации, средневековой мистики, Романтики, научных открытий и «жизни будущего века»?

В семь лет восторгался я стихами Пушкина, и даже сам начал писать стихи. В десять лет восторгался простотой сочинений Сталина, в Пионерскую правду послал верноподданническое стихотворение о четырех строках с жалобой еще на то, что нет в нашей школе пионерской организации. Приехали из Района, повязали мне пионерский галстук, научили вздымать руку в салюте, но сгоряча чуть не посадили единственного учителя.

В двенадцать лет восторгался я Анной Карениной, в пятнадцать – Лермонтовым и Маяковским, в шестнадцать Достоевским, Есениным и Блоком, в семнадцать – Марксом, и даже создал подпольный марксистский кружок. В девятнадцать лет я восхитился Ветхим и Новым Заветом, но в двадцать лет, по заветам Руссо и Торо отправился на Кольский полуостров в составе астрономической группы наблюдать звезды.

В двадцать один начался у меня духовный кризис, и повинуюсь голосу свыше, отправился я пешком от Смоленского кладбища поступать в

Духовную Академию, но не дойдя до нее, решил найти уединенный скит и стать монахом-отшельником... Потом было еще много всего, столь же нелепого и романтического...

Нападки Толстого на культуру и Пушкина мне понятны, разве не порицал я их обоих за то, что они помещики-крепостники, что жили они за чужой счет, и ту самую культуру, которую восхвалял один, а другой порицал, впитывали они с младенческих ногтей под присмотром бонн и нянь, в то время как я босиком в мороз бегал к своему дружку напротив нашего дома, чтобы поделиться с ним шкварками, которые я не любил, а у него съесть картошку в мундирах.

Подшучивая над Толстым за его юношеский максимализм, который я пережил в двадцать, а он в шестьдесят и позже, я подшучиваю над своими собственными крайностями, в которые меня бросало в юности; нет, я даже не говорю, что Толстой не прав, что не правы и те, кто напал на неравенство во владении, когда у одних дворцы на Мойке и Фонтанке, а у других только угол в подвале – они правы! Но правы и те, кто отстаивал традиции сословного общества, ибо если бы большевики победили в России еще в восемнадцатом веке, то застроен был бы Петербург казармами и лачугами, а неравенство оставалось бы: у одних был бы угол в лачуге, у других поширше угол в казарме.

Я возмущался крепостным правом, когда крестьянин работал три дня в неделю на помещика, и три дня на себя, и рожала ему жена семерых молодцов-сыновей и семерых красавиц-дочек, вечерами под жужжание веретена жена пела старинные песни, свекровь сказывала детушкам сказки, глава семьи ладил конскую сбрую, а сын его с обозом шел в Нижний на ярмарку. И кипели весельем крестьянские праздники, и колокола гудели на сельских храмах, и пляски и песни были в воскресные летние дни от зари до зари – а поспав часок, с серпами и косами шли на луга и поля. Откуда и сила бралась? От нутряного напряжения растущей жизни и ощущения *благодати Божией*, разлитой в природе и быте.

Теперь нет, казалось бы, крепостного права, но только прописка и невозможность устроиться с жильем, переехав в другую местность; нет и неравенства и неравноправия, а только мздоимцы-чиновники, менты и олигархи, сила государства, которая переедет любого человека, оказавшегося у него на дороге, пуще самого свирепого опричника эпохи опричнины Грозного. Нет и крестьянских больших семей, рода и родства, но зато русский народ, составлявший большинство даже в обширной империи, только-только еще сохранил свою власть в пределах бывшего Московского царства.

Всё, на что я нападаю сегодня, что подвергаю анализу и рассуждению, иногда уничижительному, когда-то меня привлекало, а иное привлекает и до сих пор. Я переболел всеми болезнями, которыми переболела Европа и Россия, я обольстился всеми соблазнами, которыми обольщались «люди не лунного света», я перешел соблазнить всех красавиц, которых встретил, меня одолевали все слабости и некоторые грехи – нападаю я на себя и свои ошибки и заблуждения.

Надо бы заглянуть в мир лучший – там
Звезды и то ровней сияют,
Бедствия не идут по пятам
И честь мою не пятнают.

Надо становиться скромнее. Мне
Так ли уж много надо?
Даже и в самом хорошем сне –
Уголок тернового сада.

Пора бы становиться и зрячим. Свет
Чарующий мир мой полнит.
Или уже зла в мире нет,
Или его сон мой не помнит?

Кто́ был соблазнён, с кем бы и я не соблазнился, кто́ изнемогал в сомнениях, с кем и я не изнемог, кто не нашел истину спасения, с кем не разделил и я восторг ее обретения? Так могу я воскликнуть, отчасти повторяя слова апостола Павла.

Я не мог читать тех, кто просвещал меня или зажигал огнем истины, холодно и отстраненно – нет, я бросался в вино их речей как в звуки влюбленного голоса, я зажигал для них светильники как перед иконами божества, и сколько я обольщался! – но и не ото всех из них я ушел. Обольщался я "Манифестом" Маркса и его "Капиталом", "Единственным и его достоянием" Штирнера, "Полом и характером" Вейнингера, "Россией и Европой" Данилевского, "Наукой логики" Гегеля, сочинениями Фихте и Аристотеля, романами Толстого и Достоевского... Нет, не могу я перечислить всех, кем был восхищен. Брошу ли я теперь в них камень? Увы, в иных я его бросаю, ибо хотя *Платон мне друг, но Истина мне еще дороже...* или мне дороже друзья, даже если не в их словах истина? Возможно, что бывает и так. Тем более, что

Я живу кое-как – ни зачем и ничей.
Грудь еще не в крестах и ладони пусты.
Не судачит молва, избегаю врачей,
И пока без меня Белый Дом и Кресты.

Вся судьба в мелочах – завтрак, ужин, обед,
Телефонных усобиц меж них кутерьма.
Нет причины для слез, даже повода нет,
И одна обо мне горько плачет тюрьма.

Я из истин сырых высекаю огонь,
Только некого мне согреть у костра.
Осень жизни, как дождь, намочила ладонь,
Но стихия стихов – ни жена, ни сестра.

Догорают дрова, Бог уснул, ветер стих.
Что же в жизни не так, в чем еще благодать?
В безрассудной тоске я зажигаю свой стих,
Чтоб глагольную рифму и жизнь оправдать.

6. *Надо ли писать?*

Надо ли писать и для кого писать, этот вопрос задаю я не из кокетства, воистину, мы переживаем эпоху духовного и нравственного падения народа, который отказывается от культуры, не хочет читать, мыслить, слушать классическую музыку.

Но я не знаю ответа не только на этот вопрос, но и на множество других, и поэтому даже *для себя* самого писать стóит – имея целью хоть что-нибудь из нашего смутного времени себе прояснить, освободиться от некоторых хотя бы недоумений, мучающих меня.

Признание и тем более слава мне уже как будто почти не важны, много ли будет читателей, тоже не важно, мне нужны МОИ читатели, те, кто не думает, что истина уже давно открыта и возвещена и можно спать спокойно. Нужно ли мне богатство, хотя бы небольшое? Ах, эти мечты тоже перегорели, хотя, признаюсь, богатства я жаждал как и женской любви – и чем оно меня так прельщало? Теперь я был бы доволен только отсутствием бедности

Пока я взвешен между небом
И этой грешною землей,
Я ничего себе не требую,
Доволен хлебом и водой.

Пусть Музы славу мне пророчат,
Но неизвестность не томит.
Лишь оттого мой Дух болит,
Что язвы мира сердце точат,
Что злые истину порочат,
Смысл тяжких жертв, жестоких битв!

Итак, хотя я пишу для себя, для того, чтобы уяснить самому себе недоумения и вопросы, но бессознательно продолжаю думать о спасении России и исправлении народа. И значит, во мне еще много самомнения, я все еще смотрю на себя как на того, кому и впрямь было дано Призвание.

Но буду ли я избавляться от самомнения? Нет, иначе рухнет Миф обо мне как о человеке необыкновенном, который я создавал, прямо или косвенно, во всех своих книгах. Для того ли, чтобы похвалиться? Нет, это необходимо было для образа героя моих книг, который и я, и не я, и автор и герой.

И я не до конца разуверился в чуде...

7. *Что будет и на чем успокоится сердце?*

Вот поэтому задуманную книгу я буду продолжать.

То, что уже сказано в предыдущих главах, пусть будет чем-то вроде введения, а далее надо написать о следующем.

1. Евангелия – Смысл и цель христианства. Проповеди Иисуса Христа. События Его жизни. Евангелисты и Окружение Христа.
2. Марксизм, Коммунизм, Равенство и Справедливость.
3. Смысл культуры.
4. Происхождение мира и человека. Дарвинизм.
5. И что-то еще...

Но почему я расстался с мечтой стать Пророком, Учителем, Поводырем для слепых или страждущих, почему я расстался с мечтой стать *Редактором мира*?

Да потому, что Пророк и Учитель уже не могут жить для себя, оставаться людьми частными. Они уже принадлежат обществу, они люди общественные, или даже принадлежат Богу, а не себе.

А я все еще смотрю на мир и хочу им восторгаться, хочу жить иногда пустой и праздной жизнью, иногда предаваться слабостям... Нет, я все еще слишком человек, и ничто человеческое мне еще не чуждо.

Мне снятся сны, которые не должны сниться пророкам, на днях, разговаривая с девушкой, я сказал ей, что она изумительная красавица, в ответ она мне возразила, что это мне, скорее всего, кажется, чем так на самом деле, хотя и на самом деле это тоже так, ибо оба мы не существа, а сущности, она – снег, а я ветер, вместе же мы метель.

Сон меня удивил, его стоило бы придумать, если бы он мне не приснился, и я теперь думаю, в какую же сторону мне дуть? Так какой из меня учитель истины, правды, справедливости, если девушки всё еще так меня волнуют?

И могу ли я быть Редактором мироздания?

К тому же цех *редакторов* обширнее, чем я думал, к ним относятся не только учителя и писатели (инженеры душ), но и хирурги (инженеры тел), и политики, и судьи, и цензоры, и правители, и даже палачи... Редакторство в этом широком смысле вдруг стало меня тяготить. Даже при исправлении чужих текстов я теперь чаще пишу, чтобы он ее в том или ином месте сам исправил, переделал, изменил к лучшему. Так и мир, каков он есть, меня тяготит, но мне не хочется его перестраивать как архитектору или мастеру, пусть бы мои читатели, проникнувшись моими идеями и мечтами, захотели его сами исправить, а я бы продолжал жить на своем огороде в деревне и *редактировать* свой сарай...

Нашел в недавних заметках, как примерялся я к возможному поприщу Редактора мира. Я каялся в грехах и слабостях и писал: *Обещаю, что пить больше не буду. Гораздо меньше. К девушкам приставать тоже. Гораздо меньше. Почти совсем...*

Возможно, на этом надо закончить, потому что речь, которую я начал трагически, невольно превращается уже в шутку (что, может быть, одно и то же, но немногие это понимают).

1 июля 2014, полночь. Ездил в университет, по дороге на железнодорожных билетах (забыв не только блокнот, но даже газеты, на полях которых иногда пишу) начал уже набрасывать план следующей части. Вечером ходили в Маринку на балет, по приглашению моей подруги. Подарил ей Записки на пальме, в антракте она стала листать мою книгу и воскликнула: *гениально!*

Ну, что же, значит, перервусь на неделю-две, чтобы доделать текущие необходимые дела, заодно сходить к врачу (поелику теперь мне нельзя умирать), и продолжу писать эту книгу, и буду ее писать лучше чем прежде, чтобы дитя во мне не разочаровалось...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КУЛЬТУРА И МИФ

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
ПЕРЕД ДВЕРЬЮ

SILENTIUM! * (Молчание!)

*Молчи, скрывайся и таи
 И чувства и мечты свои –
 Пускай в душевной глубине
 Встают и заходят оне
 Безмолвно, как звезды в ночи, –
 Любуйся ими – и молчи. ....*

Федор Тютчев

1. Тихий Ропот

2 июля 2014, еще не полночь. Приступаю к рассмотрению предметов весьма важных для многих, боюсь их задеть своей горячностью, но обойти молчанием и эту тему (христианского мифа) и многие другие, на которых зиждется мировоззрение многих, я не могу, ибо и для меня они тоже важны. Я тоже живу один раз, мне тоже и моя жизнь дорога и те искания, которые ее сопровождают, я не совсем бревно, плывущее по течению, и я барахтаюсь, хочу понять, что верно, что неверно, как жить и с чем и за что умирать. Даже если те, кто умнее меня в миллион раз, уже всё исследовали, отделили истину от неистины и мне дают в руки её готовую, я все равно хочу во всем удостовериться сам. *Даже вечной жизни и даже царствия Божия в обмен на мою бессловесность, в обмен на отказ от исследования, в обмен на отказ от своей собственной воли и свободы я не хочу.* Я не бессловесный жертвенный агнец, хотя бы и Божий, я человек, хотя бы и грешный.

О, нет, закричат защитники своего мифа (как они его понимают), Божья воля вместо человеческой безмерно возвышеннее и более полная свобода, чем человеческий произвол! В вере в Бога содержится ВСЁ, в том числе истина и свобода и воля. Но так ли это, я хочу поразмыслить – для себя.

Как я уже решился, спорить и разубеждать верующих я не буду. Верьте так, как вам нравится (как и влюбленный любит так, как он сам хочет, и что ему до мнения "истины"?).

Многие на меня вознегодуют, воскликнут, что я касаюсь священных предметов, начнут, пожалуй меня оскорблять... хорошо еще, что теперь уже не сжигают за обнародование крамольных мыслей.

А мне мнится, как еще совсем недавно и я вместе с другими сдавал на Матмехе экзамен по «научному коммунизму», и мои товарищи, *все как один*, рапортовали, что "бога нет", а "религия – опиум для народа". Тогда они этим не оскорблялись, а на меня, говорившего, что «Бог есть!», смотрели как на сумасшедшего.

Но вот теперь они уже и сами уверовали в Бога и готовы меня растерзать за отступничество – хотя, впрочем, я и сегодня не сомневаюсь, что Бог есть,

но добавляю при этом, что "религия стала опиумом для интеллигенции, сформировавшейся в советское время по советским лекалам". Но они думают, что если я не верю в Бога так, как они, то я не верю в Бога. Но я и впрямь не верю в их Бога и даже не верю в Бога Великого Инквизитора и Игнатия Брянчанинова. Миф, в отличие от научной теории, не совпадает с тем, о чем повествует, и вот почему и религия не одна, и внутри религии ее приверженцы разбиваются иногда на тысячи сект – словно рукава реки перед впадением в море. Религиозный миф – не научный способ постижения Бога и Инобытия, ибо научных способов их постижения не существует, он сродни Поэзии, и результат его сродни ее результатам. Впрочем, поэты часто более истинно судят о жизни и мире, чем ученые и философы (не говоря уж о партийных и богословских трудах), поэтому я размышляю о Боге, и даже почему-то надеюсь, что Бог не противится моим размышлениям.

2. «Жалкий лепет оправдания»

Но буду ли я понят читателем, в этом я сомневаюсь. Тем более, что возможных читателей я сам давно уже не понимаю, что-то произошло, что мешает нам слышать друг друга. Говорит мне, например, А., что «Призвание литературы» – это хорошее имя для книги, и надо бы мне такую книгу, соответствующую заявленному имени, поразмыслив серьезно, написать, а уже написанное сжечь в печке в деревне, тем более, что ночи холодные и мне несомненно приходится печку топить.

А потом звонит В. и сообщает, что был в фирме, в которой работает две тысячи высокообразованных людей, и они производят великолепные приборы для всего мира, а то издательство, в котором работаю я и которое печатает книги писателей, которых я хвалю, никому не известно, никому не нужно, да и работает в нем всего три человека, а *единица* (и даже тройка), как известно, *ноль*. (Хотя в действительности фирмы, в каждой из которых занято менее пяти работников, производят три четверти мировой продукции, а я еще и на огороде выращиваю картошку и кабачки).

Потом звонит С. и говорит, что видел великолепный дворец, доставляющий радость множеству людей, а я ремонтирую сарай, который, во-первых, нужен только мне, во-вторых, значительно уступает дворцу.

Да, читателем я скорее всего не только не буду понят, но даже отвергнут, вот и Тютчев спрашивает: «*Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя?*» – и уверен, что так как «*Мысль изречённая есть ложь*», то **надо молчать**, ибо «Взрывая, возмутишь ключи. Питайся ими – и молчи!»

Но я уже заговорил и замолчать не в силах. Если только Инквизиция не прикажет мне замолчать.

Может быть, тем, кто огорчается моими словами, лучше просто меня не читать? Как и некоторым жёнам лучше не знать, кому посвящают их мужья свои стихи – и, надеюсь, Наталья Николаевна именно так и поступала.

Второе, что может обидеть и оскорбить читателя, это то, что я еще буду писать и про себя самого, да к тому же в параллель к тому, что буду комментировать из выдающихся литературных произведений, от Гомера до

апостола Павла, от Сократа до Иоанна. А кстати, Илиада и Одиссея – тоже священные книги, и человечеству ими следует гордиться НЕ МЕНЬШЕ, чем Библией, как и Махабхаратой, Кораном, Песнью о Нибелунгах и *Русскими былинами!*

И третье, что еще замечу в свое оправдание, это то, что я не смею сказать и не скажу, что в разбираемых мною текстах есть изъяны художественного или философского характера – нет, тексты эти совершенны, как и Дон-Кихот, единственное, что я себе позволю словно бы крамольного, что меня не тянет ни в Дон-Кихоты идти, ни в монахи... Мои оппоненты часто ссылаются на авторитеты, возражая мне, прежде всего на авторитет Священного Писания (а то и Капитала) – но с ними ли их кумиры? Их кумиры в большей степени со мной, чем с ними, и это мы скоро увидим, я покажу, что и марксисты – в действительности противники Маркса, и *христиане – противники Христа*. А я, со своей *отсебятинной философией*, ближе и к Христу, и к Марксу. Ибо если они действительно хотели освободить человека, то я, проповедующий дерзость свободы духа, показываю пример и следующим за мной. Ни у кого не должно быть монополии на Истину, даже у Бога, ибо в таком случае, человеку лучше сразу стать бессловесным червем, разучиться мыслить, чувствовать и говорить. В Бога, который велит мне быть его рабом, я не верую. Я верую в того Бога, который, как свет, проникает весь мир, пытаюсь его просветить, и радуется мне, пусть и слабому светлячку на дороге Просвещения.

3. Свобода человека и Воля Божия

3 июля, 14-00. Сотворенный Богом человек должен бы жить по Его воле, а не по своей, следовательно, он не является самостоятельной сущностью.

Отпав от Бога, человек попал в тварный мир, греховный, тленный (смертный), находящийся под властью Дьявола. Христианская цель жизни – уйти из этого мира, вернуться к Богу, умереть в этом мире, предавшись вновь воле Бога и соглашаясь на существование не по своей воле, а по воле Бога.

Дочь уходит от ревнивого отца, выходит замуж, создает семью, затем возвращается к отцу. Христианский миф предлагает нечто сходное.

Ибо ветхозаветный миф о грехопадении человека и отпадении его от Бога (которое, как известно, состояло в том, что любопытная, как все женщины, Ева вкусила плод с Древа, и потеряли мы жизнь вечную, но зато начали жить по своей воле) неотделим от мифа о Пришествии Христа (так, словно оба деяния были уже частью сюжета о трансцендентной истории человечества предвечно, еще даже до создания человека – если трансцендентная история первична, а миф вторичен).

Будучи единосущным Отцу, не меньшим и не большим, но равным (а поелику Бог един в трех лицах, то будучи и одним из лиц Троицы и Богом вместе, Христос на кресте трижды горестно возгласил: «Господи, зачем Ты меня оставил?!») А затем: «Но да будет воля Твоя, а не моя!»

В качестве кого же покоряется Он воле Отца небесного: в качестве Бога-Сына или в качестве страдающего и умирающего человека, в которого Сын воплотился? Очевидно, в качестве человека, но сие значит, что даже Бог,

вочеловечившись, идеалом полагает покориться воле Отца – тогда о какой свободе толкует христианство? Свободе от плоти, от тленного мира – но и свободе от личности, освобождении от воли, то есть христианство в качестве идеала свободы предлагает освобождение от нее.

Для материалистов мы сгустки атомов, детерминированные механикой и физикой, то есть законами материального мира, марксисты добавляют к ним физиологию, движение крови, кипение неведомых гормонов, а затем еще и «законы общественного развития», чтобы уловить в свою сеть абсолютной детерминированности бытия последние кусочки духа, если они еще остаются у человека после механики.

Я еще надеялся на *тайную свободу*, заключенную в творчестве, о которой писали Пушкин и вслед ему Блок, Пастернак, Ахматова и все те, кто почитает Пушкина:

Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа. [Пушкин]

Пушкин! *Тайную свободу*
Пели мы вслед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе! [Блок]

– но марксистская "партийность литературы" отняла у меня и эту свободу (впрочем, христиане не отстают от марксистов: если для одних «свобода – это необходимость», то для других «свобода в отказе от свободы и предании себя воле Божьей»).

Как уже я договорился с читателем, я больше не буду оспаривать чужие мнения и доказывать свою правоту, но лишь буду излагать, по возможности не горячась, что думают и те и другие, и как я сам к этому отношусь.

Я, правда, в недоумении: за что же эта *свобода* им так ненавистна?

Ведь и марксист совершает различные поступки, думает ли он, что он даже не выбирает, на ком жениться, с кем дружить, вступать ли в Белую Армию или в Красную и читать или не читать мою книгу (если он уже начал читать, то пусть ее отложит и призадумается).

Правда, я и сам понимаю, что переплетение свободы и необходимости весьма причудливо, и сверзившись с сарая, падаю не куда хочу, а вниз, и хотя выбираю друзей, а тем паче подруг, которые нравятся, но и нравятся они мне сообразно вкусу, а вкус формировался согласно среде, которая хотя меня не до конца "заела", но притесняла и толкала, так что идя последовательно от причины к причине, я постепенно сужаю свою свободу – и все же верующие в "партийность литературы" и в исчерпание любви жаждой плоти, и в исчерпание жажды плоти *рабством тлению – рабы одномерности*.

Пытаясь выбраться из бурного течения, барахтаясь из последних сил, хорошо понимаешь ничтожность личной свободы, и меня тоже несет, и я ничего не могу поделать с продажными чиновниками, тупыми солдафонами,

безжалостной и невежественной властью, философами-догматиками и колено-преклоненными согражданами – но нет, никакая тупая диалектика не заставит меня уподобиться бездушному предмету и бестелесному образу.

Ну, это как с водой. Всякая вода грязная, говорят мне не делающие различий, и я не буду с ними спорить, но предпочту пить воду из "грязного" родника.

А ведь мы еще не заговорили о том, существует ли между природой и человеком и между человеком и Богом метафизический разрыв, более того – трансцендентная пропасть?

Но чаще всего мы расходимся не потому, что один из нас говорит "да", когда другой "нет". Расхождение определяется чем-то другим. Сама мысль у одних наполнена свободой, у других – подавляет. Не потому ли философ, видящий воочию Бога, как можно видеть грозу и бурю, закат в полнеба или Северное сияние, свободнее себя чувствует с атеистом, а с христианином ему душно? Не потому ли и ученому (как физиологу Ухтомскому, учившемуся в Духовной Академии и прожившему три года в монастыре) интереснее крестьянин, обрабатывающий поле, нежели монах, *культивирующий* свою душу? Не потому ли и мне самому взгляд на мир ребенка и поэта притягательнее и милее, нежели "ученого-богослова"?

4. Дело и Вера. Закон и благодать.

"По делам их узнаете их", сказано в Священном Писании, а не по обещаниям дел, ибо обещание (слово) не всегда соответствует делу, кажется даже, что оно всегда меньше дела, и само по себе почти не значительно.

Еще сравниваются все те прекраснодушные слова, по которым мы составляем образ произносящего их человека, например, правителя, говорящего о благосостоянии народа и о свободе его, и его подлинные дела волка, поедающего овец. И больше всего несоответствие слов, в которых содержится обещание или восхваление благого, тем делам, которые следуют за ними, побуждают нас сказать, что надо судить (узнавать) не по словам, а по делам.

[Впрочем, в Священном Писании говорится несколько иначе, если судить по форме высказывания. В Нагорной проповеди Иисус Христос сказал:

«Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные.

По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы?» Евангелие от Матфея, 7:16,20]

Но часто слово само *является делом*, в некоторой степени или даже в наибольшей, например, если это слово утешения, одобрения, признания в любви, поддержки, похвалы – или порицания, предостережения, угрозы... немало мы видим слов, являющихся делами, так *дело писателя – это его слово*, прежде всего слово или только слово, и таковы суть *поучения* Христа и апостолов.

Но Священное Писание в большей даже степени говорит не о том, по чему нас, обыденных людей, притом грешных, можно *узнать*, но, во-первых, за что нас будут *судить* (то есть, за что нам *воздадут*) и, во-вторых, *чем мы оправдаемся и чем заслужим царствие Божие.*

В *Ветхом Завете* в книге *Иезикииля* говорится: «По путям твоим и по делам твоим будут судить тебя, говорит Господь Бог.»

А *Псалмы Давидовы* словно только об одних делах говорят, о делах Бога и о делах человеческих, благие из которых восхваляются, а злые осуждаются, и по значению, которое придается делам, религия Ветхого Завета словно противоположна той, которая возведена в Новом Завете. Итак:

«Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей, но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь! ибо Ты Бог, не любящий беззакония; у Тебя не водворится злой; нечестивые не пребудут пред очами Твоими: Ты ненавидишь всех, делающих беззаконие.

...Воздай им по делам их, по злым поступкам их; по делам рук их воздай им, отдай им заслуженное ими.

Уклоняйся от зла и делай добро; ищи мира и следуй за ним.

Уклоняйся от зла, и делай добро, и будешь жить вовек: ибо Господь любит правду и не оставляет святых Своих; вовек сохранятся они; <а незаконные будут извержены> и потомство нечестивых истребится.

...и у Тебя, Господи, милость, ибо Ты воздаешь каждому по делам его...»

Что же говорит нам Новый Завет? Существенно *дело* и в нем. Так, в *Откровении Иоанна Богослова* акцент сделан на *воздаянии* за несправедливые дела.

«Се, грядущее скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его.

... Я есмь испытующий сердца и внутренности; и воздам каждому из вас по делам вашим.

...И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими... И судим был каждый по делам своим.»

И в Евангелии от Иоанна говорится: «Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне; а если не так, то верьте Мне по самым делам.

...а если творю, то, когда не верите Мне, верьте делам Моим, чтобы узнать и поверить, что Отец во Мне и Я в Нем.»

В Евангелии от Матфея сие подтверждается:

...итак все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают: ибо придет Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими и тогда воздаст каждому по делам его.

Так же и в Евангелии от Луки: «...и мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал».

Затем у апостолов Петра и Иакова.

Первое Послание Петра: «И если вы называете Отцем Того, Который нелицеприятно судит каждого по делам, то со страхом проводите время странствования вашего».

Послание Иакова: «Не делами ли оправдался Авраам, отец наш, возложив на жертвенник Исаака, сына своего? Видишь ли, что вера содействовала делам его, и делами вера достигла совершенства?»

Сначала и апостол Павел восхваляет добрые дела как основания нового человека, в Послании к Титу: «Который дал Себя за нас, чтобы избавить нас от всякого беззакония и очистить Себе народ особенный, ревностный к добрым делам», затем в Послании к Римлянам: «Который воздаст каждому по делам его» и во Втором Послании к Коринфянам: «...а потому не великое дело, если и служители его принимают вид служителей правды; но конец их будет по делам их».

Но затем он словно бы восстает на придание делам того значения, которое придается им Ветхим Заветом, и противопоставляет праведные дела (дела Закона) Вере и Благодати, даваемых не за дела, не в награду, а *по милости* (иногда, добавил бы я, словно бы по капризу... впрочем, я не осуждаю каприз, скучна и слишком обусловлена была бы жизнь, если бы всё было взвешено и измерено, и только *«какою мерою мы мерим, такою бы и нам было отмерено»*. Так ведь и очаровашки любят нас чаще не за заслуги, а *просто так*...)

Послание к Титу: «Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом».

Второе Послание к Тимофею: «...спасшего нас и призвавшего званием святым, не по делам нашим, но по Своему изволению и благодати, данной нам во Христе Иисусе прежде вековых времен».

Послание к Римлянам: «Но если по благодати, то не по делам; иначе благодать не была бы уже благодатью. А если по делам, то это уже не благодать; иначе дело не есть уже дело.»

Что же считать *основным взглядом* христианства на Дело и Веру? Согласно «Слову о законе и благодати» митрополита Иллариона, таковым является учение Петра, и именно это учение было поставлено во главу угла при переходе от католичества к протестантизму (хотел сказать даже, "при переходе от ветхозаветного рационального христианства к христианству иррациональному... но усомнился...")

История христианства свидетельствует еще о "делах" особого рода, заключающихся в страданиях, в муках за Христа, в отвержении жизни, в подвигах тех, кто замуровывал себя в келью, воздвигался на столп, предавался на съедение диким зверям, отвергал домогательство женщин, как святой Себастьян.

И, наконец, важнейшую область дел и действий составляют мистические состояния, возникающие у святых и подвижников, пророков, страстотерпцев, блаженных, угодников божьих... Но о них речь впереди. Пока же надо заметить, что христианство чаще всего отвергает этих людей, проклинает, сжигает на кострах, как Жанну Д*Арк и протопопа Аввакума, отлучает от церкви, как Лютера и Кальвина, отстраняется, как от Даниила Андреева, или пребывает в длительном равнодушии, через столетия иногда вдруг нехотя признавая их подвиг, как Серафима Саровского.

5. Христианская и марксистская Этика. Добро и зло.

И меня не устраивает этот мир тоже, но я хочу и мечтаю его исправить, христиане же мечтают умереть, чтобы в будущем воскреснуть. Странные мечты, когда здесь наши друзья, родные, народ, культура, вино и баня, концертные залы и театры, роса на цветах на заре и литература. Но и коммунистическое общество, в котором растворяется личность, как алмаз в уксусе, мне неприятно. И дело не в том, что мне НЕ нравится первое и второе как плохая музыка, но я уже сидел в камере, рассчитанной на троих, но вмещающей шестнадцать бесов – нет, я их НЕ хочу любить и не буду, это следствие отвращения к тоталитарному мышлению, несвободе, узости и ничтожности личности. Я не мог и не хотел полюбить своих сокамерников ни за их растленное естество, ни за образ божий, который в них незримо прозябает, как уверяет в том нас Игнатий Брянчанинов (хотя пожалеть и мог много из них – по человечески, а не по божески. И к жалости такой я был способен всегда, как и крестьяне в моей деревне, как и крестьяне в моей Руси, не уходя в пустыню, не изъязвляя и не умерщвляя плоть, не отвергая мир *сёй* во имя мира *того*).

Впрочем, представим себе, что в *том* мире все даже лучше, чем можно желать, и отказываться от него нелепо. Ну, хорошо, не будем отказываться. Но зачем, чтобы туда попасть, надо в этом мире непременно «умереть для мира»? В прекрасную юность мы попадаем, не отрекаясь от детства, и в зрелость, не отказываясь от юности. Для чего же Инобытие требует от нас ненависти к Бытию? И велит в нем быть так, как даже в тюрьме человек себя не ведет, то есть не стараться чем-нибудь улучшить его, а прозябать в нем словно бы на вокзале? Зачем таково условие, чтобы нас пропустили *туда*?..

Если я *строю дома и дороги, лечу и учу, совершаю открытия и подвиги, забочусь о близких*, наконец умираю, и подхожу к Воротам, но они заперты, и мне, за мою добродетельную и исполненную трудов жизнь уготован ад или какой-нибудь пустырь, или даже Небытие, ибо будущая жизнь только по вере, но не по добродетели, то радуется ли меня такой Бог? Или Любовь к Богу состоит только в вере в Него, и Он награждает только по вере, как и Израиль избрал Он для Себя (или они Его) не по их делам, а по своей прихоти?..

Христианство и коммунизм в моей системе ценностей не вмещаются, во-первых, потому, что этическое они или совсем устраняют, или ставят в подчиненное положение по отношению к их мифу. Хорошо и верно не то, что хорошо и верно, а что полезно делу революции и социализма. Истинно не то, что истинно, а что согласно с Христом – как тут лишний раз не вспомнить "Затруднения историка- христианина", спрашивающего, надо ли вспоминать факты, проливающие неблагодарный свет на историю церкви? Ну, у историка-марксиста и затруднений нет, ему несомненно, что надо всю историю переписывать так, чтобы она учила любить марксизм и восхищаться им. (Для полноты правды замечу, что и патриоты таковы же, и Ломоносов напал на немецких историков за то, что они были объективны и открывали в российском прошлом не только героическое, но и постыдное). Вот и спроси тут, кому же из них дорога *истина*?!)

Добро и зло, правда и справедливость, понятие о нравственности и добродетели, мораль – разве это не становой хребет всякой системы ценностей, религиозного Мифа в особенности (включая марксизм или, шире, коммунистический миф)?

Увы, нет! В социалистическом прошлом, которое еще я не забыл (а большинство помнит словно смутный сон, и не может отделить от настоящего, и потому даже не может действительно настаивать на том, что они были и что они есть теперь, настолько кажется их жизнь призрачной и эфемерной) был набор штампов, заменяющих нравственность. Справедливо и правильно было все то, что служило правящему режиму (а пока он не утвердился, служило *делу революции и социализма*), существовал культ вождей, заменяющий иконостас со святыми, святость их определялась (как и у христиан) не добродетелью, а их *революционными* подвигами; был Ленин, "простой как правда", "самый человечный человек", и "человек – это звучало – гордо" (*и чукча видел в Кремле этого человека*); был Сталин, "выигравший войну", в которой русский народ заплатил за каждого убитого немца, по вине Сталина, десятью русскими...

Но в этих Мифах нет и не может быть этического даже не потому, что тексты учений низводят этику на второстепенную роль (и это мы еще увидим), но в еще большей степени потому, что в их пространстве создан новый человек, мировоззрение которого не опирается на нравственность и мораль. Мораль "Десяти заповедей" ущербна, в них нет семьи, детства, любви к Родине, творчества, культуры, науки и Труда; мораль "Коммунистического манифеста" преступна, в ней содержится проповедь ненависти к человеку.

Я долго не мог понять, почему невозможен диалог с приверженцами коммунистического мифа, почему преступления Революции, Гражданской войны, Отечественной войны и не прерывавшейся никогда войны с народом, ни в СССР, ни в Китае, ни в Камбодже, ни на Кубе, не говоря и о других, более диких, не находят в их душах отзвука, наконец с запозданием понимаю – коммунистический миф *а-морален*, но создан и *человек а-моральный*, который мораль игнорирует, рассуждая об истине, правде и справедливости. В тридцатые годы от голода, вызванного коллективизацией, умерло от пяти до восьми миллионов человек – разве знание этого чудовищного результата социалистического строительства поколебало Веру верующих в социализм?

Это не значит, что социалистический человек непременно безнравствен, он не безнравственнее христианина, *возлюбившего ближнего как самого себя*, но не способного любить и жалеть обыденного человека, особенно не согласного с его убеждениями. Все мы способны к сочувствию и помощи, атеисты и христиане, марксисты и сторонники ислама – но не благодаря Мифам, а часто вопреки. *Миф или ВНЕ этики, часто Логики, но и над ними.*

Но что же тогда несомненно входит в истину мифа? Разумеется, и *логическое и этическое* в него словно бы "входят", но иначе, чем в культуру, они подчинены некой основной инобытийной идее, подчинены тому, что и лежит в сердцевине Мифа (и тогда ничего не значат для сознания, поглощенного мифом, ни народы, истребляемые богоизбранным народом в

войне за землю обетованную, ничего не значат чудовищные преступления революции и Гражданской войны, ни во Франции, с безумными и произвольными казнями, часто по воле шлюх, с двумястами тысяч крестьян, расстрелянных после подавления восстания в Вандее, ни в России, где большевики истребили и изгнали из Родины несколько даже сословий, около четверти всего населения, ничего не значат крестовые походы, в том числе Крестовый поход детей, Религиозные войны, Инквизиция, Варфоломеевская ночь... ничто ничего не значит, кроме абсолютной и безусловной истины мифа – когда не с истиной сравнивается миф, чтобы удостовериться в его истинности, а истина сравнивается с мифом, чтобы себя оправдать. Если справедливы слова Христа, что «Азь есмь истина и путь», то не христианству надо доказывать, что оно есть благо, а всякое благо должно удостоверить свою *блаженность* принадлежностью к христианству.

То же и при социализме. Всякое литературное произведение, всякое явление культуры принималось не в силу художественных достоинств, а по их пользе социалистическому мифу. Удивительно, что теоремы геометрии продолжали доказываться как при Евклиде, а не с помощью цитат из классиков марксизма. Хотя уже и воскликнул академик Глазенап, что нам не нужны капиталистические таблицы логарифмов, а нужны социалистические.

6. Миф и Любовь. Искусство, Истина и Красота.

Но входит ли в Истину и в Миф эстетическое, то есть Красота?

Поневоле приходится вернуться к Толстому, которого весьма заботила Красота в отношении к Истине (и вдруг я понимаю, что Толстого я именно люблю, по той особенной радости, которую я испытал, подумав, что буду с ним теперь разговаривать. Это не важно, что я с ним спорю и его осуждаю, а на Пушкина ссылаюсь в подтверждение некоторых своих мыслей – Толстой с Пушкиным не только спорил, но даже осуждал, и иногда нехорошо, но и Толстой, как ни покажется это странным, Пушкина любил. *Бывает любовь единения, а бывает, значит, любовь противостояния.* Вот и моя полемика – нет, даже не столько с христианским мифом, не с Христом и апостолом Павлом, а с *христианами*, ибо это только они воевали с христианством, а не люди Культуры, не показывает ли, что и христианский миф мне близок, ближе, чем им, и что христианство я люблю не меньше, чем они?

Возможно, возможные мои читатели-православные (из тех, что вчера научились читать Новый Завет), бросят в меня обугленные листки моих книг (как родственница бросила их на помойку) – но я и сам отнесу туда по крайней мере хоть эту книгу, если они приложат руки к сердцу и восторженно возгласят: мы любим наших братьев по вере и они нам близки и дороже тебя – из христианской секты скопцов, мормонов, Белого братства, свидетелей Иеговы, Последнего дня, из изуверских сект, коих неисчислимо, любим братьев по вере – католиков, протестантов, униатов... может быть, они облобызаются с Торквемадой, Савонаролой, Бандерой, с боевиками, устроившими резню в Варфоломеевскую ночь, с христианами, устроившими резню в империях инков и ацтеков, с англиканами, истребляющими католиков ирландского

Ольстера? Или облобызаются с матросами, идущими ночью по осажденному Петрограду, у коих «В белом венчике из роз Впереди Иисус Христос!»?

Или они вскричат, что это писал безумный поэт, а не умные профессора богословия, словно бы вся когорта христианских святых не *страшно далеко была* от умных профессоров богословия (хотя, правда, только что они линчевали и самого умного профессора богословия, дьякона Кураева... а еще раньше, в Петербурге, Вениамина Новика). Что же до "безумного поэта", то именно Поэзия ближе всего к сердцевине Мифа, а не Богословие, и Истину надо искать у поэтов. И если и я прав в своих писаниях, то лишь настолько, насколько я поэт. В той же степени, в коей я рассудочен, я не прав.

Да я поражу и других моих читателей, красных или только розовых, и интернационал-коммунистическому мифу я не до конца враг, тем более что *Платон мне друг*, и я даже помогал собирать деньги, чтобы выкупить его из рабства, куда он был продан, когда допек своими бреднями тирана Сиракуз; я и Маркса читал со вниманием и до сих пор вспоминаю, хотя с Марксом мне выпивать не приходилось, дружил я только с Герценом, потом с Ивановым-Разумником (и этого я люблю пуще всех); поражу и оттолкну я и других возможных читателей, что и национал-социалистическому мифу я не враг, если издал «На заросших тропинках» Кнута Гамсуна... Я не враг евреям, не враг и немцам, тем более русским... Но мне не нравятся ни те, ни другие, ни третьи, русские – сильнее всего. Я друг Истины (хотя и Платона тоже), и поэтому никогда не перестанет стучать пепел Клааса в моем сердце, и я никогда не забуду сорок миллионов своих русских братьев, истребленных Сталиным и Гитлером, как не забываю и шесть миллионов еврейских братьев, истребленных теми же неразлучными тиранами. Мне близки *слезы Рахили*, плачущей о своих детях и не могущей утешиться. Но мне ненавистна ложь и клевета и безжалостность Европы (культуру которой я люблю до сих пор) и ее ненависть к моим русским и моей России. И вы, братья-евреи, не обольщайтесь! Сегодня они возлюбили вас, сосредоточившись в ненависти к славянам и русским, но разве под пеплом потухли все угли, из которых разжигались костры? Мы, русские, при всей своей глупости, дикости и жестокости, были всегда терпимее к инородцам, чем Европа и Азия, и наш несравненный Пушкин обращался ко всей России, ко всякому *сущему в ней языку*. И я обращаюсь прежде к *своему народу*, в который входят братья по духу, затем к братьям по культуре, и, *наконец*, и к братьям по памяти, традициям, истории и *крови*...

Итак, продолжаю, *добро, правда и истина* занимают в Мифе подчиненное положение, и этика бывает только классовая (по уверению Маркса); что же касается логики, то поелику марксизм опирался на *диалектическую логику (диалектику)*, хотя и придуманную не им, но он эту *диалектику* превратил в часть собственного Мифа.

Ну а что же Красота, о которой я чуть не забыл, увлекшись истиной, и о которой я уже осторожно спрашивал, "*Входит ли в Истину и в Миф эстетическое, то есть Красота?*" – и о которой позже воскликнул, в порыве восхищения, что "*Красота включает в себя логическое, этическое и мифическое!*"?

7. *Искусство и Красота по Толстому*

Но дадим снова слово Толстому (ибо Маркс и Ленин мне уже изрядно надоели, тем более что всё, что они говорили о красоте, абсолютно бессодержательно).

Но сначала, не удержусь, помещаю отрывки из того, что Лев Толстой думает о науке и об искусстве (выделяя некоторые места и сокращая другие, ибо иначе слишком длинно, но тем не меняя ни на йоту смысл его слов.

«Надо надеяться, что та работа, попытку которой я сделал об искусстве, будет сделана и о науке, что будет указана людям неверность теории *науки для науки*, и будет ясно показана необходимость признания христианского учения в истинном его значении, и что на основании этого учения будет сделана переоценка всех тех знаний, которыми мы владеем и так гордимся, будет показана второстепенность и ничтожность знаний опытных и перво-степенность и важность знаний религиозных [иногда прямо кажется, что не читал великий Лев ни апостола Павла ни других христианских писателей, которые показывают *тщету и ничтожность знания сравнительно с верой* и дьявольство всяких идолов, расставленных по улицам Афин и вредность искусства, а потом начали они сжигать и иконы, ибо велелось в Ветхом Завете не делать никаких изображений божеств], нравственных и общественных, и что знания эти не будут, как теперь, предоставлены руководительству одних высших классов, а будут составлять главный предмет всех тех свободных и любящих истину людей, которые, не всегда в согласии с высшими классами, но вразрез с ними, двигали истинную *науку жизни* [*мои деревенские*, и прежде всего моя мать, из последних сил продвигали мое учение, образование мое по тем канонам, которые так не нравятся Толстому, восхищались моими успехами на ниве Знания, негодовали моим неудачам, и те, кто еще живы, верят в меня, любят меня, и ждут от меня подвигов в культуре, в частности в литературе и в философии, может быть и в математике. Их не смущает, что я так много уже живу, а еще толку нет никакого, вера их только усиливается, и только для исполнения их надежд и упований я продолжаю свою борьбу и даже на смертном одре не выпущу перо из рук, а там, глядишь, и воспряну и продолжу свое писание, ибо я ДОЛЖЕН доказать, что и мы, безвестные, родившиеся в хлеву, можем достигнуть вершин в культуре. Я за всех нас, за нашу безъязыкую, казалось бы, деревню должен подняться на вершину Истины! Что мне моя собственная известность, мое признание, почести и даже богатства (только бы хватило доехать до огорода и купить хлеба, а картошку я выращу сам, даже если европейский русский народ, привыкший грабить мою Сибирь и за счет нее жить, отберет у меня все и всякие средства существования... но об этом речь впереди...) – я не за себя, я за мою отвергнутую, презираемую городскими асфальтовыми умниками, забытую и уничтоженную деревню!!! И мы умеем разжечь огонь даже под проливным дождем, умеем косить и копать, полоть и поливать, но что такое *наука жизни*, никто из нас, боюсь, не знает. Это относится к воображаемому народу, которым грезит Толстой.]»

Науки же математические, астрономические, физические, химические и биологические так же, как технические и врачебные, будут изучаемы только в той мере, в которой они будут содействовать *освобождению людей от религиозных, юридических и общественных обманов* или будут служить благом всех людей, а не одного класса.

Только тогда наука ... будет ... вводить в сознание людей те истины, которые вытекают из религиозного сознания нашего времени.

И только тогда и искусство, всегда зависящее от науки, будет тем, чем оно может и должно быть,— столь же важным, как и наука, органом жизни и прогресса человечества.

Искусство не есть наслаждение, утешение или забава; искусство есть великое дело. Искусство есть орган жизни человечества, переводящий разумное сознание людей в чувство. В наше время общее религиозное сознание людей есть сознание братства людей и блага их во взаимном единении. Истинная наука должна указать различные образы приложения этого сознания к жизни. Искусство должно переводить это сознание в чувство.

Задача искусства огромна: искусство, *настоящее искусство, с помощью науки руководимое религией* ... Искусство должно устранивать насилие.

И только искусство может сделать это.

[Но] ... на поддержание искусства в России, где на народное образование тратится только одна сотая того, что нужно для доставления всему народу средств обучения, даются миллионные субсидии от правительства на академии, консерватории, театры. ...

Но мало того, что такие огромные труды тратятся на эту деятельность,— на нее, так же как на войну, тратятся прямо жизни человеческие: сотни тысяч людей с молодых лет посвящают все свои жизни на то, чтобы выучиться очень быстро вертеть ногами ...; другие ... на то, чтобы выучиться очень быстро перебирать клавиши или струны [о, моя несравненная, гениальная и прекрасная Полина! Но нет, я тебя еще надеюсь защитить!]; третьи на то, чтобы уметь рисовать красками и писать все, что они увидят; четвертые на то, чтобы уметь перевернуть всякую фразу на всякие лады и ко всякому слову подыскать рифму [это он о Пушкине и о других поэтах, отчасти и обо мне, ибо "перевернуть всякую фразу на всякие лады" я изо всех сил стараюсь!]. И такие люди, часто очень добрые, умные, способные на всякий полезный труд, дичают в этих исключительных, одуряющих занятиях и становятся тупыми ко всем серьезным явлениям жизни, односторонними и вполне довольными собой специалистами, умеющими только вертеть ногами, языком или пальцами.

Но мало и этого. Вспоминаю, как я был раз на репетиции одной из самых обыкновенных новейших опер, которые ставятся на всех театрах Европы и Америки.

Я пришел, когда уже начался первый акт. ... Поднявшись вверх по темной лестнице, я вышел на подмостки за кулисы. Между сваленными декорациями, занавесами, какими-то шестами, кругами стояли и двигались десятки, если не сотни, накрашенных и наряженных мужчин в костюмах с обтянутыми

ляжками и икрами и женщин, как всегда, с оголенными насколько возможно телами. Все это были певцы, хористы, хористки и балетные танцовщицы, дожидавшиеся своей очереди. Руководитель мой провел меня через сцену и мост из досок через оркестр, в котором сидело человек сто всякого рода музыкантов, в темный партер. На возвышении между двумя лампами с рефлекторами сидел на кресле, с палочкой, пред пюпитром, начальник по музыкальной части, управляющий оркестром и певцами и вообще постановкой всей оперы.

Когда я пришел, представление уже началось, и на сцене изображалось шествие индейцев, привезших невесту. Кроме наряженных мужчин и женщин, на сцене бегали и суетились еще два человека в пиджаках: один – распорядитель по драматической части и другой, с необыкновенною легкостью ступавший мягкими башмаками и перебегавший с места на место, – учитель танцев, получающий жалованья в месяц больше, чем десять рабочих в год.

... Пропоеет и махнет рукой – разумеется, обнаженной – из-под мантии. ... и дирижер, поворотившись к оркестру, набрасывается на валторну, браня его самыми грубыми словами, как бранятся извозчики, за то, что он взял не ту ноту. И опять все начинается сначала. ... Опять стук палочкой, брань, и опять сначала. ... И несчастный, физически и нравственно изуродованный человек, флейтист, валторна, певец, к которому обращены ругательства, молчит и исполняет приказанное: повторяет двадцать раз «я невесту сопровожда-а-аю» и двадцать раз поет одну и ту же фразу и опять шагает в своих желтых башмаках с алебардой через плечо. Дирижер знает, что эти люди так изуродованы, что ни на что более не годны, как на то, чтобы трубить и ходить с алебардой в желтых башмаках, а вместе с тем приучены к сладкой, роскошной жизни и все перенесут, только бы не лишиться этой сладкой жизни... *Трудно видеть более отвратительное зрелище.....*

Что никогда таких индейцев не было и не могло быть, и что то, что они изображали, не только не похоже на индейцев, но и ни на что на свете, кроме как на другие оперы, в этом не может быть никакого сомнения.

... Невольно приходит в голову вопрос: для кого это делается? *Кому это может нравиться?* Если и есть в этой опере изредка хорошенькие мотивы, которые было бы приятно послушать, то их можно бы было спеть просто без этих глупых костюмов и шествий, и речитативов, и махания руками. Балет же, в котором полубогаженные женщины делают сладострастные движения, переплетаются в разные чувственные гирлянды, есть прямо развратное представление. Так что никак не поймешь, на кого это рассчитано. Образованному человеку это несносно, надоело; настоящему рабочему человеку это совершенно непонятно. Нравиться это может, и то едва ли, набравшимся господского духа, но не пресыщенным еще господскими удовольствиями, развращенным мастеровым, желающим засвидетельствовать свою цивилизацию, да молодым лакеям.

И вся эта гадкая глупость изготовляется не только не с доброй веселостью, не с простотой, а с злобой, с зверской жестокостью.»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
ИСКУССТВО И КРАСОТА

В жару сердечных вдохновений,
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений.

А. Пушкин

1. Граф и Крестьянское дитя

7 июля 2014, по дороге в деревню. Видно, мне суждено надолго остаться с Толстым, как навсегда с Пушкиным. И странно, что именно с Толстым я спорю, не соглашаясь с ним почти во всем, но не нахожусь с ним в противостоянии, а спорю словно бы с самим собою, со второй своей половиной, близкой Толстому, и как и он, горячась по большевистски, не в силах разрешить коллизию культуры и справедливости. Культура требует *неравенства*, пытаюсь обратиться к каждому сердцу и до каждого сердца достучаться, она разделяет народ на вдохновенных творцов и толпу (если даже не чернь), она аристократична; взывая к народу (И долго буду тем любезен я народу), она же от него и отталкивается (Поэт, не дорожи любовью народной!); справедливость же требует *равенства*, словно бы от нас зависит, чтобы чернь уравнилась с поэтом.

Толстой, родившийся среди роскоши, изнеженным барчуком, пытается превратиться в простого мужика, и от имени мужика объявляет культуру ненужной и враждебной народу, существующей, якобы, за счет мужика (словно без культуры, сами по себе, возникли бы даже телега и плуг в крестьянском хозяйстве, бронза, нож, железо... и даже человек. Хотя и представляет себе мифологическое сознание, что *наг человек явился в мир*, словно бы детеныш животного, но человеческий детеныш является в мир в пеленах культуры, пока незаметных, но они постепенно проявляются, начинают существовать, появляется язык, умения и многое другое...

Толстовский воображаемый мужик противостоит культуре и образованию, а меня моя родная деревня словно бы на руках несла учиться, на мое учение уповали не только моя мать, но и все родные, и все, кто обо мне только слышал в том окружении, в котором я возрастал. Словно уже в колдыбели мне пел мой народ: *Учись, Васенька, мы на тебя надеемся!*

И странно, что это не Толстой, а я, родившийся при свете лучины, научившийся читать по обрывкам газет и писавший на их полях, потому что не было бумаги, решавший мои любимые задачи по математике на промокашках, так как тетрадные обложки были уже тоже мелко исписаны, не слышавший до одиннадцати лет ни одного инструмента кроме гармошки, плачу в Марининской опере на Трубадуре, плачу в Концертном зале, слушая игру на рояле Полины О. ...а разве не плакал я от восхищения, идя в свою деревню из столицы Красноярских лагерей (Краслага), не в силах оторваться от чтения толстовской "Войны и мира", держа книгу перед собой и продолжая идти как лунатик?!

Но не подумайте, что я плакса. Вчера арестовали счета, по которым я получал заработную плату (три тысячи рублей в месяц), отняли отпускные и премиальные, тринадцать тысяч рублей, отняли и вторую половину пенсии, которую я до сих пор получал, уже десять лет, по семь тысяч в месяц, считая и компенсацию за незаконные репрессии советского правительства в семидесятом году, когда я просидел полгода в тюрьме Большого дома и два с половиной года в специальной тюремной психиатрической больнице... теперь я дрожу при каждом стуке, ожидая, что придут отбирать вещи из квартиры, книги и компьютер, да и саму квартиру... но нет, я не заплакал...

Но советский православный народ (какой он, к черту, русский?! Русскости в нем не осталось ни на грош!), съёгший пятьдесят тысяч дворянских поместий позавчера, переломавший пятьдесят тысяч храмов вчера, перебивший всех умных, образованных и красивых, придет, пожалуй, ко мне вместе с приставами, чтобы уж заодно добить и меня за кощунство... Уж он найдет, за что меня добить! Разве он покаялся за убийство Николая Гумилева, Есенина, Павла Васильева, Бориса Корнилова и Артема Веселого (этих своих же парней, из красных!), за самоубийство в отчаянии Марины Цветаевой, убийство Мандельштама, Клюева, Павла Флоренского ... имена же им Бог весть...?!

... Ладно, *надо перевести дух*, успокоиться... Завтра я поеду в деревню, буду заканчивать ремонт сарая, полоть грядки, посажу еще, пожалуй, картошку и вдоль забора, авось вырастет... А там красота и раздолье, огород кипит цветами как волны пеной, ни тебе радио, ни газет, ни телевизора, ни всенародной истерической любви к царям и инквизиторам... Но продолжу, однако, отрывки и из Толстого о красоте и искусстве. Имея в виду, что, с одной стороны, Толстой весьма язвительно и негодующе, и даже просто с презрением пишет об опере и балете, и даже о живописи, а с другой, возлагает и на искусство некие надежды, если оно "*с помощью науки руководимое религией...*", принужден я продолжить знакомство читателя с Толстовским мнением об искусстве.

«Что же такое это искусство, которое считается столь важным и необходимым для человечества, что для него можно приносить те жертвы не только трудов и жизней человеческих, но и добра, которые ему приносятся?

... Искусство – это архитектура, ваение, живопись, музыка, поэзия во всех ее видах, ответит обыкновенно средний человек, любитель искусства или даже сам художник, предполагая, что дело, о котором он говорит, совершенно ясно и одинаково понимается всеми людьми. Но в архитектуре, спросите вы, бывают постройки простые, которые не составляют предмета искусства, и, кроме того, постройки, имеющие претензии на то, чтобы быть предметами искусства, [но] неудачные, уродливые и которые поэтому не могут быть признаны предметами искусства. В чем же признак предмета искусства?

Точно то же и в ваении, и в музыке, и в поэзии. Искусство во всех видах граничит, с одной стороны, с практически полезным, с другой – с неудачными попытками искусства. Как отделить искусство от того и другого? Средний образованный человек нашего круга и даже художник, не занимавшийся специально эстетикой, не затруднится и этим вопросом. Ему кажется, что все это разрешено давно и всем хорошо известно.

«Искусство есть такая деятельность, которая проявляет красоту», – ответит такой средний человек.

«Но если в этом состоит искусство, то балет, оперетка есть ли тоже искусство?» – спросите вы.

«Да, – хотя и с некоторым сомнением ответит средний человек. – Хороший балет и грациозная оперетка тоже искусство в той мере, в которой они проявляют красоту».

Но не спрашивая даже далее среднего человека о том, чем отличается хороший балет и грациозная оперетка от неграциозной, – вопросы, на которые ему было бы очень трудно ответить, – если вы спросите того же среднего человека, можно ли признать искусством деятельность костюмера и парикмахера, ... портного, парфюмера и повара, он в большей части случаев отвергнет принадлежность деятельности портного, парикмахера, костюмера и повара к области искусства. Но в этом средний человек ошибется именно потому, что он средний человек, а не специалист и не занимается вопросами эстетики. Если бы он занимался ими, то он увидел бы у знаменитого Ренана в книге его «*Marc Aurèle*» рассуждение о том, что портняжное искусство есть искусство и что очень ограниченны и тупы те люди, которые в наряде женщины не видят дела высшего искусства...»

Кажется, Толстой согласился с определением искусства, данным средним человеком, поэтому далее большое внимание он уделяет красоте. Если мы поймем, что такое подлинная красота, то, возможно, поймем и что такое подлинное искусство. Поэтому последуем за великим Львом дальше.

2. Определяется ли Искусство Красотой?

«Но что же такое красота, которая составляет... содержание искусства? Как она определяется и что это такое?»

Как это бывает во всяком деле, чем неяснее, запутаннее понятие, которое передается словом, тем с большим апломбом и самоуверенностью употребляют люди это слово, делая вид, будто то, что подразумевается под этим словом, так просто и ясно, что не стоит и говорить о том, что собственно оно значит. Так поступают обыкновенно относительно вопросов суеверно-религиозных, и так поступают люди в наше время и по отношению к понятию красоты. Предполагается, что то, что разумеется под словом красота, всем известно и понятно. А между тем это не только неизвестно, но после того, как об этом предмете в течение 150 лет – с 1750 г., времени основания эстетики Баумгартеном – написаны горы книг самыми учеными и глубокомысленными людьми, вопрос о том, что такое красота, до сих пор остается совершенно открытым и с каждым новым сочинением по эстетике решается новым способом. Одна из последних книг, которую я, между прочим, читал по эстетике, – это недурная книжечка Julius Mithalter, называющаяся «*Rätsel des schönen*» (загадка прекрасного). И заглавие это совершенно верно выражает положение вопроса о том, что такое красота. Значение слова «красота» осталось загадкой после 150-летнего рассуждения тысяч ученых людей о значении этого слова. Немцы решают эту загадку по-своему, хотя и на сотни

разных ладов; физиологи-эстетики, преимущественно англичане... тоже каждый по-своему; французы-эклектики и последователи Гюйо и Тэна – тоже каждый по-своему, и все эти люди знают все предшествовавшие решения и Баумгартена, и Канта, и Шеллинга, и Шиллера, и Фихте, и Винкельмана, и Лессинга, и Гегеля, и Шопенгауэра, и Гартмана, и Шасслера, и Кузена, и Левека и др.

Что же такое это странное понятие красоты, которое кажется таким понятным тем, которые не думают о том, что говорят, а в определении которого не могут сойтись в продолжение полутора века все самого разнообразного направления философы разных народов? Что такое понятие красоты, на котором основано царствующее учение об искусстве?

Под словом «красота» по-русски мы разумеем только то, что нравится нашему зрению. Хотя в последнее время и начали говорить: «некрасивый поступок», «красивая музыка», но это не по-русски.

Русский человек из народа... не поймет вас, если вы скажете ему, что человек, который отдал другому последнюю одежду или что-нибудь подобное, поступил «красиво», или, обманув другого, поступил «некрасиво», или что песня «красива». По-русски поступок может быть добрый, хороший или недобрый и нехороший; музыка может быть приятная и хорошая, и неприятная и нехорошая, но ни красивою, ни некрасивою музыка быть не может. ...

...Так что слово и понятие «хороший» включает в себе понятие «красивого», но не наоборот: понятие «красивого» не покрывает понятия «хорошего».

Далее Толстой исследует воззрения на искусство и красоту почти всех в той или иной степени выдающихся писателей и философов последних полутора столетий (к его времени), да и древних тоже – что вызывает восхищение его познаниями и трудом, и приходит к следующему выводу:

«Казалось бы, при таком положении дела естественно было бы науке об искусстве не довольствоваться определением искусства, основанным на красоте, то есть на том, что нравится, и искать общего, приложимого ко всем произведениям искусства определения, на основании которого можно бы было решать принадлежность или непринадлежность предметов к искусству. Но как может видеть читатель из приведенных мною выписок из эстетик и еще яснее из самих эстетических сочинений, если он потрудится прочитать их, такого определения нет.

А до какой степени может дойти бессмысленность и безобразие искусства, особенно когда оно знает, что оно считается, как в наше время, непогрешимым, мы видим по тому, что делается теперь в искусстве нашего круга.

Так что теория искусства, основанная на красоте и изложенная в эстетиках и в смутных чертах исповедуемая публикой, есть не что иное, как признание хорошим того, что нравилось и нравится нам, то есть известному кругу людей.

[Но] для того чтобы определить какую-либо человеческую деятельность, надо понять смысл и значение ее. Для того же, чтобы понять смысл и значение какой-либо человеческой деятельности, необходимо прежде всего

рассматривать эту деятельность саму в себе, в зависимости от ее причин и последствий, а не по отношению только того удовольствия, которое мы от нее получаем.

[Нет, не удовлетворяет Толстого определение искусства через красоту, которая и сама удовлетворительно не объяснима и неопределима, и через наслаждение и удовольствие, которые оно доставляет, как и сама красота. Но многое я опускаю в его рассуждениях и в его ссылках, иначе это уже будет не мое сочинение, а его.]

«Признание целью искусства красоты или известного рода наслаждения, получаемого от искусства, не только не содействует определению того, что есть искусство, но, напротив, переводя вопрос в область совершенно чуждую искусству – в метафизические, психологические, физиологические и даже исторические рассуждения о том, почему такое-то произведение нравится одним, а такое не нравится или нравится другим, делает это определение невозможным.»

[На этом я пока прерву его рассуждения, чтобы не забыть свои собственные. В значительной степени мои возражения – не только Толстому, но и другим, если даже не всем вместе взятым, проистекают из того, что я математик. И хотя, будучи математиком, я постоянно пытаюсь соединить математические методы мышления и доказательства с философией и литературой, но мне зато и яснее, насколько это соединение бывает чрезмерно. Математика в значительной степени отвлекается от индивидуального, а в литературе именно индивидуальное в центре. Математическое доказательство исходит из бесспорных истин – аксиом, в философии (в отличие от теологии) таких бесспорных истин почти нет. Но тем не менее, двухтысячелетнее влияние эллинской мысли на европейскую культуру сказывается, изложение часто математично, начинается оно с *определения*. Так ли это в литературе и живой жизни? "Онегин, добрый мой приятель, родился на берегах Невы...", начинает Пушкин свой гениальный роман. Нет, это не *определение* Онегина, но и нигде почти, кроме математики, с определения не начинается разговор. Да и стремимся ли мы именно в математическом определении исчерпать содержание сложного понятия или Идеи? Возможно ли дать определение Бога? Нет. Поэтому Дионисий Ареопагит (которого в России я первый так полно издал, хотя это только усугубило мое разорение и приблизило зловещий стук в дверь судебных исполнителей, а позже, может быть, стук палача) и определяет Бога апофатически, то есть рассматривает те возможные признаки и свойства его, которые к нему **не** относятся. Так буду рассуждать и я, но, по возможности, рассматривая и те признаки и свойства сущего, которые могут к нему относиться.

Таким образом мы можем составить некий образ искомого, о котором можно размышлять, спорить, который можно уточнять, не требуя немедленного отыскания неизвестного в трансцендентном уравнении.

Продолжая таким образом, мы удаляемся от схоластики, мы перестаем искать то В, которое тождественно является заменой А, то есть перестаем искать тождество $A = B$, в котором В является ответом на все недоумения и

вопросы относительно А, но расширяем наше представление А, говоря, что в А входят такие-то С, и не входят такие то D.

Таким образом, я не обязуюсь сказать, что Искусство – это "вот что такое", и не скажу про Красоту, что она "не то, а это", но мне есть что сказать и про искусство и про красоту, хотя бы мои слова и не были исчерпывающими. Нет, я озабочен только тем, чтобы не сказать нечто пустое и общее, избитое общее место или случайную и необязательную частность.

Есть и еще одно, мешающее пониманию, возможно, в этом тоже отчасти повинна математика, а может быть, само устройство человеческого ума, который во всем ищет определенности и не удовлетворен неопределенностью. Распределяя натуральные числа по классам, мы разделяем их на четные и нечетные, на *простые* и сложные (составные).

Поэтому мы и требуем от определений, чтобы они разделяли наш мир и нас самих на несоединимые множества чувств, мыслей, понятий, поэтому мы и без определений так ведем себя в жизни, одни у нас безусловно плохие, другие безусловно хорошие, только белые и только красные, добрые и злые, умные и глупые, гении и чернь. Толстой, разумеется, гений, а я – "моська", которая на него лает (как выразился один мой критик (с чего это он взял? С того, что я смею так вольно рассуждать, не стою навтыяжку, не только люблю и почитаю, и восхищаюсь – а я и люблю и почитаю, и восхищаюсь! – но и возражаю, и даже дерзко иронизирую, и даже посмеиваюсь?!)

Но ведь сам он посмел о Пушкине не только иронизировать, но прямо таки гаерничать! Пушкин, по его мнению, писал глупые и никому ненужные любовные стишки (ненужные, якобы, прежде всего простому народу), а вот Толстой занимался нужным народу делом – писал толстые романы! (Много из народа читало Толстого, если не считать обязательного чтения в школе? Вероятно, один из ста. Да и вообще книги читают столько же, если конечно, не посчитать за книги модных нынче бульварных писателей.)

Так вот, определение любви должно нам помочь разделить влюбленных на две строго несовместимые части, в одной группе будут истинно влюбленные, в другой – сумасшедшие, развратные, похотливые... И я встречал и сумасшедших влюбленных (есть, оказывается, и «бред любви»), и жаждущих подростков, которым было все равно с кем... да вот возьмем даже цитированную мною прелестную повесть "Случайная любовь" – любовь это или не любовь? Тут и в самом себе не всегда отделишь одно от другого, потому что человек есть слияние духа и плоти (как бы ни пытались сумасшедшие монахи плоть умертвить), а в постороннем человеке границу между ними еще труднее провести – да и кто это доказал, что Плоть, входящая в природу человека – источник мерзости, а только Дух – и то отчасти – источник чего-то более или менее чистого?

Не читал Толстой Данилевского (которого почитал), или читал плохо, а Данилевский гениально сказал о Плотии (говоря о материи): "Красота есть единственная духовная сторона материи, следовательно, красота есть единственная связь двух основных начал мира. То есть красота есть единственная сторона, по которой она (материя) имеет цену и значение для духа –

единственное свойство, которому она отвечает, соответствует потребностям духа и, которое в то же время совершенно безразлично для материи как материи. И наоборот, *требование красоты есть единственная потребность духа, которую можно удовлетворить только материей.*

Бог пожелал создать красоту и для этого создал материю."

Хотя плоть не тождественна материи, но она все же ближе к ней, чем к духу, посему можно сказать, что изгнав плоть из личности человека и оставив в ней только дух, мы изгоняем вместе и красоту; по крайней мере, ту часть красоты, которую Толстой признаёт за красоту, поскольку она различается зрением. Если же даже и есть духовная красота, то она никак зрением не может быть видима, а, следовательно, она не красота по Толстому.

Но, все же, и красивое от некрасивого математически отделить мы не можем, нет абсолютной границы, разделяющей их. Но так же нет абсолютной границы, отделяющей искусство от неискусства – хотя я готов почти отказаться от того, что сказал, если меня поймут так, что истина и ложь, красота и безобразие, добро и зло, искусство и "халтура", Бог и Дьявол никак не разделены; - нет, я только говорю, что хотя они разделены, и это несомненно, но... граница эта неопределенна, зыбка, часто произвольна, проведение ее допускает злоупотребления, посему много бесов восседает на вершинах земной власти и много ангелов томятся в тюрьмах, сгорают в кострах и умирают на кресте. И праведные есть, и неправедные тоже есть, и не совпадают одни с другими, *но кто из нас совсем без греха, вот пусть только тот проведет между ними границу и бросит в одних из нас камень.*

Но продолжаю излагать взгляды Толстого.

«По Баумгартену, говорит Толстой, объект логического познания есть *истина*; объект эстетического (то есть чувственного) познания есть *красота*. Красота есть совершенное (абсолютное), познанное чувством. Истина есть совершенное, познанное рассудком. Добро есть совершенное, достигаемое нравственной волей. ...

...Истина и красота, по Гегелю, одно и то же; разница только в том, что истина есть сама идея, как она сама в себе существует и мыслима. Идея же, проявляемая вовне, для сознания становится не только истинной, но и прекрасной. Прекрасное есть проявление идеи...

...По Костеру, идеи красоты, добра и истины врожденны. Эти идеи просвещают наш ум и тождественны с богом, который и есть добро, истина и красота. Идея же красоты включает в себя единство сущности, разнообразие составляющих элементов и порядок, который вносит единство в разнообразие проявлений жизни.

... все эстетические определения красоты сводятся к двум основным воззрениям: первое – то, что красота есть нечто существующее само по себе, одно из проявлений абсолютно совершенного – идеи, духа, воли, бога, и другое – то, что красота есть известного рода получаемое нами удовольствие, не имеющее цели личной выгоды.

Первое определение было принято Фихте, Шеллингом, Гегелем, Шопенгауэром и философствующими французами: Cousin, Jouffroy, Ravaisson

и др., не называя второстепенных философов-эстетиков. Этого же объективно-мистического определения красоты придерживается и большая половина образованных людей нашего времени. Это очень распространенное, особенно среди людей прежнего поколения, понимание красоты.

Второе понимание красоты, как известного рода получаемого нами удовольствия, не имеющего целью личной выгоды, распространено преимущественно между английскими эстетиками и разделяется другой половиной, преимущественно более молодой, нашего общества.

Так что существует, как это и не может быть иначе, только два определения красоты: одно – объективное, мистическое, сливающее это понятие с высшим совершенством, с богом, – определение фантастическое и ничем не обоснованное; другое, напротив, очень простое и понятное, субъективное, считающее красотою то, что нравится...

С одной стороны, красота понимается как нечто мистическое и очень возвышенное, но, к сожалению, очень неопределенное и потому включающее в себя и философию, и религию, и самую жизнь, как это происходит у Шеллинга и Гегеля и у немецких и французских их последователей; или, с другой стороны, как оно и должно быть признано, по определению Канта и его последователей, красота есть только получаемое нами особого рода бескорыстное наслаждение. И тогда понятие красоты, хотя и кажется очень ясным, к сожалению также неточно, потому что расширяется в другую сторону, а именно – включает в себя и наслаждения от питья, еды, ощущения нежной кожи и т. п., как это признается у Гюйо, Кралика и др.»

Собственного определения красоты пока у Толстого нет, и у меня нет существенных возражений тому, что он говорит, тем более что это у него пока разумный скепсис в отношении чужих европейских теорий. Но есть у Толстого существенные ограничения области восприятия человеком красивого, и они существенны двояко: во-первых, понятие красоты, которое он исследует, уже у него парадоксально сужено; во вторых, сужение это характерно для Толстого и многое в нем объясняет. Итак, повторяю цитированное: «Под словом «красота» по-русски мы разумеем только то, что нравится нашему зрению. Хотя в последнее время и начали говорить: «некрасивый поступок», «красивая музыка», но это не по-русски.

Русский человек из народа... не поймет вас, если вы скажете ему, что человек, который отдал другому последнюю одежду или что-нибудь подобное, поступил «красиво», или, обманув другого, поступил «некрасиво», или что песня «красива». По-русски поступок может быть добрый, хороший или недобрый и нехороший; музыка может быть приятная и хорошая, и неприятная и нехорошая, но ни красивою, ни некрасивою музыка быть не может.»

Вот почему так вульгарно прохаживается Толстой об опере, да он и вообще в музыке не различает эстетическое содержание, вероятно, он НЕ СЛЫШИТ музыку совершенно, хотя, правда, слушал же он Варю Панину и получал от ее пения наслаждение!/? Или он полемически преувеличивает свои ограничения красоты – дать ему волю, так он бы и из зрения ее, поди, убрал – или и впрямь слух у него эстетически был не развит. Впрочем, таких людей, у

которых отсутствует совсем чувство звуковой гармонии, видимо, нет, эстетическое удовольствие от шума леса, от ропота прибоя, от пения птиц, от завываний ветра и бури переживает, я уверен, каждый. Кстати, произнес я эллинское слово "гармония" – неотделимость ее (как противоположности хаоса) от красоты несомненна была и в древности, несомненна и нам – но вот странность, Толстой о гармонии почти не говорит, ему и нелегко, говоря об удовольствии, получаемом зрителем, слушателем, читателем, найти источник этого удовольствия, а он в значительной степени в чувстве гармонии, хотя это чувство не исчерпывает восприятие эстетического.

Странно еще и то, что он игнорирует слепых. Слеп был Гомер, слеп поэт Козлов, которого он знал, и на стихи которого написаны прекрасные романсы, например, "Вечерний звон" – и само по себе красивое сочинение, и посвященное музыке. Что ж, ограничивая эстетическое, красоту только областью зрительных впечатлений, Толстой, значит, отказывал этим поэтам в способности знать и чувствовать красоту? Да и помимо музыки, эстетическое содержится не только в природе, в обществе, в живописи, ваянии и зодчестве, но и в литературе. Впечатление от романа, повести и рассказа, а в особенности от поэзии разве не включает в себя эстетические чувства, которые гораздо шире того, что мы называем КРАСИВЫМ, иначе не было бы и в языке такого разнообразия понятий и их оттенков: изящное, восхищающее, удивительное (в удивлении непременно присутствует что-то эстетическое), великолепное, соразмерное, поразительное, ужасное, чудовищное, безобразное (разумеется, НЕ красивое, но относящееся, все же, к эстетике, а не к логике или этике), отвратительное, пикантное, милое, нежное, чарующее, пленительное (звезда пленительного счастья!)... возможно, это не все. В литературе эстетическое в наибольшей степени относится к поэзии – но и поэт из Толстого был плохой, и чувствовал ли и понимал ли он поэзию? Стихи у него (как и у Солженицына) были плохие – но его попытка перекладывать Пушкинские строки – а в стихотворении «И с отвращением читая жизнь мою, Я трепещу и проклинаю, И горько жалуюсь, и горько слезы лью, Но строк печальных не смываю», он предлагал поправку. «В последней строке, – говорит Толстой, – я бы только изменил бы так: вместо «строк печальных...» поставил бы: «строк *постыдных* не смываю» – еще ужаснее, так как многие не пишут стихов или пишут плохие, но большинство из них все же чувствует красоту поэзии!

А ведь и невозможно объяснить, почему это хуже, чем у Пушкина! Прав Толстой в том отношении, что о том, о чем он говорит, то есть о искусстве, эстетике и красоте – почти невозможно говорить тонко и глубоко и встретить полное понимание у читателя.

Итак, ни музыки ни стихов Толстой не слышит. Но он изумительно чувствует и воспринимает природу как симфонию, повесть "Казак" это доказывает – что же он исключает из органов, воспринимающих красоту и гармонию, УХО? Да просто потому, что саму красоту он *понимает узко, чувствуя* ее, тем не менее, гораздо шире того, что пытается доказать в своей философии. И не может быть, чтобы исключал он эстетические

впечатления из восприятия литературы – а их источником является не зрение, что и доказывает, что эстетическое связано не напрямую с изображением и звуком, но через сознание, через умственную и чувственную деятельность души, потому нам не обязательно видеть и слышать, достаточно **ВООБРАЖАТЬ**.

Чувственное восприятие значительно шире только зрительных впечатлений, так мы воспринимаем искусство, музыку, природу, так мы воспринимаем женщину. Красота женщины сложнее, чем эстетическое в связи с искусством, поэтому не исключено, что женщина занимает больше места, чем искусство, даже в жизни поэта и художника. Вот мы видим красивую женщину, испытываем наслаждение от восприятия ее красоты, и не унижу я Красоту, если скажу, что эстетическое в восприятии ее внешности неотделимо от эротического (что доказывают даже любовные игры зверей и птиц). А образ женщины, которую мы воспринимаем как красивую, складывается не только из ее внешности, но и из ее одежды, вкуса, который она проявила, наряжаясь, из ее походки (которая может быть красивой, изящной, или некрасивой), осанки, звука голоса (бывают чарующие голоса – неужели Толстой не слышал голоса Паниной как чарующего, что сохраняется даже на грампластинке?) Не лишне добавить, что женщина голосом может вызывать и эротическое притяжение, *желание* ее, как птица пением, как сирена, завлекающая мореходов. В образ красивой женщины входит и ее запах, не только запах духов, но и запах волос, кожи, запах всего ее тела. Красивая пахнет иначе, чем дурнушка.

То, что эстетическое не отделимо пропастью от всего остального, доказывает то, что красота женщины включает в себя и ее интеллектуальные и душевные качества, что подчеркивается словом "обаяние" в отношении некоторых из них. Несомненно еще, что умная женщина кажется более привлекательной эстетически, чем глупышка.

Хотя влюбляемся мы чаще в красивых женщин, но это не всегда так. Однажды я разговаривал с девушкой, которой при первом впечатлении поставил за внешность тройку, но в продолжение разговора я даже в нее влюбился! – воистину, Толстой прав, говоря, что красоту объяснить трудно (неправ он только в том, что пренебрежительно относится к авторам, пишущим о красоте, пусть иные из них бывали и заурядны). Является ли искусством поварское искусство, медицина, искусство портного... об этом я писал, повторяться не буду, во всяком случае, обед в ресторане отличается от поедания на ходу бургера и эстетически: в интерьере, и в сервировке стола, да, возможно, и в прекрасной спутнице, и в музыке и в танцах, которые сопровождают этот обед.

Сравнивая "показания" авторов о красоте и искусстве, отделяя эстетическое от этического и логического резкой границей, Толстой забывает о Любви, обычной природной, плотской любви, связывающей мужчину и женщину, семью, род и народ.

Логика, этика и эстетика неотделимы от культуры (включающей в себя и Миф, то есть религию и церковь, которая отчасти относится к культуре,

отчасти к государству), от культуры неотделима и красота (как и сама культура неотделима от нашей жизни, включающей в себя не только Бытие, но и Инобытие (хотя Толстой дальше постарается доказать и ненужность и вредность культуры в "правильной" или *праведной* жизни).

«Русский человек из народа... не поймет вас, если вы скажете ему, что человек... поступил красиво или "некрасиво"... По-русски поступок может быть добрый, хороший или недобрый и нехороший», говорит далее Толстой.

"Красивый поступок" сродни "красивому решению математической задачи", но в отношении математики определение "красиво" скорее метафора, что же касается поступка, то это и метафора и эстетическая оценка. В рамках культуры эстетическое и этическое взаимопроницаемы, они не существуют отдельно, более того, я утверждаю, что *Красота включает в себя логическое, этическое и мифическое, как и сама содержится и в том и в другом и в третьем*. Незнание в девятнадцатом столетии дворянами крестьянской культуры (которая и ныне никем не исследуется кроме Шафаревича) и обусловило непонимание того, что эстетические критерии крестьянин прилагал ко многому, в том числе к труду, и часто говорили о труде не «хорошо работает» или скоро (споро... работа спорится), но «баско работает», то есть красиво.

Кстати, не доказывает ли также и применение метафор взаимопроникание казалось бы далеких друг от друга областей жизни и культуры? Когда говорят: "горячий бой" (или жаркий), то не является ли он и буквально "горячим", так как сражающимся, разумеется, не холодно?

Но продолжу читать Толстого.

3. Добро, Красота и Истина

Иногда мне кажется, что при всей художественной гениальности Толстого в нем есть односторонность людей, воспринимающих только НЕ отвлеченное, только конкретное, непосредственное, осязаемое, полезное. Множество людей не в состоянии понимать смысл и назначение Философии, "призвание ее" (о котором я писать не буду, хватит с меня неудачного "романа с литературой"), и хотя Толстой, кажется, замечательно разбирается в философии искусства, в части ее, относящейся к эстетике (по крайней мере, замечательно разбирается в слабых сторонах эстетики), но он не видит, что в литературе и искусстве проявляется не только особенное и частное, но и всеобщее. Правда, он говорит: «Искусство ... есть необходимое для жизни и для движения к благу отдельного человека и человечества средство общения людей, соединяющее их в одних и тех же чувствах» – но так он мог бы сказать и о языке, наверное, только с поправкой, что это "средство общения людей, соединяющее их в одних и тех же *мыслях* (?) – но в самих определениях, высказанном, об искусстве, и предполагаемом, о языке, мы видим один и тот же подход: объяснить все что ни есть утилитарно-прагматически.

Так бы он мог сказать и о геометрии, что это средство для измерения земельных участков, а о любви, что это " средство для продолжения рода"...

Далее он пишет:

«Наука эстетики, наука о прекрасном, никогда не исчезала и не могла исчезнуть, потому что ее никогда не было; было только то, что греки, точно так же, как и все люди, всегда и везде считали искусство, как и всякое дело, хорошим только тогда, когда искусство это служило добру (как они понимали добро), и дурным, когда оно было противно этому добру. Сами же греки были так мало нравственно развиты, что добро и красота им казались совпадающими, и на этом отсталом мировоззрении греков построена наука эстетики, выдуманная людьми XVIII века и специально обделанная в теорию Баумгартеном. У греков ... никогда не было никакой науки эстетики.

Эстетические теории и самое название этой науки возникли около 150 лет тому назад среди богатых классов христианского европейского мира, одновременно у разных народов: итальянцев, голландцев, французов, англичан. Основателем же, учредителем ее, приведшим ее в научную, теоретическую форму, был Баумгартен. ...

... Как ни безосновательны такого рода теории [имеются в виду теория Мальтуса о перенаселении и теория Маркса] и как ни противны они всему тому, что известно человечеству и сознается им, как ни очевидно безнравственны они, — теории эти принимаются на веру без критики и проповедаются с страстным увлечением, иногда веками, до тех пор, пока не уничтожатся те условия, которые они оправдывают, или не сделается слишком очевидной нелепость проповедуемых теорий. Такова же и эта удивительная теория баумгартеновской троицы Добра, Красоты и Истины, по которой оказывается, что самое лучшее, что может сделать искусство народов, проживших 1800-летнюю христианскую жизнь, состоит в том, чтобы идеалом своей жизни избрать тот, который имел 2000 лет тому назад полудикий рабовладельческий народец, очень хорошо изображавший наготу человеческого тела и строивший приятные на вид здания. Все эти несообразности никем не замечаются. Ученые люди пишут длинные туманные трактаты о красоте, как одним из членов эстетической троицы: *Красоты, Истины и Добра* ... В сущности же, слова эти не только не имеют никакого определенного смысла, но мешают тому, чтобы придать существующему искусству какой-нибудь определенный смысл, и нужны только для того, чтобы оправдать то ложное значение, которое мы приписываем искусству, передающему всякого рода чувства, как только эти чувства доставляют нам удовольствие.

Стоит только отрешиться на время от привычки считать эту троицу столь же истинной, как и троицу религиозную, и спросить себя о том, что мы все всегда разумеем под тремя словами, составляющими эту троицу, чтобы несомненно убедиться в совершенной фантастичности соединения этих трех совершенно различных: и, главное, несоизмеримых по значению слов и понятий в одно.

Добро, красота и истина ставятся на одну высоту, и все эти три понятия признаются основными и метафизическими. Между тем в действительности нет ничего подобного.

Добро есть вечная, высшая цель нашей жизни. Как бы мы ни понимали добро, жизнь наша есть не что иное, как стремление к добру, то есть к богу.

Добро есть действительно понятие основное, метафизически составляющее сущность нашего сознания, понятие, не определяемое разумом.

Добро есть то, что никем не может быть определено, но что определяет все остальное.

Красота же, если мы не довольствуемся словами, а говорим о том, что понимаем, – красота есть не что иное, как то, что нам нравится.

Понятие красоты не только не совпадает с добром, но скорее противоположно ему, так как добро большей частью совпадает с победой над пристрастиями, красота же есть основание всех наших пристрастий.

Чем больше мы отдаемся красоте, тем больше мы удаляемся от добра.

Что же касается до истины, то еще менее можно приписать этому члену воображаемой троицы не только единство с добром или красотой, но даже какое-либо самостоятельное существование.

Истиной мы называем только соответствие выражения или определения предмета с его сущностью, или со всеобщим, всех людей, пониманием предмета. Что же общего между понятиями красоты и истины, с одной стороны, и добра – с другой?

Понятие красоты и истины не только не понятия, равные добру, не только не составляют одной сущности с добром, но даже не совпадают с ним.

... Так, например, Сократ и Паскаль, да и многие другие, считали познания истины о предметах ненужных несогласными с добром. С красотой же истина не имеет даже ничего общего и большей частью противоположна ей, потому что истина, большей частью разоблачая обман, разрушает иллюзию, главное условие красоты.

И вот произвольное соединение этих трех несоизмеримых и чуждых друг другу понятий в одно послужило основанием той удивительной теории, по которой стерлось совершенно различие между хорошим, передающим добрые чувства, и дурным, передающим злые чувства, искусством; и одно из низших проявлений искусства, искусство только для наслаждения ... стало считаться самым высшим искусством. И искусство стало не тем важным делом, которым оно и предназначено быть, а пустой забавой праздных людей.»

[На этом можно было бы уже и остановиться, так как дальше обсуждать *эстетические задачи искусства* (точнее сказать, *эстетические задачи культуры* в целом) бесполезно, как и доказывать сегодня апостолу Павлу, пришедшему из палестинских пустынь, из народа, который отказался (как и арабы) от искусства изображения и ваяния, что идолы, которыми были уставлены улицы Афин, имели не меньшее значение в движении человечества ввысь, чем Книги пророков и Псалмы Давида, если не большее. Но читаем далее.]

«Когда художник всенародный – такой, каким бывали художники греческие или еврейские пророки, сочинял свое произведение, то он, естественно, стремился сказать то, что имел сказать, так, чтобы произведение его было понято всеми людьми. Когда же художник сочинял для маленького кружка людей, находящегося в исключительных условиях, или даже для

одного лица и его придворных, для папы, кардинала, короля, герцога, королевы, для любовницы короля, то он, естественно, старался только о том, чтобы подействовать на этих знакомых ему, находящихся в определенных, известных ему условиях, людей. И этот более легкий способ вызывания чувства невольно увлекал художника к тому, чтобы выражаться неясными для всех и понятными только для посвященных намеками. Во-первых, таким способом можно было сказать больше, а во-вторых, такой способ выражения заключал в себе даже некоторую особенную прелесть туманности для посвященных. Способ выражения этот, проявлявшийся в эвфемизме, в мифологических и исторических напоминаниях, входил все более и более в употребление и в последнее время дошел до своих, кажется, крайних пределов в искусстве так называемого декадентства. В последнее время не только туманность, загадочность, темнота и недоступность для масс поставлены в достоинство и условие поэтичности предметов искусства, но и неточность, неопределенность и некрасноречивость.»

[Вот это уже выпад не только против меня, но и против культуры в целом.

Конечно, народу – то есть, ШИРОКОЙ публике, я не только неинтересен, но и непонятен, да, вероятно, и не нужен, так как я пишу про Сократа, Аристотеля, апостола Павла, Пушкина и Толстого. Кто их читает? Столько же, сколько и меня. И о Пушкине многие говорят, что он непонятен, у него много ссылок на мифологию. Что в нем народного? Его сказки, возможно. Но не трагедии, не Евгений Онегин, не большинство стихов, писанных, к тому же, в альбомы разным *изнеженным и бездельным дамам*. Тому народу, которому пытается в старости уподобиться Лев Толстой, не нужна и непонятна ни Библия, ни сам Лев Толстой, не только я. Но и хорошему, умному, образованному народу в большинстве своем не нужна ни античная Эстетика Лосева (написана эта книга позже Толстого, но, как видно, эстетика у греков все же существовала), ни Высшая математика (от сухости и вздорности которой плакали многие и поэтические даже натуры), ни Шостакович, ни Прокофьев (а это уже позже декадентов и еще «вычурнее», по мнению Толстого, чем у них), ни тем более не нужна философия в целом, то есть в том числе и *философия* культуры и религиозного Мифа.]

4. Искусство господствующих классов народу чуждо

«Но если искусство есть человеческая деятельность, имеющая целью передавать людям те высшие и лучшие чувства, до которых дожили люди, то как же могло случиться, чтобы человечество известный, довольно длинный период своей жизни – с тех пор как люди перестали верить в церковное учение и до нашего времени – прожило без этой важной деятельности, а на место ее довольствовались ничтожной деятельностью искусства, доставляющей только наслаждение? ...

...с тех пор, как люди высших классов европейского общества, потеряв веру в церковное учение, не приняли истинного христианства и остались без всякой веры, нельзя уже говорить об искусстве высших классов христианских народов, подразумевая под этим все искусство. С тех пор, как высшие

сословия христианских народов потеряли веру в церковное христианство, искусство высших классов отделилось от искусства всего народа, и стало два искусства: искусство народное и искусство господское. И потому ответ на вопрос о том, каким образом могло случиться то, чтобы человечество прожило известный период времени без настоящего искусства, заменяя его искусством, служащим одному наслаждению, состоит в том, что прожило без истинного искусства не все человечество и даже не значительная часть его, а только высшие классы христианского европейского общества, и то очень сравнительно короткий период времени: от начала Возрождения и Реформации до последнего времени.

И последствием этого отсутствия истинного искусства оказалось то самое, что и должно было быть: разращение того класса, который пользовался этим искусством. Все запутанные, непонятные теории искусства, все ложные и противоречивые суждения о нем, главное – то самоуверенное коснение нашего искусства на своем ложном пути, – все это происходит от этого вошедшего в общее употребление и принимаемого за несомненную истину, но поразительного по своей очевидной неправде утверждения, что искусство наших высших классов есть все искусство, истинное, единственное всемирное искусство. Несмотря на то, что утверждение это, совершенно тождественное с утверждениями религиозных людей разных исповеданий, считающих, что их религия есть единственная истинная религия, совершенно произвольно и явно несправедливо, оно спокойно повторяется всеми людьми нашего круга с полной уверенностью в его непогрешимости.

То, что составляет наслаждение для человека богатых классов, непонятно как наслаждение для рабочего человека и не вызывает в нем никакого чувства или вызывает чувства совершенно обратные тем, которые оно вызывает у человека праздного и пресыщенного. Так, например, *чувства чести, патриотизма, влюбления, составляющие главное содержание теперешнего искусства, вызывают в человеке трудовом только недоумение и презрение или негодование*. Так что, если бы даже в свободное от трудов время большинству рабочего народа дали возможность увидеть, прочесть, услышать... в картинных галереях, народных концертах, книгах, все то, что составляет цвет теперешнего искусства, то рабочий народ в той мере, в которой он рабочий, а не перешел уже отчасти в разряд извращенных праздностью людей, ничего не понял бы из нашего утонченного искусства, а если бы и понял, то большая часть того, что он понял бы, не только не возвысила бы его душу, но развратила бы ее. Так что для людей думающих и искренних не может быть никакого сомнения в том, что искусство высших классов и не может никогда сделаться искусством всего народа. И потому, если искусство есть важное дело, духовное благо, необходимое для всех людей, как религия (как это любят говорить поклонники искусства), то оно должно быть доступно всем людям. Если же оно не может сделаться искусством всего народа, то одно из двух: или искусство не есть то важное дело, каким его выставляют, или то искусство, которое мы называем искусством, не есть важное дело.

...извращение искусства ослабило и довело почти до уничтожения и самое искусство. Первым последствием этого было то, что искусство лишилось свойственного ему бесконечно разнообразного и глубокого религиозного содержания. Вторым последствием было то, что оно, имея в виду только малый круг людей, потеряло красоту формы, стало вычурно и неясно; и третьим, главным, то, что оно перестало быть искренно, а стало выдуманно и рассудочно.»

Культура добилась автономии. Она не только перестала зависеть от религии, не только перестала быть эстетическим дополнением религиозного Мифа, но даже уже почти перестала зависеть и от государства, перестала быть эстетическим дополнением государственного Мифа.

Это и ужасно, говорит Толстой. «Перестав быть религиозным, искусство перестало быть и народным». *Подлинным в искусстве является только религиозное содержание* (или то, что *служит интересам рабочего класса*, позднее сказал более удачливый пророк трудового народа).

5. Какова цель Искусства и Культуры? Наслаждение? Польза?

9 июля 2014, в городе, раннее утро. «Видно, мне суждено надолго остаться с Толстым, как навсегда с Пушкиным».

Спать не дают то одни, то другие. То музы толпились в моих грезах, нашептывая поэтические строки, то пророки и визионеры, теперь с гор сорвался селевой поток, да понес и меня, и сметает всё на своем пути, сначала изнеженное искусство декадентов, а теперь и культуру в целом.

«Что такое красота и составляет ли она содержание искусства?» И состоит ли она сама только из того, *что кому нравится*, то есть совершенно субъективна, а значит ускользает от всякого определения, что Толстому *не нравится*, или «по Гегелю, *...прекрасное есть проявление идеи*», что Толстому чуждо и *не понятно*, так как он отвергает все отвлеченное?

Толстой, растворившийся вдруг в христианстве, инстинктивно нападает на «вздорный народец», эллинов, в противовес евреям НЕ растворившимся в идее Единого Бога, но основанием жизни сделавшим Культуру, к тому же преодолевшим недостаточность красоты как удовольствия и "кому что нравится", а поставивших в центр искусства и сделавших осью культуры противостояние Гармонии и Хаоса и Катарсис как цель Трагедии – высшей формы искусства.

Удовольствие в качестве цели искусства опошляет искусство, так же бы опошляло оно и любовь, если бы все согласилось, что целью любви является удовольствие, да еще в узко-чувственной (эротической) форме. Так, может быть, правильной целью искусства является Польза? (словно бы она еще больше не опошляет все то, к чему прикладывается... да еще бы ее пересчитать в деньгах..., из-за чего эстет Оскар Уайльд воскликнул: "Всякое искусство совершенно бесполезно!")

Но не был бы Толстой Толстым, если бы для него эти вопросы не явились только опорой для взлета, для взрыва клокочущей в нем бури.

Вредна или полезна культура, истинна она или вздорна, есть ли истина в красоте, да есть ли высокий смысл и в самой истине, если главным и

единственным критерием всего являются Добро и Бог, и смысл жизни только в движении к Добру?!)

Культура вредна, эгоистична, бессодержательна, красота и удовольствие служат растлению, истина вздорна и ничтожна, только Добро и Справедливость угодны Богу и к Нему ведут! – вот ответ Толстого на его же собственные вопросы.

Культура несправедлива потому, что обирает народ, нужна она только жалкой части богатых классов, а существует за счет труда всего народа.

Ну да, вместо Культуры должен быть религиозный Миф, как было в протяжении пятнадцати веков, пока не началось пагубное Возрождение культуры.

Спор пора бы уже прекращать, ибо *мифологическое сознание непоколебимо*, но селевой поток продолжает нас нести, да и не всё в нем неправда, в нем многое перемешано, как и в самой жизни.

Культура (и дворянские поместья, и балы, на которых блистала Наташа Ростова) – всё за счет народа, и это несправедливо и вопиюще! – а словно сама Церковь не существовала за счет Десятины, отчуждаемой у народа, за счет богатых приношений богатых людей, лепт вдов, за счет монастырских крестьян, помощи казны, пока сначала Петр, потом великая Екатерина не ограничили Церковь: "Ребята, а не пора бы уж и самим потрудиться, не все бездельничать, нам вот и на культуру не хватает" (а Екатерине и в самом деле не хватало денег на строительство Зимнего Дворца, она ведь не лезла рукой в государственную казну, строила на "собственные", то есть не государственные деньги, даже залезла в непомерные долги, строительство потому растянулось на десятилетия.)

Но *Война и поддержание Мира* стоят еще дороже!!! Ну, сэкономим мы на культуре, да станет ли богаче народ?

Пришли к власти большевики, не только бесполезных поэтов, философов, попов и деятелей искусства они уничтожили, но и треть трудового народа, за который так переживал великий писатель.

Троица Истины, Красоты и Добра, заместившая Религиозную *Троицу Отца и Сына и Святого Духа*, знаменует собою упадок! – восклицает Толстой.

Религия пала, началось растление.

Но у Вольтера и французских просветителей другой образ европейской истории.

С гор Палестины сполз *Ледник единобожия*, затем *христианства*, и накрыл собою Европу и античную Культуру. Потом, в тринадцатом-пятнадцатом столетиях, началось отчего-то таяние ледника, и возникла вновь из-под него Культура. Но, увы, возрождением Культуры дело не закончилось, ринулся вниз селевой поток, сметая всех на своем пути, и хотя и Марат и Робеспьер, и Ленин и Троцкий весьма отличаются от Толстого, но в их сердцевине (если только можно искать в них что-то *сердечное*) заключено нечто близкое Толстому. Но они принесли с собою не старый, уже низвергнутый, Миф, а миф новый, антихристианский (или *инобытие христианства*?).

6. Жизнь не объяснима рационально, как и культура...

10 июля 2014, я в городе, 21-31. Христиане стремятся к страданиям: во-первых, из подражания к крестным мукам Христа, во-вторых, они считают страдания главным учителем в жизни. Кто не страдал, тот не знает истину, тот и не способен к ее постижению.

"Прозрение достигается только через великую боль", – сказал великий Вагнер. Я Вагнера люблю, эту максиму его знаю и почитаю с детства, но к страданиям я никогда не стремился, и тем не менее они ко мне иногда стремятся сами, причем именно тогда, когда я переживаю духовный кризис.

Снова возбуждаются против меня старые дела, поскольку с декабря 2004 года, когда меня освободили из тюрьмы, еще не прошло десяти лет. Арестован счет, по которому я получал злосчастные три тысячи за службу в Университете, и как на грех, мне переводят отпускные, мне переводят премию, а вчера, когда я пытался отказаться от всяких переводов заработной платы на карточку, мне что-то еще перевели, и все эти деньги украла Казна. Арестован счет, по которому я получал пенсию, и теперь я ее не получаю, я ездил в Пенсионный фонд, чтобы отказаться от этого счета, но за июль деньги мне уже перевели, и их тоже украли. Арестован счет, по которому я получал две тысячи рублей ежемесячно в качестве раскаяния государства за незаконную посадку меня при советской власти в 70-м году. Отныне ниоткуда я не имею права получать ни копейки денег. Если кто-то пошлет мне перевод, государство его у меня изымет.

Что я сделал?

Я издал семьдесят книг в девяностые годы, в том числе я осуществил самое великое издание в истории русского книгопечатания: я издал знаменитую Радзивиловскую летопись с 712 акварельными миниатюрами *факсимиле*. В России других таких рукописей нет. Эта уже рассыпалась, а в течение двадцати лет ее не могли издать ни Академия наук, ни Правительство, ни Юнеско. Судьба и случай избрали меня своим агентом, я оказался на пути миллиардера и его подруги, после пятиминутного разговора со мною они вручили мне четыреста тысяч долларов (ПРОСТО ТАК!!!) на издание, Книга была напечатана в Хельсинки, потому что на моем пути оказалась девушка Вероника, которую, впервые увидев, я заключил в объятия, разумеется, она стала со мной целоваться... Дальше вы можете не читать, мой читатель, потому что ничто мне не удавалось в результате методичного, рационального усердия, по решению государственных организаций... нет, по их усердию и решению меня только сажали! Но девушки и музы со мною целовались, друзья пили со мною водку и ходили в баню, надзирательница начинала передавать мои письма на волю, следовательница писала протесты в Прокуратуру, требуя меня не преследовать, диктатор одной из соседних стран пригласил меня в гости... увы, диктаторы моей страны меня никогда не любили...

Но не читай, благонамеренная читательница, то, что я пишу под видом серьезного почти научного исследования, потому что ничего там кроме несерьезных поцелуев ты не найдешь. Читай Толстого, он и вправду гениален, а я схожу погуляю по улице, успокоюсь и продолжу писать уже строже.

Пятница, 11 июля, 6-30 утра. Еще город на меня давит, но уже через шесть часов я приеду в деревню, пробегу по огороду, залезу потом на крышу сарая, а потом уже сяду за обед.

Так подробно пишу о сиюминутном, об электричке, огороде, сарае, потому что только в этих житейских мелочах нахожу еще прибежище от бетонного зада государства, севшего на меня всей своей тупой тушей. За июль у меня отняты все доходы, до копейки, и поступления из университета, и пенсия (из которой я и так-то получал только половину), и выплаты за советские злключения. Из слоя людей, с которыми я учился и работал, я получал меньше всех, но я не претендовал на большее, а теперь уж не знаю, претендовать ли и на меньшее, и можно ли на что-то еще надеяться.

Но если я теряю очечник, забываю дома очки, забываю промыть чаем глаза, ломается мобильник, то это мелкие проказы чертей, государство в них не виновато, пока оно еще не лишило меня лекарств и свободы.

Но вчера я помогал погрузить на машину книги, заработал тысячу рублей, нечистая (государственная) сила о них не знает и не отобрала, купил хлеба, молодой картошки, огурцов, помидор, теперь моя деревенская жизнь обеспечена. (И я счастлив. И в государственных ли силах лишить меня благодати и счастья?!)

Кстати, вспомнил эпизод, о котором вспоминает Шалапин. У него состоялся примечательный разговор с извозчиком. Тот спросил его:

– Барин, вы кем работаете?

– Да вот, пою.

– Петь и я пою, когда выпью, а за что вам деньги платят?

– Да за это и платят!

Толстой в одной из статей высмеивал «работу головой», считая ее блажью бездельников – подлинная работа, по мнению Толстого, это работа крестьянская.

Я, сын крестьянина, получивший прекрасное математическое образование в Петербургском университете, так не думаю, да и платили мне в протяжении жизни чаще за «работу головой», например, за преподавание математики. Но я не чурался и работой не «по специальности», даже стремился к ней, три года проработав сторожем в небольшой фирме.

Я сын крестьянина, Толстой – графа, он пытался уподобиться мужику, но разве мужик не мечтает стать барином?

Странное отрицание культуры, интеллигенции, умственного труда, которому мы обязаны цивилизацией, техникой и технологией...

Но Толстого тоже необходимо понять, его мучило чувство несправедливости жизни, неравенства положений, богатства, образования, развития, он думал, что все преимущества, которые у него есть сравнительно с другими, несправедливы, и потому, так как крестьянина невозможно поднять до его уровня, то и ему самому и его классу необходимо опуститься до уровня крестьянина.

Да, культура несправедлива. Но справедливо ли и всякое неравенство? Справедливо ли, что одни красотки, а другие дурнушки, одни умные, другие глупые, образованные и невежды?

Но посмотрев налево, надо посмотреть и направо. Сословное общество – фундамент государства и культуры, большевистский эксперимент в России никого не сделал счастливым, не привел он и к тому равенству, из-за которого страдали Толстой и Блок (в Записных книжках в 18-м году он оправдывает погромы дворянских усадеб, библиотек и музеев).

Мир хижинам, война дворцам, воскликнул немецкий поэт ... – но легче ли станет жить в хижинах, если будут дворцы уничтожены?

7. Назначение культуры

Воскресенье, 13 июля, близ полуночи. Огород кипит цветами и зеленью, в одних местах картошка еще только взошла, в других она уже цветет. Просыпался часто, продолжал свой спор с Толстым, повторил про себя все сказанное, чтобы до утра не забыть, потом заснул и уже во сне снова кому-то рассказывал то, что мне причудилось в полудреме. Слушатели меня хвалили, а я им возразил, что это все очевидные вещи, общие места, но я еще надеюсь им сказать воистину нечто глубокое. И тут увидел словно бы скрижаль, в которой и прочитал обещанное, и даже повторил опять, чтобы не забыть, но вдруг вслед за этим на этом месте образовалась черная дыра, словно бы выгоревшая в скрижали часть текста, я все мгновенно забыл, и чей-то голос сказал: *Хватит с тебя! Человеку это знать рано.*

Думал в течение дня и о Толстом, и о разладе в нем между жаждой справедливости и равенства и тем, как устроилась европейская жизнь и культура; о разладе, который определил и его собственную судьбу вплоть до смерти, и весь двадцатый век (включая окончание девятнадцатого и начало двадцать первого) и судьбу (и чуть ли не смерть) России.

Долой общество и культуру этого общества, основанные на неравенстве собственности и прав! – возгласил Толстой. Это же провозгласила большевистская Революция, уничтожившая и прежние высшие классы и почти уничтожившая культуру этих классов.

К несчастью, послесоветская власть довершает за нее ее дело, уничтожаются и остатки интеллигенции и остатки дворянской культуры. Сбивается толстовский идеал?

История последних двух с половиной тысячелетий состояла в противоборстве двух Мифов: Эллинского и Иудейского.

У эллинов тоже были представления о развитии человечества по нисходящей линии, то есть что сначала был Золотой век, затем Бронзовый, наконец наступил век Железный, наихудший, в результате постепенного падения человека. Но главенствовал взгляд на мир как на наилучший, прекрасный, в котором Гармония противостоит Хаосу, и от человека зависит этот мир улучшить настолько, чтобы и человек и окружающее бытие стали гармоничны. Бытие же определялось Троицей, включающей Добро, Красоту и Истину, или Этическое, Эстетическое и Логическое.

Я утверждаю, что лица этой Троицы нераздельны и неслиянны и единосущны друг другу, так что Красота содержит в себе и Этическое и

Логическое, как и Добро и Истина. Интуитивно так смотрели на это и эллины, только не формулируя их единство, как христиане сформулировали единство *Троицы Отца и Сына и Святого духа*.

Смысл Бытия для эллинов заключался в преобразении мира, в котором гармония начнет преобладать над Хаосом, в этом же состоял и смысл жизни отдельного человека.

Смысл бытия для иудеев был связан с верой в Бога и ожиданием Мессии, который спасет богоизбранный народ

Для иудеев история мира хотя и была постепенным падением, результатом грехов каждого отдельного человека, но в еще большей степени результатом первоначального (первородного) падения Евы и Адама, падения, которое было чудовищно преступно, низвело человека до того, что Бог смотрел на него как на мерзость, которая не заслуживала ничего хорошего.

Этот взгляд переняли христиане, и в своем отрицании мира и человека уже не видели никакого иного выхода, как только отринуть этот мир до конца и уйти из него, ожидая второго пришествия Христа, страшного Суда и последующего воскресения (для *малого остатка*).

Христианство – миф Иудейский, хотя... да, об этом надо будет еще поговорить. ...

В Толстом – конфликт двух мифов, эллинского и иудейского, в своем отрицании культуры он дошел до того же, до чего дошли иудеи: те распяли Христа, он распял Культуру.

В чем же Назначение Культуры? В том же, в чем **culture**, возделывание почвы и растущего мира, в том же, в чем труд матери, воспитывающей ребенка, труд учителя, пестующего ученика, труд инженера и ученого, преобразующего мир, да и труд всякого деятельного человека, добросовестно трудящегося в этом мире.

Культура созидает духовную личность человека и реальный мир заменяет Действительным миром. Христиане же возлагают сию задачу на Бога.

Призвание литературы, искусства, философии и науки определяется этой же общей задачей культуры, но для каждой ее формы цели и назначение и способы действия своеобразны. То, что я не мог объяснить в книге о Призвании литературы, объясняется, исходя из целого. Но об этом мне уже нет нужды писать, теперь мои задачи связаны с взаимодействием Бытия и Инобытия.

Конфликт Культуры и Справедливости разрешается (не знаю, до конца ли) с созданием государства и общества нового типа – *сословного социального общества и государства*.

Вместо Бога на земле новый царь, заботящийся о народе.

Народная монархия Солоневича?

Итак, у истории европейских народов (и тем более у России) два Пути: продолжение христианского противостояния человеку, народу, жизни и культуре и ожидание второго Пришествия – или духовное Преображение мира на идеалах Истины, Добра и Красоты.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
ХРИСТИАНСТВО И СМЫСЛ ЖИЗНИ

*Пятна на солнце, в душе беспорядок...
 Усталый крестьянин, восстану ль от грядок,
 Буду ль возделывать душу и мир?
 Посох, лопата, бумага и лира –
 Все, что мне нужно для пахоты мира.
 Но нищ, слабосилен и, может быть, сир!*

1. Поражение и ночь над Россией

16 июля 2014, 11-11, по дороге к звездам (в Пулковскую обсерваторию).

Там мой товарищ М. смотрит на звезды в телескоп. В церковь он не ходит, но что-то, говорит, есть и помимо звезд. Правда, в телескоп это "что-то" невидимо, но дано через духовную жажду и глубокое размышление. Рядом еще один товарищ, физик, он тоже полагает, что что-то есть помимо звезд в Вышем мире, но он еще надеется найти это высшее, измерить и взвесить. Едем мы в конце концов в Павловск, к Ларисе...

17-17, возвращаясь в город. Ехали мы на 187-м автобусе, идущем в Пушкин. Слева от Пулковского холма, на горке, мы сошли и по прямой линии пошли в Пулково, имея впереди в качестве ориентира дома, в одном из которых живет М.

Раньше здесь была тропинка, но теперь мы ее не нашли, все поле поросло высокой густой травой, Иван-чаем, ромашками, багульниковом и осокой в рост человека, и мы перепрыгивали канавы и болотистые баглаги. Так с муками прошли мы около километра, вымокли в болотистой грязи, наконец поднялись на пригорок, на котором рос куст малины с ягодами величиной в сливу каждая. Не помучившись, не оценишь счастья, воскликнули мы и, похватав ягоды, выскочили на соединение двух тропинок, одна шла слева недалеко от нас, другая справа, а мы, оказывается, бегали по болоту между ними.

Последние недели были странными, жизнь сжимала в своих объятиях, да и болезнь не оставляла вниманием (неизвестно, впрочем, какая болезнь, хотя чаще болела спина, но и душа тоже), сжимая еще пуше, я падал духом, думал о смерти, со стонами просыпался... но – или я умру побежденным, или еще буду идти по умолкшему полю сражения со сломанным копьем и продраным щитом, надеясь (или уже не надеясь?) на чудо.

Гнетет меня то, что я отчаялся в собственном народе.

Он совершил Революцию, сверг и убил царя (с семейством и приближенными), изменив присяге, потерпел поражение в войне, в которой его бывшие союзники победили, разрушил до основания трехсотлетнюю империю, а взамен пытался построить новое общество, ничего в нем глубоко не понимая, истощил на его химеру все свои материальные и духовные силы, испортил и осквернил природу, унизил культуру, истощил поля, разорил леса, наконец разочаровался в своей химере, отрекся от нее, поставил над собою власть

выскачек из прежней же коммунистической власти, которые вступили во владение страной словно безжалостный Завоеватель, – и что же теперь? Теперь он просто прозябает, низведя до нуля образование своих детей, уничтожая культуру, разрушив промышленность, опустившись в военном отношении неизмеримо ниже, чем при отвергнутом им режиме... Впрочем, об этом бессмысленно говорить и писать... Народ словно бы стал слабоумным, он не слышит разумных доводов, а что он слышит, понять невозможно. Из советского прошлого (отказавшись от социализма и советской власти) он гордится полетами ракет в Космос, атомной бомбой и победой в войне с Германией.

Вот эта-то *гордость* говорит о народе многое, он за нею пытается скрыть *комплекс своей неполноценности* – и весь Народ как личность, и отдельные граждане (из тех, кто еще способен испытывать какие-то высокие чувства). Да, мы дошли до полного ничтожества, соглашаются они (молчаливо, затаенно, не сознавая в этом самим себе), но *зато мы победили!*

А победили ли мы? Потеряв цвет нации, мы остались на некоей словно бы орбите вращения, влекущей вниз, на снижение. Остановить это снижение могут люди талантливые, а их все меньше, более того, за десятилетия социализма они были безжалостно уничтожены, и некому давать уже побегу, и корни и семена пропали.

Вы гордитесь конструкторами, которых сначала пересажали по тюрьмам... Об этом вспоминать не надо, отвечают они мне, надо даже запретить вспоминать, а тех, кто вспоминает, надо посадить тоже... Сами-то они не талантливы, кроме ненависти к незаурядности и зависти к ней у них почти ничего больше нет.

Они гордятся победой... Это наши отцы, умные и свободомыслящие, отдали свои жизни, чтобы остановить Гитлера, ваши же отцы остались живы! – говорю я им... и что я надеюсь в них пробудить? Совесть?

Судьба нации определяется "малым народом" красивых и умных, способных к знаниям, прозрениям, взлетам. Народная чернь ни к чему не способна, кроме разрушения. Или же, когда она руководится благими силами, она соучаствует в общественном и государственном строительстве – но для того эти "благие силы" должны возглавить страну, но непробиваемым щитом стоит народная чернь перед благими силами, защищая силы зла.

Следовательно, мне почти не на что надеяться, я не могу убедительно понять, почему это именно так, я не могу повлиять на падение и растление России, остановить его, призвать народ к покаянию и Преображению.

Ну, что ж, я могу писать для себя и для тех немногих, которые способны в моих словах увидеть не только повод для возмущения и негодования (мною), но и повод задуматься и опечалиться... Ибо даже упрекать этот низкий народ в низостях хотя бы и последних десятилетий бессмысленно, не только в революционном и чекистском терроре, но и в преступной Афганской войне, которую народ поддержал, в преступном осушении болот и попытке поворота рек, которые народ поддержал, в преступной раздаче национальных богатств кучке приближенных новоявленных властителей – бессмысленно потому,

что похож народ сегодня на пьяную бабу, которую я вчера видел лежащей у канавы. Иногда она мычала, иногда пыталась встать... разве она могла бы меня услышать? А разве кто-нибудь, постепенно духовно скользя вниз по склону, способен услышать увещающего? Услышит алкоголик, наркоман, вор?

Нет.

Итак, мы не победили в прошедшей войне, а потерпели окончательное поражение, некому больше рожать полноценных детей. Или нация может возродиться из рабов?

Мы **не** победили в строительстве социализма...

Мы **не** победили в прошедших малых войнах...

Мы **не** победили в соревновании с могущественными странами, которым бросили вызов и которых городской черни обещали победить...

Мы **не** победили в промышленном и научном строительстве страны, без которого невозможен завтрашний день России.

Эта чернь нашим наследникам, наследникам людей умных и талантливых, оставляет разоренную страну, она умела только одобрять поведение власть имущих, кем бы они ни были, коммунистами или антикоммунистами, что бы они ни строили, лживый социализм для всех или действительный капитализм для горстки негодяев...

Но, увы, на этом пути, пути укоров и обличений, я ничего не достигну.

Поэтому я представляю себе, что у меня есть читатель, *один*. И он способен меня понять и мне посочувствовать. Вот для него я и буду писать. Смирясь с тем, что, неотвратимо. И умру побежденным... Когда-то вот так же и последний римлянин смотрел на руины Великой Римской империи.

Но из России не получилось Рима...

2. Рождество и Крещение Иисуса Христа

Сначала я замыслил написать комментарий к Евангелиям, чтобы понять смысл и назначение Священного Писания как христианского мифа.

Но разочаровавшись в смысле и назначении собственных писаний, далеко не священных, пересматриваю ныне эти обширные замыслы. Нет, не буду я писать подробные комментарии, ограничусь краткими заметками о моем видении христианского мифа и даже не буду их слишком тщательно обосновывать. Того, кто смотрит на мир существенно иначе, чем я, и самые тщательные обоснования не убедят в моей правоте.

Существенное внимание уделю подобиям, возникающим в судьбе и жизни частного человека и Божества. Надеюсь, эти подобия не вызовут мысль о кощунстве, ибо еще Гермес Трисмегист сказал: «То, что внизу, подобно тому, что сверху», да и в Библии говорится, что «Бог создал человека по образу своему и подобию», посему, основываясь на божественном авторитете, рискну писать далее так, как считаю необходимым.

Но есть и более действенное оправдание моей дерзости, оно состоит в следующем: христианин, это человек, уверовавший в Христа, согласный с истинностью христианского мифа (быть может, с некоторыми оговорками), и

пытающийся жить (в той или иной мере) сообразно церковным требованиям. Таких христиан подавляюще большинство, на них и держится церковь.

Но есть еще и «истинные христиане», это те христиане, которые еще и стремятся Христу подражать, то есть Ему *уподобляться*, взять Его крест и понести, отринув мир (как и Христос), а в идеале сподобиться мучений (как многие христианские святые).

Итак, если «истинный христианин» пытается в своих стремлениях, чувствах, мыслях и поступках *уподобиться* Христу, то, следовательно, в сравнении и уподоблении двух природ и сущностей нет ничего крамольного, и не подвергается сомнению то, что природа Христа неизмеримо выше, чем природа человека, безгрешна и свята, а природа человека отягощена его грехами и слабостями. Но утверждение ревностных христиан, иступленно презирающих человека, что человек – это только мерзость и что даже святость человека не более чем мерзость, следует отвергнуть, ибо это кощунство по отношению к творению Божию (в чем со мною согласны и многие вероучители и даже святые самой христианской церкви).

Так что продолжу, не боясь фанатиков, мой рассказ.

18 июля 2014, 7-51, в «Ласточке» по дороге в деревню.

Я родился в глухой деревушке в Сибири, но в добротной крестьянской избе, второй муж у моей матери был машинистом поезда, хорошо зарабатывал, много пил, и был человеком жестоким.

В пять лет мы бежали из дома отца и вернулись в родную деревню, в которой мать жила до войны и где жили все остальные родные. Хотя отчий дом был обширен, но вся семья в нем уже не помещалась, посему дед решил нас отделить, разобрал хлев (по-сибирски, стайку), отвез на край деревни, глядящий в тайгу, собрал его снова, вставил стекло в маленькое оконце, поставил железную печку, и начали мы жить в хлеву, где я и прожил следующие семь лет своей жизни. При этом, кроме меня, матери и недавно родившейся сестренки, в нашем хлеву у двери мы поселили еще новорожденного теленка, а позже в нем родились еще два моих брата (а младший брат родился уже в лагерном поселке, куда сквозь колючую проволоку бегали ребятишки из деревни смотреть кино).

О Рождестве Христа в Евангелии от Матфея сказано достаточно подробно. Сначала идет рассказ о родословии Иисуса Христа, и оказывается, что Иосиф, за которого вышла замуж мать Иисуса Мария, происходит от прауродителя Авраама. Четырнадцать поколений род продолжался от Авраама до Давида, затем четырнадцать поколений прошло от Давида до переселения в Вавилон, и еще через четырнадцать поколений после этого в Вифлееме родился Иисус, будущий Христос, что по-гречески значит Спаситель. Отцом же Иисуса был Святой Дух. (Хотя Бог-Отец, Бог Дух Святой и Бог Сын – три нераздельных лица единого Бога, но то обстоятельство, что дева Мария *имела* от Духа Святого, а не от Бога-Отца, может показаться странным. Впрочем, речь идет только о *воочеловечивании* Бога-Сына, а не о рождении Его, ибо Бог-Сын существовал предвечно, и в этом предвечном бытии был связан как лицо Троицы с Богом-Отцом не через воплощение в человека и непорочное зачатие девы Марии, а иными "троичными" узами.)

Итак, родился Христос в Вифлееме, где в то время мест в гостинице не было, посему родился в хлеву. Но, узнав о Его рождении, с дарами пришли с востока волхвы, чтобы поклониться Ему, Ирод же царь, напротив, искал, как его погубить, поэтому Иосиф бежал в Египет с младенцем и его матерью Марией, откуда вернулся и поселился в Назарете Галилейском только после смерти Ирода. По имени этого города Иисуса иногда называют Назаретянином.

По иудейскому обычаю он был обрезан в положенное время, а уже перед началом своего пророческого служения крещен в Иордане Иоанном Крестителем, а затем снизошел на него Дух святой в виде голубя, то есть крещен Он был также и Духом Святым. Но, надеюсь, читатель мой всё это помнит из Священного Писания или теперь перечтет и вспомнит.

Отношения божественной и человеческой природы в Спасителе, нераздельность и неслиянность Божественной Троицы, особенность каждого Лица внутри Троицы, предание Сына Божьего на волю Отца небесного ("Но да будет воля Твоя, а не моя!" – глас Иисуса Христа на распятии) – все это в Священном Писании изложено достаточно ясно, и каждому образованному христианину должно быть понятно, поэтому я не буду отбирать хлеб у профессоров богословия и вдаваться в популярные истолкования хотя и ясных, но тонких и глубоких вещей. Меня ведь теперь интересует смысл христианства, отношение его к истории человечества, цель его внутри Истории. Очевидно, воля божества доминировала во всем, и это в необходимых случаях подчеркивается. Так, у Учителя были ученики, избрал он их из *случайных* людей, можно даже сказать, *назначил* их на эту роль, в то время как в нашем человеческом мире мы принуждены искать учеников среди тех, кто разделяет наши взгляды и способен их развивать, и часто это труднее, чем найти невесту. Вообще говоря, выбор окружения у Христа производил странное впечатление на современников, даже кто-то заметил, что "набрал Он себе среди шлюх и бродяг всякую шваль". Но "первые станут последними, а последние первыми", да кроме того, избрал он после уже Воскресения и образованного человека, будущего апостола Павла, приказав ему из гонителей христиан стать Его последователем и проповедовать Его учение в мире, почему сам апостол Павел во главу христианства поставил *веру*, в противовес *делам*, как Петр и Иоанн, и почему позже Лютер в центр христианства поставил учение о *предопределении*, почему выходило, что ни вера ни дела не имеют решительного значения, а Божия воля (или каприз), что видно и из избрания евреев в «народ Завета». Впрочем, не так ли и я выбираю себе вертихвосток в любимицы, а после мучаюсь с ними, как и Христос намучился сначала с иудеями, а теперь мучается с христианами, в чем они и сами сознаются, говоря, что даже "их святость смердит перед Богом".

Но, все же, систематические последовательные комментарии к тексту я отставлю, отмечаю лишь то, что важно для меня.

Возвращаюсь к Рождеству. Родился я, как и положено, в крестьянской избе, но прожил *в хлеву* даже почти все свое детство, причем жили рядом со мною телята, цыплята и даже однажды заблудшая лань.

Возможно, сие символично, так как хотя я и разошелся с христианским мифом, но с современным научным и социалистическим мифами, унижающим и уничтожающим природу, я сойтись тем более не могу, надеясь на гармоническое единение с живою природой.

В этой же деревушке (напоминаю, она называлась Корневище, что тоже крайне символично, по моему мнению) меня и крестили, лет в пять-шесть, что я помню смутно, и что не вызывает никаких ассоциаций с рассказами Священного Писания. Крестил меня приезжий батюшка, в корыте (в нем же мы, ребяташки, и мылись в русской печи), и в «синагогу» я не ходил, и не вступал там в беседы, так как своей церкви в деревне не было, но мои деревенские все же мне отчего-то поразились и предрекали великое будущее. Возможно, к "крещению водою" относится и ужасное происшествие с моим утоплением – старшие, чтобы научить меня плавать, столкнули меня в воду и я захлебнулся, и только бедная моя мама меня смогла потом воскресить (она была военнообязанной перед моим рождением, так как окончила шоферские курсы, и на воинских сборах ее кое чему полезному научили).

В шесть лет ко мне являлся Ангел (или, может быть, Сам Бог... как я тогда думал), и предрек мне великое будущее и миссию спасителя народа русского и России. Я на это уже почти не надеюсь, но еще смутные чаяния словно во сне меня иногда посещают.

Читаю воспоминания великого князя Александра Михайловича, создателя русского флота перед Первой мировой войной. И думаю, как и он, что Бог не только не помогает русским людям спасти Россию, но словно бы по ненависти к ней сделал все возможное, чтобы ее погубить. Поставил по главе страны бездарнейшего царя Николая, и столкнул ее сначала с Японией, а затем с Германией (то-то абиссинский монарх удивлялся, что это не Англия воюет с Германией, а Россия!!!).

Конечно, и я мог бы Россию спасти, но для того надо бы было, чтобы Господь дал мне власть, либо возвысил мой дух, ибо, разумеется, я уступаю даже деревенской девочке Жанне, которой, впрочем, Он помог, и она спасла Францию, даже не читая Толстого и не зная «дифференциала и интеграла истории», как я.

Но, как это ни удивительно, человек и Бог во многом похожи, особенно в неудачах – воистину Гермес Трисмегист (Трижды величайший) прав, и то, что вверху, подобно тому, что внизу. Христос не однажды сказал, что *Он пришел спасти свой народ*, и женщине хананейнке, прикоснувшейся к нему, чтобы Его исцелительной силой спасти сына, то же сказал с укоризной, однако же, иудеи Христа отвергли, и спасти свой народ ему не удалось. Но спас ли Он и русских? Или немцев? И что неудачи преследуют и меня, не удивительно, ибо я и вообще немощный человек. Впрочем, боюсь, стремящихся к гибели не спасти ни человеку, ни Богу.

Далее уместно было бы сравнить моё детство с детством Спасителя, но Священное Писание о детстве Христа молчит, молчит оно и о всяком детстве, словно его не бывает совсем. Нет в христианском мифе ни детского смеха, ни игр, ни улыбок. Даже и на иконах младенец Христос словно бы взрослый.

3. Детство

Как читатель, возможно, понял, я рассуждаю не как рецензент научного исследования, который находит в нем ошибки и противоречия, но рассуждаю как критик и Редактор эпического художественного произведения, Мифа, слагавшегося на протяжении веков у разных народов, отягощенного заимствованиями и пересказами, ставшего центральным Мифом древнего еврейского народа, претерпевшего трансцендентное Преображение с пришествием Христа, отвергнутого в новой редакции иудеями и перешедшего в Мифологию европейской расы. Но в ней титаническая работа над первоосновой Мифа продолжалась, и Миф, как великая река при впадении в океан, распался на множество рукавов.

Научное исследование Мифа невозможно, ибо тогда Наука сама превращается в миф так называемого "научного мировоззрения", забывая, что ни химия, ни механика, ни физика, ни физиология не могут выработать глубоких понятий о Ценностях, Смысле жизни, Добре и Зле, Красоте и безобразии, Истине, Правде и Справедливости. Научный миф становится, лишенный воображения и творчества, мертвым и бессодержательным.

Переживая Священное Писание как великий эпический роман, к нему необходимо применять критерии *художественной правды*. Мы ведь не тратим время на выяснение того, была ли в действительности Наташа Ростова и не искадил ли Толстой ее подлинный облик – зачем же мы занимаемся глупостями, возражая художественной правде христианского мифа, отыскивая в нем противоречия в мерках механики, физики и физиологии? Разумеется, сожжение Галилея за проповедь вращения Земли вокруг Солнца были злом и неправдой, но это не деяние инобытийного христианского мифа, а вполне земные дела его жестоких поклонников, установивших монополию на истину Мифа.

Итак, Редактор и критик выносят свой вердикт: В мифе только правда, ничего, кроме правды... **НО НЕ ВСЯ ПРАВДА.**

Правда жизни в нем существенно не полна, или это правда жизни инобытийного человечества, «людей лунного света», по выражению Розанова... в том числе и тех, кто к ним "примкнул подобно Шепилову", корыстно или по глупости, или по легкомыслию... или *просто так*...

Детства в христианстве нет, и нечего христианству сказать не только детям, но и женам, мужьям, любовницам, ученым, революционерам... даже крестьянам...

Но так как я не редактирую христианство, а только озираю его, то от него пока отвлекусь и расскажу о своем детстве, поелику ни у Христа, ни у христианства детства нет.

У меня оно было трудным, родился я в феврале, шла война, меня мать бросала на весь день одного дома и бежала на работу, за одно только опоздание на которую грозил расстрел. Естественно, я рос слабым, постоянно болел, постоянно находился на границе жизни и смерти, и Ангел ко мне являлся на этой границе. С десяти до пятнадцати лет я был болен чахоткой, вылечиться все не удавалось, наконец, отчаявшись, я сказал и себе и другим, что я уже выздоровел, и начал выздоравливать.

Но это уже было отрочество, которое было ко мне благосклонно, также как и юность.

Впрочем, и детство не состояло из одних тягот, обо мне заботились даже чрезмерно много, просто судьба, видно, подвергала меня испытаниям, чтобы выработать характер. Существенную роль в моем детстве играла природа и восхищение ее красотой, в июне луга зарастали удивительными цветами, которые назывались Марьиным корнем (это были дикие пионы, но роскошнее европейских садовых), при тающем снеге проталины зарастали синими подснежниками и белыми пролесками, февраль сводил с ума безумными метелями, январь – трескучими морозами... Но не хватит бумаги, чтобы описать всю красоту сибирской природы. Есть ли Природа в библейских мифах, взросших на безжизненных скалах и пустынях Палестины? Не оттого ли почти вся энергия христианского мифа обращена была на борьбу с язычеством, то есть с семьей, родом, народом, с жизнью плоти, с обожествлением природы в жизни духа?

4. Творение Бога по образу и подобию человека

В предыдущей главе утверждал я что-то неверное, тогда же это заметил, но только теперь исправляю. Пусть читатель порадуется тому, что и я бываю неправ, ибо хотя плохо, если человек или учение неправы во всем, как марксизм, но еще хуже, когда во всем и всегда правы, как миф христианства, между блоками мироздания в котором нет зазоров и свободы и здание неспособно изгибаться под напором ветра.

Пришла пора кое-что уточнить, а кое-что исправить. В предыдущих книгах я писал иногда о Сверхъестественном мире, а рядом об Инобытии словно бы о двух разных мирах. Но человеку не дано исследовать ни тот ни другой мир так, как исследуем мы неведомые острова даже в далеком океане, человек способен достигать только границы мира здешнего и Инобытия, посему в дальнейшем я буду преимущественно говорить об Инобытии, а термины Потусторонний мир, Сверхъестественный и т.п. будут метафорами, ибо даже апостол Павел не рискнул сказать, что он воочию «был восхищен до седьмого неба», и посему рассказы «путешественников» в Иные миры являются либо «научной и ненаучной фантастикой», либо мифотворчеством, как и у меня и как у Даниила Андреева в Розе Мира.

Говоря о Мифе, я не имею в виду Вымысел, фантазию, сказку, легенду – нет, это сложный образ Действительности, проницаемой Сверхдействительностью, их **Синтез**, воспринимаемый иначе, чем подлинные матерьяльные или духовные объекты нашего мира. Сверхъестественное проникает и в наш мир, и его проницание и мистериальное Действо в нашем мире является Чудом. **ЧУДО СУЩЕСТВУЕТ**, но оно не является событием внутри нашего мира, ибо оно не подчиняется условиям нашего мира... и сказанного достаточно, так как тонкий человек, обладающий мистическим духовным опытом, уже это знает, а человек профанного бытия (или быта) меня все равно не поймет.

Так, может быть, того и нет, о чем ты так туманно говоришь? – спросит кто-нибудь из скептиков?

Но ведь для многих нет и ЛЮБВИ, и только когда они с нею столкнутся, они узнают, что она есть, а до того ее нет. Прежде узнавания не существует индивидуальное знание о многих тонких вещах, человек наделен только способностью к ним, но не предварительным знанием о них.

(Впрочем, в отдельных случаях это не совсем так...)

Итак, Инобытие мы постигаем как Миф, и это постижение одновременно является творчеством, аналогичным тому, которое было у Творца человека. И мы в Мифе творим Творца, то есть Бога. В этом смысле можно принять за истину и марксистскую атеистическую догму о том, что человек творит Бога по образу своему и подобию. Но да ведь даже наука о поведении животных, в существовании которых никто не сомневается, антропоморфна.

5. *Оправдание жизни*

Я каждый день с Богом спорю, Он мне доказывает, что Его нет, а я доказываю Ему, что Он есть.

Игумен Авраамий.

Представление о мире, взгляд на мир, *мировоззрение* есть у каждого, обычно оно является эклектическим соединением часто даже несовместных убеждений, вроде того, что надо исполнять Моисеевы заповеди, в частности, «не убий», и убивать каждого, кто их не исполняет. И эта шутка недалеко от правды, так, в оправдание сталинского геноцида и десятков миллионов убитых я слышал и такие людоедские доводы, что Сталин, де, уничтожил пятую колонну, и в этом его заслуга...

Но и цельное мировоззрение не говорит о том, что человек понимает все его частности и его целое. Так обстоит дело и с христианством, и с учением о социализме, первое сводится к тому, что «надо верить в Бога и вести себя хорошо», а второе, что «все должно совершаться по справедливости»...

Зачем споры, тысячи книг, миллионы жертв?

Разве я возражаю тому, что надо быть хорошим человеком и жить по справедливости, или что надо верить в Бога? Но разве не хороший человек тащит хворост в костер, на котором сгорают плохие?

Всё гениальное просто! – слышал я с детства, только почему-то ни я ни другие не могли ухватить за хвост эту простоту. Так, может быть, это только шутка?

И все же попытаюсь провести границу между моими взглядами на мир и религиозным мифом по возможности проще, так чтобы объяснения мои вместились в страницу и были всем понятны.

В чем смысл жизни и где он содержится? – такой вопрос объединил русских философов девятнадцатого столетия в одном сборнике. Они отвечали на него по разному, но были единодушны в том, что смысл жизни не может содержаться в самой жизни, так же как для путника цель, к которой он идет, не содержится в той дороге, по которой он идет к этой цели.

Но если бы философы не игнорировали математику в своих суждениях, то их выводы не были бы столь поспешны и самоуверенны и столь однозначны.

Заменим метафорическое представление жизни как некоего пути, по которому человек движется, имея смутное или ясное представление о цели движения, на образ кривой линии как частного решения дифференциального уравнения, или на образ последовательности точек – событий или дней жизни. Если у рациональной последовательности есть *предел*, то он может быть числом *рациональным* или *иррациональным* – я так полагаю, что наша жизнь, состоящая из преимущественно пустых и никчемных или низко прозаических событий, может таким образом дополняться духовными целями, которые при всей их кажущейся отличности от житейской прозы все же тоже относятся к жизни. Но случай с рациональным пределом рациональной последовательности точно доказывает, что цель жизни может быть ее пограничным состоянием, ее *границей*, о которой нам рассказывает Миф.

Жизнь можно представить как *особое решение* дифференциального уравнения, или ее отдельные события как *особые точки* кривой (точки перегиба, экстремума, разрыва)... Такое представление во всяком случае поучительно, и во всяком случае заставляет принимать во внимание кроме Инобытия, о котором мы догадываемся только по *Чуду*, прорывающемуся отсюда в нашу жизнь, еще и Границу Инобытия и Бытия, границу, данную в мифе почти так же достоверно, как и вся обыденная наша жизнь – ибо так ли уж она достоверна, как иногда нам кажется? Достоверно ли признание в любви кокетки и обещания самовлюбленного эгоцентриста (к коим причислен однажды был и я) заботиться о других?

Но по существу спор между теми, кто смысл и результаты жизни видит в самой жизни, и теми, кто находит их только за ее пределами, безнадежен. Определенный тип людей склоняется к тому, чтобы уходить из жизни, отрицать ее значительность и ценность, даже жизнь презирать. Мне им сказать нечего, я только недоумеваю, встречая их и их яростное неприятие жизни. Но разве не недоумеваю я, сталкиваясь с теми, кто жизнь ограничивает только ее матерьяльной стороной, кто не видит и не ощущает ценности культуры, ценности смутных образов, являющихся к нам от границы Бытия, если даже не из Инобытия?

Жизнь оправдана самой жизнью. Но и Миф оправдывает ее, расширяя представление о жизни и отодвигая ее границы. И все таки ***жизнь оправдана прежде всего тем, как мы живем***, как поступаем, что делаем, к чему стремимся, о чем мечтаем, что избираем как добро и от чего отталкиваемся как от зла – жизнь оправдывается всей жизнью в ее границах, обстоятельствах, причинах и следствиях.

Принадлежность человека к той или иной форме политических, религиозных (в том числе атеистических), философских или научных взглядов, к той или иной социальной группе не так существенна, чтобы именно на это обращал внимание Серп, жнущий нас, когда приходит день жатвы, жнущий нас и в дни, далекие от жатвы, жнущий нас даже тогда, когда нас не сеяли.

Мне ли быть дерзким и самомнеющим?

Боль тянет книзу, и в омут – бес...

Гуляет Серп по жнущим и сеющим,

И даже ждущим улыбки небес.

Я как былинка на ниве Божией...

Губами жадными целую день.

Мне ли в пророки с крестьянской рожею?!

Да и вечерняя уже тень...

И уже не верится, что увижу воочию

Не только внешнее, но и суть.

Но всеми точками кровоточия

Пытаюсь истину понять и вернуть...

То, что с нами происходит, то, что нас ожидает, то, на что мы уповаем, определяется множеством причин.

Во-первых, это наша личность, богатство ее или бедность, образование, культурное богатство, глубина чувств и тонкость мысли.

Во-вторых, наши благие или неблагие дела, забота крестьянина о поле, творческой личности о плодах творчества, родителей о детях и детей о родителях, гражданина о своем народе и государстве, наши намерения и надежды и наша вера, которую одну апостол Павел полагал достаточной для оправдания и спасения.

В третьих, так как жизнь в некоторой мере рациональна, объяснима, но еще в большей мере иррациональна и даже трансцендентна (и Инобытие и Чудо входят в нее так же, как гениальность входит в способности и умения, и Красота в привлекательность), то иногда наибольшей причиной, определяющей нашу жизнь, является нечто странное, плохо понимаемое умом, чему надо посвятить больше внимания, чем краткое замечание.

Людей, не совпадающих с бытовой серединой, своеобразных, оригинальных, иногда даже исключительных, гораздо больше, чем об этом можно подумать. Не всегда это люди известные, часто просто красивые, умные, талантливые, мужественные, творчески одаренные.

К ним относится знаменитый физиолог Ухтомский, порвавший с внешним христианством, ушедший из монастыря, оценивший монашество резко отрицательно, хотя сам он скорее вел в миру монашескую жизнь.

Таков и знаменитый поэт и писатель и духовидец Даниил Андреев, просидевший десять лет во Владимирском центре.

Таков Авраамий, игумен Святодухова монастыря в Вильнюсе (известный среди христианских паломниц), с которым я и мой друг К. пили водку в ночных бдениях, в которых он нам рассказывал, как он борется со страстями, которые в нем кипят

Таков и К., тонкий человек, пронизательный математик-историк, преданный друг, твердый католик.

И много их, не позволяющих мне разочароваться до конца в этой часто пошлой и грубой и несправедливой жизни (впрочем, ко мне она была более чем благосклонна!)

6. Званые и избранные

Как известно, *еврейский народ был избран Богом*, впрочем, это не значит, что Бог ему погакал. Бог, пожалуй, относился к евреям справедливо, то есть по делам их судил их, достаточно перечитать «Книги пророков» в Ветхом Завете и те жестокие обличения народных грехов, которые, конечно, произносились ими с ведома «еврейского» бога.

Но евреев Бог, тем не менее, *избрал*.

Может быть, по их делам? По тому, что не успев получить скрижали Завета, они бросились изготавливать Золотого тельца? Или по тому, что распяли Сына Божия?

Или избрал он их по вере? А не за отсутствие ли в них веры обличали их и пророки и Иоанн Креститель и апостол Павел? Нет, Бог избрал евреев так, как я избирал предмет своей страсти, то есть «без экзаменов», а просто так, повинувшись движению души, может быть, и капризу – но мы ведь во многом подобны, так как разве не по образу своему и подобию Он создал Адама и Еву, а я не подобен ли своим прародителям?

Вот так же и Христос *избирал* себе учеников – но разве он *избирал* их? Нет, все они случайные люди, Он их НЕ выбирал среди многих, а в некотором роде *назначал*. Вот так же он назначил в апостолы Савла, ставшего Павлом, так же назначил Бог и евреев в «Богоизбранный народ».

И вот именно это – Божий произвол, Божье благоволение – часто и является третьей, иногда самой значительной причиной, определяющей течение нашей жизни

Уже при рождении мы не равны, прежде всего, родителями. Может быть, и не станет сын вора вором, как утверждается в индийском кинофильме «Бродяга», но не зря же говорится, что яблоко недалеко от яблони падает? – так что судьба человека во многом определяется родителями.

А ум? А красота? А способности? По заслугам ли они нам даются? Справедливо ли, что один рождается гением, не приложив к этому усилий, а другой бесталанным? И я почти уверен, что Бог дал мне многое, избрал меня своим поэтом и философом, даже назначил, так как он не сравнивал меня с другими, а просто ткнул пальцем и сказал: "Отныне ты будешь внимать музыке мира и тшиться ее понимать!"

А я, неблагодарный, еще Его упрекаю за то, что Он не тащит меня еще выше, чтобы я узрел истину во всей ее полноте...

Но все же я оправдан. И вот мои оправдания.

Среди прочего Христос говорил: "*Не судите, да не судимы будете!*", "*Кто из нас без греха, пусть первый бросит в нее камень*" и "*Кто ты такой, что видишь в глазу брата своего сучок, когда в своем не видишь бревна?!*" – призывая "*милость к падишим*", к чему призывал и Пушкин – но только ли для того Он пришел, чтобы простить грешников, уравнять волков и агнцев, призвать к всепрощению, равно всех повести за Собою в царствие Божие?

А не Он ли сказал, что *много званых, но мало избранных*, что явится Господь для возмездия за грехи как тать в ночи и будет жать беспощадным серпом и спасется только *малый остаток?!*

Да и что бы значили и обличения апостолов и пророков, если б не надо никого отсекал, ибо *все невиновны?*

Нет, по большей части всё напротив, и посему говорит апостол Павел, ссылаясь на Псалмы: "...как Иудеи, так и Еллины, *все под грехом*, как написано: нет праведного ни одного; нет понимающего; никто не ищет Бога; все совратились с пути, до одного негодны; нет делающего добро, нет ни одного" – та ли это проповедуемая современными христианами Его якобы любовь ко всем без разбору и Его якобы спасение всех без разбору?

Нет, Спаситель обещал, что грешники еще пожалеют, что родились, когда придет час Суда и Возмездия, и я поэтому же смею, как и апостол Павел и как и всякий не холоднокровный человек, не сюсюкать о всеобщей любви, словно уже лев возлег рядом с ягненком, но призывать кары на головы достойных их, прежде всего моих русских, ибо их я имею право обличать и по духу и по крови, как и еврейские пророки обличали своих единоплеменников.

И вот я думаю, что вполне я обличать своих русских, хотя – не вздумайте меня упрекать за мои обличения. Разве я говорил о большевистских или о христианских начальниках, проповедующих милость и любовь, но "поядающих часто младенцев у вдов и сирот", что "Гортань их – открытый гроб; языком своим обманывают; яд аспидов на губах их (Псал. 5, 10)." или что "Уста их полны злословия и горечи. Ноги их быстры на пролитие крови; разрушение и пагуба на путях их; они не знают пути мира. Нет страха Божия перед глазами их (Исайя 59, 7)."

Нет, мои обличения подобны легкой укоризне матери капризного дитяти, не смею я стращать ни геенной огненной, ни варом, ни вечными муками даже тех, кто этого стоит – но и обманывать и восхвалять недостойный народ я не могу. Боюсь, получит он возмездие за свою лень, глупость, нерадивость, нелюбовь к Родине, и будет это возмездие хуже чем от собственных пророков... Возможно, и прошедшая страшная Война, унесшая всех лучших, была возмездием, но оставшиеся в живых по-прежнему пьют, хохочут и не стыдятся...

7. Продолжение следует...

27 июля, воскресенье, 20-17, в электричке по дороге из деревни в город...

Тридцать градусов жары и вагон раскалён. И ехать в электричке еще два с половиной часа. Ну, в метро уже будет прохладно, да в рюкзаке еще бутылка сухого вина, потом морозильник, потом она воссияет на кухонном столе (а то и в гостиной! Которая, правда, одновременно и библиотека, и рабочий кабинет, спальня, столовая и склад для вещей... Но, правда, у иных и того не было, и великий Варлам Шаламов писал на клочках бумаги при свете костра, а чаще только в своей "буйной головушке", обреченной на муки по вине "богоносного русского народа", до сих пор как бога почитающего сатану!

Но да ладно, пора вернуться к повествованию, а то я склоняюсь то в одну, то в другую сторону, и уже не уверен, что не толкну воду в ступе... Но, правда, начала спадать с глаз пелена, что-то я начал вдруг понимать существенное, не одно хитросплетение словес, посему продолжу с чистого листа... Только бы не растерять по дороге то, что не мне принадлежит.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И МИРА И СМЫСЛ ЖИЗНИ

1. Разговор в поезде

27 июля 2014, 21-41. Вдруг писание мое забуксовало... Фразы все еще продолжали стекать с клавиш компьютера, и даже, возможно, почти безупречные, но это уже была только видимость литературы, обо всем и ни о чем... Так можно писать до бесконечности, **но** ... вот я задумался, что поставить после этого **но**? не знаю... Что НЕОБХОДИМО поставить после этого НО, я не знаю, но если и далее писать, как до этого, то словно кран в умывальнике неплотно закрыт и тоненькой струйкой сбегает вода, и будет она струиться, пока не иссякнет. Можно много придумать фраз, которые сымитируют подлинность, мысль, понимание, *существенность* – но лучше этим не заниматься. Да, я мог бы написать так: "...НО читатель не проснется, его ничто не поразит в этой гладкой речи, ничто не подвигнет к размышлению, к самостоятельному поиску..." и так далее... Разве плохо? Да, плохо, потому что я мог бы написать и иначе: "...НО разве не утомляет и читателя и самого автора ощущение, что дорога слишком ровная, слишком длинная, что идти по ней еще долго-долго, и неизвестно, придешь ли в конце концов в некий сказочный город, в котором живет Истина?"

Вот каменщик строит дом, заканчивает ряд и оглядывается в поисках подходящего кирпича. Разве заканчивает он ряд произвольно, тем, что первое попало под руку? Нет, он находит если не единственно возможный, то наилучший из возможных, и разве не то же, или даже не тем более с письменной речью? И Маяковский понимал сие и чувствовал, и хотя кажется, что иные его слова и строки в советских стихах словно из мусорного ведра, но он же сказал, что "поэзия словно добыча радия, в грамм добыча, в год труды!"

И он почти физически мучился в поисках необходимого слова! Посему заменять страдание литературного творчества, тяжелой крестьянской работы возделывания почвы бытия, гладкомыслием и гладкописанием – преступно!

Забегая вперед, скажу, что то же сказали и волхвы, придя ко мне на третий день, и они посоветовали мне сжечь уже написанные одиннадцать глав и начать все с чистой строки.

Но я устал уже от книги и жизни, жарко, душно, чертов сарай никак не закончить и еще до зимы его буду, поди, городить, да надо еще и пропалывать грядки, да что-то и пересаживать, да вдруг проросли семена, которые я посадил еще в мае – ночи холодные, и они ждали тепла, боясь высунуть нос наружу... да еще и редактирование того, что мне предлагает издательство, да кое-что и читаю, да пишу письма, общение с друзьями и близкими, да еще путешествие... А что-то из насущного записано еще на бумаге в списке дел и некогда мне эту бумагу найти. Но жаловаться стыдно. Даниил Андреев писал на нарах и написал удивительные книги, что же мне не дает писать как необходимо? Иногда пустота в душе. Чехов советовал, если нет темы письма, писать хоть о

пятнах на стене. Возможно, это приемлемо для беллетристики, для описания казусов и происшествий суетной жизни, людей суеты и сиюминутности – но ведь меня обуяла страсть поисков Истины?! Или все это глупости, и я пишу чепуху, а еще не до конца объяснился с Богом, еще не объяснил Ему, самоуверенному и не ошибающемуся, что и Он не во всем лучше нас, но все же Он существует, хотя иногда начинает сам сомневаться в себе и отрицать свое собственное существование, но что он не тот, как о нем думают.

Итак, три дня назад ровно в полночь я ехал в общем вагоне поезда Москва - Боровичи, моя жена разговорилась с попутчиком-студентом, я бряцал по клавишам, струйка воды мерно журчала, и так, возможно, дожурчала бы до конца, пока не иссякли б оба – вода в кране и сила жизни в душе – но что-то меня толкнуло, я очнулся и вдруг подумал: вот я ищу смысл жизни, а он уже возможно найден? Ведь я уткнулся в книги и клавиши, а народ проезжает мимо и живет, возможно, умнее меня, а некоторые даже пишут книги.

– Так в чем же смысл жизни, ответьте мне, товарищ студент?!

– Сразу и не ответишь, – отозвался студент, – это вопрос не простой, да к тому же, я думаю, у каждого смысл жизни свой. Представьте себе, что мы идем в магазин, а вы спрашиваете, зачем... Пьяница идет за бутылкой, модница за нарядами, старушка за тем, что попроще и подешевле, а я... мне некогда, я пишу диссертацию о связи физики и физиологии.

– Но есть ли смысл в поисках смысла? Может быть, надо **просто жить**?

– Просто даже пьяница не покупает бутылку. А тот, кто думает, что он ни о чем не думает и плывет по течению, тот, вероятно, думает просто не собранно, рассеянно, пока его не заденет корягой... Мне кажется, что размышления, отвлеченные от непосредственной жизни, нужны, и есть они у всех, у одних более глубокие и оригинальные, у других более шаблонные, но заранее знать невозможно, не откроется ли и немудрым то, что утаено от мудрых.

Доехали мы вскоре до города, помчались искать такси, но мысли мои уже потекли плодотворнее. Так бывает и при решении математической задачи или при поисках доказательства теоремы. Разве с поисков решения надо начинать? А есть ли оно? И единственное ли, не содержится ли среди них особые решения, не содержит ли и неособенное решение некие особенности, о которых можно узнать, еще не зная самого решения?

Но есть много важного, что словно бы не относится к данной математической задаче, но что, быть может, даже важнее ее самой: при каких условиях она имеет смысл, для чего поставлена, то есть корректна ли, актуальна ли? Не имеет ли она аналогий, которые полезно узнать заранее?

И еще важнее, не решена ли уже эта задача другими, а если и не решена, то не исключено, что они уже успели в исследовании ее продвинуться.

Через час мы уже были в деревне, на завтра я отложил компьютер, взялся за пилу и молоток и потекла деревенская жизнь, а на третий день, накануне отъезда, произошло и вовсе нечто удивительное, что расширило горизонты моих исследований и сделало их более плодотворными.

2. Дары волхвов

В семь часов утра я проснулся, поворочался, заснул снова, и вот не то во сне, не то в бреду, не то на *границе* мира и мифа, о которой я и пишу, ко мне явились волхвы.

– Не удивляйся, что мы словно бы запоздали придти, но мы только вчера узнали, прочитав твою книгу, что ты родился, почему-то раньше об этом никто нам не сообщал, и звезды как-то недостоверно сверкали. Но да ведь ты еще не умер, и даже пишешь книги, и даже замахнулся понять хоть отчасти то, что человеку знать не положено, что сообщается ему через Миф.

Так что мы не так уж существенно и запоздали.

Но, правда, даров в обычном смысле этого слова мы тебе не принесли, у нас нынче тоже борьба с коррупцией, а то иные умудрялись носить дары своим близким, да и по несколько раз. Но дары духовные приносить не возбраняется.

Итак, поздравляем тебя с твоим рождением, с тем, что избрал ты себе достойных родителей, относишься к ним с почтением, да мы даже поняли, что и от тебя уже поросль пошла, что ж, и с этим тебя поздравляем тоже.

Ну а теперь по существу.

Прочитали мы твои книги, и третью тоже. Пишешь ты плохо, задаешь вопросы, а ответов на них не знаешь, почти ни на какой. Так-то, голубчик, нельзя, что-то надо бы читателю душеполезное и сообщить, иначе он разочаруется в твоём даре. Придется нам что-нибудь тебе и подсказать, раз уж обещали мы духовные дары.

И сообщили они мне и впрямь много примечательного, что я словно бы даже знал, но как-то, зачарованный гениями, упускал из виду, а гении и сами были зачарованы магией чисел, в частности тем, что Бытие, якобы, троично и определяется либо как Троица Бога Отца, Бога Сына, Бога Духа святого, либо как Троица Истины, Добра и Красоты, то есть логического, этического, эстетического.

3. Познание и Труд

Но, во-первых, в центре философии находится Познание, или Гносеология (Гнозис – Познание), и Истина в такой же степени относится к Логике, как и к Гносеологии, причем и Логика и Гносеология существенно не тождественны, *познавание* – это творческий акт ума и *воли*, и относится он к человеку. Если речь вести только о мире, то мир как будто не содержит в себе воли, не познает себя, и описывается именно Троицей Истины, Добра и Красоты, – но если мы речь ведем о *полноте Мира*, то, следовательно, должны рассмотреть взаимоотношения мира и человека, то есть отношения *узкого мира*, без человека (который еще и неизвестно, существует ли, ибо чем он может подтвердить свое существование, чем удостовериться?) – то есть мира только внешнего, *объективного*, – и того, что только и делает мир Миром, делает его подлинно существующим и полным, то есть человека (мира *субъективного*).

В этих взаимоотношениях существенную роль и играет Познание, только через него мир и открывается как *логическое, этическое и эстетическое*.

И хотя кажется, что для существования мира достаточно Троицы основных категорий Бытия, но без акта Познания они не могут выявиться, их словно бы и нет, только Познание делает их действительными.

Итак, в Познании человек созидает Мир словно бы заново, сдирает занавес сцены, на которой Мир предстает взору, до того невидимый.

Но мир не является складом предметов, он существует в развитии, он меняется, следовательно, живет, следовательно, в нем непременно должна присутствовать жизненная сила, вига, движение, Душа мира, то есть то, что делает мир Миром и Бытием.

Мир наделен существованием не только как достоверностью своего бытия, как «есть» в отличие от «нет», но наделен изменением, развитием, жизнью, иначе говоря, он не только *обнаруживается*, но он полноценно *живет*.

Но взаимоотношения человека и мира не исчерпываются *Познанием*. Если ученому кажется, что человек только тем и занимается, что пытается понять мир, собирая о нем знания, то обыватель в мире *живет и действует*: охотник охотится, крестьянин сеет и собирает урожай, инженер и строитель строят, их деятельность направлена на обеспечение жизни. В эту деятельность входит и творчество, и развлечения, и отдых, но главным в ней является то, что в Ветхом Завете, в Книге Бытия, 3:19, было сформулировано так: *«В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься!»*

Итак, "обыватель в мире *живет и действует*", и основное содержание этого *действия* – *труд*, благодаря которому человек жив телесно и духовно, но который в Ветхозаветном Мифе проклят, объявлен наказанием человеку от Бога за его грехи. Но защитил ли его Иисус Христос в Нагорной проповеди, говоря: *"Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их..."*?

Оба связанных между собою мифа, и Иудейский, и Христианский, не благословляют труд, а порицают его – одного этого достаточно, чтобы человек Возрождения, наследник античных традиций, усомнился в их справедливости – но прошли еще два столетия, прежде чем, в эпоху Французской революции, сомнение перешло в ненависть. Ибо хотя миф и отношение к нему нельзя объяснять рационально, но подчас и иррационально их объяснить не удастся.

Но не то же ли с девами? Разве мало нелепого изрекают и девы, по которым мы сходим с ума, но кажутся нам их нелепости небесною музыкой. Да и сами мы не так уж умны, но никто не признается в том, что он: *Ах, дурак, дурак!* – пока не припрет...

Приперло, видно, человечество, появились и Энциклопедия, и Вольтер, и Екатерина Великая, и Радищев, и Марсельеза, и великий Пушкин... И вот удивительно, о чем бы важном и значительном не задумаешься, и надо найти пояснение, подтверждение, комментарии, только у Пушкина и найдешь нечто основательное, глубокое, существенное и прекрасное. Так и о творчестве, и о любви, и о свободе, и о *труде*.

Птичка Божия не знает
Ни заботы, ни труда...

Это он писал в поэме «Цыганы» – не правда ли, изумительная пародия на философию безделья и ожидания конца света (который не наступил и через две тысячи лет)?! Хотя одновременно это и иронический пассаж о цыганах, «детях безалаберности и вольницы»... (И подумалось в связи с этим, что всякая значительная мысль, всякий полный образ укоренены в почве культуры и жизни тысячами корней, и не сразу догадываешься, на что они намекают, с чем связаны, откуда растут преимущественно – словно они *все во всем*, как сам Всевышний).

Но вдруг ученая дама вступила со мною в спор, отстаивая первичность познания перед трудом, дескать, мы сначала размышляем, определяем, что и как делать, потом уже начинаем трудиться... И все же труд первоосновен, он уже включает в себя и творчество, он уже и труд скульптора, архитектора, философа...

Итак, хотя и требовала средневековая схоластика («Бритва Оккама»), а еще раньше, согласно Аристотелю и Лейбницу, «Закон достаточного основания» – "не умножать сущности" (без крайней необходимости), но Троица не обнимает Бытие, а заключено оно в пятерике Познания, Логоса, Труда, Добра и Красоты. Если даже не в седмице, ибо согласно **Полу Фейерабенду** "Познание... не является постепенным приближением к истине, а скорее представляет собой увеличивающийся океан взаимно несовместимых (быть может, даже несоизмеримых) альтернатив, в котором каждая отдельная теория, сказка или миф являются частями одной совокупности, побуждающими друг друга к более тщательной разработке; благодаря этому процессу конкуренции все они вносят свой вклад в развитие нашего сознания".

Разумеется, великий Лев Толстой, о котором мы как-то уже забыли (но не пора ли вернуться?) может вместить Бытие в Единое, как того требовал Парменид, отвергнув как излишнее и науку, и культуру, и истину, и красоту, оставив только добро и пользу, а их сведя к любви к Богу, но главный вопрос, на который я еще пока не нашел ответа, таков: *В чем смысл жизни?* (или, что то же самое: *Что есть Истина?*)

Пытаясь нечто сложное свести к краткой формуле, чтобы это сложное прояснить и обнять пониманием, мы несколько сужаем это сложное, посему многие из таких формул следует понимать как метафоры. Вот так же я задаю вопрос: Что производит Искусство? И если я отвечаю, что Искусство (то есть эстетическое) производит Красоту, Познание (наука и философия) производит Знание и Понимание, а Логика производит Закон и Истину, и добродетель и благое деяние (то есть этическое) производят Добро, то очевидно, что Труд производит Пользу.

И чтобы не заставляли ласточку строить гнезда, а красивую женщину – исправлять дороги, Пушкин пишет далее: "Хлопотливо не свивает / Долговечного гнезда", а Оскар Уайльд (а с ним и русские поэты, представители «Искусства для искусства») настаивают на том, что «всякое искусство совершенно бесполезно», возражая Писареву, Добролюбову, Чернышевскому и всему двадцатому столетию – а еще раньше им всем, утверждающим пользу в искусстве, уже возразил Пушкин:

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий,
Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы всё – на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский.

Очевидно, что труд мы ценим за его результат, которым является ПОЛЬЗА, ибо что может быть мучительнее Сизифова труда? Но не требуем мы пользы от искусства... Хотя разве не *есть всё во всём*? Вот почему инженер строит мост добротный и прочный – но и красивый!! – (и я уже писал о том, что академик Крылов, взглянув на фотографию Нью-Йоркского моста в газете, велел телеграфировать в Америку, что *мост некрасив и рухнет* – И ОН РУХНУЛ!!!)

(Но еще я вернусь и к Толстому, к его насмешкам над истиною и красотой. Искусство и Добрые дела, Познание и Труд, Красота и Добро, Истина и Польза – так ли они отделены друг от друга каменной стеною, а не есть всё во всём? Защищая, казалось ему, крестьянина, крестьянский полезный труд от бесполезного «господского», он показал мыслящему человеку всю бездонную пропасть противостояния культуры и христианства – которое как будто и привлекало культуру к своим интересам – но только как раба!)

Итак, в христианстве **нет** полноценного детства, **нет** ребенка (хотя, казалось бы, отчасти, с оговорками, есть), но в христианстве **нет** ЗАЧАТИЯ и РОЖДЕНИЯ, **нет** той ЛЮБВИ, в результате которой рождаются дети, и уж тем более **нет** страсти, связывающей мужчину и женщину. Сектант-индуист снисходит в постель к жене только раз в год, чтобы зачать ребенка, но БЕССТРАСТНО – чем же от него отличается христианин? ЛЮБОВЬ (вот эта самая, с обнажением тела и страстным лепетом) христианству ненавистна, поэтому несколько тысячелетий оно унижало женщину, лишая ее права выбора мужа, назначая в мужа кого угодно, но не того, кто мил, а кого родители посчитают нужным, и это Толстой оправдывал как Добро и Истину. Глушение над человеческой самостью (да разве и всё предание на божью волю и отказ от собственной – не глушение над человеческой самостью?) – это все во имя любви? Не говоря уж о том, что воспетая апостолом Павлом **любовь к ближнему** принимается христианами только **через** любовь к Богу, только **как** любовь к Богу (так что любви к человеку нет у них вовсе!).

Вот что пишет *истинный христианин* Игнатий Брянчанинов:

«Евангелие отвергает любовь, зависящую от движения крови, от чувств плотского сердца. Оно говорит: *Не мните яко придох во вреци мир на землю: не придох во вреци мир, но меч. Придох бо разлучити человека на отца своего и дщерь на мать свою, и невесту на свекровь свою. И врази человеку домашни его.*

Святой Дух научает любить ближнего свято. Любовь, возженная, питаемая Святым Духом — огонь. Этим огнем погашается огонь любви естественной, плотской, поврежденной грехопадением.

"Говорящий, что можно иметь ту и другую любовь, обольщает сам себя", сказал святой Иоанн Лествичник».

Троица *логического, этического и эстетического* (то есть Истины, Добра и Красоты) не полно представляет и описывает мир и Бытие, только как то, что *«обнаруживается, а не полноценно живет»* – а живет мир только вместе с человеком, за счет *Воли*, которую вносит в мир человек. Эта воля преобразует мир (отчасти *воление* и целеполагание начинаются уже и до человека, но полноты достигают в человеке).

Надо ли человеку «предаваться на волю Божию», отказываясь полностью от собственной воли, хорошо это или плохо – об этом я спорил с христианством целую жизнь, многое другое в нем принимая – но надо ли спорить? В природе ведь тоже не все однообразно, то идет дождь и дует ветер, то стоит сухая и безветренная погода. Большинство не любит петербургский *осенний мелкий дождичек* или сибирские февральские метели, а я люблю – но надо ли мне упрекать не любящих? Вот и по поводу бытия без человеческой воли... Французы вон лягушек едят, а я даже подумать об этом не могу без отвращения, но пусть их едят, раз им уж так нравится, только бы не поедали ближнего! И то же с христианами.

Отныне я буду бесстрастным исследователем исторической жизни, сообщая свои наблюдения и выводы страстному и полнокровному читателю. О «людях лунного света» все уже сказано Розановым, возможно, они перешагнули уже ту границу, за которою начинается *Небытие* (или *инойбытие*). Но, все же, само их существование зависит от нас, людей солнечного света, ученых, рабочих и крестьян, ибо только мы вносим в мир волю человека и доставляем им необходимое для пропитания, одежды и быта.

4. Между Сциллой и Хариддой

Итак, лучше жить как *птицы небесные, кои не сеют, не жнут, не собирают в житницы, а Отец Небесный питает их...* – настаивает христианство, и часто я с грустью провожаю небесных птиц, жалея, что не могу уподобиться им. Особенно грустно, невыразимо грустно было мне в весенние месяцы семидесятого года, когда в предвечерние часы на прогулке в тюремном дворе Большого дома я смотрел из прогулочной клетки размером два метра на три вверх на небо, и наблюдал облака с розовеющими краями и мечущихся почему-то странных тревожных птиц. Но все же тогда я почти был уверен, что великое будущее ждет меня, и я смогу объяснить читателю, что есть истина.

Прошло почти сорок пять лет. Вот что я написал сегодня в письме молодой писательнице, мечущейся как те далекие птицы.

«Я еще ищу наощупь некое ПОНИМАНИЕ, которое бы отвечало на большинство вопросов, мучающих и меня. Я, скорее сказать, к истории последних двадцати веков отношусь плохо, но к современности еще хуже, поэтому я и сам страдаю и в разброде. Но все же за эти двадцать веков были не только старушки, хлопотливо несущие хворост на костер Яна Гуса, не только Великие инквизиторы и Иоанны Грозные (цари) и кровавые Кромвели и Мараты и Робеспьеры (революционеры) – а кто из них кровавее? – оказывается, революционеры кровавее – но были и Вольтер, и Пушкин, Лермонтов и Бальзак, Достоевский и Толстой – во имя этих надо хотя бы отчасти примириться с историей. А продолжать ли бунтовать и оправдывать

или обличать прошлое и настоящее, на этот вопрос может дать ответ только Культура. Мы к ней причастны (и вы и я), поэтому будем жить счастливо и несчастливо одновременно. Духовная связь людей, дружба и взаимность – вот наше счастье. Что прекрасные люди есть! – в том наше счастье. А что чаще всего во главе правительств и народов недостойные – наше несчастье.

Но крестьянин пашет поле, на котором камни, корни, сорняки, воюя с ними... И пашет его до смерти.

Будем и мы так жить, не сдаваясь и продолжая возделывать наше поле.»

Да, как птицы небесные люди культуры жить не смогут. В Познании и Работе для нас не только ошибки и разочарования, усталость и пот (благодаря которым мы и едим свой хлеб), но и небесное блаженство.

Обо мне даже современные следователи и судебные приставы, пытавшиеся выселить меня из квартиры на улицу, заключили, что живу я в бедности – но разве я несчастлив? Что же меня делает счастливым?

Конечно, многое, и дружба, и любовь (не та, о которой писал апостол Павел, хотя мне и дано испытать блаженство *дружбы* – а где ее граница с духовной *любовью*? – не только с мужчинами, но и с женщинами, и даже с детьми!), и творчество, и Труд.

И вот, сын деревни, растворенный в городе, я бегу из города в деревню, затем из деревни бегу в город, мне они нужны вместе. В деревне утром, по росе, я кошу траву косой, пока жена готовит завтрак (с раздражением слушая завывания моторов, которыми косят – или сбивают – траву мои соседи, воистину уже огородевшие, неспособные радоваться физическому труду); потом мы пьем чай с деревенским творогом, который делаем сами, покупая молоко в соседнем селе; потом я продолжаю созидать сарай (Господи, мне он уже надоел, кажется, что я всю жизнь пилю доски и вбиваю гвозди!); отвлекаясь от сарая, ношу воду в бочку, чтобы она нагрелась, и в баню; пропалываю грядки; ношу на грядки землю, присыпая картошку; стоит жара, и я временами, изнемогая от жары и пота, сбегая в дом, в комнате прохладно. Включаю компьютер... Но меня снова тянет пилить, стучать, косить, копать, таскать... И разве мои деревенские родные смотрели на труд, как на проклятие? Проклятием была только несправедливость советского «рабочего» государства, отбравшего у крестьянина почти все, что он вырастил на колхозном поле.

И все же и мои деревенские, родные и неродные, были счастливы (хотя и не всегда), и многие городские, и я сам, и моя семья. И счастливы мы не только из-за труда, но без него мы бы не испытали счастья.

А есть ли счастье в христианстве? Есть ли в тексте этого мифа само слово *счастье*? Кажется, что и нет. *Земля – юдоль плача и слез*. Стремится христианин только к тому, чтобы сподобиться мук, если не Христовых, то какие пошлет Бог. Смысл жизни – вне жизни, в инобытии, а для многих – даже и в не-бытии.

Христианство – это Миф, в центре которого Смерть.

И воскресение – добавит спорящий.

Но Воскресение пока дано одному, остальные живут лишь надеждой.

Но я опять отвлекся, сын греха и страсти. Трудно мне быть бесстрастным.

Итак, вспоминая отрочество, выхожу я росистым утром с косой, и встречаю там Льва Толстого.

Ну, вот, говорит он мне, наконец-то и ты образумился, и возвращаешься к правильной жизни, к естественному **труду**, оставив извращения городской жизни, с её самомнением Познания, Творения бесплодной и бесполезной красоты для немногих, праздности и лжи.

Ну что Вы, отвечаю я ему, горбатого только могила исправит. Я ведь бóльшую часть дней провожу в городе, хожу в театры, сижу за компьютером, даже газеты читаю, хотя теперь пытаюсь это дикое чтение прекратить. Тружусь я в Вашем смысле слова мало, только в деревне, ну, еще, если мою пол и посуду, хотя посуды больше, чем нужно, бабушка ограничивалась миской и ложкой и для первого и второго и для крошки. А квас и воду мы пили из общего ковшика.

Это плохо, что ты ходишь в театры, жить надо для работы и пользы, а еще для Бога, строго заметил знаменитый писатель. Ну, ладно, надо работать, прощай пока, а то роса высохнет.

Но христиане мне назидают еще строже, что лучше посвятить всю жизнь Богу, даже и не работать, и если нельзя сразу в клетку со львами, то по крайней мере уйти в пустыню и там ожидать смерти, ибо эта жизнь только тлен. Писатель же советует стать крестьянином и работать, но жить для Бога и ходить в церковь, хотя, правда, его самогó почему-то из церкви изгнали.

Так как же надо жить, в чем смысл и цель жизни, и поможет ли мне узнать это то, что я хожу в театры и читаю книги, или надо сосредоточиться на Священном Писании и Житиях святых и немногих еще душеполезных книгах, а то и их не читать, а или трудиться, не поднимая головы к небу, или молиться, не отрывая взор от земли?

5. *Оправдание философии*

И надо ли искать этот самый непостижимый смысл? Может быть, лучше пойти в церковь, помолиться, постоять на службе, поговорить с батюшкой?

Ведь это же, как будто, советует и Лев Толстой?

Но батюшка, если он только не испорчен современным культурным растлением, посоветует и про Льва Толстого забыть. Выбросила же бабушка Саши М. все его книги из деревенского шкафа, чтобы шкаф не поганили, и разве он ее упрекал? Нет, умилился...

И все же, как *надо*, никто не знает, хотя большинство сразу скажет, как *надо*, и даже рассердятся, что я задаю вопрос, на который ответ давно известен и нет другого ответа (но, правда, коммунисты имеют в виду одно, христиане другое, а другие третье, и все эти знающие даже друг друга лупят почем зря, сунниты шиитов, христиане и тех и других, а якобинцы и большевики христиан, а теперь еще и ваххабиты вмешались в общую свалку...) – и хотя и утверждают мусульмане и правоверные христиане, что надо жить по воле божией, но никто из них эту волю не знает, только Магомет и Христос. Даже и я не решаюсь утверждать, что знаю, в чем воля Божия, хотя Бог ко мне приходил, и не только в детстве, и даже я выпивал с Ним однажды, а большинство "знающих" врет.

Итак, живет-поживает некий человек, а тут вдруг Революция, Гражданская война, и надо идти или за белых, или за красных, или в лесу прятаться, как зелёные – а от твоего выбора зависит и вся твоя жизнь, и жизнь родных, и детей и внуков, и даже жизнь страны. А многие из тех, кто сегодня даже молиться начал и царя оплакивает, все еще живут в большевистском мифе – так за белых или за красных они идут? Или они скажут, что просто живут? Нет, даже царя сегодня население выбирает, и даже Бога, и наобум, не зная ни смысла жизни, ни смысла смерти, не читая Толстого и апостола Павла, а может быть, и меня, мы, проигравшие Российскую империю, половину народа и будущее страны в трех войнах и четырёх революциях, проиграем, прольем, просим, промотаем оставшееся. Большинство в великой империи был русский народ, им она и скреплялась. В нынешней уже лоскутной Федерации (напоминающей "лоскутную" монархию Габсбургов), половинке от той империи, мы пока еще тоже в большинстве, но через четверть века останемся в подавляемом меньшинстве, и эта половинка разрушится тоже. Повторяю в семьсот семнадцатый раз: русский не лучше татарина и еврея, и я даже еврея больше люблю, но они прорубают в ненавистном им корабле дыры в днище, и корабль скоро потонет, а с ним и русская культура, с ним и Толстой и Пушкин, и русский язык, и русская литература, и философия, и мечта о новом небе и новой земле, о которой мечтали мы вместе, создавая и империю вместе, и имперскую культуру.

Это как и в семье. Выхода замуж, девица теряет прежнюю семью и прежний род, рожая детей для рода мужа, и если она даже из Галилеи, и даже ей муж не муж, но только "местоблюститель", дети ее будут отныне спасать "свой народ", а не ее род и семью. Не так ли и с детьми великой Екатерины, которая уже и сама была русской императрицей, а дети ее из "русских русские", как великий князь Александр Михайлович, хотя бы в их плоти бежала немецкая кровь? Но об этом я еще буду писать. (Впрочем, и еврей мне брат. Враг мне только странный человек, который ненавидит все русское, как один известный поэт, но любит ли он и еврейское? Подозреваю, что нет в нем любви, а только ложное чувство неполноценности, за которое он мне мстит).

Чтобы знать, как *надо*, надо "умные книги в детстве читать" (как видите, умных людей я цитирую из всех племен и народов, хотя пишу о русской культуре и судьбе России).

Так вот в чем дело: не зная и не понимая, зачем мы живем, или хотя бы, чем мы должны дорожить в этом мире и в этой жизни, мы перепутаем все цвета и небо смешаем с землею, нас будет легко обмануть лжецам и злодеям, честь и достоинство они назовут гордыней, свободу необходимостью, жажду возвышенной любви унижат, поэзию осмеют, чувство народности объявят преступлением, самостоятельность и свободу мысли поруганием общепризнанных святынь, вдохновение заносчивостью, сострадание изменой... И недостаточно найти формулу, выражающую смысл жизни убедительно, точно, глубоко и полно, тем более, что каждый человек может формулировать цели своей жизни индивидуально, а ими определяется и смысл его собственной жизни – важно понять условия, при которых жизнь может быть осмысленной или, наоборот, бессмысленной.

Необходимо стремиться к тому, чтобы стать личностью – но и дьявол – личность. Необходимо быть милосердным, образованным, культурным... но все положительные качества человека могут служить только ему или только его близким, и жизнь такого человека односторонняя.

Христианин скажет, что необходимо верить в Бога и любить Его и этого достаточно, чтобы жизнь была осмысленной, но я уже – человек нового времени, и мой Бог – синтез культуры, родины и семьи... и всего остального, что мне представляется ценным. Я верю в своего бога, но мне этого недостаточно, часто я впадаю в уныние.

Так в чем же смысл моей собственной жизни?

В том, чтобы «спасти мой народ, Россию и русскую культуру. Создать хотя бы контуры нового мифа, помогающего человеку в духовном совершенствовании и работе на благо культуры и народа. Написать Книгу, после которой не стыдно было бы и просто пошляться по миру. Понять отношения Бытия и Инобытия настолько глубоко, чтобы это понимание утвердило во мне надежду на духовное преобразование моей страны. Ну... может быть, этого и достаточно... Хотелось бы и хотя бы преодолеть бедность... но как уж будет, так пусть и будет...».

Может быть, мне еще удастся сказать о смысле жизни лучше, но пока я удовлетворен хотя бы тем, что я понимаю: философствование о том, зачем мы живем и так ли живем – необходимо. Чтобы понять, куда следует идти, надо хотя бы осмотреться. И с этой точки зрения философия оправдана.

6. Гвоздь, на который мы вешаем мировоззрение

*О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель...*

А. С. Пушкин

Хотя в математике есть и рациональные и иррациональные числа, но сама математика в содержании, выводах и доказательствах рациональна.

Казалось бы, к этому же должна стремиться и философия и жизнь. Но стремится ли к этому поэзия?

Нет.

Следовательно, и жизнь не может быть ни объяснена ни построена, исходя только из *рациональных* оснований, она тогда будет, быть может, правильной, но скучной и нудной, как правильный стук дятла по дереву. Стремление исправить строки стихов Пушкина или Лермонтова доказывают, что между поэтом и обществом существует если не пропасть, то полоса отчуждения. Поэт *иррационален*, общество *рационально*.

Иррационален МИФ, его космология, его логика и мораль. Более того, всякий религиозный миф *трансцендентен*, и потому противоречит логике и морали. Бог непостижим и жесток, жертвы кровавы, смысл неясен или даже нелеп и абсурден, как коровы на улицах Дели, как священные жуки скарабеи.

Надо ли так жить, как повествуется в Мифе? Надо ли так, как предписывается в Мифе, относиться к близким, к женщине, культуре, жизни?

Да и может ли нравственный человек бросить семью и детей, или хотя бы только родителей, и уйти в пустыню, в скит, в монастырь? Судьба самого Игнатия Брянчанинова в этом отношении весьма поучительна: талантливый математик, подающий надежды инженер, из хорошей семьи, замеченный государем, он вдруг порывает с обществом и уходит в монастырь, вопреки чаяньям отца, вложившего в него свою душу. Зачем? Почему? Или "чужая душа потемки"? Но если чужая душа потемки, то тогда на что надеемся мы, философы и писатели? Разве мы не пытаемся объяснить чужую душу?

Нет, объяснить нам удастся только героев собственных фантазий, которые как будто подчиняются нашей воле – и то Достоевский сознаётся, что с известного момента его персонажи перестают ему подчиняться. А мне не подчиняется мой собственный текст. Я уже связал Бога с миром, и вдруг Бог исчез. Вдруг я перестал понимать, есть ли в нем нужда. Требуется ли Его «гипотеза» для объяснения мира, или можно обойтись без нее, как ответил Лаплас Наполеону по поводу своей космологии?

Миф нелепо смешивать с кодексом Юстиниана: мораль и право рациональны, миф иррационален. Жизнь посюсторонняя, миф *трансцендентен*.

Но бытие и жизнь не исчерпываются собою, в них содержится и инобытие, как и в любви, в истории и культуре, они постоянно оказываются на краю, на *границе*, на которой логика переходит в магию, женщина превращается в фею или в ведьму, закон заменяется благодатью, и даже число наполняется тайной...

*Тайна и чудо невидимы. Полог
Надвое мир разделил.
Сердце томит ожидание. Долог,
Господи, взмах Твоих крыл!*

Искать в Мифе правила добра, источник морали, предписывать человечеству житие согласно мифу – иногда мне хочется воскликнуть, что для этого надо впасть в безумие! – ну а когда при взгляде в очи той, что соткана не из плоти, а из *грез*, мир вдруг способен покачнуться и уйти из под ног – для этого не надо ли быть безумцем?

Поэзия и религия одинаково безумны, но, вероятно, без них невозможно жить. Без них наступает быт корыта, полного чечевичной похлебки, всеобщее счастье, царство разума, закон без благодати, казарма, и распределение жен по талонам.

Мировоззрение не всегда сознаётся, но оно всегда есть. Во что верит обыватель, он затрудняется объяснить, но он во что-то верит, хотя не всегда знает во что. А знаю ли я сам, философ и поэт, во что я верю (кроме женщины и России и Бога, которых, все же, оказывается мне недостаточно)? Повидимому, кроме мировоззрения, которое помогает нам отыскивать страны света даже в темном лесу, которое нам объясняет, почему мы предпочитаем то или иное, есть еще что-то, что вдруг сдвигает и мировоззрение в сторону, так что благонамеренный гражданин вдруг запекает "... наша слава боевая",

благонамеренная дама сорока лет, мать семейства, вдруг, верх бесстыдства, оказывается лежащей на полу (это не я, это великий Бальзак, "Сорок восемь часов из жизни женщины"), а я... ну, обо мне еще речь впереди, я еще не до конца знаю, на что способен я сам.

Это что-то, что могущественнее даже *мировоззрения*, это тот *гвоздь*, на который мы его вешаем. (И, кстати сказать, современные новые и неновые русские, походившие вдруг с ума кто в любви к прежним царям, законным и самозванцам, кто в любви к новым, кто в любви к золотому Тельцу, кто в любви к Богу, которого во дни комсомольской юности куда только не... – эти русские поступают именно так потому, что у них нет и гвоздя. Они посваивали в темном углу в прихожей реального нового мира обрывки вер и ошметки знаний, и теперь не найдут, которое из сваленного точно их.)

(А кстати и еще, о чем я забыл. Почему человеческое стадо, водимое Моисеем сорок лет по пустыне, уж точно имеющее мировоззрение, вдруг, получив скрижаль с Заповедями, изваяло Золотого тельца? А потому что это и есть тот Гвоздь, на который они и повесили свою веру – ну, не все, возможно, только семь колен из четырнадцати).

Начал в старости и Лев Толстой выковывать Гвоздь, культура, которая была его мировоззрением, заржавела, Гвоздь он стал выковывать из христианства, памятуя оплошность евреев, не из Золотого тельца, а из Заповедей, то есть из Закона, минуя благодать.

Рациональное вознамерился Гений (сам *иррациональный*) поставить в подножие *трансцендентному*.

Но разговор с ним поучительнее, чем с профессорами богословия, поэтому я и вернусь к великому Льву.

7. Вопросы без ответов

Но существует ли и в самом деле Инобытие, куда, возможно, мы попадем после смерти?

Так ли оно привлекательно, блаженно, творчески выразительно, как этот тленный мир, хотя и юдоль плача и слез (по вере христиан), но и поприще для стремящихся к духовному возвышению?

И сохраняется ли в инобытии личность человека или "*в мире том друга друга мы не узнаем*"?

Но мы не узнаем и ответа на эти вопросы, пока... впрочем, если прав Парменид, что Бытие есть, а Небытия нет, то и этого "пока" нет тоже.

И хотя это предположение меня не до конца утешает, повешу на него как на гвоздь, свои страхи и свои ожидания и продолжу чтение Льва Николаевича – он точно знает, что было и что есть, быть может, он знает и то, что будет, и даже *на чем успокоится сердце*.

К тому же я ездил в клинику *на свидание* (так я сказал ожидающим меня *феям*, которые *за мною наблюдают* и знают, что у меня все будет хорошо), они меня в очередной раз исследовали изнутри и снаружи и нашли, что я еще буду жить долго и счастливо и напишу еще много книг.

Хорошо, буду писать дальше. «Для вас, души моей царицы...».

3 августа 2014, Духов день. 13-04. Устал от работы снаружи, перемещаюсь внутрь, сделал с утра немного, но что-то сил мало – возможно, из-за жары. Сарай растянулся надолго, многое одному сделать трудно, привезу осенью Г.С., будем ходить в лес за грибами и достраивать сарай.

Может быть, и правы были соседи, предостерегая меня, когда я затеял его сломать: *не нами построено, не нам ломать?*

Я на них сердился, вот дурни, да бóльшая часть всего, с чем мы живем, не нами построено, но ломают строители ветхие дома и на их месте возводят новые, и сами они живут, поди, в таких новых домах, и даже целые государства рушатся НАМИ и воздвигаются новые: не они ли пели недавно «Смело мы в бой пойдем За власть Советов И как один умрем В борьбе за это?» (и рифма бездарная, и размер хромает, а содержание... что ж, пророческое, умирать власть Советов приучала мастерски, целые поколения вымирали, даже и не желая бороться за "это")... Но сарай ломать было необходимо: хотя чуть не зашибла меня при этом стропила, и только чудом я спасся (настоящим, подлинным чудом, стропила уже почти долетела острым концом мне до груди и вдруг неведомая сила отбросила меня назад, повернув в воздухе, так что врезался я плечом в землю, и потом пришлось отдавать его в ремонт, вследствие чего выяснилось, что в ремонт надо отдавать и желудок, и вот теперь я жив и пишу после двух операций и двух наркозов уже третью книгу, и медички шутят, что именно из-за этого, что какие-то шлюзы или плотины во мне прорвало) – но если бы я его не сломал и сам он рухнул (а уже близко было), то мог зашибить насмерть и детей, которые приходили ко мне пить чай, и даже тех же соседей, которые заходили полюбопытствовать, стоит ли он еще или уже упал...

От сарая я уже устал, его построить, это не дворец воздвигнуть, да и дом уже старый, если еще и будут в этой деревне жить (а это весьма сомнительно, народ вымирает и деревень все меньше), то и дом придется сносить и на его месте строить новый. Но ни одного нового дома за последние пятьдесят лет в этой деревне не построено, народ домрёт в старых домах...

Итак, устал... Но работа с топором и пилой благотворна, как и с лопатой, и я не считаю затраченное на них время загубленным. Строить и благоустраивать и возделывать огород не менее благотворно, чем размышлять и писать книги.

И все же ночью не сразу спится, вопросы без ответов продолжают мучить.

«Цели нет передо мною, / Сердце пусто, празден ум...» - писал Александр Сергеевич в круговороте стихов и целей...

А я все размышляю над «смыслом жизни», над ее целями, удовлетворяющего меня результата еще не нашел, возможно, мы невольно отождествляем «смысл» и цели. Цели, которые ставит перед собой человек, очевидно, у всех разные, да и у одного меняются в течение жизни, сначала мы хотим поскорее вырасти, потом помедленнее расти, но ни то ни другое не удается, разбогатеть, получить образование, научиться писать, поумнеть...

Может ли целью быть вера в Бога? Или смыслом жизни? Ни тем ни другим, и верит человек не потому, что поставил перед собою такую цель, и осмыслена ли его жизнь, от веры не зависит, у Вольтера жизнь была

осмыслена не менее, чем у Игнатия Брянчанинова или у одиозного православного писателя Нилуса, радовавшегося тому, что три девицы утопи в реке на Пасху: он в этом находил особую милость к ним Бога.

Надо рассуждать иногда не так, как философ, а как математик, исследующий уравнение. Смысл жизни, это то, что содержится в *осмыслении*, понимании, сознании, хотя, конечно, когда мы спрашиваем провинившегося школьника, был ли смысл в том, что он стащил школьный журнал, то имеем в виду: Зачем? (то есть, с какой *целью*?)

Смысл художественного произведения (если оно не бессмысленно) – это тоже и важнейшая цель его создания (ибо *бессмысленно* значит нелепо, бесцельно), и его главенствующая идея, то, что автор хотел им сказать – но что именно хочу я сказать своей лежащей перед читателем книгой? Что-нибудь одно? Нет, и то, что надо слушать музыку, и влюбляться в божественную Полину, и в божественную Машу, дружить с прекрасными и умными женщинами, страдать в поисках живой воды для России, читать Толстого и восхищаться Пушкиным... словом, *и жить и мыслить и страдать!* Так, может быть, в этом и есть смысл жизни? Но я еще не сказал о том, что надо заботиться о близких, при случае оказывать помощь дальним, неустанно работать (вот спадет дневной жар и я пойду строить сарай)... да, можно было бы на этом и остановиться, Теодор Адамович Шумовский на больничной койке, в 99 лет, просил ослабить корсет, так как он не дает ему *работать* (с грустью я думаю о Т.А., последние дни его были омрачены страданием, уж ему-то Бог должен был бы помочь!)

Да ведь и Пушкин страдал, умирая! Неловко умирал и Толстой... И матери моей, вечной труженице и заботнице, Бог не помог в дни смерти.

16-55. Но все же смысл жизни не в том, чтоб ругаться, хотя бы и с Богом.

Когда-то я уже восклицал, что смысл жизни в том, чтобы *стать личностью* – и лучше, конечно, вместить в себя и культуру, и знания, и высокий характер, "таланты и поклонников" – но возвышая *личность*, я унижаю тех, кто *был обделен, хотя и старался* – а их большинство, многие из них даже лучше тех, кто нас превосходит почти во всем. Стремление к первенству что-то в себе содержит и неблагое, мы приучаемся ценить только красавиц и героев, праведников и гениев, и пренебрегаем теми, о ком заботится дитя, подбирающее неловкого птенца, упавшего из гнезда, и теми, о ком Христос воскликнул: *Блаженны нищие духом!*

Возможно, более соответствует смыслу жизни стремление просто *стать хорошим человеком* – но разве не сказал Пушкин, что он будет любезен народу и тем, что *милость к падшим призывал* – так лишит ли и *падших* смысла жизни?

И все же бессмысленна жизнь злодеев, лентяев, живущих для себя только, живущих только для наслаждения или только для хлеба... *Не хлебом единым жив человек*, и не одним трудом, но и *не только творчеством*... Смысл жизни в любви и в заботе о том, что близко и дорого, в неустанном размышлении, в соединении Земли и Неба. Будь добр и полезен людям и не забывая про Бога – вот и все. Лучше я не скажу...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
СПОР С ТОЛСТЫМ И ЕГО ОПРАВДАНИЕ

1. Дополнение к предыдущей главе

*2 августа*2014, 10-16. Я в деревне. На улице дождь.

В центре поэзии *откровение*. И *тайна*. Или хотя бы загадочность.

Но таковы и отношения полов. Два человека привлекаются друг к другу, переживая ощущение тайны, словно они из разных миров, и встречаются только в краткие мгновения.

Но в мужчине присутствует и преобладает еще одно – откровение, которое есть и в женщине, только в ней оно скрыто и растворено – в обещании блаженства, в намеках, в недосказанности.

Правда, есть в них и самое естественное: мужественность в одном, женственность в другом, только духовное притяжение основано на *откровении* и *тайне*, а притяжение, следующее именно из пола, вторично.

Вероятно, женщина ко мне привлекалась прежде по ощущению откровения, поэтому при продолжении знакомства она иногда начинала испытывать смутную неудовлетворенность, пол во мне был не так проявлен, как дух. Именно поэтому мне легко с женщиной дружить, когда мы не ждем друг от друга известной близости, но тайна и откровение нас по-прежнему соединяют, разделяя.

Итак, в женщине я ищу и ожидаю почти то же, что в Поэзии, вот почему я к ней так привязан.

*3 августа*2014, 17-43. Моя мама книг не писала, и другие мои родственники – превосхожу ли я их?

Нет, я не умнее, не глубже, не лучшею. Существовала великая крестьянская культура, в детстве мы слушали сказки, которые нам рассказывали бабушки и дедушки – хуже ли тех, что потом прочитали мы в книгах? Нет. И драмы, которые разыгрывались на деревенских улицах и за бревенчатыми стенами, не меньше тех, что во дворцах. И песни под гармошку и под балалайку. И крестьянские вышивки, резьба по дереву, сама работа – загляденье! (А Толстой все напал на красоту!)

Жизнь крестьянина совершеннее моей, хотя я тоже живу довольно таки в гармонии – бес государства за мною гоняется и лупит и норовит совсем погубить, бес в ребре не дает покоя при виде красоток, бес зависти заставляет приговаривать после третьей рюмки "Так выпьем за то, чтобы я разбогател (чтоб книги мои вдруг начали покупать)", демон честолюбия наполняет сны мечтами о власти и славе, но Ангел у левого плеча велит трудиться, ангел напротив слушает мои писания и не морщится, друзья еще наливают, музы приходят и нашептывают, начали приходиться даже волхвы... Но крестьянин исполнен благодати: он родил большую семью, пропитал ее, поставил детей на ноги, отделил сыновей и выдал замуж дочерей, он как удельный князь в своем доме. И я понимаю свое несовершенство, и мучился им Толстой. Да

еще мучило его чувство несправедливости, заложенной в его жизни: крестьянин прокормил всех, а он, барин, валял дурака, созидал то, что нужно только малому кругу людей, жил в роскоши и неге и признании, всеми холимый и почитаемый.

Вот почему он одевал простую рубаху и шел косить.

А я кошу, потому что иначе огород травой зарастет (хотя и чувствую радость от косьбы), поля глядки, потому что сорняки забьют овощи (и никакой радости, ползая на коленках, не испытываю), строю сарай, потому что и дрова, и инструмент и многое другое всякое надо в нем хранить (но и строительство приносит мне и огорчение и радость).

Мне не надо каяться в том, что я жил за чужой счет – но и моя жизнь *несправедлива*. Школьницы и студентки меня любили, дети и теперь любят, стихи мои ценят даже те, кто сам пишет прекрасные стихи (как Н. Е.), меня как меня, хотя и "самовлюбленного эгоцентриста", не отталкивают даже праведницы (как Н. Т.), мне пишут письма еще и Д. и Е., умеющие писать и превосходные романы, со мною и друзья не прочь выпить и поговорить, красавица на Невском семь минут мне внимала (правда, она еще ожидала автобуса) – заслужил ли я все сие?

Мне дано многое, правду говорили учительницы в детстве, но многое и спросится, и я понимаю, что *получаю милость почти даром*.

Но продолжу читать Толстого, надеясь его оправдать (как оправдываю бессознательно и самого себя).

2. Критерии истины. Простота и сложность

«...нельзя говорить, что большинство людей не имеет вкуса для оценки высших произведений искусства. Большинство всегда понимало и понимает то, что и мы считаем самым высоким искусством: художественно простые повествования Библии, притчи Евангелия, народную легенду, сказку, народную песню все понимают. Почему же большинство вдруг лишилось способности понимать высокое в нашем искусстве?»

Странные утверждения, которым возразить трудно не потому, что они отчасти верны, а потому что они даже отчасти не верны.

Если бы речь шла о математике, то никто бы всерьез не стал утверждать, что она понятна всем, и что дифференциальное исчисление даже понятнее арифметики, по крайней мере с этим бы не согласились ни первоклассники, ни первокурсники.

Понятны ли большинству повествования Библии, если большинство с ними не было знакомо ни в девятнадцатом столетии (спросите у Лескова, сколько экземпляров Библии было в Пензе в 1850-м году), ни в двадцатом столетии тем более? То же самое почти справедливо и в отношении Нового Завета, образованный человек моего поколения искренне считал, что десять Заповедей Моисея – это и есть христианство.

Самое грустное относится к русской песне, я не слышу ее ни на улице, ни в электричке, ни в театре, ни в телевизоре уже почти пятьдесят лет. Даже в моей юности городские жители с нею не были знакомы, только те, кто родился в деревне и детство провел в хлеву. Остальные пели и слушали

американских спиричуэлов, английских Битлов, Бони Эм, Аббу, пели на английском, на французском, на норвежском, но только не на русском. Так было во времена моей студенческой юности, но сегодня еще хуже, русскую песню почти никто уже не поет и не слушает.

Современный слушатель не слушает и не знает Вари Паниной, Плевицкой, Руслановой, Лемешева, Козина, Лещенко – когда-то знаменитых исполнителей песен и романсов – но даже великого Шаляпина и его исполнение русских народных песен сегодня уже знают немногие.

Во времена Толстого песни пели и слушали, даже мое еще детство, через пятьдесят лет после Толстого, растворено в народной песне, русской и малороссийской – но неправ Толстой в главном, в той упрямой тенденции, с которой он разделяет искусство на высокое народное (и при этом, как ему кажется само собой разумеющимся, *простое*) и на низкое, не народное, искусство богатых, избалованных и пресыщенных (и поэтому сложное и вычурное). В его время, к счастью, не попирали философов, художников, поэтов и композиторов ссылкой на народ, народный царь (как, к примеру, Хрущев) не приговаривал художника к молчанию, утверждая, что «*народу это непонятно*», но так ли уж понятно народу все то, что предлагает ему культура? Если говорить о культуре в широком смысле этого слова, то большинству читателей не понятны астрономия, дифференциальное и интегральное исчисление (а, значит, и толстовский *дифференциал и интеграл истории*), Кант и Гегель, большинство еще при жизни Пушкина предпочло ему Булгарина (его «Выжигин», над которым издевался Пушкин, пользовался значительным успехом), и по оценке покупательского спроса Пушкин оказался на четырнадцатом месте, уступив пальму первенства Бенедиктову; да и сегодня большинство не скажет о Пушкине, что он *прост и понятен*.

Культура НЕ служит и не прислуживает. Хотя она и зависит от симпатий читателей, зрителей, слушателей, хотя она нуждается в деньгах и спросе, чтобы существовать, прибегает для этого даже к рекламе, скандалу, гротеску – но она элитарна, аристократична, даже если наряжается в зипун и армяк. Она стремится ввысь, к все большему отрыву и разладу с народом, даже если народна в высшем смысле этого слова, даже если выражает смысл существования народа, его идеалы и мечты. Она одухотворяется, вдохновляется, притягивается, намагничивается, исполняется магии не снизу, а сверху, поэтому, изображая земное, стремится к небесному, обнимая Бытие, дышит Инобытием. Культура – дело не только человека, но и Бога. И Толстой это всегда знал и чувствовал, и сам был делателем именно такой культуры, но вот устремился к оправданию простоты – почему? Может быть, мы это узнаем. Но понятны ли большинству его статьи об искусстве, интересны ли? НЕ большинство читает даже и Войну и Мир Толстого, большинство увлечено более примитивными романами (более *простыми*), и не так то уж и понятен Толстой рядовому читателю. Народен ли он? Вероятно, Шолохов народнее, и в отношении простоты, и по тому, какие слои населения он изображает. Какое место занимает Толстой в читательских симпатиях? Боюсь, что не первое (как и Достоевский, и Пушкин, и Лермонтов).

Вот так же, увы, и мой спор с Толстым не привлечет многих читателей и не покажется интересным даже тем, кто ко мне относится с симпатией. Мне интересно разговаривать и спорить с Толстым, третьему, прислушивающемуся к нашему спору, будет довольно скучно (если только не разбавим мы скуку рюмкой-другой).

Понимало ли большинство – даже хотя бы многие! – Ветхий и Новый Заветы? Нет! Даже немногие не понимали их.

То же самое и с Мифом нового времени, идеей социализма, выражена ли она в Капитале Маркса, в Коммунистическом манифесте, в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленина.

«Много званых, но мало избранных!» – как сказал по этому поводу Иисус Христос.

Был ли Он сам понятен, стремящийся говорить притчами? Во всяком случае, тот народ, который Он пришел спасти (так Он сам говорил), его отверг и предал на распятие. Не понял и отверг или понял, но отверг, теперь мы это уже не узнаем, как трудно понять достоверно и то, почему вдруг отверг его русский народ, разрушивший почти все христианские храмы и предавший распятию их служителей.

Но христианство отвергнуто просвещенной Европой. От Коперника до Вольтера, от Мольера до Гюго, от Канта до Ницше, а "далее почти везде" происходит отход культуры и интеллигенции и затем и народа от Мифа к Действительной жизни, от Инобытия к Бытию.

И Достоевский и сам Толстой уже не христиане, как не был христианином Пушкин. Хотя, правда, о всех нас можно сказать, что две тысячи лет европейской жизни не прошли для нас бесследно, это не только наша прошлая жизнь, но во многом еще и настоящая. Только, к счастью или нет, уже не будущая. Европейская культура пронизана христианскими мотивами, но так воспоминания о прошлых увлечениях пронизывают мои слова и чувства, когда другой расточаю я комплименты.

Впрочем, кто из нас христианин, часто бывает неясно. Жанну Д*Арк сожгли, Галилей с трудом от костра спасся, Аввакум окончил жизнь на костре (уж он ли не был христианином?!), его противник Никон окончил жизнь в ссылке в Кирилло-Белозерском монастыре в узкой келье, христианские философы Бердяев, Булгаков, Флоренский церковью не признаны и труды их не рекомендованы верующим, сам Толстой отлучен от церкви (не вняла церковь даже тому, что Толстой искусству придал только роль служанки Мифа), Розанова посадили в тюрьму за его «Людей лунного света»... Может быть, истинный христианин – последний патриарх, забывший, что богатый не вникнет в царствие Божие и что надо возлюбить врагов своих прежде даже ближних своих?

Ну, католические папы были, пожалуй, еще грешнее...

Христианин ли тот православный, который сожжет мои книги? Я не знаю даже того, не больший ли я христианин, чем он.

Заканчивая с *простотой* (в которой не уличу я Толстого), упомяну, чтобы читатель их не забыл, Велемира Хлебникова, Андрея Платонова, Марину Цветаеву, Даниила Андреева, Скрябина и Шостаковича...

3. Критерии истины. Понятность и непонятность

«То же *происходит* и в драме. Представляется то архитектор, который почему-то не исполнил своих прежних высоких замыслов и вследствие этого лезет на крышу построенного им дома и оттуда летит торчмя головой вниз...»

«*Происходит*», по мнению Толстого, в *декадентском искусстве* (к которому он относил «все молодое искусство нашего времени», нечто *нелепое*. Но я цитирую этот абзац не для возражения, а потому что долго над ним смеялся. Замечательно словечко «почему-то» сразу же снижает «драму» этого архитектора, и уж совсем его добивает Толстой полетом «торчмя головой вниз». Не знаю, о какой драме речь, но мне даже жаль стало, что я Льву Николаевичу возражаю, надо бы с ним соглашаться и тогда, когда он не прав – или когда мне это кажется. Так ведь и с красивыми женщинами – разве они бывают не правы?! Нет, красивая женщина всегда права, особенно когда она обличает, я недавно имел счастье попасть под молнии такой женщины, и был счастлив в высочайшей степени. Неужели я доживу и до такого времени, что молний в меня уже не будут метать? Но читаем дальше.

«Люди первой половины нашего века – ценители Гете, Шиллера, Мюссе, Гюго, Диккенса, Бетховена, Шопена, Рафаэля, Винчи, Микеланджело, Делароша, ничего не понимая в этом новейшем искусстве, часто прямо причисляют произведения этого искусства к безвкусному безумию и хотят игнорировать его. Но такое отношение к новому искусству совершенно неосновательно, потому что, во-первых, это искусство все более и более распространяется и уже завоевало себе твердое место в обществе, – такое же, какое завоевал себе романтизм в 30-х годах; во-вторых, и главное, потому, что если можно судить так о произведениях позднейшего, так называемого декадентского, искусства только потому, что мы их не понимаем, то ведь есть огромное количество людей – весь рабочий народ, да и многие из нерабочего народа, – которые точно так же не понимают те произведения искусства, которые мы считаем прекрасными: стихи наших любимых художников: Гете, Шиллера, Гюго, романы Диккенса, музыку Бетховена, Шопена, картины Рафаэля, Микеланджело, Винчи и др.

Если я имею право думать, что большие массы народа не понимают и не любят того, что я признаю несомненно хорошим, потому что они не развились достаточно, то я не имею права отрицать и того, что я могу не понимать и не любить новых произведений искусств потому только, что я недостаточно развит, чтобы понимать их. Если же я имею право сказать, что я не понимаю с большинством единомышленных со мною людей произведений нового искусства потому только, что там нечего понимать и что это дурное искусство, то точно с тем правом может еще большее большинство, вся рабочая масса, не понимающая того, что я считаю прекрасным искусством, сказать, что то, что я считаю хорошим искусством, есть дурное искусство и что там нечего понимать.»

Что тут возразишь?

Многое, что не понятно большинству и ему не нравится, мне понятно и мне нравится... И не находишь ничего умнее латинской формулы: *Каждому свое!* – но ищешь почему-то более общего утверждения... Найду ли?

4. Противоположность Добра и Красоты

«Ученые люди пишут длинные туманные трактаты о красоте, как одном из членов эстетической троицы: *красоты, истины и добра*.

... [Но] стоит только отрешиться на время от привычки считать эту троицу столь же истинной, как и троицу религиозную, и спросить себя о том, что мы все всегда разумеем под тремя словами, составляющими эту троицу, чтобы несомненно убедиться в совершенной фантастичности соединения этих трех совершенно различных и, главное, несоизмеримых по значению слов и понятий в одно.

Добро, красота и истина ставятся на одну высоту, и все эти три понятия признаются основными и метафизическими. Между тем в действительности нет ничего подобного.

Добро есть вечная, высшая цель нашей жизни. Как бы мы ни понимали добро, жизнь наша есть не что иное, как стремление к добру, то есть к богу.

... Добро есть то, что никем не может быть определено, но что определяет все остальное.

Красота же, если мы не довольствуемся словами, а говорим о том, что понимаем, – красота есть не что иное, как то, что нам нравится.

Понятие красоты не только не совпадает с добром, но скорее противоположно ему, так как добро большей частью совпадает с победой над пристрастиями, красота же есть основание всех наших пристрастий.

Чем больше мы отдаемся красоте, тем больше мы удаляемся от добра. ...

Что же касается до истины, то еще менее можно приписать этому члену воображаемой троицы не только единство с добром или красотой, но даже какое-либо самостоятельное существование.

Истиной мы называем только соответствие выражения или определения предмета с его сущностью, или со всеобщим, всех людей, пониманием предмета. Что же общего между понятиями красоты и истины, с одной стороны, и добра – с другой?»

Вслед за *путаной* эстетикой девятнадцатого века (словно бы Миф логически безупречен, как математическая теорема, а не столь же путан, если не более) и я предпочитаю Троицу Истины, Добра и Красоты вместо религиозной Троицы, хотя и не отождествляю указанную Троицу с полнотой Бытия. К ней я добавляю Труд, с его главным результатом Пользы, и Познание, с его главным результатом Истины. И что **Труд** и **Познание** необходимо должны присутствовать и в Мифе, претендующем на преодоление рациональной ограниченности *земного, только земного*, и в философском учении, претендующем на преодоление иррациональной ограниченности *небесного, только небесного*, мне несомненно. Несомненно это и всякому *дейтельному человеку*, стремящемуся к достижению всего того, без чего невозможно говорить об осмысленной жизни – поэту, ученому, влюбленному, матери семейства, учителю и школьнику, воину и крестьянину – всякому, кто живет за счет своего труда и познания мира и жизни, кроме отшельников, живущих во гробе, политиков, рантье и разбойников.

Таким образом, у меня оказывается вместо Троицы Пятерѳца, несмотря на запрет *умножать сущности*. И нарушается гармония, связывающая логику, этику и эстетику, так как если в логике основание Истины, в этике – Добра, в эстетике – Красоты, то разве и не в познании также основание Истины? Толстой отождествляет истину с свойством верности или неверности, правды и заблуждения (или лжи, обмана), но пользуясь его определением Добра (которое, конечно, не является ни определением, ни описанием, ни образом ни метафорой: «Добро есть то, что никем не может быть определено, но что определяет все остальное», еще справедливее это можно было бы сказать об истине: *«Истина есть то, что никем не может быть определено, но что определяет все остальное»*). Истина – это метафизическая сущность, выражением которой является Логика, Добро есть тоже метафизическая сущность, выражением которой является Нравственность, и без логической, как и нравственной связности и обусловленности мира он превращается в Хаос. Или же *«добром мы назовем только соответствие поступка и воли человека со всеобщим, всех людей, представлением о том, что является должным»*? Множество людей отрицают абсолютность добра, не условность и не относительность его, полагая, что добро есть только результат соглашения людей о том, как лучше поступать для всеобщей (или наибольшей) пользы.

Так же как основания математики, то есть **аксиомы**, не выводимы из каких либо других более исходных праАксиом и их истинность не доказуема, то и основания Бытия есть не что иное как особые аксиомы, **категории сознания**, они не выводимы и не доказуемы, в лучшем случае они *обоснованы*, то есть пояснены рассуждениями и примерами и связями с мифом и культурой и всей разнообразной жизнью. Маркс говорит, что "критерием истины является практика", но само понятие "практики" не менее метафизично – что это такое: труд, познание или вся жизнь? Но вот прошло уже две тысячи лет жизни с христианской "истиной", а мы все еще спорим, истина это или нет, и Толстой доспорился до того, что Истины и вовсе нет, хотя Пилат спрашивал, что есть Истина, а Христос сказал (по другому, правда, поводу): *«Азъ есмь Истина и Путь!»*, то есть поставил Истину во главу всего.

Не скажу, что я сам не путаник, разделяя Логос как Закон, лежащий в основании мира и бытия, и как особенную форму взаимосвязи явлений и сущностей – и познание, Гнозис, как понимание, дополнение сущего Волей человека, как творение наряду с объективным миром еще и второго мира, субъективного (параллельно миру *вещей в себе* еще и мир *вещей для нас*), но я пренебрегаю своей путаницей (я не философ, а всего лишь пристрастный читатель), ибо меня волнуют и заботят не ошибки Толстого в его рассуждениях, а отношение христианства к культуре и отношение к культуре типичного христианина, каковым предстает для меня Толстой. Мир для христианина разделяется на Добро и Зло, источником Зла является страсть, возбуждаемая Красотой, источником Добра является *бесстрастие* и отрицание красоты, так как «добро большую часть совпадает с победой над пристрастиями, красота же есть основание всех наших пристрастий».

«Добро есть вечная, высшая цель нашей жизни. Как бы мы ни понимали добро, жизнь наша есть не что иное, как стремление к добру, то есть к богу» – говорит Толстой.

Толстой – типичный христианин, его позднее отрицание культуры, в частности искусства и красоты, утилитарное принятие культуры только как служанки религии и церкви характерно для тех фанатичных христиан, которые ничего кроме христианства не хотели бы принимать в мире, они становятся даже иконоборцами, потом беспоповцами, а потом отрицают и необходимость церкви (но ведь Толстой и вступил в конфликт с церковью, и она его отвергла).

Только КУЛЬТ, но не культура, ничего, кроме культа, и культура в подножии культа – и то со вздохом.

По Толстому выходит, что христианство – это учение о нравственности, о добре и зле, о смысле жизни как о стремлении к добру, что Бог – это источник добра, давший человечеству, в частности, и правила (заповеди) добра, а Христос – учитель нравственности.

Но это совершенно не так.

Христианство – это учение о **спасении души** (которое является не только метафизическим понятием, но *трансцендентно*, оно есть альфа и омега, центр и периферия, сущность и форма всего христианства). *В чем же состоит спасение души, в добрых делах? Отнюдь! В вере в Бога.* (Об этом уже я толкал воду в ступе «Записок на пальме», об этом вся распря апостола Павла с Петром и Иоанном, вся распря лютеранства с католичеством). (А любовь к ближнему тоже только в любви к Богу, напоминаю вдогонку).

У эллинов была этика, понятие о добродетели было в центре ее. Но гомеровский Миф внеэтичен, нравственные понятия в ней еще во младенчестве, сущность ее в верности, доблести, мужестве, бесстрашии, духе исканий, в поклонении красоте и силе и многом другом в этом роде.

Есть ли этика в Библии, в особенности в Новом Завете?

Призывает ли Новый Завет человека стать добрым, утверждает ли он добро как цель жизни?

Нет. Цель жизни христианина в смерти.

Пришел ли Христос спасти человека? Нет, только *малый остаток*.

Религиозный миф не только над Добром и Злом, но он по сути своей жесток. Христос пришел разделить человека с близкими его (ибо враги человека близкие его), а дальше... не хочу и повторять, читайте сами.

Читайте и историю последнего столетия, сформированного двумя социалистическими учениями – вы не находите там молодую энергию беспощадной жестокости к врагам, которая сопровождала и христианство? Прекраснодушных слов много и там, но в делах жестокости больше. Призывали ли Маркс, Ленин, Сталин и Гитлер стать добрыми, образованными и культурными? Нет, достаточно было веры в Бога – то есть преданности партии, все остальное было ничтожно.

Разве Маяковский не христианин, когда он пишет: «Но он слышал, что говорил Ленин, и он знал ВСЁ!» В этом и есть суть христианства. «Блаженны нищие духом!» «Источником Зла является страсть, возбуждаемая Красотой».

5. Дойду ли до края запутанной нити?

Христианское и социалистическое учения и пренебрегают нравственностью, и жестоки. Почему же человечество не только не пало, но разные люди черпают в этих учениях живую воду, словно из источника нравственности?

В христианстве нет труда и познания, но христиане трудолюбивы (даже многие и монахи, особенно православные), и тем более староверы.

Христианство призывает готовиться к смерти и жить аки во гробе, а священники плодovitы.

Христос сказал о богатых, что им труднее войти в царствие Божие, чем... но и храмы украшены золотом, и иерархи церковные словно ведут за собою *золотого тельца* – или они на нем въезжают в обещанное им царство?

Но, правда, еще о женской любви было сказано, что *не по хорошу мил а по милу хорош*, и чуть ли не всё в нашей непостижимой жизни точно так.

Я вот издал факсимильно, то есть в цвете, самую ценную русскую Летопись, теперь ее копии есть во всех крупных библиотеках страны, и у многих ученых, и у многих иерархов и правителей (а я и сам им дарил), зато вот уже третий месяц не получаю ни копейки ни пенсии, ни за работу в Университете, в четверг еду в деревню, осталось семьсот рублей. (А это всё последствия злополучного Издания, ибо дело в том, что государство подписывало со мною договор о его покупке, а потом отказалось от него, просто так, без объяснения причин, даже к вящей невыгоде для себя, так как предполагалось, что на Летопись много будет выменивать ценные книги из западных библиотек, а теперь это дьявольское государство тратит на них ваши деньги, читатель!)

Но государство меня еще не приковало к *стене плача*, оно и в семидесятом году вцепилось в меня зубами, а потом вдруг как-то даже забыло про меня, и я все еще жив. И даже любили меня и тогда и потом красивые женщины, и даже следовательница со мной целовалась.

И я думаю, что что-то еще случится непостижимое, и если это дьявол надо мною смеется, вдруг да очнется Бог и поможет мне, а если это Бог Испытывает меня как Иова, то кто-то из праведников замолвит за меня словечко в Инобытии, по крайней мере, чтобы я смог дописать эту книгу.

Что мои приключения в прошлом году на операционном столе окончились для меня так снисходительно, не случайно, это потому, что мне дана отсрочка приговора, и девочки из хирургического отделения говорят, что приговор откладывается хотя бы на 27 лет.

Разве государство сильнее, чем Чудо, чем Истина, Добро и Красота? Чем Труд и Познание? Чем женская любовь?! *Или, все же, оно меня доканает?*

Но продолжу "диалектические рассуждения".

Важнейшей целью Труда является Польза (хотя и восставал против нее Пушкин). Но разве не содержится в Труде и истина, добро и красота, и тем более познание? Не содержится ли в труде и удовольствие, даже и наслаждение? И добро? И Истина не может ли не быть гармоничной, следовательно, и прекрасной? Да, любить ради удовольствия и писать (не печатать) стихи ради денег – это пошлость, но *всё есть во всём*, и наслаждение сопровождает не только труд, но и красоту, и добро и истину, и я надеюсь, что и мое искусство не совершенно бесполезно.

6. Красота как мера вещей

В основании Бытия и мира нечто единое, Бог, материя, дух, гармония, хаос, огонь или вода, неизъяснимая Троица, воля, творческое Я. Или мир и вовсе бесоснователен, а кому как нравится, и спор наш не плодотворен?

В этом-то все и дело. Вот в основании математики ряд аксиом, и хотя спорили математики по поводу постулата Евклида о параллельных прямых, но теперь дополнили евклидову геометрию неевклидовой, и споры уже не нужны. И никто не ищет нового определения прямой и точки, количества, понятий аксиомы и теоремы и натурального ряда, и хотя я и ввожу о нем словно бы новое определение, говоря, что *натуральное число есть мера дискретного множества или «мера счетности»*, но понятие от этого не становится проще и не перестает опираться на интуицию.

В основании понимания мира и объяснения его так же ряд аксиом, но, увы, договориться о сем невозможно. Сама эта невозможность всеобщего договора непостижима, и она, быть может, тоже входит в основания мира, утверждая его иррациональность, не сводимость к одному только разуму. А возможно даже, что мир и вовсе непостижим, даже и с помощью интуиции и прозрения, а потому *трансцендентен*, и хотя о нем можно мыслить умно или глупо, глубоко или поверхностно, можно о многом соглашаться или продолжать спорить, но нужна еще добрая воля к взаимопониманию, творческая интуиция, глубокий ум, тонкое чувство, культура и вдохновение. И хотя у большинства этого нет, наивно Толстой преувеличивает возможности среднего человека, даже из образованного сословия, но все это есть у Толстого, и можно надеяться, что мы с ним придем к согласию. Правда, не до конца. Никогда не преодолеть пропасть, разделяющую мужчину и женщину, в мужчине воля к соблазнению (к разрушению и хаосу, к насилию, власти, преобладанию), в женщине воля к умножению того что есть, к статике и гармонии, воля к подчинению и *воля к грехопадению*, уравновешиваемая волей к сохранению целомудрия.

Вероятно, мужчина не совершает греха, совращая мир, но он берет за него ответственность. Его историческая безответственность, его сегодняшнее безволие и рабление, забвение прошлого и будущего и жизнь для собственного благополучия – грех гораздо больший, чем потеря невинности Евой...

Но мы снова вступили на попрание философии мира, которая неполна без Мифа, нуждается в мифе, интуиции, прозрении и культуре для своего понимания, ибо и мир, повторю, не сотворен только в границах разума. Он и разумен и сверхразумен и одухотворен, постижим и непостижим, мужественен и женствен, порочен и непорочен.

Толстовскую критику определений красоты я принимаю, ибо красота как натуральный ряд, его надо принимать как часть собственного Я и часть мира. Можно и не принимать, как иные не слышат музыки, иные и вовсе не слышат, иные не способны к любви. (Потому-то я осуждение умеряю жалостью).

Отчасти представление о красоте мы получаем из представления о хаосе и гармонии. Натуральный ряд гармоничен, как и ряд нечетных чисел, как и нотный ряд. Гармоничен ли *ряд простых чисел*? Думаю, что нет, но доказать это мы, вероятно, не сможем.

Помимо статичной гармонии (например, в зодчестве, ваянии и живописи) существует динамическая гармония. Эклиптика и движение планет вокруг солнца ее образец. Неожиданное изменение того что есть – образец хаоса.

Но в балете и хаос входит в динамику гармонии, соразмерность и неизменность, неизменная соразмерность – не абсолютно необходимые составляющие гармонии и красоты, об этом есть и у Толстого, когда он говорит о неправильности в лице, оживляющем его (как ямочки на щеках), о дуновении любви и вдохновения, освещающем и меняющем и лицо человека и даже его осанку и походку.

Что Красота (как и Истина и Добро) существует, доказать невозможно, как и то, что существует Бог. Восприятие красоты индивидуально, зависит от вкуса – но в том, что ближе к телесным способностям человека, несмотря на разницу вкуса, мы соглашаемся без споров, никто не станет отрицать, что существуют приятные запахи и неприятные, и значит в самой организации человека есть источник разделения и противопоставления. В организации человеческой души так же существуют источники, позволяющие противопоставлять, отличать верное от неверного, благо от зла. Как бы мы ни ухищрялись эту сущностную способность отличения умалить мелкими словами, сущность сущности от того не иссякнет, и когда мы говорим, что красоты нет, а есть только «кому что нравится», это то же самое, что сказать, что истины нет, а только свойство утверждений быть согласными с порядком вещей (или с чем там еще) или несогласными. Тяготения нет, а только способность (или умение) предметов лететь «торчмя головой вниз». Но все сие не значит, что Толстой плохо мыслит или делает логические ошибки. Миф как образ инобытия он не принимает или не видит, не ощущает, он только принимает «юридический набор правил общежития» (перечти, читатель, Розанова об отличии иудейского учения о добре как (юридическом) ПРАВЕ, законе от христианского учения о добре как благодати). Религиозное, сакральное, инобытийное Толстой не ощущает, в его образе мира этого нет (ВНЕ-религиозность Толстого, его принадлежность всецело только природному и разумному миру отмечены Мережковским и Вернадским). Нет у Толстого иррационального, метафизического, трансцендентного. Как и у большинства, вероятно. Пока гром не грянет. Но когда гром гремит, то и Толстой уходит из Ясной Поляны, и благонамеренный гражданин... (об этом читай у Достоевского или посмотри на окружающую жизнь, читатель).

Троица Истины, Красоты и Добра является совокупной, синкретичной МЕРОЙ ВЕЩЕЙ, но эта Троица и в человеке и в Боге (но они, не забывайте, подобны). И все же эта Троица не полна, к ней необходимо присоединяются Труд и Познание. Выделять ли еще Волю к Творчеству и Духовному возвышению, я не знаю, возможно, мера мира заключена в Седмце.

Но я не философ, я только Редактор, пристрастно читающий Толстого (как и других), и моя пристрастность не означает, что я ставлю себя выше тех, с кем спорю, что я дерзаю их исправлять по существу. Нет, только отчищаю ткань художественного произведения от случайных, не необходимых нашлапок. Но главная моя дерзость состоит в том, что я живу надеждой на то, чтобы принять участие в редактировании мира. Или редактировать его самому.

Почему Толстой отождествил образ Добра с христианским мифом в целом, почему полную меру вещей он сузил только до представления о добре, а представление о добре сузил только до юридической формулы о том, как должно жить человеку, исключая благодать, страсть, любовь, соблазн, красоту и культуру в целом, исключая живую жизнь и пытаясь поставить на ее место «жизнь во гробе»? Христос понятен, он и думал, что история уже закончилась, конец мира «при дверех», зачем же еще кричать от греховной страсти и рожать детей? Но разве Толстой думал, что наступает уже конец света, как многие сектанты (впрочем, разве он не был и сам сектантом)?

Бытие хотя и разделено на субъективное и объективное, и истина, красота и добро – это "мера мира", наш способ понимания и оценки объективного, но и человек – часть мира и природы, и не противостоит природе так, что у субъективного свои законы и способы представления, а объективное имеет основания, не известные нам и, возможно, принципиально иные. Мир и разделен и един, троица Истины, Красоты и Добра – и метафизические Сущности, основания Бытия в целом, и способ понимания и оценки его.

Можно, конечно, верить и в то, что мир сам по себе, а у человека только некий, неизвестно, насколько справедливый, образ этого мира – но после того, как я отчаялся хоть в чем либо убедить читателя, например, в том, что эллинская культура была именно эллинской, а не славянской, и что Рим не построен русскими, и что Чингис и Батый – не русские князья (а во всю эту галиматю верит едва ли не половина образованных современных людей) – после этого я не хочу больше спорить ни с кем и ни о чем.

7. Справедливость, раскаянье и душевный разлад

И все же и Толстой догадывается, что не все всё знают и понимают, и разделяет культуру на части, выделяя из нее искусство, которое, по его мнению, «тем-то и отличается от рассудочной деятельности, требующей приготовления и известной последовательности знаний (так что нельзя учить тригонометрии человека, не знающего геометрии), что искусство действует на людей независимо от их степени развития и образования, что прелесть картины, звуков, образов заражает всякого человека, на какой бы он ни находился степени развития.»

«Дело искусства состоит именно в том, чтобы делать понятным и доступным то, что могло быть непонятно и недоступно в виде рассуждений.»

«если искусство есть передача чувств, вытекающих из религиозного сознания людей, то как же может быть непонятно чувство, основанное на религии, то есть на отношении человека к богу? Такое искусство должно быть и действительно было всегда всем понятно, потому что *отношение всякого человека к богу одно и то же.*»

«Говорят: произведения искусства не нравятся народу, потому что он не способен понимать его. Но если произведение искусства имеет целью заражение людей тем чувством, которое испытал художник, то как же говорить о непонимании?»

У Толстого своеобразное представление о связи художника, искусства и

народа, он представляет дело так, что художник переживает некое чувство и сообщает его читателю, зрителю, слушателю, и если передает его полно и искренно, то и слушатель переживает то же самое. Сознание при этом редуцируется до чувства и впечатления, словно бы не надо ни размышлять, слушая, положим, Бетховена, ни знать хоть немного историю, слушая «Бориса Годунова» Мусоргского.

С моей мамой, крестьянкой, я прошел по залам Русского музея, она устала и начала скучать, затем мы зашли в Этнографический музей, и она оживилась, глядя на муляжи предметов, птиц, зверей и людей.

«Вот здесь все гораздо лучше, всё как на самом деле!» – воскликнула она.

Иногда кажется, что именно с такою меркою подходит к искусству Толстой.

Но все же не это определяет его однобокость, его словно бы примитивное отношение к культуре и к искусству в частности.

Ко времени его последнего романа «Воскресение» началась у Толстого переоценка ценностей.

Правильно ли я жил, справедливо ли? – задал он себе главный итоговый вопрос.

В молодости он волочился за женщинами (а кто из нас без греха, пусть первый бросит в него камень!), играл в карты, проиграл имение, жил за счет крестьянского труда. Хорошо ли, что я родился графом и мне все даром дано, и богатство, и воспитание, и образование и культура?

В «прелюбодеяниях» он покаялся, и от духовных преимуществ удалось отказаться ему так же легко, он попытался опроститься, начал пахать и косить (понарошку), продолжая жить так же богато, как раньше.

Но раздать ли имущество?

Ему показалось, что он уже стал христианином, отрекаясь от плоти и женщины, затем ему показалось, что он встал и на точку зрения мужика, отрекаясь от культуры. Оставалось отречься от богатства.

Толстой ушел из Ясной Поляны.

Вся трагическая коллизия Истины и Справедливости, Красоты (для немногих, как ему показалось) и духовной нищеты для большинства разрешилась в душе его великим отступничеством: Истина и Красота и не существуют и несправедливы. Жить надо только по справедливости, и потому надо закрыть Театр и Музей, Филармонию и Библиотеку... Большевики закончили его мысль, они упразднили аристократов, священников и дворян, отняли у них все, бросили под ноги нищим иконы и бриллианты... Только стало все хуже, пропасть между культурой и народом не уменьшилась, крестьянство, прежде имеющее собственную культуру, пополнило ряды городской черни.

Толстой требовал от искусства служения: если не Богу, то религии, если не религии, то народу.

Но Пушкин думал иначе об участии и предназначении поэта:

«Ты царь: живи один. Дорогою свободной / Иди, куда влечет тебя свободный ум, / Усовершенствуя плоды любимых дум, / Не требуя наград за подвиг благородный. / Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
ИСКУССТВО И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

1. Чем жив человек?

7 августа 2014, четверг, 7-30. Еду в деревню до субботы. Уныние меня наполняет со вчерашнего дня.

Днем я впрягаюсь в ленивый воз,
И от утра до глубокой ночи
Всматриваюсь в быта слепые очи,
Разделяя шипы с лепестками роз.
Ночью ожидаю прихода муз,
Волхвов и наперсниц снов нескромных,
Признаний тайных и взглядов томных,
И ослабления телесных уз.
Но грусть и уныние влекут вниз
И кажется жизнь пустой и бесплодной,
То беспричинной, то слишком свободной...
Словно она нам не дар, а каприз,
Словно она для проныр, для пролаз.
Тщетно меняю перо на лопату,
Не получаю и малую плату,
Всюду за мною всевидящий глаз.
Но не останемся, верю, без
Слабой надежды, беспечной и робкой,
Что подойдем незаметной тропкой
Темным движениям наперерез...

«Осуждать новое искусство за то, что я, человек воспитания первой половины века, не понимаю его, я не имею права и не могу; я могу только сказать, что оно непонятно для меня. Единственное преимущество того искусства, которое я признаю перед декадентским, состоит в том, что это, мною признаваемое, искусство понятно несколько большему числу людей, чем теперешнее.

Из того, что я привык к известному исключительному искусству и понимаю его, а не понимаю более исключительного, я не имею никакого права заключить, что это, мое искусство, и есть самое настоящее, а то, которое я не понимаю, есть не настоящее, а дурное; из этого я могу заключить только то, что искусство, становясь все более и более исключительным, становилось все более и более непонятным для все большего и большего количества людей и в этом своем движении к большей и большей непонятности, на одной из ступеней которой я нахожусь с своим привычным искусством, дошло до того, что оно понимается самым малым числом избранных и что число этих избранных – все уменьшается и уменьшается.

Как только искусство высших классов выделилось из всенародного искусства, так явилось убеждение о том, что искусство может быть искусством и вместе с тем быть непонятно массам. А как только было допущено это положение, так неизбежно надо было допустить, что искусство может быть понятным только для самого малого числа избранных и, наконец, только для двух или одного – лучшего своего друга – самого себя. Так и говорят прямо теперешние художники: «я творю и понимаю себя, а если кто не понимает меня, тем хуже для него». ...

... «Речь, произнесенная по-китайски, может быть прекрасна и оставаться для меня непонятною, если я не знаю по-китайски, но произведение искусства тем и отличается от всякой другой духовной деятельности, что его язык понятен всем, что оно заражает всех без различия. Слезы, смех китайца заразят меня точно так же, как смех, слезы русского, точно так же и живопись, и музыка, и поэтическое произведение, если оно переведено на понятный мне язык. Песня киргиза и японца хотя и слабее, чем самого киргиза и японца, но трогает меня. Так же трогает меня японская живопись и индийская архитектура и арабская сказка. Если меня мало трогает песня японца и роман китайца, то не потому, что я не понимаю этих произведений, а потому, что я знаю и приучен к предметам искусства более высоким, а никак не потому, что это искусство выше меня. Великие предметы искусства только потому и велики, что они доступны и понятны всем.»

... «Говорят: произведения искусства не нравятся народу, потому что он не способен понимать его. Но если *произведение искусства имеет целью заражение людей тем чувством, которое испытал художник*, то как же говорить о непонимании?»

... «Искусство всенародное возникает только тогда, когда какой-либо человек из народа, испытав сильное чувство, имеет потребность передать его людям. *Искусство же богатых классов возникает не потому, что в этом потребность художника, а преимущественно потому, что люди высших классов требуют развлечений, за которые хорошо вознаграждают.*»

Отчасти это так. Но, разумеется, в значительнейшей степени это и не так.

Если встать на дарвиновскую точку зрения, то бездушная материя (возможно, хотя бы с того момента, когда она приобрела нечто жизненное, то есть *способность воспроизведения*), в длинном ряду этих воспроизведений совершенствовалась, но не из-за *способности к совершенствованию*, а в результате действия слепого механизма Отбора, по которому более совершенные (в каком-то смысле... но в каком? По Дарвину оказывается, что *совершенство и живучесть* – одно и то же) оказывались в преимуществе при воспроизведении. И так от амебы мы докатились до человека.

«Ряд волшебных превращений» – свойство не только дарвиновского ряда, но и всякого изменения и развития исторической и культурной жизни, она изменяется, усложняется и совершенствуется.

Происхождение и развитие музыкальных инструментов и форм музыкальных произведений от общенародной Песни до Сонаты и Симфонии вызывало всегда мое изумление, и я надеюсь, что будет написана История

музыки, развития и усложнения ее форм параллельно с развитием и усложнением музыкальных инструментов, и мы увидим, что это в значительной степени развитие НЕ естественное, а сверхъестественное. Толстой допускает, что из Инобытия (или Сверхбытия) является в мир и вочеловечивается Сын Божий, и существует Священная История помимо обыденной, но одновременно он стоит на такой наивной точке зрения, что едет киргиз на лошади по степи и от избытка чувств поет о том, что видит, и его песню слушают сначала суслики в степи, а потом и соседи по юрте, и проникаются его чувствами, и отзываются на них, и только это и есть искусство и его история. Но наивная песня кочевника сама собою в сонату Бетховена превратиться не может даже и через миллион лет, есть НЕЧТО внутри ИСТОРИИ ДУХА, что является источником движения, развития, преобразования, что является источником самой истории Духа. Когда Гегель говорит о саморазвитии Идеи, то хотя это и непонятно, но ясно то, что Гегель ищет причины движения, развития, и представляет Дух как полноту бытия, которое является и бытием и само себя отрицает – иначе бы не наступало изменения, но отрицает не в Небытие, а в другое...

Толстой описывает статическую картину бытия, описывает неподвижность: имеется определенное состояние жизни, Речь, государство, мужики и баре, балалайка и фортепьяно (оставляя в стороне вопрос о том, откуда взялось это фортепьяно и зачем), мужик чувствует, положим, страх при виде начинающей метели, и поет песню, в которой рассказывает и про страх и про причину страха (впрочем, при усложненном взгляде, не том примитивном, который нам навязывает Толстой, а соответствующем подлинной исторической жизни, выясняется, что польский (или белорусский) поэт, пишущий по-польски, пьет в трактире вино, слышит рассказ ямщика, соединяет собственные чувства и драму жизни ямщика в одно целое, печатает стихотворение, которое затем претерпевает ужасные изменения, редуцируясь, теряя объяснение драмы, заключенной в ней, но... мы, вероятно, каким-то образом восполняем утерянное, догадываемся о нем... и вот является песня: «Когда я на почте служил ямщиком...»

Но чтобы понимать, ПОЧЕМУ плачет ямщик, надо знать стихотворение... и вот оказывается, что это народное искусство не совсем так народное... а и барин, и ямщик, и та прошедшая жизнь, и жизнь стихотворения, которая началась после того, как оно отделилось от поэта...

Но прав отчасти и Толстой. Бальмонт был декадентом, и я им в молодости увлекался, не столь его декадентскими стихами, сколь эссе и переводами. Через тридцать лет прочитал я его стихи, написанные в эмиграции, и это, конечно, стихи великого поэта, а прежние были вполне достойны насмешек Толстого – но те стихи были плохи, вероятно, не потому, что Бальмонт был декадентом, а потому что *шпш еще не пронзил его сердце* (согласно Оскару Уайльду).

И вот горестно я думаю, что многие поэты пишут гениальные стихотворения и наслаждаются (иногда) жизнью, а мне ничего не создать значительного, если только не соглашусь я, чтобы и мне *пронзил сердце шпш* ... чего? Подлинности, гениальности, любви, отвержения, бесплодности...

Примитивный взгляд Толстого на искусство очевидно доказывает, что и жизнь он понимает и объясняет без всякого допущения НЕ-примитивного, сакрального, ино-бытийного. Верит ли Толстой в Бога? Очевидно, что нет. Он верит в Добро, называет Добро Богом, вот и все. Он ссылается на Евангелие Ветхий Завет, там в проповедях и Заповедях написано, что надо «то-то и то-то», этого ему достаточно, и вот *«если бы все хорошие люди соединились бы так же, как соединены плохие, то этого было бы достаточно, чтобы мир преобразился к добру»*, говорит Толстой...

Это ужасно наивно. Но разве не верно? Да, думаю и я, было бы это замечательно.

Я вот пишу, спора с Толстым, доказываю ему, что Бог есть (у него в его рассуждениях я Бога не вижу) и вдруг чувствую, что Бог и у меня пропал. Не знаю, Толстой ли на меня так подействовал, или в нас, утонченнейшем и образованнейшем графе, знающем множество языков, изучившем в старости даже древнегреческий и Иврит, но не способном слышать Бетховена, и во мне, невежественном почти сыне крестьянки, влюбившемся в музыкантшу, игравшую Шостаковича, потом в другую, игравшую авангардную музыку 12-го века, есть нечто общее (писал же Залыгин, что я разговариваю с читателем почти *по-детски!* И разве не по детски разговаривает со мною Толстой об искусстве?)

В связи с этими рассуждениями скажу и о том, что и как я пишу сам. Это, конечно, не философия искусства, я не объясняю, что оно такое, как развивалось и каким должно быть. Но это и не просто Записки читателя о том, что ему нравится и не нравится, это и в самом деле "Записки редактора", хотя я не знаю и не собираюсь знать и объяснять другим, что такое редактор и что значит редактировать. Вот так может быть, что некто пишет хорошие стихи и имеет вкус к различению хорошего от плохого, но при этом не является и не собирается быть учителем стихосложения, да к тому же "ямба от хоря" я уже не умею отличить, в детстве хотя и прочитал книжку о стихосложении, но все уже позабыл. Итак, я Редактор, достаточно умеющий, чтобы заниматься этим делом даже за деньги, к тому же я и литератор, к тому же учитель математики, к тому же я тшусь стать редактором мира (или хотя бы только России) – а что, в последние сто пятьдесят лет орда редакторов, разгромивших Россию и русский народ, чему-нибудь где-то училась и что-то хорошо умела кроме мародерства? А им поклоняются до сих пор, и даже памятники им стоят. А я имею ВКУС и сознание и чувство, что хорошо и что плохо, поэтому и дерзаю писать свои Записки редактора. Возможно, сами эти книги художественно несостоятельны, но мысли, в них высказанные, не вздорны. Правда, по большей части я повторяю мысли великих...

И еще одно замечание. При общении с некоторыми людьми, писатели ли они, художники, философы или даже обычные смертные, возникает вдруг чувство вдохновения, даже когда не соглашаешься с ними, словно они индуцируют "электрический ток творчества". Таков и Толстой. Вдруг я чувствую противную и угнетающую пустоту в душе, продолжаю читать его Статьи об искусстве, ни с чем почти не соглашаюсь, и оживает мой собственный дух.

Итак, Толстой говорит, что художник заражает своим чувством, впечатлением или образом слушателя или читателя, передает ему то, что у него в душе. При этом он избегает говорить и о Мысли, которая ведь неотделима от искусства, в частности, от Поэзии (а о ней Толстой говорит чаще всего). К искусству надо отнести и прозу, она ведь тоже не набор рассуждений, а нечто, что производит на читателя прежде всего *художественное впечатление*. Вот это понятие, – возможно, оно *аксиоматично*, я не знаю и не берусь его объяснить, – вероятно и есть центральное в искусстве. Но Толстой словно бы его игнорирует, словно бы то, что испытывает некий человек и о чем он просто рассказывает собеседнику, это то же самое, что созидает искусство и что созидается искусством. Магическое, присутствующее в культуре в целом и в искусстве как в специфически художественной части культуры, Толстой словно бы и не замечает. Говоря о народном искусстве и противопоставляя его *искусству богатых и образованных людей* (дворянскому искусству), он и народное искусство берет так отвлеченно, что и неизвестно, что это такое. Или это крестьянское искусство (которое и впрямь существовало и умерло уже при моей жизни или было убито) или всех необразованных классов народа, или... что именно? Относятся ли к нему Пушкин, Лермонтов, сам Толстой (народу в целом гораздо менее понятные, чем детективы про Пуаро, Шерлока Холмса или современные телесериалы про богатых любовников и красивых блядей)?

И что все таки особенно раздражает Толстого – то, что искусство усложнилось, становится все более элитарным, теряет простоту и общедоступность, или что оно вообще существует как область жизни, требующая больших затрат, но по существу необходимая лишь узкому слою людей (как, впрочем, и высшее образование с его университетами и академиями). И искусство и образование сидят на шее народа но себя не окупают – вот что, возможно, хуже всего.

И кроме этого, так и остается неясным, что оно такое, ибо это «искусство, поглощающее огромные труды народа и жизнью человеческих и нарушающее любовь между ними, не только не есть нечто ясно и твердо определенное, но понимается так разноречиво своими любителями, что трудно сказать, что вообще разумеется под искусством и в особенности хорошим, полезным искусством, таким, во имя которого могут быть принесены те жертвы, которые ему приносятся» (следовательно, эти жертвы могут быть и оправданы, если они приносятся во имя «полезного искусства»).

Что же все таки мучает Толстого? Нет, дело не в искусстве, не в музеях и театрах, а в том, как сложена жизнь вообще.

На многое затрачивается ТРУД. Часть его идет на пропитание, на одежду и кров, но так как «не хлебом единым жив человек» (оборвем сказанное Христом на этом месте, обычно дальше и не цитируют, искажая смысл фразы в угоду собственной мысли), но если *не единым хлебом*, то помимо него еще многое, например, вино (которое вкушал и Христос и ученики Его), и сколько же сил уходит на то, чтобы возвращать виноградник, собирать его и готовить вино, тот которого пользы нет, но есть удовольствие.

Богатые строят дворцы и виллы, загородные усадьбы и городские дома, от которых большинству пользы нет, но их строительство составляет, может быть, важнейшую часть искусства – зодчество. Благоустраиваются площади в городе, разбиваются сады и парки, улицы и дороги в парке украшаются тысячами фигур, которых апостол Павел причислил к бесам. (И у Толстого тоже была Ясная Поляна). Строятся десятки тысяч храмов в селе и в городе, их украшают фрески и живопись, и это всё «искусство, поглощающее огромные труды народа», да вскоре после Толстого народ и решил, что храмы ему не только не нужны, но и вредны, и их почти все уничтожил (созидая тысячу лет! – не точка ли зрения Толстого и возобладала?)

Значительная часть труда тратится на драгоценности, на украшения и наряды женщин, и коммунистический Китай запретил такое мотовство, пятьдесят лет и мужчины и женщины носили одинаковые тужурки, скрывающие их различия. Сколько же труда тратится на удовольствия, притом источник их часто бывает низким и ниже даже того низкого искусства, которое осуждает Толстой, в том числе бои гладиаторов, коррида, спортивные состязания на стадионах, которые еще дороже театров (вот оно, чисто народное искусство!), скачки на ипподроме (помните их описание в «Анне Карениной?»), и, наконец, ИГРА.

Она разнообразна. Кулачные бои и деревенские драки по праздникам – тоже своего рода игра, не более нелепая, чем кровавая дворянская игра – дуэли. Кто из наших прекрасных поэтов их избегал?

Да и вообще НЕЛЕПОСТЬ и отклонение от необходимой нормы, как органичная часть жизни, отнимают труд и время и человеческую жизнь в гораздо большей степени, нежели искусство. Прежде всего ВОЙНА. Затем Революция. Восстания, бунты, волнения...

Христианство не выносило Игру. Оно с нею боролось, даже детские игры или порицались или не поощрялись. Коляды в Ночь на Рождество, так красочно описанные Гоголем, церковью осуждались, как и «широкая масленица», как и «Ночь на Ивана Купала» и так далее...

Но и Пушкин и Толстой по крайней мере в этом отношении были плохими христианами (да и были ли они ими вообще?), так как они играли в карты, и Толстой даже проиграл Ясную Поляну (усадьбу разобрали, свезли в чистое поле, там она и сгнила. Та усадьба, которую мы знаем, была Толстым отстроена заново позже).

Жизнь устроена НЕПРАВИЛЬНО, прежде всего потому, что нет равенства, одни богатые, другие бедные, одни талантливые, другие бесталанные... Пафос Толстовского негодования основан на отрицании неравенства, и все, что говорится об искусстве, что одна его часть правильная, другая неправильная, связана с отрицанием самого порядка жизни. И из-за этого, в конце концов, Толстой и ушел из Ясной Поляны.

Может быть и Шекспира и Вагнера, а затем уже и Бетховена Толстой отрицал только потому, что он уже отрицал само устройство современной ему жизни. Христианство отреклось от культуры, насаждая только самое себя. Придя к выводу, что «хлебом единым жив человек», Толстой отрекся и от христианства, подставляя на место Бога Добро, а затем еще и Пользу.

2. Бесплезная жизнь

*Тебе бы пользы всё! На вес
Кумир ты ценишь Бельведерский!*

А. С. Пушкин

Моя мама в отпуске никогда не была. Выйдя на пенсию, она, наконец, позволила себе некоторые послабления, приезжала в Ленинград-Петербург ко мне в гости, была у меня даже дважды на литературно-музыкальных вечерах, познакомилась с их участниками, и они ей, и она им очень понравились. «Всё у тебя хорошее, и жена, и сын, и невестка, и внучка, и друзья. Умру спокойно.»

Вся ее жизнь была посвящена работе. Она родила пятерых, всех прокормила, всех воспитала, всем дала образование. Но нельзя сказать, что жила она такую правильной жизнью, в которой все было целесообразно, все подчинялось пользе или правилам добра. В нашем доме бывали и гулянки, и посиделки (особенно когда она еще была молода, и собирались девки прясть и разговаривать и петь песни).

Ставила бражку, варила самогонку (не на продажу, для себя, но выпивали ее и иншие).

Почем она, копеечка, знала она и руками, и ногами, и хребтом, но была она и целомудренной и страстной одновременно, то есть самой русской.

Но, в самом деле, чем же живет человек, если не только работой и пользой?

Вот, например, дедушка и бабушка любят внуков и заботятся о них, все свое свободное время им отдают. Так для пользы ли? Не надеясь даже, что увидят, когда внуки их станут взрослыми.

Для пользы ли ходит мой товарищ на рыбалку три дня в неделю, а деревенский Серега пьет? (Встретил его по дороге в Сушилово. Еще три года назад таскал он на своих могучих плечах бревно из лесу, а теперь шел с палочкой после инсульта. И жалко мне его стало, да даже не столько его, сколько удаль молодецкую, которая себя промотала, пропила, прожила, не зная, что еще в жизни бывает кроме работы и пьянки.)

Воистину, почти каждый, кроме "Скупого рыцаря", живет и для одного, и для второго, третьего, тратит и он сам, и общество в целом (потому что и оно живет и для одного, и для второго, третьего) чуть ли не больше своих сил и средств на ненужное, чем на пропитание. Но что на пропитание при этом подчас не хватает, и многие даже голодают, весьма прискорбно. Но еще прискорбнее то, что когда благонамеренные люди, озабоченные правильным устройством общества, пытаются всех заставить жить только «хлебом единым», становится еще хуже. Сначала они всех несогласных истребляют, потом согласные уже не умеют работать, увлекаются самим процессом истребления... черт его знает, что происходит, но кончается тем, что нет ни пользы, ни бесполезности, и даже в Сахаре наступает нехватка песка. Оказывается, жизнь регламентировать не удается. Лев Николаевич это хорошо знает, он сам никогда не подчинялся регламенту, но всеобщая жизнь без пользы его возмутила, особенно бесполезность искусства. И жизни...

3. Что хорошо и что плохо?

Читаю страницы, в которых Толстой возражает (или недоумевает) точке зрения символистов, на примере Бодлера и Верлена. Мне трудно быть справедливым, так как французского языка я не знаю, но как и Толстому, мне их стихи (в переводах) кажутся плохими, жеманными, вычурными, надуманными, отличающимися от хороших стихов так же, как искусственные цветы от живых.

И хотя я не поддерживаю призыв Толстого к искусству: *будь понятным всем!* – но призыв теоретиков нового направления в искусстве: Будь непонятым, загадочным, таинственным, туманным, неясным, требующим разгадки! – и мне чужд, как и Толстому. Я только не согласен с тем, что всё, что непонятно, то и плохо, но стремление еще и намеренно вводить читателя в заблуждение меня оскорбляет. Так требовал ..... от философии, чтобы ее не лапали профаны и невежды – но философия и так-то большинству непонятна, ее даже единицы только и читают, зачем же в этот тяжелый для питья напиток примешивать еще и шипы? А положение, что «художник должен недоговаривать, оставаться неясным» сегодня почти трюизм.

Это похоже на то, что недалекий человек будет строить из себя умника, простушка – загадочную и непостижимую... Но кто же воспримет их попытки всерьез? Женщина и вообще – загадка, но она тем более загадка, чем более она такова как есть.

Красавицы обычно очень просты, легко знакомятся, говорят просто и мило, даже избегают кокетства, но их КРАСОТА не перестает быть мистической тайной.

Итак, во многом я разделяю негодование Толстого, если бы только он не требовал от искусства (и поэзии) необходимости потакать низким вкусам толпы, подделываться под ее дурной вкус, руководствоваться им.

Да, помимо выдающихся творений производится в искусстве слишком много дурного, третьесортных стихов, аляповатых, пошлых, скушных полотен, грубых скульптурных изображений, зодчество в России после революции пало ниже забора и надписей на заборе – но оттого ли, что богатые и образованные классы, откуда происходили большинство деятелей искусства и культуры, не слушаются народных запросов? Да разве «народные запросы» изменились со времени Рима, разве не те же ли они: «Хлеба и зрелищ!», и разве даже и зрелищ не требует плебс поглубже? Мы еще поговорим о народе, но пока еще раз напомним, что толпа, население разноплеменной и разносословной страны, чернь и население – совсем не то же самое, что и народ, и даже крестьянское искусство, которое тоже было в России великим, не творилось крестьянской массой в целом, а только творцами, масса же внимала, училась, в лучшем случае подражала творцам, так было и в украшении домов и дворов, и в пении, и в передаче легенд и сказаний, и в убранстве жилищ и быта и одежды. Существовали ведь мастера для каждой отрасли хозяйства, и хотя крестьянин должен был при случае уметь делать все, но ведь были и отдельно горшечники, скорняки, мастера конской упряжи, портные... и даже умельцы лапти плести.

Деревня была неоднородна, так же неоднороден был город, и так же народ. Все в нашей жизни является и собранием отдельных элементов, явлений, частей, и некоторая объединяющая их идея, которая существует и независимо от материальных элементов, воплощающих ее. Язык – не только словарь, собрание слов, которые словно бы происходят, появляются, рождаются сначала и образуют язык, но они рождаются языком. Так и литература И собрание книг, И нечто само в себе сущее, так что мы по поводу той или иной книги и задаемся вопросом, относится ли она к литературе. То же и относительно искусства. Если бы оно было собранием различных существующих в данный момент явлений, то невозможно было бы говорить об уровне искусства, о его мере, о том, чем оно является, а чем – нет, но оно И собрание явлений, и поэтому можно говорить и о том, что уровень его понижается в сравнении с образцами, с искусством эллинов, например, и о том, что оно есть нечто неизменное, ожидаемое, долженствующее, поэтому и содержит в себе МЕРУ необходимого и должного Вкусы различны, уровень восприятия разный, а МЕРА, тем не менее, неизменна (хотя и не удается договориться о ней, согласиться в ее понимании и представлении... ну, это во всем так, и в добре и в зле).

[Правда, существует порода людей, называемых, условно говоря, материалистами, они признают только предметно объективный мир, а всю жизнь и культуру считают условными, некими фантастическими образами реального мира в «мозгу человека» – с ними и разговаривать сложно и почти невозможно, а тем более находить понимание, и моё заявление о том, что существует культура и искусство И как собрание И как некая целостность духовного бытия (ну, скажем, Идея) им кажется нелепостью. Они и математику понимают как собрание теорем, придумываемых человеком при взгляде на мир феноменов, а не как на духовно-идеальное бытие, независимое от человека. Так и Народ для них только собрание людей, сословий, племен, классов. Надо бы с ними и не спорить и им не предпосылать мои книги, но уж ладно, как получится. Они меня, правда, совершенно не понимают, если случайно начинают читать, то вычеркивают девять десятых а потом со вздохом и раздражением откладывают в сторону или выкидывают на помойку. Я, правда, хочу добиться в том, что пишу, того, чтобы и они меня поняли (какая уж тут недосказанность и загадочность, когда себя перепрыгиваешь, чтобы донести свою мысль и чувство – нет, ничего не выходит!..]

Как это ни странно для такого тонкого и всеобъемлющего писателя, как Толстой, но он мыслит и чувствует рационально, *он материалист*, и его рассуждения о культуре и духовном бытии весьма односторонни (хотя Мережковский и показывает нам почти мистическое взаимодействие Толстого с миром Природы, и не только предметной, но и с миром *стихией*, употребляя понятийный и образный мир Даниила Андреева. Искусство и культура для Толстого – часть рационально-предметной жизни, сумма Изделий, изготовленных более или менее *искусными* ремесленниками при помощи ремесла.

Рассматривая разные определения искусства и красоты в разных эстетических школах (коих Толстой проанализировал более сотни), он приходит к выводу, что и границы искусства определить почти невозможно, и что оно такое – тем более, и что ориентироваться надо на исходное его явление и приложение – в народной жизни, как средство сообщить другим о своих чувствах, и в религиозной жизни, как средство воспитания.

Отсутствие четкой очерченной границы искусства Толстого раздражает, говорит, по его мнению, скорее о том, что искусство условно, собирательный образ, нечто спекулятивное, по большей части произвольно расширенное сверх всякого смысла, и что искусство пекаря и лекаря и портного или к искусству не имеет отношения, или тогда искусству не надо придавать смысл чего-то высокого, а это всего лишь деятельность человека по производству либо разных вещей, вызывающих у потребителя удовольствие, либо дополнение к потребностям народной жизни и религии.

Да, резкой границы между искусством и неискусством нет, как нет границы между культурой и жизнью в целом, и например, можно говорить о культуре земледелия и о об искусстве ведения войны, ораторском искусстве и об искусстве владения шпагой, управления лошадью, искусстве лжи и оболщания... Да и само слово *искусство* многозначно, означая как превосходную степень умения в каком-то деле, высшую ступень мастерства, так и определенную часть культурной деятельности. Но так как культура многозначна, то и искусство многозначно тоже. Все почти, что входит в культуру, входит и в искусство, но, возможно, в других пропорциях, с другим весом целей, поставленных перед собой мастером.

В явлении культуры присутствуют *мысль и чувство, понятие и образ*, стремление к пониманию и впечатлению, к объяснению и убеждению, к познанию и преображению.

Хотя и говорится (под влиянием шаблонной философии, преимущественно материалистически-гносеологического направления, что искусство только другой род познания, нежели наука, но мы только запугаемся и ничего не поймем, если будем продолжать так рассуждать. В науке человек познает мир, инструмент науки – логика, метод – *рациональное* сообщение фактов и выводов, форма – силлогизм. В искусстве человек получает *впечатление* (обычно добавляется определение – эстетическое), форма произведения искусства – *иррациональное* (в соединении с рациональным), приемы разнообразны: образ, метафора, ассоциация, преувеличение, намек, сарказм... и тысячи других приемов. Верность или неверность математической теоремы не зависит от оценки ее школьниками, от характера учителя, от умения его объяснить теорему школьникам, теорема или верна или неверна, притом НАВСЕГДА. Бывают в науке теории и положения, которые даже устаревают или отвергаются, и это сбивает с толку многих, заставляя думать, что и положения науки условны, словно от того, что Волга делает изгибы и течет не все время на юг, но иногда на восток, а то вдруг отчасти на запад или на север, отменяет ее стремление к Каспию, расположенному на самом юге России.

Итак, содержание науки соответствует мирозданию и бытию, которые

создал Бог, но которые он определил к изменению, в том числе и под воздействием человека, в том числе и под влиянием познания и науки.

Но научный образ мира адекватно соответствует его объективно-субъективному существованию, и наука стремится к созданию именно адекватного образа мира.

В культуре же и в искусстве (ну, именно исключая из культуры науку) почти всё в той или иной степени оспаривается, почти нет ничего неоспоримого (пожалуй, я делаю исключение для Пушкина, но не потому, что постановил себе стоять перед ним на вытяжку, а потому что он мне и помогает разобраться в мире и в культуре, он для меня убедительнее часто самого мира, не говоря уж о самонадеянных объяснителях его).

Правда, слово *познание* тоже неоднозначно, и в том специфическом смысле, который относится к науке, оно не является целью искусства, хотя, конечно, и мировоззрение и представление о жизни и бытии у культурного человека значительно шире, чем у некультурного, но все же самый пустой и невежественный химик более сведущ в химии, чем я, и я с ним не буду оспаривать химические свойства молекул и атомов. (Но не то верующий человек. Что церковь постоянно две тысячи лет вмешивалась в дела науки, общеизвестно, но она даже в сем не покаялась, хотя это духовное преступление, тягчайший ГРЕХ, даже не принимая во внимание преследования науки и ученых и их убийства. Но я недавно прочитал оригинальную статью христианина, в которой тот даже хитроумно объясняет, что и с научной точки зрения в иудейском и христианском мифах все верно, правда, для этого надо применить "диалектику").

Итак, продолжим разговор об искусстве, но чтобы я не смешивал его с культурой в целом, куда входят и наука и философия, постараюсь говорить только об искусстве, но в более широком смысле этого слова, чем Толстой, и притом попробую как-то искусство хотя бы отчасти определить.

Определить же возможно только то, что содержит в своем понятии некое ядро, некий центр существования, идеальный субстрат, выделяющий определяемое из бесформенного целого.

Искусство – это не часть бесформенного целого, не часть Хаоса, а часть Гармонического мира, или, в крайнем случае, часть общего целого, но не безотносительно к гармонии, а в связи с нею, как, например, элементы додекафонии в симфоническом произведении, как нечто нарушающее гармонию или даже безобразное в изобразительном искусстве, в театральном представлении, в танце, как, например, в художественном произведении нечто даже шокирующее. В музыке композитор объявляет произведение и замолкает на некоторое время, что и является, как оказывается, содержанием произведения, в зодчестве архитектор и строитель возводят "руины", а в кино отход от эстетически ожидаемого еще разнообразнее и произвольнее. В повседневности это тоже проявляется часто, особенно в том, что касается искусства женщины наряжать себя, например, нарочитая неправильность в одежде красивой женщины, искусство женщины раздеваться в стриптизе (не говорю о театре "одной" актрисы, ибо этот театр удается посетить редко), и

даже в тех невероятных случаях, о которых приходится слышать в разделе скандалов, когда некая девица вдруг фланирует по улице голой. Но и в респектабельном Концертном зале Мариинского театра на представлении оперы вдруг по краю сцены проследовала голая барышня туда и обратно, и это, оказывается, было задумано режиссером и входило в представление.

Но возможно ли определить понятие Искусства, если исходить из того, что вообще Понятие условно, что его существование не встроено в Логику мира, что в мире никакой логики нет, что это только способ нашего восприятия мира и объяснения этого восприятия? Если «Истиной мы называем только соответствие выражения или определения предмета с его сущностью, или со всеобщим, всех людей, пониманием предмета»?

Это типичное для материалиста признание. *Истины – нет.* Нет в бытии того источника, той встроеной в бытие причины, того имманентного бытию свойства самого бытия, которое суждения о бытии разделяет на две противоположные части: *верные* и *неверные*? Которое указывает на соответствие или несоответствие определения предмета его сущности, и которое делает признание чего либо *верным* или *неверным* если не по принципу "кому что нравится", то все же достаточно произвольным, зависящим от соглашения, которое и *Право* сбивает с прочной основы, и если Истины в метафизическом смысле этого слова нет, то целью суда не может быть установление конечной и незабываемой Истины, то есть Вины или Невинности подсудимого, а только соглашение об этом состязующихся сторон (а в нынешнем государстве, как я убедился, даже и состязующиеся стороны упразднены и правит бал лишь единогласное решение судьи).

С этой точки зрения бессмысленно искать и определение Красоты, хотя Толстой его усиленно ищет на протяжении десятков страниц. Но для материалиста Красоты не может быть, а только "кому что нравится", а следовательно, не может быть даже согласия сторон.

Искусство состоит из множества видов, начиная от искусства женщины наряжаться или искусства игры в карты, до искусства игры на фортепьяно.

Самый широкий вид его, это *декоративно-прикладное искусство*, связанное с изготовлением и украшением предметов, которые могут применяться в быту, включая посуду, ткани, орудия труда, мебель, одежду, украшения, оружие, монеты и многое другое...

Толстой ведет разговор прежде всего об искусстве не декоративном, то есть о Литературе (прежде всего Поэзии), Музыке, и Живописи, изредка касаясь Танца, Архитектуры (включая садово-парковую и промышленную), Скульптуры, Театра (в том числе Кино).

Цель искусства двойственна: для Творца – это *художественное самовыражение и воздействие на мир* (аналогичное тому, которое происходит в труде крестьянина по возделыванию земли), для зрителя – *Наслаждение и Катарсис*.

Но те чувства, которые испытывает зритель и слушатель (и читатель), гораздо шире, чем только восприятие гармонии, эстетического (красоты), заложенных в художественном произведении. Это может быть и умиление, и

оскорбление, и негодование, и умиротворение, и прозрение, и понимание (а, следовательно, наше представление о мире может расширяться под влиянием искусства, хотя, все же, определять искусство и цель его в рамках гносеологии (как познание) то же самое, что и общение с женщиной сводить либо к познанию, либо к наслаждению.

Я бы мог сказать, что искусство – понятие аксиоматическое, но попытаюсь дать условное определение, скорее описание, но не того же исчерпывающего рода, что определение треугольника в геометрии.

Итак, искусство – это область духовной деятельности человека (творца), в которой наиболее существенную роль играет стремление к гармоническому преобразению мира, то есть к привнесению в мир Красоты, стремление к самовыражению и пониманию собственного Я (в большей степени, нежели мира). Для слушателя, зрителя и читателя почти то же самое, но основная причина, по которой личность нуждается в искусстве – высокое духовное наслаждение, испытываемое от него, от восприятия заложенной в нем гармонии и красоты, катарсис и ... Вот именно то, что должно следовать за этим И, быть может, самое главное и для Творца и для слушателя (если речь идет о музыке). Искусство в значительной степени *иррационально*, в его высоких образцах, к которым интуитивно стремится каждый творец, присутствует *духовная жажда*, ее утоляет и автор и слушатель (почти так же, как при встрече с возлюбленной), присутствует движение к Границе, отделяющей Бытие от Инобытия, присутствует и сама эта граница. В искусстве мы ощущаем дыхание Бога, в нем мы сопричастны Богу, только в нем мы подлинно постигаем Бога.

В высших произведениях искусства присутствует Магия, они не только *иррациональны*, но содержат *магическое*.

И, разумеется, сакральное соприкасается в большей степени с искусством, нежели с философией и литературой. (Хотя *магическое* может в исключительных случаях содержаться и в литературе, включая философию, причем независимо от намерений художника). *Магическое* есть и в романах Толстого, ну а что в своих статьях об искусстве Толстой одевает крестьянскую рубаху... в этом содержится иной метафизический смысл, которого нет в его романах. В этом, возможно, та драма личности, которая закончилась на станционной постели. Кто знает, какая драма подвигает и меня так долго и так нудно с ним спорить? Возможно, я спорю с самим собой. С Богом. С миром. С судьбой.

4. Драма

Каждый из нас переживает драму, сама жизнь является драмой, нужно быть бегемотом, чтобы просто быть ровно счастливым в течение жизни и не испытывать разлада с собою и с миром. Или, быть может, достаточно принадлежать к "людям лунного света", но мы, смертные, сомневающиеся и в существовании Бога и в дарованном нам бессмертии, обречены на испытания, как обыденные житейские (которые тоже "не фунт изюма"), так и на метафизические.

В детстве, быть может, только барчук может быть подлинно счастливым, его детство безоблачно.

Но мы, крестьянские дети, счастливы лишь урывками – хотя и то вспоминаем детство как райскую гавань: и из-за красоты и одухотворенности природы, любви родных, свежести и новизны чувств, первой влюбленности, первых очарований от учения и литературы, от музыки. Но много и горького: то дразнилки, драки со сверстниками, болезни, голод и холод (пусть лишь временами, наша семья была работающей, такого голода, чтобы мучил, я не испытывал), и семейные неурядицы, несчастливо сложившаяся судьба матери, из-за которой я страдал.

В отрочестве и радости и несчастью были те же, что и в детстве, но юность принесла много исключительного. Во-первых, любовь: она не любит, она любит другого, она любит, но не соответствует идеалу. Во-вторых, "духовной жаждою томим, в пустыне мрачной я влачился...". В третьих, потребность самовыражении и жажда переделать общество, мука из-за его несовершенства (а даже в четырнадцать лет эта жажда уже начинала меня мучить, я был, что называется, рано повзрослевший ребенок).

Не думаю, что я настолько исключителен, что это только я страдаю, а другие не чувствуют ничего, так и проживают в шкуре бегемота, и их не колот колочки духа и мира – по крайней мере, девушкам приходится точно страдать, они и читают, и размышляют, и испытывают жажду идеальной любви, а таких юношей, как я, отзывающихся на их мечты, слишком мало.

Поэтому я и вижу в музеях, концертных залах, библиотеках толпы мятущихся дев с *взором горящим* (увы, не *юношей бледных*, как полагал Брюсов), и одиноких мужчин, потрепанных жизнью.

Драма жизни почти ничем не утолима, но припадаем мы к источникам, в которых надеемся на утоление: Миф и Культура (Церковь и Театр – условный театр, включающий в себя культуру в целом, для одних это наука, как для Коперника и Ухтомского, для других – литература, как для Пушкина и Лермонтова, для третьих Искусство, как для Глинки, Мусоргского, Врубеля, для четвертых ... всего или понемногу или с избытком...)

Искусство нас воспитывает, учит, развлекает, утешает, лечит, совершенствует, преображает, вдохновляет, становится призванием, наполняет...

Не всех, вероятно, наименьшую часть. Но и в жизни бегемотов Искусство имеет немалое значение, хотя они не всегда отдают в этом отчет.

Зачем Толстой столько душевных сил и времени посвятил статье об искусстве? Вероятно, это его развод с культурой, отчасти и с традиционным христианством. Это его подготовка к разводу с жизнью.

Зачем и я столько душевных сил и времени посвящаю спору с Толстым, не надеясь даже, что будут читать, что это кому-нибудь интересно кроме трех-четырех читательниц? Затем, что и я развожусь тоже, я развожусь с христианством, поэтому защищаю культуру. Но иногда мне кажется, что и у меня это подготовка еще и к разводу с жизнью.

Но нет, не только. Это еще и лихорадочные поиски Живой воды, Разрыв-травы, Меча-кладенца, Таланта, Судьбы, Ключей Марии, Философского камня. Поиски Откровения.

Зачем человек идет в театр, читает книгу, слушает музыку? Чтобы получить удовольствие, отвечает Толстой устами тех, мнения которых об Искусстве он излагает. Но зачем человек любит? Тоже для удовольствия? А зачем он ходит в церковь, верует в Бога? Притом, если верить церковным преданиям, то настолько считает важной эту веру, что готов во имя ее и в клетку со львами, и в казематы, и на дыбу, и на другие пытки и бедствия, и даже на костер, как это уже точно произошло с Аввакумом? Сказать, что человек *верует* для удовольствия, значит оскорбить верующего. Вот так же и с любовью, во имя которой кончают самоубийством, стреляются на дуэли, претерпевают разные страсти. Конечно, и вера разнообразна, и любовь разнообразна, но и искусство бывает всякое, но оно в том же ряду, что и любовь и вера. Человек, испытывающий это безумное состояние, имеет откровения, имеет видения и слышит голоса, он узнаёт нечто, что в обычном состоянии неизвестно, перед ним словно приподнимается завеса, отделяющая наш мир от иного, словно приоткрывается дверь, ведущая *туда*... Да, скорее всего, кто туда уже шагнул, тот назад не вернулся, но немало тех, кто хотя бы туда заглянул, и тогда появляется "Пророк", "Я, мать Божия", "Демон", "Бесы", "Война и мир"... Границу двух миров Павел Флоренский видит в Иконостасе, но это то же самое, что высокие области искусства, которые нас приводят к той же границе. Миф и Культура там соединяются, как бы профанны ни были их низшие этажи, сколько бы ни бесчинствовали инквизиторы и папы Римские, фанатики, охранители, пустоцветы и пустословы. И Красота, сияющая в небесах искусства, так же абсолютна, как Истина, о которой Христа спросил Пилат, хотя и говорит Толстой, как неразумный ребенок, что это *кому нравится* и только условность, *согласие* между людьми, *что считать верным*.

5. Красота

Я, правда, не дал определения Красоты. Я видел, ощущал красоту, особенно женскую, вероятно, в женщине мне открывалось то, что для других было скрыто, другие проходили словно мимо обыкновенного папоротника, а для меня он расцветал. Воистину, женская красота бывает сверхъестественной, загадочной, мистически глубокой, пропастью, обрывом, обвалом в горах, встречей с непостижимым, как и музыка – но не все же плачут, слушая ее! И странно то, что бывают музыкальные произведения или отрывки в них, в которых нет трагического, но вдруг начинает сердце переполняться рыданиями. Вероятно, душа так переживает красоту, но почему слезы? Или это слезы восторга? Или там все вместе, и восторг и страдание?

Почему именно в женщине так сосредоточена причина такого странного волнения, которое принадлежит красоте? Или это я так ее ощущаю, потому что мужчина? И это верно, но дело не только в этом, то, что я ощущаю, не искра, связывающая мою плоть с женской, а сама музыка мира, которая избрала для себя такой способ осуществления. Да ведь Красота и воплощена в материи, как пишет Данилевский, отчего же не воплощаться ей в женскую плоть? Чем эта плоть хуже цветка папоротника?

Иногда мне кажется, что дать определение красоте, это то же самое, что изловить жаворонка, летающего высоко в небе, и посадить в клетку.

Вот почему я не даю ей определения. А Толстой не дает потому, что он настроен почему-то против красоты, словно она мать всех пороков и греха. Ну, разумеется, ради красоты и согрешишь, не пожалеешь, хотя бы она и до виселицы довела. Только я не думаю, что усмиряющие страсть и плоть и изгоняющие красоту достигают такой уж святости. В романе Достоевского "Идиот" завязка любви начинается с того, что князь Мышкин восхитился красотой Настасьи Филипповны, и ею уже по предчувствию оправдал ее возможную греховность – если человек получил оправдание и спасение от Бога даром, то почему и один человек не может даром, по любви, оправдывать другого? Не так же ведь и для матери ее ребенок уже оправдан?

(А уже оправдал Христос человека, уже принес ему спасение, как говорят евангелические проповедники? И что на этот счет говорят папы Римские, призывавшие огонь и серу на еретиков, проповедовавшие падшость и гнусность человека? И что – православные, чуть не растерзавшие феминисток за их, якобы, непочтительную молитву?)

Почему христианство воевало с культурой, я смутно догадываюсь, почему оно так яростно настроено против красоты, словно бы матери пороков, даже и не догадываюсь. Не всё знаю и я. Но если б меня заставляли сделать выбор между искусством и мифом, между красотой и смирением, я выбрал бы, несомненно, искусство. Ибо становление божьего мира, Преображение мира после его творения Богом я понимаю как противостояние Космоса и Хаоса, Красоты и безобразности. (А представление о безобразности как безобразности разве не удивительно, разве не дает пищу уму, рассуждающему о красоте?)

Странно, что Толстой не нападает на максимум «Мир спасет Красота», приписываемую Достоевскому, хотя, разумеется, он ее не принимает.

6. Пришел ли я построить дом или написать роман?

Чтобы чувствовать удовлетворение от прожитой жизни, надо, говорят, родить сына, посадить дерево, построить дом. Сына я родил, посадил множество деревьев и в городе и на деревенском огороде, строю даже сарай. Но это, конечно, не дом. Может быть, это репетиция дома, примерка, приобретение навыков? И после того, как я закончу свою нынешнюю книгу, мне надо *перестать писать*, а построить настоящий дом? Тем более что «примерка» так дорого мне обошлась, вышла *и плечом и боком*?

То, что я пишу, как я сам понимаю, в литературе третьестепенно, в значительной части просто компиляция, обзор чужого, кое как скрепленный общими рассуждениями. Интересно и оригинально только то, что говорят вместо меня другие: Толстой, Мережковский, Платон, Пушкин.

Правда, у меня есть замысел настоящего почти художественного романа, который, может быть, я бы и смог написать, если бы решился, или вместо строительства дома, или наряду с ним, но... не все я могу объяснить читателю, но только пока по известным мне причинам я не решаюсь его писать. Хотя, впрочем, треть романа уже написана...

Ладно, не буду говорить о том, чего нет и неизвестно, будет ли.

7. Искусство как магия и грех

Остается закончить чтение статьи Толстого об искусстве, закончить эту главу и перейти к третьей части моей книги. Если я смогу ее написать, то книга отчасти мне удастся (с оговорками, что она не более чем реферат), но предыдущие две книги, напечатанные в твердой обложке в двух экземплярах каждая, так хорошо выглядят, красиво, солидно, обещающе и маняще, что хотя бы ради тщеславного удовольствия смотреть еще и на третью книгу в таком же точно переплете, свой труд я должен довести до конца.

Итак, продолжаю читать Льва Николаевича.

«Искусство всенародное возникает только тогда, когда какой-либо человек из народа, испытав сильное чувство, имеет потребность передать его людям», говорит Толстой, утверждая, что только в этом, то есть в передаче другим людям испытанного художником чувства и заключается искусство, поэтому всё то, что сегодня естественно считается достоинством искусства, он отвергает, и даже довольно убедительно, а мне нравится в этом отвержении пощечина «общему месту», которое выдается за истину без всякого размышления. Вот например:

«Очень часто говорят, что произведение искусства очень хорошо, потому что оно *поэтично* или *реалистично*, или *эффектно*, или *интересно*, тогда как ни то, ни другое, ни третье, ни четвертое не только не могут быть мерилom достоинства искусства, но не имеют ничего общего с ним.»

Почему?

«Поэтично – значит заимствовано.»

Далее Толстой упрекает в заимствованиях «Фауст» Гете, но в этом же еще с большим основанием можно упрекнуть Шекспира, который просто-напросто художественно обработал сюжеты известных драматургов более раннего периода ли даже современников, а также Пушкина, многие стихи которого являются переводами, переложениями (например, «Памятник», «Пророк») стихов и текстов древних и новых авторов. «Песни западных славян» – перевод стихов Мюссе, который их написал, не выходя из дома, и которые не являются никакими песнями *западных славян*, а имитация их (хотя лично мне это доказывает только то, что искусство не отражает действительность, а часто само ее созидает, что оно более подлинно, чем сырая необработанная реальность, как и при сравнении алмаза и бриллианта).

«сказать про такое произведение, что оно хорошо, потому что поэтично, то есть похоже на произведение искусства, все равно что сказать про монету, что она хорошая, потому что похожа на настоящую.»

Затем отказывает в достоинствах Толстой и реалистичности, говоря: «Когда мы реалистичностью определяем ценность произведения, мы этим показываем только то, что говорим не о произведении искусства, а о подделке под него.»

«В словесном искусстве прием этот состоит в том, чтобы описывать до малейших подробностей внешний вид, лица, одежды, жесты, звуки, помещения действующих лиц со всеми случайностями, которые встречаются в жизни. ... В драматическом искусстве прием этот состоит в том, чтобы,

кроме подражательности речи, вся обстановка, все действия лиц были точно такие же, как в настоящей жизни. В живописи прием этот сводит живопись к фотографии и уничтожает разницу между фотографией и живописью. Как ни казалось бы странно это, прием этот употребляется и в музыке: музыка старается подражать не только ритмом, но и самыми звуками, теми звуками, которые в жизни сопутствуют тому, что она хочет изображать.

«Третий прием – это воздействие на внешние чувства, воздействие часто чисто физическое, – то, что называется поразительностью, эффектностью.»

«Эффекты эти во всех искусствах состоят преимущественно в контрастах: в сопоставлении ужасного и нежного, прекрасного и безобразного, громкого и тихого, темного и светлого, самого обыкновенного и самого необычного. ... бури, громы, лунный свет, действия на море или при море и перемена костюмов, обнажение женского тела, сумасшествие, убийства ... или то, чтобы гармония, темп и ритм были совершенно не те, которые естественно вытекают из хода музыкальной мысли ...»

«Четвертый прием – это занимательность, то есть умственный интерес, присоединяемый к произведению искусства. ...»

«[но] занимательность не имеет ничего общего с художественным впечатлением. Искусство имеет целью заражать людей тем чувством, которое испытывает художник. Умственное же усилие, которое нужно делать зрителю, слушателю, читателю для удовлетворения возбужденного любопытства или для усвоения новых приобретаемых в произведении сведений или усвоения смысла произведения, поглощая внимание читателя, зрителя, слушателя, мешает заражению.»

Далее Толстой пишет об отличии подделок под искусство от подлинного искусства, но скорее убеждает, что гораздо труднее создать «подделку» в толстовском смысле этого слова, нежели подлинное произведение искусства, например, «для музыкального произведения искусства нужно прежде всего выучиться так же быстро двигать пальцами на каком-нибудь инструменте, как быстро двигают те, которые дошли в этом до высшей степени совершенства; потом надо ... научиться контрапункту, фуге, потом выучиться оркестровать, то есть пользоваться эффектами инструментов...».

«Для того, чтобы писать стихотворения, талантливому к словесности человеку только нужно приучить себя к тому, чтобы уметь на место каждого, *одного настоящего, нужного слова* употреблять, смотря по требованию рифмы или размера, еще десять приблизительно то же означающих слов, и приучиться потом *всякую фразу, которая*, для того чтобы быть ясной, *имеет только одно свойственное ей размещение слов*, уметь сказать, при всех возможных перемещениях слов, так, чтобы было похоже на некоторый смысл...»

Ваша воля, Лев Николаевич, но одно настоящее нужное слово найти легче, чем десять «приблизительно то же означающих слов», так же как легче идти вперед лицом, чем назад, и сводить искусство только к умению передать слушателю испытанные мною чувства – это слишком наивно. Или Вы над нами смеетесь?

Правда, интеллигентные люди в городе разучились передавать другим и свои чувства и свои мысли, потому что их у них уже и нет, вместо собственных чувств как правило только то, что они вычитали в книге или высмотрели по телевизору, но деревенские дети в разговорах со мною хорошо передают свои чувства, но их непосредственные рассказы не составляют искусства. В отрочестве я сам часто слышал от окружающих (в Сибири), что «вог если бы описать мою жизнь, то это был бы удивительный роман» – но нет, даже если за это описание возьмется талантливый беллетрист, значительного романа он не создаст, миллионы людей и в мирной жизни, тем более в путешествиях, в тюрьме, на войне переживают много незаурядного, но это само по себе искусством не является, и вся сумма чувств, испытываемых большинством людей, к искусству не относится.

А что относится?

Бессмысленно отвечать на этот вопрос, потому что написать роман – не то же, что испечь пирог, для которого нужно знать рецепт (да и то его не испечь, я пытался). Ибо не зря говорится: *К той же мучке да другие ручки!*

В романе, как и в жизни, может быть что угодно, как и в женщине. Бывают *эффектные, земные* (это, вероятно, реалистичные), *поэтичные, привлекательные* – но которая из них пронзит наше сердце, нам «не дано предугадать».

Чувства бывают и распространенные и присущие только немногим. Многие ли испытывали то, что воодушевляло апостола Павла? Или Жанну Д*Арк? Чем она зажигала солдат, ведя их на смерть?

Чем зажгло христианство своих последователей, чем зажег их марксизм, многие проповедники которого не только не были выдающимися писателями, но часто были бездарны, тупы, грубы и жестоки. Вот так же я пытался читать «Майн Кампф», книгу весьма посредственную – но ведь несколько народов Европы впало в всеобщую истерию и пошло за маньяком. Так что сводить искусство, впечатление от него и воздействие его на толпу и народ к «передаче испытанных автором чувств» совсем ничего не объясняет, и мы понимаем еще меньше, чем читая у Гегеля, что «истина есть сама идея, как она сама в себе существует и мыслима. Идея же, проявляемая вовне, для сознания становится не только истинной, но и прекрасной. Прекрасное есть проявление идеи...»

«Если же талантливый к словесному искусству человек хочет писать повести и романы, то ему надо только *выработать в себе слог*, то есть выучиться описывать все, что он увидит, и приучиться запоминать или записывать подробности.»

Но, возможно, больше ничего и не нужно, кроме *слога*? Я слушал лепет ребенка, не понял ничего из звуков и рулад, но испытал почти такое же наслаждение, как от музыки. Так, может быть, в языке содержатся уже все романы, которые мы сочиняем, и не нужны никакие подробности, не нужны даже чувства, испытанные рассказчиком, а только полновзвучный и точный и богатый язык?

Что такое стихотворение?

«Соединение слов в наилучшем порядке, ...

Соединение слов наилучших по смыслу и звуку ...

...Нет, не порядок, не выбор, а дар!»

Я не объясняю, что такое стихотворение, никакое объяснение не поможет (?) его написать, если умение, искусство писать стихи – это *дар*.

Но «много званых, а мало избранных».

Меня позвали тоже, я это знаю, только, вероятно, меня забыли *избрать*.

И все, что я пишу, это только чувство и сознание моей ненужности, это недостаточность дара, несовершенство моих способностей выразить это чувство ненужности. Но народу совершенно не нужно и не интересно то, что чувствую я. Толстой не верит, что меньшая часть людей испытывает те чувства, мыслит те мысли, которые не входят в обыденное сознание большинства, ему кажется, что мы все одинаковы.

«Пока искусство не раздвоилось, а ценилось и поощрялось одно искусство религиозное, безразличное же искусство не поощрялось, – до тех пор вовсе не было подделок под искусство; если же они были, то, будучи обсуживаемы всем народом, они тотчас же отпадали.»

Искусство Пушкина не принадлежит к религиозному искусству, и Толстой произносит ему суровый приговор: Памятник Пушкину поставлен зря, он его не заслужил, его любовные стишки ничего не значат.

Я хотел вычерпать океан. Нет, это задача непосильная. Ставить точку поэтому рано, многое меня в рассуждениях Толстого и задевает и восхищает, независимо от того, верно это или нет.

Пока только добавлю об искусстве следующее.

В основе слова «искусство» древнерусские выражения «*искус* – опыт, проба, попытка, испытание, узнание» и *искусить*, то есть соблазнить, что показывает, что *искусство* так же связано с магией и грехом, как красота с прельщением (очарование – чары, восхищение – восхитить, прелестная – прелесть), а потому даже сам словесный ряд, связанный с понятиями красоты и искусства, чужд христианству.

Ну а так как искусство сродни *соблазнению*, то хотя и близко искусство литературе и философии, но между ними пролегает неуловимая пропасть, как между любовью и дружбой. В литературе и философии рациональное преобладает, они ближе к науке, следовательно, обращаются в большей степени к сознанию, воздействие же искусства на душу человека более похоже на воздействие вина, женских чар, колдовства, то есть в литературе скорее преобладает начало мужское, а в искусстве – женское.

Не эту ли пропасть так остро чувствовал Лев Толстой, не обвиняющий в грехе роман и зодчество, но чувствующий грех в поэзии, балете, живописи, музыке?

Отношения полов, эротическая (или плотская, обусловленная движением крови, как выражается Игнатий Брянчанинов) любовь связана с культурой, но мужчина пытается *искусить* женщину словом, то есть литературой и философией, женщина же звуками голоса, движениями тела, ее пластикой, взглядами, выражением лица, походкой, одеждой, то есть искусством.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ ИСКУССТВО КАК ТРИЕДИНСТВО

1. Определение понятий

13 августа 2014, среда, 7-13. Тронулись. Снова еду в деревню, теперь уже основательнее, вернусь в город в понедельник. Завтра придет милка, будет ухаживать за огородом и готовить еду, так что, надеюсь, сарай мне удастся достроить. Ну и по мере сил буду редактировать тексты для издательства и продолжать спорить с Толстым.

7-26. Одно мы созерцаем, другое создаем. Бог создал тот (объективный) мир, в котором мы живем, к тому же и нас Он создал тоже, но кое что удается прибавить к миру и человеку, вот, в частности, я разломал сарай, построенный не мною, и строю другой, поменьше. Еще пишу книгу, в которой размышляю в том числе и о том, как связаны эти два мира, построенный (возможно) для человека и достраиваемый человеком. Правда, надо помнить, что эти два мира не разделены метафизической пропастью, как и сарай, который я строю, не противостоит дому, к которому он пристраивается.

Искусство, статью о котором Толстого я так усердно и пристрастно читаю, тоже дело рук человеческих, состоит оно из множества произведений в стихах, музыке, живописи и из многого другого, причем иные произведения искусства нового времени поставили бы в тупик не только консервативного Толстого, но и прогрессивного меня, как, например, раскрашенная обнаженная девушка (живая). выставленная в Музее (правда. стоит она там не все время), поэтому – и не только поэтому – что такое искусство, ни Толстому ни мне определить пока не удается.

Надо еще иметь в виду следующее обстоятельство, которое затрудняет правильность рассуждений и выводов. Если химик встречается с некоторым явлением, например, коррозией (заржавлением) металла, то он отдает себе отчет в том, что это явление он не придумал, не собрал произвольно из нескольких случайных, не смел в мусорную кучу то, что негодно, а оно существует независимо от его воли, объективно – ну да, это природное явление, человек его не создавал. Но во многом инстинктивно что ли преобладает такая точка зрения, что язык – это собрание имен-ярлыков, которые мы произвольно раздаем абы чему, что видим и что выделяем из слитного всеобщего хаоса по своему хотению, и что Лес, Роща, Опушка, Поляна, Перелесок, Дубрава, Тайга, Мелколесье, Прогалина, Пролесок, Вырубки, Заросли, Полоса, Чернолесье, Ельник, Кедрач и тому подобное – это не необходимость соответствия языка и природной действительности, а хаотическое название произвольных частей множества так, как кому это вздумалось и уж как это сложилось. Надо вообразить, что существует строго очерченный понятийный мир, что существует некий цельный и строгий сознательный план, чертеж этой природной действительности, что она не только не хаотически возникла, но жестко сконструирована прежде в духе, в

сознании, словно бы даже в языке (который тоже надо представить уже существующим а не по произволу придумываемом «кому что нравится»), и этот воображаемый Образ действительности будет правильным, даже если она появляется во временном становлении и сама по себе. Вот так я бросаю камень куда хочу, и Бог не приказывает, и движение атомов не программирует и не детерминирует, но камень летит ПО ПАРАБОЛЕ, и с этим ничего поделать не могут ни Бог, ни произвол человека, ни детерминированная материя.

Приведу еще пример кажущегося Хаоса: представим течение реки, скажем Волги. Вода на берега давит, и они обрушиваются, берега давят на воду, образуются отмели и заводи, мели и перекаты, ветер гонит воду то сюда то туда, так что она временами течет против течения, рельеф поверхности, по которой Волга течет (движется) заставляет ее тоже метаться то туда, то сюда, то на восток, то на запад, то на север, то на юг, но неизменно на уроках географии школьники на вопрос учителя отвечают, что Волга течет с севера на юг и впадает в Каспийское море.

Процесс СТАНОВЛЕНИЯ претерпевают не только природные явления и природные личности, но тем более те, к которым прилагает созидательные усилия человек в труде и в творчестве. И хотя дом и дворец, замок и поместье создаются не сразу и словно бы кому как вздумается, но воля созидания подчиняется сознательному или бессознательному плану, или даже воле более могущественной, чем человеческая, даже когда эта воля незаметна. Даже если стихотворение поэт сочиняет словно бы по произволу и только от него как будто зависит, куда и какое слово вставить в строку, и что дальше писать в продолжение и в окончание, но Стихотворение всесильнее поэта, как только оно уже сформировалось как живое семя. «Когда строку диктует чувство, оно на сцену шлет раба. И тут кончается искусство, и дышат воля и судьба».

Или, напротив, искусство как раз и начинается, когда поэт становится рабом поэтической необходимости?..

Понятия существуют, и они уже существуют независимо от нас. Культура уже существует, она, как Волга, неукротимо стремится, берега давят, она стремится, ветер дует, человек строит плотины, но Волга впадает в Каспийское море. Существовая, культура производит различные формы и жанры (или распадается на них), она существует и как общеевропейское историческое явление и национально, для исследователя она уже ЕСТЬ, но она еще к тому же и СТАНОВИТСЯ, что затрудняет способность увидеть и рассмотреть то, чем она является.

Существуют гармония, красота, истина, добро и зло, сюжет и развязка, кульминация, образ, Идея, периоды, ... и так далее

Математик меня поймет легче, он знает, что протяженность, непрерывность, предел и точки разрыва, дифференцируемость и «гладкость кривой» он не сочиняет, а находит их в математической действительности, которую не он придумывает, и хотя математика *становится* тоже (для исследователя), и мы каждый год к ней что-то добавляем, но она уже ЕСТЬ (и читатель, возможно удивится, но уже есть не только та математика, которую

мы уже знаем, но и та, что еще нам неведома, ибо иначе мы бы могли сказать, что поскольку на обратной стороне Луны мы еще не были, то ее и НЕТ, и только когда мы на ней побываем, она появится и начнет БЫТЬ).

Итак, зная, что непрерывность сочиняет не он, математик не скажет, что «Красота – это только кому что нравится», и Истина – только согласие двух спорящих между собою, нет, он сначала будет размышлять или призовет волхвов.

Правда, и Толстой, не математик, исследует и размышляет тоже. Что такое искусство, как оно определяется, спрашивает он.

Для того, чтобы это загадочное определение найти, Толстой (помимо прочего, что мне по большей части неизвестно), прочитал десятки книг по эстетике, обдумывал их и рассуждал самостоятельно тоже. Ну а я читаю Толстого, заимствуя у него уже готовые определения из прочитанных им авторов, и тоже размышляю об искусстве и привлекаю к своим размышлениям разные соображения, прямо к искусству не относящиеся. Кстати, то обстоятельство, что я получил математическое образование, существенно, и математика в той или иной мере влияет на ход моих мыслей. Во многом мне еще помогают волхвы, они ко мне по ночам стали заходить, и хотя я сплю из-за этого плохо, но зато они помогают мне находить решения разных задач.

Итак, думаю я, почему нам так легко удастся определить, что такое треугольник или парабола, но об искусстве мы спорим? И, кажется, начинаю понимать.

Часто мы всматриваемся в туманные предметы, чтобы их узнать, пристальнее начинаем глядеть или подходим ближе, но не говорим наобум, не даем произвольного имени – так не то же ли самое с искусством? Оно ведь тоже нечто вроде треугольника, надо просто в него всмотреться, опознать, а не сочинять произвольные определения и потом спорить с другими?

Существеннейшая ошибка спорщиков состоит в том, что им кажется, что искусство мы придумали сами и сами пишем музыку и стихи, все расширяя то множество, которому ищем имя. Как если бы, встретив на грядке незнакомый росток и затрудняясь его назвать, мы бы его поливали и холили, чтобы у него появились некие определенные черты, и потом придумывали произвольное имя? Нет, мы смотрим в Атлас растений, там уже есть и наше растение, и мы радостно восклицаем: это Петрушка!

Так разве искусство придумали мы? Это стихи или песенки мы сочиняем сами, но именно сообразно тому целому, что существует помимо нас, и подходим к множеству, к полкам библиотеки, кладем наше на полку, а нам говорят: нет, это не сюда, идите на улицу, потом налево, там мусорный бак, туда и бросайте. Так что определить нам надо не ТО, что мы по произволу, якобы, составили из произвольных вещей, а то, что уже есть, описано и пронумеровано, и к чему не всякая новая вещь подходит.

С такой точки зрения, когда бы мы договорились о том, что Созвездие на небе создано еще до нас, оно уже сияет, в него надо всмотреться, разглядеть, какие в нем звезды и сколько, а потом уже назвать, дать имя и определить, споры бы стали продуктивнее и область их бы сузилась.

И искусство и математика – части культуры, а значит, они не разделены так, что совсем никак не соотносятся между собою – но мне возражают, что это математику мы не сочиняем по произволу, так как она описывает действительный мир, и потому существует, как и всякая наука, независимо от человека, и ее понятия, следовательно, тоже не произвольны. А произведения искусства относятся к миру воображаемому, субъективному.

Но *эстетика*, занимающаяся искусством, тоже наука, и ее понятия, следовательно, тоже не могут быть произвольны, и хотя мы сами *сочиняем* романы, но понятийный строй эстетики определяется ее логикой, а не кому как вздумается, что относить к искусству и что такое красота. Лев Толстой написал гениальный роман «Война и мир», и нельзя согласиться с тем, что при его оценке мнение невежд настолько же существенно, как и мнение культурных читателей, и что не достоверно, что это великий роман, а каждый волен считать по своему – так можно ли так же считать и верить, что искусство и красота – это то, что кому вздумается и что кому нравится?

2. Красота, Добро и Истина

И все же, не затрудняясь сказать, что *многоугольник – это фигура, образованная замкнутой ломаной без самопересечений*, я пока откладываю вожделенный миг, когда воскликну: Искусство это то-то и то-то... Нет, я пока еще не слишком в него всмотрелся, звезды в созвездии сливаются в облако, не все различимы и слишком их много.

Пока кое-что смогу сказать только о *Красоте*.

Если Мир таков, что он существует как Истина, Добро и Красота (как и логика, этика и эстетика), которые составляют триединство, в котором они и неслиянны и нераздельны, то не по тому же ли принципу существуют как сущности и сами члены этой Троицы, то есть Истина, Добро, Красота?

Клянусь красотою, но то, что я собираюсь по этому поводу сказать, я не придумывал и не сочинял, но вчера, около полуночи, когда уже я засыпал, явились ко мне волхвы и начали бормотать.

Красота, мой друг, сказали они, которою ты клянешься, не есть Единое, но так же троична, она суть и Гармония, и Совершенство и Очарование, которые ее три лица и три сущности, но так же в Красоте нераздельны и неслиянны.

И в самом деле, разве та красота, о которой пишет Пушкин: «Унылая пора, очей очарованье!» и «...моя мадонна, чистейшей прелести чистейший образец» – это не *очарование*? А «Звездное небо над головой», о котором пишет Кант, это *гармония*, как и движение планет по эклиптике вокруг солнца, и зимние снежные узоры на стеклах окон, и Северное сияние, и почти все природные явления, которыми мы восторгаемся. Итак, гармония проникает Природу, она ее скрепляет и придает ей форму; очарование освещает женское лицо, наполняет эстетически наши ощущения прекрасного, сообщает нечто таинственное нашим переживаниям восторга, умиления и печали.

Красоту же как *совершенство* мы ощущаем преимущественно в культуре, слушая музыку, глядя на величественные здания и изящные скульптуры, читая стихи, изумляясь точным формулам математики или философии.

Но чтобы понять до конца, что такое Красота, надо с этой же точки зрения увидеть и Добро и Истину. Сегодня я думал об этом весь день, и по дороге в деревню, и переделывая деревенские дела. Волхвы мне уже не помогли, поэтому я не уверен, что мои формулы безупречны.

Добро, думаю я, это и всеобщее Благо, и Доброта и Добродетель.

Возможно, когда Толстой говорил, что добро и есть Бог, он как раз и имел в виду вселенское Благо, которое заполняет мироздание как солнечный свет, как согласованность природных явлений и круговорот в ней веществ. Это благо выражается и в том, что Земля приготовлена для человека так, что словно бы она представляет собою склад с рядами полок, на которых располагается все нужное, и для пропитания, и для тепла и освещения, и для хозяйствования.

Благо словно бы созвучно гармонии, так что гармония есть благо, а благо есть гармония.

Доброта созвучна очарованию, а добродетель – совершенству.

Каковы же три лица у истины?

3. Лики Бытия

Три часа ночи, с 14-го на 15-е августа. Неудачно закрыл выюшку в печке, осталась головешка и сильно надымилась, я ее выбросил и мы пошли в баню, но и после бани в доме было дымно, и я отравился дымом. Да, возможно, еще и перепарился. И компьютер в темноте сверкал кроваво-красным взглядом, так что я проснулся. Разболелась голова, застучало сердце, ворочался и так и сяк, и мысли еще меня переполняли, заснуть уже не мог. К тому же, надо кое-что записать, пока не забыл...

Сначала я предыдущие рассуждения хотел выбросить и переписать, потом решил продолжать новые рассуждения, оставив прежнее как предварительный черновой набросок.

Итак, *Красота*, во-первых, *это гармония* (согласованность, ладность, соразмерность отдельных частей), во-вторых, *совершенство* и в-третьих, *завершенность* – что почти то же самое, но отчасти другое: совершенное значит наилучшее, относится к категории оценки – вот так ищешь единственное необходимое слово и наконец находишь его; в завершенности же – окончательность, полнота, высказанность.

Но *Красота* никак не исчерпывается гармонией, в ней еще *очарование*, *восхищение* (восторг), *прельщение* (соблазн). И в самом деле, разве та красота, о которой пишет Пушкин:

Унылая пора, очей очарованье!
 Приятна мне твоя прощальная краса.
 Люблю я пышное природы увяданье,
 В багрец и в золото одетые леса,
 В их сенях ветра шум, и свежее дыханье,
 И мглой волнистою покрыты небеса,
 И робкий солнца луч, и первые морозы,
 И отдаленные седой зимы угрозы...

– это не образец очарования (не удержался, чтобы не выпить строфу, как вино, до конца).

«Я помню чудное мгновенье...» – это восторг.

Что же такое «Буря мглою небо кроет...» – это, кажется, и *прелесть* (правда, разве природа нас соблазняет?), но нет, восторг и гармония!

Прелестна Наташа Ростова, и прельстительна, и она сама постоянно говорит это слово, восклицая: *Что за прелесть!* (Нет, не случайно Толстой стал шарахаться от красоты).

Прельщают и прельщаются девушки в ранней юности и в отрочестве, но не все, одни из них не расцвели и неуклюжи, а другие уже обрызганы утренней росой. Замечу кое что о своих отношениях с ученицами и попутчицами (хотя, если вдруг – что, правда, невероятно – стану я известен, то кто-нибудь из критиков накинется на меня за это, как В. А. набросился за то, что мой ветхий герой постоянно целуется). Но ... рискну. Так вот, они в меня нередко влюблялись, а чем я мог их притягивать? Вот уж во мне прельщения, соблазна не было, я сам притягивался к очарованию, но очаровывать не мог, *тайны* мужественности во мне не было, я от рождения был соединением поэта и философа, то есть восторга и размышления.

Красота как гармония противостоит Хаосу, именно она создала космос, следовательно, она божественна, и античные изваяния обнаженных женщин поражают и восхищают (хотя и восхищают, но и Бог восхитил апостола Павла до седьмого неба) именно гармонией, не соблазнительной красотой.

Не скажу ли, что в очаровании есть что-то от соблазна, падения, что-то от Дьявола, и нет ли семени его и в женщине в таком случае, потому что очарование все таки преимущественно относится не к природе, а к женщине?

Но сказанным Красота не исчерпывается, только она оправдывает и вышшаает Материю (впрочем, без материи она и существовать не может, даже красота поэтических строк не только духовна, в них блистает материя языка, именно через Язык художественное литературное произведение в наибольшей степени осуществляет себя как *красоту*), и только она, во-вторых, наилучшим образом связывает сознание с чувством, а тем более чувственностью. В гармонии же чувственности нет, античные музы и богини не соблазняют, напрасно апостол назвал их «идолами» (но для христиан, особенно в первое тысячелетие их господства, все, что от культуры, было от дьявола).

Так что же третье в Красоте? И какую своей ипостасью она спасет мир? Или всем в целом?

Не в том ли, о чем сказано «Есть упоение в бою И гибель бездны на краю!»?

Да, красота трагична, она и бездна, и край благонамеренного мира (как Настасья Филипповна, как Анна Каренина), она и глубина – в созерцании гармонии глубины, мне кажется, не слишком много, и в «Звездном небе» Канта, а вот следующие строки соединяют небо с человеком и трагичны:

Выхожу один я на дорогу.

Предо мной кремнистый путь блестит.

Ночь тиха, пустыня внемлет Богу

И звезда с звездой говорит.

В небесах торжественно и чудно,

Спит земля в сияньи голубом.

Что же мне так больно и так трудно...?»

Но тогда Красота – это гармония, очарование и трагедия – но чем же она спасает? Или в ней есть что-то еще? Или моя схема слишком рассудочна и не совсем верна?

4-26. Оставляю до завтра. Что-то думалось еще важное о Добре и Истине, но уже не могу вспомнить.

В ночной тишине понимание чище и глубже, но все же пусть явится ко мне Морфей и убаюкает, и музы что-нибудь еще нашепчут во сне...

15 августа, пятница, 9-34. Все мокрое, сижу в мокрых штанах и жду, как йог, когда они просохнут на мне. Во дворе все в лужах, сыро, но ветрено, если небо прояснится, тогда пойду работать руками.

Вспомнил вдруг Шопенгауэра и подумал, как много было прочитано еще в отрочестве и ранней юности, а потом напрочь забыто, и в последующие пятьдесят лет я был словно воздух, который веял куда хотел. Но, возможно, только поэтому есть в моих рассуждениях последних пятнадцати лет нечто самобытное, а не только повторение чужого. Однако, и чужое необходимо вспомнить, теперь я в нем почувствовал нужду (да, кстати, вот почему шестнадцатилетняя очаровательная Танечка О. после первого вечера знакомства, когда я четыре часа кряду ей что-то рассказывал, воскликнула с восхищением: *Какой вы умный!*)

Мир, который мы созерцаем, который если и познаем, то только в созерцании, это мир, данный нам односторонне и бедно, лишь в представлении. Но он не только объективен, но и субъективен, не только не-Я, но в еще большей степени Я, а Я входит в мир преимущественно как Воля и деятельность, как Творчество и Труд и преобразование мира, (И христианство следовало бы назвать Учением о пассивном – страдательном отношении к миру, учением о противостоянии активному – действенному к нему отношению.) (Вспомнились еще «Афоризмы житейской мудрости» Шопенгауэра, и я тогда понял русский упрек немецким мыслителям в человеческой мелкости, приземленности их личности. И немецкая аккуратность вытекает из их мелочности и осторожности. Шопенгауэр особенно нападает на дуэли, а после этого попалась мне книжка про Отто Скорцени – наверное, это был никакой не ариец, а славянин. Да в немцах и течет треть славянской крови, если смотреть на национальное их глазами!)

Итак, Воля проявляется как творчество и труд и преобразование мира,

Магия чисел завораживает, многое троично (или тройственно) или кажется троичным, но при тщательном рассмотрении оказывается, что Троица больше характеризует внешний мир, мир без человека, а в полноте внешнего и внутреннего, объективного и субъективного бытие в целом скорее опишется пентаграммой, то есть как истина, добро, красота, воля (деятельность, труд) и познание. Но и это не все. Любовь и чувственность и тайна распада человека на мужчину и женщину, тайна пола – нечто самостоятельное, отдельная категория существования. Сколько ни войи с чувственной любовью, от этого она не исчезнет, так можно закрыть глаза чтобы не видеть то, что не хочется, но бытие невидимого остается.

Итак, «чаша бытия» наполняется, в ней уже истина, добро, красота, труд и творчество, познание, любовь и чувственность.

3. Способность Различения и Мера

Поздний вечер, 23-19. Вдохновение иссякает, и поскольку источником его в последнее время является Толстой, то надо вернуться к его статье и продолжить ее чтение.

«Искусство всенародное имеет определенный и несомненный внутренний критерий – религиозное сознание; – пишет Толстой, – искусство же высших классов не имеет его, и потому ценители этого искусства неизбежно должны держаться какого-либо внешнего критерия. И таким критерием является для них, как и высказал это английский эстетик, ВКУС the best nurtured men, наиболее образованных людей.» С этим Толстой не только не согласен, но против этого он и воюет.

В спорах о том, что является тем или другим, что такое искусство, художественность, красота, каковы достоинства того или иного произведения, как его оценить, как великое или ничтожное, или и вовсе вынести за скобки рассуждения и спора, ценно ли искусство, что такое ценность, что такое ВКУС и Критерий (МЕРА) – в спорах обо всем этом, как и об Истине, христианстве, добре и зле, красоте и дисгармонии, уме и глупости, марксизме, позитивизме, научности, Духе и Материи – мы рискуем завязнуть как в болоте или, что еще хуже, потеряться в разлившейся безбрежно реке, когда невозможно уже найти, где ее русло, а где бесконечные старицы и заводи.

Надо найти несомненные ошибки спорящих и отталкиваться от них.

Есть Бог и Дьявол или нет их и где они? И только я отвечаю просто и так же бесконечно глубоко, как глубоки они сами. Представление о том, что Бытие исчерпывает само себя, возможно, верно в научном отношении или с точки зрения той части философии, которую мы называем гносеологией. Познание и разъяснение дает нам картину мира как единства – но если бы разъяснение было единственной причиной, по которой мы действуем, живем, а тем более влюбляемся и безумствуем в наших страстях, то не было бы существа несчастней человека. Мир НЕ един, Бытие не исчерпывается собою, уже непостижимая Граница мира указывает нам на это, но она не является границей Бытия и Небытия, но Границей Бытия и Инобытия. В этом мире существуют эманации Бога и Дьявола, сами же они НЕ часть нашего мира. Но поелику мы способны только в Мифе и в Чуде соприкоснуться с Инобытием, только на границе его, о которой и повествует Миф, то и всё, что мы знаем, что узнаём в Постижении, Прозрении, Вдохновении, Благодати, относится к Мифу (а, следовательно, не совсем научно).

Чтобы возразить теории и положению, ищут противоречия и указывают на них. Непротиворечива же может быть только математика. Миф противоречив, иначе он уже не миф, а пошлая вырождающаяся идеология, обреченная ломаться и рушиться, а не гибко раскачиваться под ветрами жизни и нападок со стороны других мифов.

Христианство – это миф, естественно, оно внутренне противоречиво, но именно это и позволяет ему быть жизненным и воздействовать на людей, как и марксизму.

Величайший из мифов, существующий у всех народов – Искусство.

Истинность одного мифа оспаривать или оправдывать другим мифом нелепо, хотя умудряются иные в дом, в котором они живут с женой, приводить и любовницу.

Но что значит принимать Миф? Это Брак с ним, как и с женщиной. Вот почему бессмысленно доказывать, что Миф Неверен. Он верен, как и та женщина, с которой ты создал семью.

В наше время возможны разводы, но не то чтобы одну ночь с одной, другую с другой, как у бывших марксистов, ставших христианами, но как у меня, все отрочество и часть юности отдавшего марксизму, и продолжающего с ним спорить до сих пор, затем пятьдесят лет прожившего в браке с христианством, и вот подавшего в Суд на Развод с ним.

Эти три Книги – протоколы судебных заседаний.

Таким же разводом с Культурой является книга Толстого об Искусстве.

В искусстве «всенародном» искусство существует только как прикладное искусство, либо служащее церкви, и тогда оно вторично, не стоит даже говорить об его критериях, сущности и цели, оно не самостоятельно (как и коммунистическое искусство), либо крестьянское, но в нем религия значит так же мало, как и в искусстве высших классов, или по крайней мере, это религия другого типа, то, что называется язычеством, и что входит в искусство так же, как в него входит Театр.

Христианство и Культура противостоят друг другу как два самостоятельных мифа.

Но культура разве исчерпывается искусством? В ней существует философия и наука, обширнейшее место в ней занимает литература, в которой преобладает не образ, а мысль и рассуждение. Но поелику понятие художественности почти синоним искусства, то *художественная литература* является подлинно собою и достигает полноты только через искусство. А все прочие разделы ее в той или иной степени соединяются с нею, дополняют ее, как хозяйственные пристройки дополняют дом, как подруги возлюбленной и «третий лишний» создают полноту любовного романа.

(Кстати, некоторых хорошеньких девушек я называю очаровашками. Но мало кто знает, откуда в моем словаре появилось это слово. Дело было так. На втором курсе я дружил с одной девушкой, особой привлекательной и умной. Мы гуляли, разговаривали, ходили в мороженицу. И вдруг у нее появился интересный юноша, или, лучше сказать, красавчик. Естественно, я перестал с нею встречаться – ибо я никогда не соревновался ни с кем в том, чтобы быть первым. Девушка загрузила, пришла ко мне и сказала: «Вася, я предлагаю встречаться троим, с ним я уже поговорила, он согласен. Понимаешь, он такой очаровашка, что я не могу его бросить, на него все даже оглядываются. Но без тебя мне скучно. В общем, ты будешь разговаривать, а я на него буду смотреть.» И мы даже сходили вместе в мороженицу, но мне было неловко «пялиться» на чужую девушку, и я сбежал, прихватив с собою очаровательное словцо.)

Но продолжаю.

Христианство и Культура (в лице преимущественно искусства) противостоят друг другу как два самостоятельных мифа.

Так же отчаянно сражался с христианством марксизм, потому что он был мифом до глубины души, в нем не было ничего, кроме мифа, как в некоторых мужчинах и женщинах нет ничего, кроме мужественности или женственности (или их более узких проявлений).

Но я опять отвлекся.

Христианство разделилось на течения, сначала на католицизм и православие, потом на протестантские течения, затем из них выделились более узкие формы и ответвления (секты). Существует ли критерий, по которому можно определить, которое из течений представляет собою истинное христианство, а которое ложное? Разумеется, нет, даже мормоны, хлысты и скопцы уверены, что именно им принадлежит истина веры.

Вот так же отшельникам являются видения духов, но Инквизиция имеет свои собственные критерии различения духов от бесов (которые тоже являются отшельникам, особенно в виде прекрасных и соблазнительных женщин). Хотя не все в наше время согласны с их способами различения.

Способность различения одного и другого входит в наши чувства и восприятия, в наши способности суждения, иначе мы не могли бы отличать холодное от горячего, верное от неверного – а отличие верного от неверного вовсе не в том, что мы договариваемся что-то считать верным, а другое неверным (как наивно утверждает Лев Толстой), ведь вот договорились как будто считать, что Солнце вращается вокруг Земли, но тут является Коперник и все кувырком! – итак, верность и неверность заключены в бытии и в отношениях идей и предметов так же, как гармония, как соленое и кислое, как притяжение земли и солнечный свет – они несомненны, но не по договору.

Разделение суждений на верные и неверные – свойство бытия, той формы его, которую мы называем Логикой, верность сосредоточивается в собой категории духа, называемой Истиной. Так же разделение явлений, предметов, идей, сущностей на красивые и некрасивые заключено в бытии. Человеку же дана способность отличать не только духов от бесов, но и красивого от некрасивого, пошлого от целомудренного и тонкого, совершенного от случайного и половинчатого, высокого и возвышенного от низкого, величественного от мелкого, глубокого от поверхностного, очаровательного, пленительного, изящного, притягательного от отталкивающего – и эта способность называется ВКУСОМ, в частности, в музыке – СЛУХОМ. Вот так же способность видеть называется ЗРЕНИЕМ. Но и зрячие ошибаются, и слышашие, и воспринимающие, и потому то, что мы нечто видим и слышим, еще не гарантирует нас от ошибок, от того, что наши оценки верны. Критерий справедливости наших оценок, во-первых, тот же вкус и слух, Мера, которую мы мерим, во-вторых, культура и образование.

Но есть ли критерий критерия?

Даже История не гарантирует нас от ошибок, даже целая жизнь, и доказательством этому является мой бракоразводный процесс.

Так что же, мы обречены вечно сомневаться, вечно не знать Истины?

«Доказать нельзя, но можно проверить!», сказал старец Зосима у Достоевского. Да, можно проверить. Для этого надо подойти к Границе, где начинается Инобытие.

4. Возможно ли взаимопонимание?

Многие люди, не испытывавшие религиозных чувств, полагают, что религия не имеет значительного, тем более чрезвычайно богатого содержания, что она сводится, во-первых, к *вере*, то есть к убеждению в существовании Бога (особое мистическое *состояние* Веры нерелигиозному человеку неизвестно), во-вторых, к молитвам, то есть просьбам к Богу о помощи в разных житейских затруднениях, и в третьих, к библейским рассказам во-первых из истории богоизбранного народа, во-вторых, к истории Иисуса Христа (Рождества, проповедей, Распятия и Воскресения) и в-третьих, к рассказам из жизни святых.

Но если говорить о христианстве, то не только оно само по себе обладает значительным содержанием, но оно неотделимо и от всей исторической и культурной жизни Европы. Чтобы это понимать, нужно хорошо знать историю Европы в ее значительнейших событиях и идеях, историю войн, особенно религиозных, революций, историю философии, историю средневекового искусства.

Решительный разрыв культуры и религии произошел лишь в конце восемнадцатого столетия, а именно в результате Великой французской революции, и самостоятельное существование, независимое от религии, Культура насчитывает только двести с небольшим лет. Такое же самостоятельное существование имеет в Европе и политическая история народов и государств.

Верующий человек, жизнь которого неотделима от переживания религиозных чувств, переплетена с религией от рождения до смерти, так что ее главнейшими вехами являются крещение, венчание, религиозные праздники, молитвы, и, наконец, отпевание. Ему кажется, что истинная жизнь и полнота жизни достижимы только в Боге, все же остальное лишь мнимая значительность, мнимая содержательность.

В крайностях те и другие настолько категорично отрицают значение противостоящего им мифа, что воспринимают его не только иронически, не только как заблуждение, но и как пустоту и пошлость или даже как нравственное и духовное падение или извращение смысла жизни. Таково отношение неверующего человека в особенности к монахам (но даже верующий человек, великий Ухтомский, пришел к выводу, что монашеская жизнь бессмысленна). Так же подлинно верующий человек воспринимает светскую жизнь, как разврат и бессмысленность.

Пушкин начинает собою, одним из первых, новую историю, в которой церковь и религия перестали играть главенствующую роль, и для многих из образованного класса такую главенствующую роль стала играть культура или частная или государственная жизнь.

О сколько нам открытий чудных
 Готовят *просвещенья дух*
 И опыт, сын ошибок трудных,
 И гений, парадоксов друг,
 И случай, бог изобретатель...

Просвещения дух не только не религиозен, но прямо даже анти-религиозен, особенно в церковном значении религиозности, по Вольтеру. А Пушкин читал Вольтера, как и все его окружение, как Екатерина великая, его дядя и Карамзин...

Итак, начался Век просвещения, век, в котором не пророки, не святые, не вожди церкви играли первую роль, а поэты и философы, век, в котором именно Пушкин заслужил наивысшую оценку, которую только может заслужить смертный – Аполлон Григорьев сказал о нем: **«Пушкин наше всё!»**

А что же говорит о нем Толстой, разведясь с культурой и вступая в брак с христианством?

«Пушкин пишет свои мелкие стихотворения, «Евгения Онегина», «Цыган», свои повести, и это всё разного достоинства произведения, но всё произведения истинного искусства. Но вот он под влиянием ложной критики, восхваляющей Шекспира, пишет «Бориса Годунова», рассудочно-холодное произведение, и это произведение критики восхваляют и ставят в образец, и являются подражания подражаниям: «Минин» Островского, «Царь Борис» Толстого и др. Такие подражания подражаниям наполняют все литературы самыми ничтожными, ни на что не нужными произведениями. *Главный вред критиков состоит в том, что, будучи людьми, лишенными способности заражаться искусством (а таковы все критики: если бы они не были лишены этой способности, они не могли бы братья за невозможное толкование художественных произведений), критики обращают преимущественное внимание и восхваляют рассудочные, выдуманые произведения, и их-то выставляют за образцы, достойные подражания.* Вследствие этого они с такою уверенностью расхваливают греческих трагиков, Данта, Тасса, Мильтона, Шекспира, Гете (почти всего подряд); из новых – Зола, Ибсена, музыку последнего периода Бетховена, Вагнера. Для оправдания же своих восхвалений этих рассудочных, выдуманных произведений они придумывают целые теории (такова и знаменитая теория красоты), и не только тупые, талантливые люди прямо по этим теориям сочиняют свои произведения, но часто даже настоящие художники, насилуя себя, подчиняются этим теориям. ...

Только благодаря критикам, восхваляющим в наше время грубые, дикие и часто бессмысленные для нас произведения древних греков: Софокла, Эврипида, Эсхила, в особенности Аристофана, или новых: Данта, Тасса, Мильтона, Шекспира; в живописи – всего Рафаэля, всего Микеланджело с его нелепым «Страшным судом»; в музыке – всего Баха и всего Бетховена с его последним периодом, стали возможны в наше время Ибсены, Метерлинки, Верлены, Малларме, ... в музыке – Вагнеры, Листы, Берлиозы, Брамсы, Рихарды Штраусы и т. п., и вся эта огромная масса ни на что не нужных подражателей этих подражателей.»

Попадает в основном критикам, в частности, и мне, но и о Пушкине пишется в пренебрежительном тоне. (Впрочем, главный огонь пылающих стрел красноречия направлен против главных врагов христианства: античной культуры, благодаря которой началось в культуре Европы Возрождение, и титанов Возрождения.)

Но попадает и всем тем в девятнадцатом столетии, которые продолжают традиции светского искусства.

«Лучшей иллюстрацией вредного влияния критики может служить отношение ее к Бетховену. Среди часто по заказу, второпях писанных бесчисленных произведений его есть, несмотря на искусственность формы, и художественные произведения; но он становится глух, не может слышать и начинает писать уже совсем выдуманные, недоделанные и потому часто бессмысленные, непонятные в музыкальном смысле произведения.»

<А потом еще > «...является Вагнер, который сначала в критических статьях восхваляет Бетховена, именно последнего периода, и приводит эту музыку в связь с мистической теорией Шопенгауэра, столь же нелепой, как и сама музыка Бетховена,— о том, что музыка есть выражение воли,— не отдельных проявлений воли на разных ступенях объективизации, а самой сущности ее,— а потом уже сам по этой теории пишет свою музыку в связи с еще более ложной системой соединения всех искусств. А за Вагнером являются уже еще новые, еще более удаляющиеся от искусства подражатели; Брамсы, Рихарды Штраусы и другие.»

«... что Пушкин был человек больше чем легких нравов, что умер он на дуэли, т. е. при покушении на убийство другого человека, что вся заслуга его только в том, что он писал стихи о любви, часто очень неприличные.»

Это пишет Толстому его корреспондент, но по всему тону текста Записок об искусстве видно, что Толстой думает о Пушкине так же, если не хуже.

5. Существование полов. Эротическая (чувственная) Любовь. Апостол Павел, Игнатий Брянчанинов, Лев Толстой

"Всенародное искусство" хорошо, потому что религиозно и передает чувства, понятные всем, пишет Толстой, искусство высшего класса тлетворно, потому что *«почти все чувства людей нашего круга сводятся к трем, очень ничтожным и несложным чувствам: к чувству гордости, половой похоти и к чувству тоски жизни.* И эти три чувства и их разветвления составляют почти исключительное содержание искусства богатых классов.

.... из этих трех чувств чувственность, как самое низкое чувство, доступное не только всем людям, но и всем животным, составляет главный предмет всех произведений искусства нового времени.

От Боккаччо до Марселя Прево все романы, поэмы, стихотворения передают непременно чувства половой любви в разных ее видах. Прелюбодействие есть не только любимая, но и единственная тема всех романов. Спектакль – не спектакль, если в нем под каким-нибудь предлогом не появляются оголенные сверху или снизу женщины. Романы, песни – это все выражение похоти в разных степенях опозтизации.

... Это все произведения людей, больных эротической манией. Люди эти, очевидно, убеждены, что так как их вся жизнь сосредоточилась, вследствие их болезненного состояния, на размазывании половых мерзостей, то и вся жизнь мира сосредоточена на том же. Этим же большим эротической манией людям подражает весь художественный мир Европы и Америки.

Так что вследствие безверия и исключительности жизни богатых классов искусство этих классов обеднело содержанием и свелось все к передаче чувств тщеславия, тоски жизни и, главное, половой похоти.»

Прочитав сие, я приуныл, потому что Толстовские инвективы (злбные выпады) точно характеризуют искусство последних ста лет, и прямо острием пронзают лично меня, потому что и большая часть того, что я читал и что меня восхищало, обнимает собою формула Толстого, и что я чувствую, воображаю, о чем часто размышляю, и о чем преимущественно пишу. Но эта формула обнимает собою и обычную жизнь обычных людей в эти же сто лет, потому что наполняется эта жизнь той самой любовью, которую так немилосердно поносит Толстой, словно он не великий писатель, написавший " Войну и мир" и Анну Каренину и нарожавший детей и внуков и многих потомков, а проповедник безбрачия апостол Павел или бездетный монах Игнатий Брянчанинов.

«Искусство богатых классов свелось все к передаче чувств гордости и тщеславия, тоски жизни и, главное, *половой похоти*.» – ну а чему посвящена Анна Каренина?

Что уж они, эти ненавистники ПРИРОДЫ, человеческой и божественной, «круговорота веществ в природе», вращения планет, солнечных затмений, северного сияния, буйного произрастания лесов, лугов, полей и огородов, брачных игр в животном царстве и пения птиц, а особенно соловьев – так ее возненавидели? Сами то они не в результате ли той же *половой похоти а еще похоти очей (да и похоти слуха)?*

Любовь, Красота и Жажда наслаждения, то есть «похоть» – неразделимы, в том числе материнское и отцовское чувства, и любовь детей к их родителям, и «любовь к отеческим гробам» (по Пушкину), семейная и родовая привязанность, *народность*, язык (то-то радовался апостол Павел, что «отныне несть ни эллина ни иудея», а есть только «сухая смоковница»!

Это не *люди лунного света*, это *сухие смоковницы*, несчастные либо в семейной жизни, как Христос и Лев Толстой, либо в женской любви, как апостол Павел, Савонарола, Торквемада и Игнатий Брянчанинов.

Самое умильное, что есть в любви, то есть любовь между женщиной и ее ребенком, и то из того же корня, что и все мы, и наша лирическая поэзия и наши романсы, как это доказывают Фрейд и Вейнингер (и это не так уж неверно). Не буду хвастаться женской любовью, это должно оставаться за границей моей литературы, ибо это слишком близко к тому, что должно быть прикровенно, но буду хвастаться дружбой, которой меня награждали мои соученицы в отрочестве, и в которой не было похоти (хотя и всякая дружба рождается – онтологически, метафизически и трансцендентно – из родового, да хотя бы и из того только, что мы родились когда-то, и наши родители любили), но буду хвастаться необыкновенными чувствами, связывавшими меня, преподавателя математики, с моими ученицами, школьницами и студентками, и три восхитительные из них еще десять лет назад целовались со мною на Невском! Буду хвастаться теми влюбленностями, которые переживали ко мне еще «несмышленные» девочки, и не одна ли из них даже упала с велосипеда, показывая мне, как лихо она на нем ездит?

Детской любовью не стыдно хвастаться, даже перед Толстым и Игнатием Брянчаниновым (хотя, впрочем, этот охаял всякую любовь, в которой есть *движение крови*, кроме любви к Богу, то есть любви инобытийной, не внимая словам апостола Петра, что Бога никто никогда не видел, и как же тогда мы Его можем любить, если не любим брата своего, которого видим?)

Может быть, мне возразят, что имеется в виду любовь беспололая, словно брат мой не родился, и словно не *рождение* проклиняется христианством?

Как же любить Толстому Пушкина, если и гордость и гордыня, то есть и привязанность к дворянской чести, и хвастовство пращурами – все это в Пушкине даже с лихвой, и даже пронизывает его литературу, и даже актуально сегодня: *«Куда отвинем строй твердынь?*

За Буг, до Ворсклы, до Лимана?

За кем останется Вольнь?

За кем наследие Богдана?»

Да и сама дуэль Пушкина (а потом Лермонтова), дуэли и других русских поэтов вызывают в русском поклоннике поэзии не презрение, а гордость за наших поэтов!

Но в Пушкине есть и все остальное, что ненавистно Толстому и христианам: любовь к женщине, пронизывающая все его творчество; уныние и тоска, наполняющие многие его стихи: *Цели нет передо мною, Сердце пусто, празден ум, И томит меня тоскою Однозвучный жизни шум...*

Но любовь пронизывает и наполняет всю мировую поэзию и литературу, и корень всех искусств – античность, и даже почти все мифы. Разве Троянская война и Илиада не из-за прекрасной Елены? Разве кульминация странствий Одиссея – не домогания женихов и верность Пенелопы?

Толстой не любит Бетховена и современную ему музыку, но вот цыганка есть одна, говорит он, Варя Панина, она божественна!

И это действительно так, она поет замечательные романсы и песни, разумеется, о любви, но Толстой ведь только что сказал о них так: *Романсы, песни – это все выражение похоти в разных степенях опоэтизирования.*

Вообще это распространенная точка зрения, что существуют те или иные душевные и плотские движения и потребности, выражающие собою нечто естественное, как например, желание выпить и закусить, а дух – только нечто вроде замысловатого узора на простой вышивке жизни, и вот такое же естественное плотское движение – жажда соединения полов, которую, почему-то, хочется скрывать за занавесью любви. или даже ясно почему – потому что это постыдное чувство. Вот так чувствует Толстой и думает, что мы чувствуем то же самое, или хочет, чтобы мы так чувствовали. И когда он говорит о «половой любви», то это звучит еще хуже, чем похоть, потому что там откровенное желание, а здесь лживое прятанье за ширму.

Так что на самом деле никакой любви нет, а есть желание наслаждения, называющее себя любовью, любовь же существует только к ближнему.

Впрочем, в действительности и любви к ближнему нет, она только средство, через любовь к ближнему, как объясняет Игнатий Брянчанинов, человек любит Бога.

6. Адапте. Мир как воля и представление

Чтобы понять, в каком мире и для чего мы живем, мы в него всматриваемся, читаем книги, рассуждаем.

Но чтобы жить, мы в этот мир вмещиваемся, пашем поля, добываем уголь и нефть, строим дома и сараи и пишем книги. Как соотносятся Представление и Воля, трудно сказать, но ответа на большинство своих вопросов я не получил: другие на мои вопросы не отвечают, мне самому не удается ответить, я выкипаю в ссорах с теми, кто думает по другому. Надо успокоиться и осмотреться, говорю я сам себе, и заново сформулировать мои вопросы, точнее и глубже.

Но воля более действенна. Хотя и говорили деревенские, чтобы я не ломал сарай, *ибо не мною поставлен, не мне и ломать*, а надо ждать, пока сам не развалится (и таких разваливающихся сараев и даже домов в наших двух деревушках немало), но я его все же сломал, хотя, как на поле битвы за справедливость своей точки зрения, чуть не погиб под его обломками (прилежный читатель эту историю знает).

Итак, я жив, плечо шито, я и косить могу, и даже сарай доломал, а сегодня, наконец, сложил в один штабель все оставшиеся от него бревна и жерди, – все то, что еще не сгнило и не распилено на дрова. Сегодня же почти весь мусор, оставшийся от него, перенес за баню, часть мелкого высыпал у изгороди на провалившуюся грядку. Новый сарай почти окончен, ну, неделювторую буду доделывать уже по мелочам, хотя, впрочем, надо сделать двери и вставить окно, которое подарила мне Зоя.

Что же закончу раньше, сарай или эту книгу?

Теперь надо бы сформулировать заново вопросы, на которые пытаюсь ответить, но прежде небольшое Объяснение.

Многое из того, что считают другие, что считается истинным в рамках того или иного учения-мифа, что кажется несомненным по инерции, я отрицаю или исправляю: кое-что новое утверждаю сам, но при этом не озабочиваюсь серьезными доказательствами несправедливости точек зрения, отвергаемых мною, и не слишком занят поисками обоснования своих собственных утверждений.

Дело в том, что я не пишу научный труд, диссертацию на соискание ученой степени, пояснительную записку к той или иной теории мироздания. Я пишу нечто вроде частного письма, ну, скажем, подруге; если же она от меня откажется, то пусть это будет письмо моему Богу (тому, которого я воображаю, так что верующих прошу не хвататься за нож, я переписываюсь и спорю с собственным Богом); если от меня откажется мой собственный Бог, то пусть это будет посмертное письмо Льву Толстому (как от Буркова к Шукшину); если же и Лев Толстой от меня откажется, то я все равно закончу свой труд, но тогда это уже будет письмо к самому себе, как Марка Аврелия, который, все же, нашел своего читателя, через две тысячи лет его прочитал я. Не исключено, что через две тысячи лет кто-то найдет и мою книгу и ее прочитает.

Мне чуждо христианское смирение, я не посыпáю голову пеплом и не

говоря, что меня никто не читает, потому что пишу плохо, так как и статью Толстого об искусстве никто, кроме меня, не читает, а Толстой писал точно хорошо, с этим все согласились. Вот и я пишу хорошо. К тому же я математик, и пишу математически безупречно.

Но тут необходимо еще одно Объяснение.

Существовала Философия, почти две с половиною тысячи лет, каждый следующий философ *нёс* что-то своё, спорил с другими, но не начинал философию с чистого листа. Ульянов-Ильин в 1910 году, ни слова не понимающий в философии, ее всю отменил, написал толстую претенциозную книгу «Материализм и эмпириокритицизм», ее все читали, хвалили, восторгались, писали диссертации, и только единственный человек из двух миллиардов прогрессивного человечества, то есть я, утверждал, что это бред недоучившегося студента, лишенного *слуха к философии* (как бывают люди, *лишенные слуха к музыке*). Но наш студент был канонизирован и прогрессивное человечество на него молилось, и он был величайшим философом всех времен и народов, пока не произошли тектонические сдвиги в земной коре и в истории, и памятники его не свезли на свалку.

Сегодня, обращаясь к учебникам философии, мы не найдем там имени Ульянова, если только в разделе курьезов.

Вот почему в своих Записках, адресованных то очередной подруге (пока она не приходит к выводу, что я *самовлюбленный эгоцентрист*), то моему Богу (а Он меня еще временами терпит и даже вытаскивает из-под обломков сарая и с операционного стола), то Льву Толстому, то отдаленному потомку (через две тысячи лет), я не пишу в подзаголовке «Новый опыт философии», нет, но или «Полуфилософские записки», или «Записки Редактора», или, возможно, когда меня отчислят и из редакторов, подпишусь «Записки читателя».

Поэтому я пишу так, как хочу, и не доказываю ни свои опровержения, ни свои утверждения ссылками на более авторитетных философов, богословов и писателей и поэтов, но привожу цитаты из них как мне заблагорассудится.

В эстетике я тоже не ввожу новых определений и даже не даю определения Искусства и Красоты. Тут как раз кстати напомнить гегелевские слова о саморазвитии Идеи. Если математик пишет о *треугольнике*, то он находит в словаре его определение (или его вспоминает), но не сочиняет своего, потому что определение треугольника единственно, потому что он не зависит от нас, как и солнце, и никто солнцу не дает собственного определения, отменяющего все чужие. Эти объективно существующие предметы и идеи растут как лопухи у забора, мы их можем созерцать, измерять, но не утверждаем, что это капуста или сельдерей. Вот что имеет в виду Гегель: Не всё мы придумываем как художественный роман, мы не придумываем математику и эстетику, философию и даже неевклидову геометрию. Романы придумываются, а математика и эстетика «саморазвиваются» (не буду уточнять, понимающий поймет, непонимающему объяснять бесполезно).

Существует литературная критика, но это отрасль публицистики (или

журналистики), они выражают точки зрения их авторов и не претендуют на доказательства теорем. Кстати, если кто-то упрекнет меня, что я не понимаю, что *несу*, то привожу к сведению, что я написал Учебник высшей математики, один из лучших, по мнению некоторых первоклассных математиков, и доказал теорему, обосновывающую классически строго понятие вещественного (иррационального) числа. Это совсем не малый вклад мой в математику, а то, что обо мне никто ничего не знает, кроме подруги (да и то она думает, что я *самовлюбленный эгоцентрист*), ничего не доказывает и не опровергает, над Лобачевским в журнальных статьях его времени даже издевались, пока император их не окрикнул.

Итак, Толстой приводит множество цитат из книг по эстетике за сто пятьдесят лет, приходит к выводу, что кроме субъективности в них ничего нет, что красота – это кому что нравится, а истина – это то, о чем между собой условились, но о большей части того, что он прочитал, говорит, что это ему (и никому) не понятно (Никита Сергеевич Хрущев, как вы помните, на выставке современного искусства, где был представлен и тот великий скульптор, который позже поставил памятник ему на могилу, заявил еще утвердительнее: «Народу это не понятно!» Впрочем, то же заявлял неоднократно и Лев Толстой.)

Просматривая современные статьи об эстетике, я вижу, что она значительно с тех пор развилась, усложнилась и приобрела черты стройной математической почти теории, хотя мне по большей части ее положения не понятны тоже. Что бы Толстой сказал вот по этому поводу (мой товарищ Б. О. приглашает меня на семинар и извещает, что он «будет посвящен объединению усилий в картографировании пост-теологического поля, образовавшегося в результате технического и спекулятивного поворотов в философии. Основной конфликт на этом поле разворачивается между «теологией творительного падежа» (технотеологией) и материалистической диалектикой совпадений (коинсидентологии). Метод первой – религиозно-техническая сборка/разборка вещей, основным актором которой является любовь как переизобретение ничто. Для второй основным методом является прояснение удерживания-вместе разделённого, понятого как субстанция и как совпадение. От выбора предельной ставки – любви или совпадения – зависит общая стратегия оккупации этого поля.»?)

Я не скажу, что это чепуха, но и не комментирую, потому что ничего не понимаю, я еще в девятнадцатом столетии.

Но я понимаю центральную мысль Толстого: ***Искусство должно быть понятно народу, а народу понятно (как он думает) только искусство, служащее религии.***

Так как я решил больше не кипеть, ни по поводу искусства, понятного народу, ни по поводу «***любви как переизобретения ничто***», то теперь возвращаюсь к списку вопросов, которые я хочу заново составить для самого себя, и в третьей части сей книги попытаюсь на них ответить.

Споры идут вокруг Мифов. Толстой на место искусства поставил Миф христианства как единственной и окончательной Истины, в которой все

освящено авторитетом Богов и священного Писания, все истинно и безупречно и неопровержимо (потому что, как добавил потом Ильич, истинно). Я этот миф не оспариваю. Но Толстой не удерживается в рамках христианского Мифа, он переходит по существу на поле марксистской эстетики и заявляет, как Хрущев, что искусство должно быть понято народом, и не должно содержать ничего о гордости, любви и разочаровании.

Ладно, не буду спорить.

Я нахожусь в ином бытии, у меня мой собственный Миф, его я называю Мифом Искусства, это Миф о новой действительности и новой Истине и новом Инобытии, но находящемся в СТАНОВЛЕНИИ.

В этом мифе почти эллинические представления (так как я впал в детство человечества), в нем эротическая Любовь, гармония и Красота, Истина и Катарсис как цель Трагедии. И многое другое, о чем говорил и еще скажу...

А теперь мои вопросы.

Уайльд утверждал, что «всякое искусство совершенно бесполезно», и это вменял искусству в заслугу, ибо его цели в нем самом, а Толстой в бесполезности упрекает искусство, только частично его оправдывая тем, что оно отчасти полезно религии, во всем же остальном бесполезно, разоряет народ, и это вменял он искусству в вину.

Религия же, напротив, воспитывает человека и народ, дает ему нравственную опору и смысл жизни, поддерживает "страх божий" и предохраняет от соблазнов и развращения.

Но так ли это? На содержание церкви и духовенства тратится, условно говоря, десятая народных доходов, и не больше тратится на искусство, которое, как полагают сегодня, и воспитывает, и образует народ, и отвлекает от разврата и пьянства, и возвышает. Религиозный миф узок, в Заповедях Моисеевых хотя и указано «возлюби Бога, не убий, почитай родителей, родителям же должно заботиться о детях, а жене повиноваться мужу», но ничего не говорится ни о защите Отечества (что первейший долг человека, и что русская литература восхваляла), ни о Труде, ни о Творчестве, ни о необходимости образования и познания, без чего все остальное воздвигнуто было на песке невежества и послушания. И Христос велел возлюбите Бога и ближнего, и сказал, что этого достаточно. (Не так ли и русские большевики полагали достаточным любить Партию и исполнять ее указания?)

Культура неизмеримо шире, если современный человек любит отечество, заботится о семье, живет для блага семьи и народа, то это в нем воспитали семья и школа, литература и театр. Да, нередко потом он, *духовной жаждою томимый*, идет и в церковь, уже будучи просвещенным, и из христианского мифа творит свой собственный – точно так же, как из женщины, в которую мы влюбляемся, творим мы богиню и совершенство. Но так ли это? Но и с любовью, когда она захватила в полон, не поспоришь, и с ненавистью, когда она захватила в полон, не поспоришь тоже.

И все же – формулирую свой вопрос.

Христос обещал счастья лишь «малый остаток» своего народа, остальные

проклянут даже тот день и час, когда родились; враги человеку – домашние его, возвестил он, лучше не прикасаться к женщине и не рождасть детей. Богатых он осудил, трудящихся возвысил – но и труд, и творчество, и познание мира, и культура почти не занимают места в его проповедях и в проповедях его учеников. Любовь к женщине и детям не проповедуются, даже дружба, подвиги по защите Отечества не упоминаются, о необходимости образования и воспитания не говорится, о необходимости изменить жизнь на земле не только не говорится, но всякая общественная деятельность осуждается, ибо единственная добродетель – смирение, а самый страшный грех – гордыня.

Что же находит в христианстве, враждебном к человеку, возвеличивающем рабство и невежество, образованный человек?

Почему Толстой противопоставил христианство культуре, возвеличил христианство и унизил культуру? Мне это не понятно, но Толстой, по крайней мере, принял безумные утверждения христианства и возвысил их как окончательную истину, и его я в этом даже понимаю, но современный образованный человек НЕ ПРИНИМАЕТ в христианстве НИЧЕГО – и вместе с тем противопоставляет его философии, литературе, культуре в целом как ИСТИНУ? Не принимая, не понимая частности?

Вот мой первый вопрос.

Коммунизм выступил на европейской арене как интернационализм, враг сословного и национального общества, враг *национальной идеи*, уничтожил половину русского народа, подорвал в русском человеке чувство национальной принадлежности и гордости за русскость, разгромил Российскую империю. Как русский человек может антирусские коммунистические взгляды считать высшей истиной?

Вот мой второй вопрос.

Современное буржуазное общество в России тоже антинационально, оно АНТИ всего достойного: культуры, образования, личности, нравственности. Оно и пограло коммунистические идеалы тоже, унизило труд.

И тем не менее, чуть ли не большинство моих современников, особенно моего поколения, сторонники правящего режима. Как это объяснить?

Вот мой третий вопрос.

Вопросов еще много, но, вероятно, я и на эти не смогу ответить.

7. И все же только Красота спасет Мир

Гордиться следует не только девятнадцатым столетием, восемнадцатый век тоже характеризует необыкновенную мощь русского народа, не только войны, выходы к морям, строительство новых городов, но и великие землепроходцы, открывавшие новые земли в Ледовитом океане и в северной части Тихого океана, что неизмеримо труднее, чем путешествия к берегам Америки. Да и фундамент литературы и поэзии закладывался в этом столетии, без Державина, Карамзина, Жуковского не было бы Пушкина.

Закладывался фундамент культуры не только в том, что изменялся язык, становясь менее тяжеловесным и более гибким и выразительным, хотя,

отчасти, теряя в силе и мощи, но и в том, что культура начала осваивать новое содержание. Человек прежде жил, условно говоря, в церкви, слушал молитвы, церковную музыку, смотрел на иконы и фрески и готовился к смерти, теперь же он начал жить в деревне или в городе, кроме храмов увидел архитектуру усадеб, дворцов, садов и парков, стал ходить в театр, музей, концертный зал, танцевать на балах, прижимая к себе прелестное женское тело, пить шампанское, отдаваться страстям и мечтаньям, то есть развратился, говоря по Толстовски. Но темы творчества расширились необычайно.

"Пока свободой горим", "Я помню чудное мгновенье", "Ветер мглою небо кроет", "Поднимем бокалы, содвинем их разом", "Выхожу один я на дорогу", "И кто-то камень положил В его протянутую руку", "Я, мать Божия, ныне с молитвою", "Я встретил Вас, и все былое", "Не то, что мните вы, природа"...

Личность расширилась до целого мира, культура расширилась до личности, – вот что произошло.

Прежде существовали Бог и Царь и Спасение души, теперь появилась неизменно сложная **действительность**, представляющая из себя естественную повседневную жизнь, соединяемую с культурой.

Личность освободилась, вышла за ворота тюрьмы.

Возможно, там она, лежа в тюремном гробе, оставалась бы невинной, теперь она начнет дебоширить и грешить – и все таки невинность смертного бытия хуже грешной свободной жизни.

Но культура, литература и искусство, оторвались от "простого народа", утверждает Толстой – как будто МИФ христианства не был еще больше оторван от "простого народа"! Я этот народ видел в деревне уже через полвека после Толстого, но уверен, что Толстой его выдумал, он ведь не был крестьянином, крестьянского труда он не знал, тяжелого, для прокормления семьи, не знал страха перед неурожаем и перед недоимками, когда крестьянин от налогового агента прятал скотину в лесу...

Да, простой народ не поймет музыки Вагнера, не поймет дифференциального исчисления (или *простой народ* понимает послания апостола Павла и суть спора его с Петром и Иоанном?), но не поймет *простой народ* и спора Коперника с Птолемеем (а заодно и с Ветхим Заветом, в котором все так, как у Птолемея, но не так как у Коперника).

Не то чтобы я так пренебрежительно относился к простому народу, из которого и я сам, тем более, что в отношении образованности я сильно уступаю графу Толстому, именно потому, что он граф, а я мужичий сын, но я учился в школе у прекрасных учителей с дореволюционным университетским образованием, потом в лучшем в мире университете, где меня учили лучшие в мире преподаватели, моими наставниками-друзьями были великие люди из вымирающей прежней интеллигенции – ну как мне согласиться с Искупителем, что только *нищие духом блаженны*? Тем более что моя бабушка не умела читать, мать моя начала читать уже в возрасте ветхом, как ныне и я (и как был Лев Толстой, когда писал свои удивительные статьи против искусства) – но ни они ни я не были нищи духом? ...

Я думал уже спор закончить, но нет, надо будет посвятить ему еще главу.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ БЫТИЕ КАК Я и ВСЕОБЩЕЕ

1. Что такое субъективное?

21 августа, четверг, 8-31. Снова еду в деревню, но уже неосновательно. Необходимость и Обязательства перед другими людьми не отпускают меня на вольную волю надолго, хотя бы на неделю. Нет, куда бы ни шел, чем бы ни занимался, кандалы волоочу за собой.

Устал, но и теперь делаю не то, что от меня требуется, пишу для себя, спора с Толстым, а требуется от меня, чтобы я редактировал то, что написали другие.

Где же свобода, где же МОЯ свобода, существует ли она?

Я вот рассуждаю о мифе, то о христианском, то о марксистском, говорю, что в них много общего – но что делает миф Мифом, чем миф отличается от романа, от научного исследования, от работы, от действительной жизни (в которой, кажется, тоже есть не только сумма происшествий, то есть сырая реальность, но и роман, и научное исследование, и работа, и миф)?

Рассуждая об источнике мифа, о его собственном, личном, я увидел, что рассуждать надо о слишком многом, чуть ли не обо всем на свете.

Что ж делать, попробую последовательно перечислить все то, что приходится рассмотреть, чтобы увидеть, наконец, и то, что ищу.

Начну с *субъективного* и *объективного*, на которые распадается все сущее, или через которые оно существует. Ибо нет Бытия, но есть только Я и НЕ-Я, а о последнем Кант говорит, что оно черт его знает что из себя представляет, оно не является нашему сознанию как чистое НЕ-Я, поскольку в сознании оно уже *яйно*, субъективно. Так всякая сухая вещь, которую мы пытаемся пощупать в воде, неотвратимо промокает, но так же и все то, что в НЕ-Я удастся нам чувствовать: видеть, слышать, обонять, осязать, - и осознавать, уже теряет свою чистую неяйность, а то, чем оно было до того, пока мы не прикоснулись к нему чувством и мыслью, мы можем только представить как нечто, что, возможно, ЕСТЬ и само по себе, а не только как результат нашего восприятия, но что это такое, мы не можем знать, не прикасаясь созерцающим и сознающим Я, то есть не превращая в яйное (хотя, впрочем, и *представление* о том, что *вне Я* есть и нечто само по себе, независимое от Я, уже *яйно*). Так в шутку можно спросить, знает ли кто-нибудь вкус ненадушенного яблока?

Но страдание объективного, обреченного при встрече с субъективным терять целомудрие, получать лишь от Я право быть (ибо оно само в себе не может наделить себя этим правом – если только не наделяет его им Бог), меня "мало колышет" - меня колышет страдание *субъективного*. Являюсь ли я собою, субъективно ли субъективное, остаюсь ли я Личностью, а Личность остается ли мною?

В познании неизменно происходит изменение познаваемого, мы на него смотрим из некоторого центра наружу, из Я в мир, и даже когда мы смотрим

на субъективное, мы его отделяем от себя, *объективируем*, как говорит Бердяев. Вот я рассуждаю о психологии Личности, о ее свободе, исследую ее "Пол И характер" – разве я рассуждаю о самом себе? Разве Личность и то, чем она владеет, это тот "Единственный и его достояние", о котором написал нам великолепную книгу Штирнер?

Личность существует двойко. Во-первых, это я сам, разговаривающий с самим собою и с читателем, и такой же другой человек, отдельный, частный, конкретный, например, моя жена. Но преимущественно личность в политике, социологии, истории, тенденциозной педагогике мифа существует только как "понятие личности", как личность *вообще*, как всеобщая личность, как, так сказать, идея личности... Вот так же существует тот или иной человек, соприкасающийся с нашей жизнью, и один нам приятен и люб, а другой нам хуже разбойника лютого, но существует еще и "ближний", которого мы любим или должны любить, но даже чукча его не видел.

Чье право, чью свободу, чье достояние мы защищаем, о чьем благоденствии и счастье печемся? "Человек – это звучит гордо!" – воскликнул "Буревестник революции" – и эта самая революция, а потом строительство "нового счастливого общества" вбили в землю, превратили в прах десятки миллионов этих, "звучащих гордо". Пытаясь защитить провинившуюся одноклассницу от классного собрания, на котором ее осуждали и унижали, я сослался на звучащего гордо человека, но справедливо учительница меня одернула: "Буревестник" говорил о Человеке с большой буквы, а мы все пока еще с маленькой!

Так и христианская действительность не останавливалась перед истреблением миллионов неверных, непокорных, чужих, отколовшихся, согрешивших, предавшихся дьяволу, ближних среди истребляемых не находя. И когда меня самого осуждали, приговаривали, сажали, унижали, обличали – коммунисты и христиане – ближнего они также не находили во мне, но только дальнего. И когда они топили ведьм, якобы возлюбляя человека, топили они вражеское семя.

Но могли ли христиане любить человека, если в центре их Мифа образ согрешившего человека, порочного, мерзкого, изгнанного даже "любящим и милосердным" Богом из Эдема, если даже их святой восклицает, что его святость хуже мерзости перед Богом?! Если и когда, по словам Христа, настанет конец света, Бог явится как тать в ночи, и пожнет всех как серпом, и спасется только *малый остаток*, остальным же сера и скрежет зубовой и лучше бы им не родиться!!!

Христианство – это религия другого человечества, не того, которое здесь, а того, которое там.

Такова же религия коммунизма. Когда она на знамени своем пишет, что *все для человека, все во имя человека* то это не я и не мой домочадец или собеседник, не действительный человек, а существующий лишь *объективно*, человек всеобщий, абстракция (или тот, который на съезде, и которого видел чукча).

Но существует ли индивидуальность, отдельный, конкретный человек, и где он существует, если только не сам в себе?

Индивидуальный человек, помимо тех, которые существуют в нашей личной жизни, существуют в культуре, но особо в ее отдельных частях. В-первых, в художественной литературе, в романе (в гораздо меньшей степени, как ни странно, в рассказе... или не странно... При переходе от рассказа к повести происходит индивидуализация, наполнение схематического, контурного человека житейским содержанием); во-вторых, отчасти, в драме, в смешанных жанрах, например, в опере, в романсе, в песне, хотя и двойко, в живописи – в портрете, в скульптуре... Да и то, как предписывалось социалистическим реализмом, советский писатель стремился заменить индивидуальность Типом, из Действительности, которая синтез реальности и культуры, реальности и Мифа, вытеснить реальность совсем.

Меня поучали, что когда я пишу о себе, то и в этом должен быть не-я, а человек всеобщий, каждый должен во мне опознать себя, как каждая девушка себя в Наташе Ростовской, а каждый комсомолец – в Павке Корчагине. Нет, шалишь, во мне себя вы не опознаете, я еще не все о себе рассказал, если надо, приоткрою такое, что вы от меня еще шарахнетесь! Последнее убежище моего Я, частного, индивидуального человека, я не позволю никому у меня отнять (хотя и в нем моё Я, конечно, двойко, но это по моему хотению, я создаю из себя литературный образ, героя, Миф).

Миф и мифологическое сознание враждебны подлинному индивидуальному человеку, они его стремятся подменить *человеком вообще*.

2. Я и не-Я, Любовь и Свобода

Свободой клянутся многие, но клянущиеся охотнее всего подменяют или заменяют свободу рабством. И в русском человеке, увы, вдруг после мятежа начинает преобладать верноподданное коленопреклонение Но по мне лучше уж Ставрогин, «Человек из подполья», Раскольников, чем умилившийся новообращенный в ту или иную веру.

Возлюбите Бога, затем ближнего, проповедует Иисус Христос.

Любовь к ближнему – не самоцель, это средство, путь к любви к Богу, поясняет Игнатий Брянчанинов.

Свобода, равенство и братство! – главный лозунг Великой французской Революции.

«*Обнимитесь, миллионы!*» – восклицает Гете как свое выстраданное, и вслед за ним повторяет Толстой: «Религиозное сознание нашего времени в самом общем практическом приложении его есть сознание того, что наше благо, и материальное и духовное, и отдельное и общее, и временное и вечное, заключается в *братской жизни всех людей, в любовном единении нашем между собой.*»

«...Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто» - говорит апостол Павел. Ибо «Любовь долготерпит, милосердствует, ... не гордится, не бесчинствует, *не ищет своего, ...все покрывает, всему верит, всего надеется, ...*»

Итак, помимо частной жизни, индивидуальное, личное проявляется в Романе, в Дrame, в Портрете, в скульптуре.

Наука исследует только всеобщее, она не имеет дела не только с отдельным человеком, но и с частным явлением, даже наука о человеке, социология, физиология, психология, медицина.

Значительная часть искусства точно также обращается к человеку всеобщему, но Миф поднимается даже над ним, он заменяет землю и небо на Новую землю и Новое небо, даже человека всеобщего, сохраняющего черты непосредственной жизни, стремится заменить на инобытийный образ. В советское время вдруг появились «разведчики будущего», оказывающиеся словно бы в ином времени, действительный герой романа заменялся вообразимым идеальным образом (и предписывалось изображать действительность не такую, как она была, а какую должна была быть), даже жизнь подлинного христианского подвижника заменялась на *Житие*.

Обычное сознание заменялось «мифологическим».

Если Миф, создаваемый визионером, Пророком, Святым, Подвижником, передавал их собственный мистический опыт, данный им в Откровении, пусть и в форме особенного, то общественное мифологическое сознание оказывалось оторванным и от мистического опыта, как правило, не принимая и не понимая его, и от действительности.

Вот так и оказывалось, что «все для человека, все во имя человека», но ради этого абстрактного человека уничтожались памятники прошлого, преследовалось инакомыслие, следователи ЧК выбивали на допросах зубы, расстрельные команды после трехминутного рассмотрения дел «по спискам» сотни и тысячи отправляли в наспех выкопанные рвы на пустошах на окраинах городов.

Вот так и оказывалось, что подлинная христианская религия (которая и сама является сложным мифом, соединяющим новое учение Христа и Его учеников с иудаизмом), в центре которой ветхозаветный миф о первородном грехе и грядущем Мессии – Искупителе этого греха - божественной кровью, и мистическое содержание которой состояло в Вере, той трансцендентной, непостижимой вере, которой достаточно было иметь с горчичное зерно, чтобы горы передвигать, замещалась Заповедями Моисея и «Моральным кодексом» строителя нового общества.

Если религиозное сознание вмещается всё в одну формулу: *Обнимитесь, миллионы!* – то зачем Христос, зачем христианство?

Только затем, чтобы человек Нового времени морализировал на тему, что надо друг друга любить, притом или всех *любить*, по Толстому, или только *уважать* (но не жалеть) по Горькому?

Сколько людей, столько христианств, столько социализмов, столько мифов, создающих мифологическое сознание, в которое погружается человек, но уже ничего не имеющих общего с подлинными Мифами, определяющими характер Истории.

Общим для всех типов мифологического сознания является пренебрежение к конкретному человеку, народу, стране, культуре, истории, подмена конкретного содержания абстрактными мифологемами. В коммунистическом учении исторически сложившиеся сословия превращаются в классы, народы

либо в народные массы, либо в новую историческую общность – советский народ или в христиан в христианстве, семья либо упраздняется (в монашеской коммуне) либо превращается в «ячейку общества».

Мифологическое сознание подменяет подлинный Миф упрощенным суррогатом, словно бы неким переводом с небесного на примитивно-земной, как правило совершенно отличным от подлинника, и когда такой подменой занимается образованный человек, разводишь руками: Да читал ли он Капитал? Читал ли он Евангелия и Послания апостолов?

Миф иррационален, суррогат рационален. Миф противоречив, перевод прямолинеен как фельдфебель.

Разнообразие заменяется на единое, исключительное на случайное, тайное на неоткровенное.

Мифологизируется все, от обыденного до необычного, но если в исходном Мифе разнообразие упраздняется, превращаясь в понятие о всеобщем, то в мифологизировании оно еще и профанируется. Прежде всего, это справедливо для Любви.

О какой любви говорит апостол Павел? Поскольку он, призывающий не жениться и не выходить замуж, не может говорить о любви между мужчиной и женщиной, не может говорить о семейной любви – здесь он ветхозаветен, жене приказывает повиноваться мужу, детям – почитать родителей, родителям – заботиться о детях – но ни слова не говорит о любви, стягивающей их в единый узел, даже когда семья распадается и любовь становится трагической (как в Анне Карениной и как у самого Льва Николаевича Толстого, в его собственной семье, из которой, и из Ясной Поляны, он бежал, не в силах претворить в жизнь свои теоретические измышления), то апостол говорит о любви воображаемой, не только не существующей в действительности, но и не являющейся идеалом для подражания, целью стремления. Сначала кажется, что речь идет о любви-понятии, любви как *всемирном притяжении*, обладающей теми особенностями, которыми обладают разные виды и роды ее, но нет, в понятийной любви существует, во-первых, Предпочтение, выделение из множества предмета любви – а у Павла она простирается ко многим, чуть ли не ко всем, во-вторых, существует Сочувствие, которое только примиряет, приближает чужое к себе, а у Павла речь идет об изливаемой вовне страсти, пренебрегающей собою, это, по-видимому, любовь к членам христианской общины, в которой все как один и один как все. Таково ли отношение к подлинно чужим, к самаритянам и хананеям? Я пришел спасти (только) свой народ, но уж раз вы так верите, то и вам изольется толика моей благодати – вот каков смысл слов Спасителя, обращенных к ним. Не мог и Павел призывать их любить так же, как и своих.

Подлинная любовь всегда *выделяет и разделяет*, она всегда Предпочтение, когда исчезает предпочтение, тогда нельзя говорить о Любви как том особенном чувстве, которое дано человеку и которое переживается им, и которое есть даже у ангелов, которые меня любят, как я это уже доказал однажды.

Подлинная любовь, не из мифа, именно *ищет своего*, хотя она временами и вправду несправедлива, все *покрывает*, то есть стремится оправдать тех, кого любит, такова любовь к своему народу, такова любовь к женщине, которая может преодолеть даже кровную связь с народом, как у Ондрия в Тарасе Бульбе... Но – не все постижимо и рационально объяснимо, у Тараса – любовь ли к Родине, то Товарищество ли, о котором он так вдохновенно говорил и которое поставил выше любви в своей речи, и подлинно перевесило кровную связь с своим сыном. Ну а что любовь *всему верит, всего надеется*, этого в избытке только в любви к женщине, нет этого даже в дружбе, или только отчасти.

Принес ли Христос Любовь в мир, или сначала Меч, то есть разделение и соединение на новых началах? Да. Он, как и обещал, разделил брата с сестрою и детей с родителями. Это ли любовь?

Эллинов и иудеев он отменил, соединив их в новый народ, христиан, но человечество не стало единым народом, и само христианство разделилось на ненавидящие и враждующие ветви (как *даже сегодня*, когда христианство еле теплится, хотя бы в отношениях на Украине, хотя бы в отношениях между Россией и Европой, в Ирландии с Англией, в бывшей Югославии), а тем более в отношениях между христианством и Исламом.

Но и христианская секта большевиков-коммунистов (а одним из ее провозвестников, учителей и пророков является Толстой, а вовсе не подлинным христианином), отменив Народы, призвав к ненависти к собственным правительствам и переходе на сторону правительств чужих (что и совершили русские солдаты в первую мировую (Отечественную) войну, братаясь с немцами и истребив своих офицеров, а адмиралов даже сбрасывая с кораблей на штыки, в чем еще русскому народу надлежит глубоко и страстно покаяться, если он еще надеется воскреснуть), затем начала соединять их и разделять по другому принципу, пролетариев в один народ, крестьян в другой, всех остальных, подлежащих уничтожению, в третьих - и сколько бы еля ни излили потом коммунисты, и сколько бы красноречивых обещаний они ни давали, и сколько бы благодеяний, как кажется нынешним одуревшим бывшим советским, слезливо вспоминающим прежнюю беззаботную советскую жизнь и «счастливо Сталину за счастливое детство», они не совершили, но простить им выделение в третий народ подлежащих уничтожению и уничтоженных - НЕЛЬЗЯ.

3. Так какие же задачи решает Искусство?

23 августа, суббота, 17-46. Не хотелось ехать томительной электричкой, да еще в Вишере ждать два часа пересадки, поэтому сел в Окуловке в Анапский поезд. Выиграл полтора часа времени, переплатив не менее чем 600 рублей, а значит, час жизни стоит 400 рублей, сутки стоят 10 000, год (пересчитаю в доллары) – сто тыщ долларов...

Это я по подсказке Чехова пишу о всякой чепухе, мол, если не расписался, то хоть про пятно на стене... но не всегда надо слушаться знаменитых писателей, поэтому возвращусь к уже избитой мной теме, то есть к искусству.

Чтобы решить, что такое искусство, а, следовательно, какое из того, что предлагают нам его творцы, подлинное искусство, а какое – подделка под него, Толстой сначала дает определение тому, какие задачи решает искусство, и оказывается, оно «есть деятельность человеческая, посредством которой *одни люди передают другим свои чувства*, а не есть служение красоте или проявление идеи и т. п.», и с этой точки зрения он приходит к выводу, что *«почти все то, что считается искусством, и хорошим, и всем искусством в нашем обществе, не только не есть настоящее и хорошее искусство, и не есть все искусство, но даже вовсе не есть искусство, а подделка под него.»*

Вот удивительно, что сложному и мудреному возражать проще, чем простому, детскому, почти примитивному. Ведь во всяком серьезном, особенно задушевном, разговоре, особенно если еще и под рюмку, один из собеседников, если ему именно хочется рассказать о своем наболевшем, непременно передаст слушателю свои чувства, а если тот будет еще их пересказывать, то это, по Толстому, будет подделка. Но именно так случилось с знаменитой песней «Когда я на почте служил ямщиком»: в трактире Сырокомля выслушал исповедь хмельного ямщика, через три часа написал стихотворение на польском языке, через несколько лет провинциальный русский поэт перевел его на русский язык, и в конце концов сокращенный его текст послужил основанием песни, ставшей всенародной. Я слушал исполнение этой песни с полным текстом, мне кажется, что так она была глубже и драматичнее, но в сокращенном виде она понятнее большинству. Не потому ли Бунин намеревался сократить и «Войну и мир» Толстого, чтобы сделать этот роман популярнее? Критерий подлинности – понятность... популярность... Прав Хрущев, говоря о диссидентствующих художниках, что *народу они не понятны?* Понятен ли народу сам Толстой? Толстой подкрепляет свою правоту постоянными ссылками на Бога и религиозное сознание, но адресата искусства видит в народе, а не в Боге. Но справедливо ли это? И действительно ли цель искусства состоит просто на просто в передаче чувства от одного к другому?

Произведение искусства бывает удачно, неудачно, совершенно или неумело, и самому творцу или зрителю, слушателю, читателю даны способности восприятия и справедливой оценки (допустим это как необходимое для того, чтобы продолжение разговора имело смысл).

Когда Бог создал мир, Он посмотрел на него и сказал: Вот, хорошо!

То ли Он и хотел создать? Возможно, он знал, что надо делать, приступая к творению, но иногда замысел чувствуется интуитивно, вне рационального плана, по мере творения мы словно прислушиваемся, в такт ли нашему слуху звучит творение. Следовательно, по крайней мере с некоторого момента творение подает голос, вступает в диалог, направляет действия творца. Я об этом говорю так, что в творении заключается некоторая идея, которая воплощается творцом, и когда она воплощается ПОЛНО, без изъянов, то это воплощение *совершенно*.

Следовательно, совершенство не «что кому нравится», ибо всякому нравится свое, а нечто *необходимое*.

В работе, когда делаешь некоторые изделия при изготовлении целого, то, что я говорю, понятно любому. Вот я вчера вделывал окошко в сарай, проем уже был, и мне надо было вставить четыре бруска, в которые я должен был поместить это окошко. Бруски я скреплял гвоздями, но если бы мне удалось их отрезать так, чтобы они вставали в проем без зазора, то и гвозди были бы не нужны. Итак, что надо было сделать, и что именно из надобного как раз и является совершенством, мне ясно, думаю, со мною будет согласен и каждый плотник. Есть что-то и в *становящемся* стихотворении, что определяет его форму, и в романе. И во многих других творениях мастера, строит ли он дом, сарай, пишет ли симфонию или роман...

Я уверен, что точно так же писал свои романы и Лев Толстой, и не заботило его, будет ли он понятен народу, передаст ли читателю то, что он чувствует (потому что его романы никак не исчерпываются чувствами, которые он испытывал в тот или иной момент времени, да и какие именно чувства он испытывал, так как писал он свой роман целых семь лет).

В основе Искусства нечто органическое, как и в основе Языка. И то и другое – метаЛичности, они родились когда то, пережили детство и отрочество, юность, становление, наступила зрелость, возможно, в ту или иную эпоху они переживают упадок, как и человек. Если о человеке, правильно ли он живет, согласно ли своему предназначению, судить трудно, и многие суждения бывают ошибочны, то тем более это верно в отношении искусства.

Итак, критерии верности и неверности, совершенства и несовершенства, подлинности или подделки существуют, они находятся отчасти в самом искусстве, отчасти в Культуре в целом, ибо искусство является его частью, отчасти в культурном обществе, ибо ... возможно, культура является его частью. Или наоборот? Так как я не пишу, что мне вздумается, спросонья, наобум, наугад, или кому что нравится, то об очень многих вещах я пишу неуверенно, в них и другие не очень сведущи, а те, которые сведущи, кажется мне, не сведущи совершенно.

Такая точка зрения, что то или иное словно вырастает, осуществляя свое внутреннее предназначение (как яблоня или репа), не всеми разделяется, большинство думает, вероятно, что искусство – это сумма всего того, что написали, нарисовали, слепили и так далее те, кто этим дерзнул заняться, а совсем не растение, в судьбе которого мы играем некоторую роль, например, поливаем, подрезаем, рыхлим почву, но не от нас зависит, чтобы из репы выросла яблоня... Ну, ладно. Я ее доказывать не буду, возможно, ее так же сложно или невозможно доказать, как и то, что есть Бог.

Нет, не ограничивается искусство передачей чувств от одного к другому, и не думает творец о том, какие именно чувства он собирается передать, тем более что в сложном произведении искусства невозможно и определить, из чего оно состоит, что передает, к кому обращается...

Да, возможно, не это и важно в той страстной речи, с которою обратился Толстой и к миру художников, музыкантов, поэтов и к высшему обществу, для которого они творят. И те и другие несправедливо живут, потому несправедно и их искусство – вот что он утверждает. Но ПОЧЕМУ?

4. Понятность и «заразительность»

Итак, передать свои чувства зрителю, это главная задача художника (и в этом весь смысл искусства), говорит Толстой.

Но чувства художника должны быть точно и глубоко восприняты, продолжает он, следовательно, простой передачи чувств еще недостаточно.

Необходимо своими чувствами *заразить* зрителя.

«Чем сильнее *заражение*, тем лучше искусство, как искусство, не говоря о его содержании, то есть независимо от достоинства тех чувств, которые оно передает.

Искусство же становится более или менее заразительно вследствие трех условий: 1) вследствие большей или меньшей **особенности** того чувства, которое передается; 2) вследствие большей или меньшей **ясности** передачи этого чувства и 3) вследствие **искренности** художника, то есть большей или меньшей силы, с которой художник сам испытывает чувство, которое передает.»

Но представим себе, что математика или физика или астрономия – не что иное, как способ, которым люди обмениваются между собою своими мыслями относительно устройства мира, космоса, движения звезд... И чем искреннее и ярче я излагаю свои мысли о строении вещества, тем моя наука более настоящая... И чем большему кругу людей я понятнее...

Ну, Толстой возразит, что с наук спрос иной, там нужны специальные знания, а в искусстве важна только *передача своих чувств от одного человека к другому*...

Но разве существуют одни чувства без мыслей?

Правда, особая форма искусства состоит в передаче именно мыслей, в *заражении* ими слушателей (я имею в виду искусство оратора) – но справедливо ли, что успешность такого заражения доказывает совершенство и превосходность того, чем заражаются слушатели? История разрешила наш спор в мою пользу. Чем ниже, чем примитивнее уровень того, что обрушивается в сознание слушателей, тем воздействие сильнее, и самые успешные манипуляторы народных масс – Савонарола, Троцкий, Гитлер. Говоря о передаче чувств, о заразительности ими наибольшего числа людей, Толстой словно бы ведет речь только о древних или средневековых зрелищах, и под художником имеет в виду скорее лицедея, циркового артиста, гладиатора или тореадора. Да и какое искусство кроме этого *понятно народу*?

5. Хорошее и дурное искусство. Назначение искусства

Но Толстой понимает, что для того, чтобы искусство было подлинным, недостаточно передать свои чувства вовне, недостаточно ими заразить толпу, надо, чтобы художник мог сказать о себе, как Пушкин (нелюбимый Толстым), что «*чувства добрые я лирой пробуждал*». Не всякое заразительное искусство хорошо, понимает это и Толстой, и спрашивает сам себя:

«Чем определяется хорошее и дурное по содержанию искусство?»

.... как происходит эволюция знаний, то есть более истинные нужные знания вытесняют и заменяют знания ошибочные и ненужные, так точно

происходит эволюция чувств посредством искусства, вытесняя чувства низшие, менее добрые и менее нужные для блага людей более добрыми, более нужными для этого блага. *В этом назначении искусства.* И потому по содержанию своему искусство тем лучше, чем более исполняет оно это назначение, и тем хуже, чем менее оно исполняет его.»

Да, сложно Толстому возражать. В разные эпохи искусство различно, соответственно эпохе, а начиная с "так называемого Возрождения" искусство претерпевает упадок, вырождается, особенно в Новое время, но вдруг он говорит об эволюции общества, а соответственно и искусства от низшего к высшему, и оказывается, что назначение искусства в том, чтобы вытеснять в людях «чувства низшие, менее добрые и менее нужные для блага людей более добрыми, более нужными для этого блага».

Почти по Пушкину.

Но Пушкин шире такого узкого педагогического утилитаризма, он еще надеется быть *любезным народу тем*, что «в наш жестокий век восславил я свободу» - но, кажется, свобода Толстому кажется излишней.

Я не согласен с Толстым, но о назначении Искусства мне сказать нечего, другие об этом скажут (или сказали) лучше меня.

6.»Партийность» искусства. Искусство как служанка религии

«Оценка же чувств, то есть признание тех или других чувств более или менее добрыми, то есть *нужными для блага людей*, совершается религиозным сознанием ... Религиозное сознание это бывает всегда ясно выражено некоторыми передовыми людьми общества и более или менее живо чувствуемо всеми. ....

Религиозное сознание в обществе все равно, что направление текущей реки. Если река течет, то есть направление, по которому она течет. Если общество живет, то есть религиозное сознание, которое указывает то направление, по которому более или менее сознательно стремятся все люди этого общества.»

«...искусство, передающее все самые разнообразные чувства, посредством которых люди общаются между собой, не осуждалось и допускалось, *если только оно не передавало чувств, противных религиозному сознанию.* ...»

«Если в человечестве совершается прогресс, то есть движение вперед, то неизбежно должен быть указатель направления этого движения. И таким указателем всегда были религии. Вся история показывает, что прогресс человечества совершался не иначе, как при руководстве религии.»

Оставим в стороне войну против науки, которую вела церковь, отстаивая те взгляды на мир, которые соответствовали религиозному учению. Забудем про сожжение Джордано Бруно, Галилея и Сервета, про гонения в отношении многих других...

Но идея Прогресса разве соответствует религиозному мирозерцанию? Верующий не должен пытаться изменить политическую систему, общество, он должен спасать свою душу, молиться, ходить в церковь, слушаться начальства... Даже театр противопоказан, даже музей, танцы, балы и концерты... Так как же научный прогресс руководится религией?

7. *Всеединство в искусстве*

Каков критерий ПОДЛИННОГО, настоящего искусства? – спрашивает Толстой.

Так как содержание искусства он сводит к **чувству**, запечатленному, изображенному в произведении художником, то назначение искусства он видит в передаче этого чувства и в **заражении**, как он говорит, этим чувством другого. Это и не совсем сила впечатления, производимая произведением, а словно бы сила сопереживания... Он говорит:

«Настоящее произведение искусства делает то, что в сознании воспринимающего уничтожается разделение между ним и художником, и не только между ним и художником, но и между ним и всеми людьми, которые воспринимают то же произведение искусства. В этом-то освобождении личности от своего отделения от других людей, от своего одиночества, в этом-то слиянии личности с другими и заключается главная привлекательная сила и свойство искусства.»

Нет, Л. Н., то, о чем вы говорите, это не заражение, не передача испытываемого художником чувства другому, так что и он начинает испытывать то же чувство, это уже больше даже чем убеждение, это *преображение*, особенное воздействие, которое меняет состояние человека. Читая книгу, я могу оставаться даже бесстрастным, только временами испытывая то душевный подъем, то радость, то сострадание, как говорят, гамму чувств, о многом могу задумываться, со многим соглашаться, и хорошую книгу читаю я медленно, вот как и вашу книгу об искусстве, Лев Николаевич! И вот что странно, я почти ни в чем с Вами не соглашаюсь, но мне читать интересно, хочется понять и выстраданную Вами точку зрения, и те душевные аномалии (?), которые привели вас к такой узости взглядов.

Вот вы пишете:

«То, что я говорю, будет принято как безумный парадокс, на который можно только удивляться, и все-таки я не могу не сказать того, что думаю, а именно того, что люди нашего круга, из которых одни сочиняют стихи, повести, романы, оперы, симфонии, сонаты, пишут картины всякого рода, лепят статуи, а другие слушают, смотрят это, третьи оценивают, критикуют все это, спорят, осуждают, торжествуют, воздвигают памятники друг другу и так несколько поколений, – что все эти люди, за самыми малыми исключениями; и художники, и публика, и критики, никогда, кроме как в самом первом детстве и юности, когда они еще не слышали никаких рассуждений про искусство, не испытали того простого и знакомого самому простому человеку и даже ребенку чувства заражения чувствами другого, которое заставляет радоваться чужой радости, горевать чужому горю, сливаться душой с другим человеком и составляет сущность искусства, и что поэтому люди эти не только не могут отличить истинного искусства от подделки под него, но всегда принимают за настоящее прекрасное искусство самое плохое и поддельное, а настоящего искусства не замечают, так как подделки всегда бывают более разукрашены, а настоящее искусство бывает скромно.»

Все это глубоко неверно, настолько, что возражать невозможно. Это

именно так, как во сне, как и в мифологическом сознании. Во сне человек бежит, держа голову под мышкой, и сам удивляется этому, но однако соглашается с сим как с переживаемым фактом. Что говорить без толку, что так не бывает, когда вот я же бегу?!

И в детстве без всякого искусства мы, дети, переживаем такие сильные впечатления, например от природы, от ее явлений, от леса, от цветов, от темной ночи, завываний бури, что потом только с тоской вспоминаем их; и привязанность к матери, к бабушке, к родным в ребенке сильнее, чем во взрослом. Но значит ли это, что ребенка можно делать мерою истинности и неистинности искусства? И что сказки, которые мы в детстве слушаем с замиранием сердца, должны бы стать чуть ли не единственным правильным литературным жанром, а все остальное оказаться излишним? Но тогда и Ваши романы, Лев Николаевич, ребенку покажутся скушными, его они точно ничем не *зарядят*. (Если только этим ребенком не окажусь я, ибо я в одиннадцать лет прочитал Анну Каренину, все понял, всем восхитился и был потрясен – потому что откровенная деревенская жизнь уже меня в некоторых отношениях сделала взрослым.

Увы, я не могу дать формулу, вмещающую в себя искусство. Даже критерия, отделяющего хорошие произведения искусства от плохих я пока не нашел. Но объяснил ли мне мои затруднения Толстой? Сначала он дает формальные условия того, что произведение хорошо, заключаются они в том, что произведение передает *индивидуальную особенность чувства художника, понятно выражено и искренно*, то есть, поясняет Толстой, произошло от внутренней потребности автора. Но содержится ли в этих трех условиях *Талант*, то непостижимое нечто, что отличает, например, и Пушкина от современных ему хороших поэтов, и самого Толстого возвышает над Писемским и Андреем Печерским (замечательными писателями тоже?)

А помимо таланта величина произведения определяется величиною и самого автора, и не для красного словца только говорим мы «Великий писатель Лев Толстой» и задумываемся, назвать ли великим и Мельникова-Печерского, хотя писатель это, повторяю, прекрасный, и даже всем Толстовским критериям удовлетворяющий. Так что помимо таланта имеет громадное значение «величина», чему я тоже определения дать не могу, как и вообще *величине личности*. Почему Толстой о них не говорит, я, кажется, догадываюсь: он сужает и понятие искусства и критерии его достоинства, потому что искусство *особенное*, недоступное в производстве и восприятии всем ему ненавистно. *Искусство народное и для народа!* – вот главная формула Толстого. (Хотя, определит ли Толстой, что такое народ, со своим детски-наивным подходом ко всем вещам?)

Ненавистны Толстому сложность и непонятность, независимость от народа ("Поэт, не дорожи любовью народной!"), независимость от Бога ("Ты сам свой высший суд!") и Одиночество избранности (которое в особенности создалось Лермонтовым).

Сужение искусства и личности художника необходимы ему, чтобы подчинить их обоих, и Творца и творчество, некоторым заданным целям, например, Пользе.

8. Но в чем мы можем соединиться?

25 августа, понедельник, раннее утро, половина седьмого. Хочется спать, но я радуюсь, что скоро буду в деревне. Давит даже не город, а связанная с ним жизнь, заботы дня и давление государства. Впереди с ним тяжба, оно меня лишило средств к жизни, ни зарплаты, ни пенсии, если только смогу подработать частным образом... Правда, оно меня не смогло лишить главного: сочувствия и помощи близких, и доброго отношения и тех, кто чуть подальше. Не думаю, что от меня им много пользы, но, по крайней мере, я стараюсь быть всем не в тягость и не доставлять неудовольствия.

Еду на вокзал, уже подъезжаю, а дальше «Ласточка».

7-07. Ну, вот, "до отправления поезда осталось пять минут", пора уже возвращаться к Льву Николаевичу. Он пишет:

«В этом-то освобождении личности от своего отделения от других людей, от своего одиночества, в этом-то слиянии личности с другими и заключается главная привлекательная сила и свойство искусства.»

По-видимому, Лев Николаевич чувствовал себя в это время, в конце девяностых годов девятнадцатого столетия, метафизически одиноким. То же случилось и со мною ровно через сто лет, но я бежал в деревню, начал писать Книгу дневниковых записей «Жизнь на краю», потом была болезнь, сближение с родными, возвращение горизонтов жизни – и вот я и жив, и почти здоров, и почти счастлив.

Ему из Ясной Поляны, из всемирной известности бежать было некуда.

Не буду оспаривать соединительную силу искусства, только с народом, уткнувшимся в телевизор и потребляющим ему понятную культуру я так и не соединился. А в Концертном зале нас столько же, как и при Льве Николаевиче, и слушаем мы ту же самую музыку, которую он так сурово осудил, хотя мы, слушатели, весьма пестры, и не принадлежим к «высшему обществу», которое сегодня не слушает уже никакую музыку, кроме музыки довольства, богатства и власти.

В ваше время, Лев Николаевич, *высшее общество* почти было подлинно высшим, сравнительно с нашим... И хотя и бросил им в лицо Лермонтов гневное «А вы, презренные потомки Известной подлостью прославленных родов, Пятою рабскою поправшие обломки Игрою счастья обиженных родов...», но это высшее общество, преимущественно аристократия, включало в себя и Пушкина, и Вяземского, и Лермонтова, и самого Льва Николаевича, который на него обрушился еще более гневно, чем Лермонтов. (И вот я думаю, не поражено ли бывает общество, составляющее важную часть исторической жизни, своего рода *волей к смерти*, и не оно ли само и уничтожило свою родовитую власть в России? И уход Толстого из Ясной Поляны, и смерть на безвестной станции, и такие же яростные обличения Блоком Российской власти, призывы к Революции русских поэтов «Серебряного века», революционная деятельность Кропоткина, Бакунина, Веры Засулич, предательство монархии генералами Генерального штаба в 17-м году, красные банты, которые прицепили к груди даже иныя Великие князья – это ли не свидетельства самоубийства?!

Художник передает свои чувства другим, заражает ими читателей и зрителей (вероятно, перед глазами Толстого были преимущественно народные сказания и сказки, примитивные зрелища балаганных театров, отчасти народная песня, пляска, быть может, икона, театрализованные представления диких народов, о которые он судит по рассказам других – европейское искусство, выработанное образованным классом, он отвергал), и тем самым воспитывает народ, внушая ему «чувства добрые». «...признание же тех или других чувств более или менее добрыми, то есть нужными для блага людей, совершается религиозным сознанием известного времени.

В каждое данное историческое время и в каждом обществе людей существует высшее, до которого только дошли люди этого общества, понимание смысла жизни, определяющее высшее благо, к которому стремится это общество. Понимание это есть религиозное сознание известного времени и общества. Религиозное сознание это бывает всегда ясно выражено некоторыми передовыми людьми общества и более или менее живо чувствуемо всеми. Такое религиозное сознание, соответствующее своему выражению, всегда есть в каждом обществе.»

Даже хорошо, что Толстой не дожид до торжества «передовых людей общества».

С ними не могу соединиться я, крестьянский сын, инстинктивно не любивший богатых и родовитых, но еще более ненавидящий тех, о ком народ припечатал «из грязи в князи», тем более вряд ли соединился бы с ними и родовитый граф.

9. Так что же такое искусство?!

«...высшие классы ... на место высшего религиозного искусства, выделенного из всего остального, как особенно важное и ценное, поставили... большую частью вредное искусство, имеющее целью наслаждение некоторых, и потому по одной исключительности уже противное тому христианскому началу всемирного единения, которое составляет религиозное сознание нашего времени. На место религиозного искусства поставлено пустое и часто развратное искусство, и этим скрыта от людей потребность в том истинном религиозном искусстве, которое должно быть в жизни для того, чтобы улучшать ее.»

Что же входит в Искусство? По тому, что упоминает Толстой в своей критике, можно допустить, что и Театр, и Романс, и Песня, и Поэзия, отчасти и художественная литература (разве искусство не занимает значительное место даже в романе, в драме, а тем более в житийной литературе и в народной сказке?), живопись, архитектура, скульптура... Совсем ничего не говорит Толстой о Прикладном искусстве, в жизни Простого народа, о котором он печется, занимающем центральное положение. Украшение жилищ, всего двора, вышивки, праздники, обряды, хозяйственная утварь – во всем этом искусство занимает значительное место, а не только польза. А иногда украшение оказывается важнее пользы. А Толстой пытается из всех сил изгнать Красоту из того, что составляет душу искусства!

Прикладное искусство – это искусство украшательное. Крестьянин не только стремился одеться тепло и удобно, но и нарядно. В жилище не только висели лечебные травы и Икона в Красном углу, но и вышивка на подушке, и резная прялка, а особенно люлька для ребенка. Даже воин, идя на смертный бой, выбирал оружие с *украшением*. Само это слово, *украшение*, настолько пронизывает язык (и Красный угол в каждой избе, и Красная площадь в каждом городе, и даже Красные ряды, и Василиса Прекрасная, и «на миру и смерть красна!»), что изгонять красоту из Искусства как абсолютный его центр – нелепость для всякого, а тем более для художника. Да тут и важная логическая ошибка в рассуждениях об относительности красоты: субъективно холод переносится всеми по разному, и иные зябнут при тепле, а иным жарко при холоде (как нашей с К. подруге по прозвищу «молочная телка» - ибо от нее молоком пахло) – но значит ли это, что Холода нет, а «кому что нравится» или что это только согласие относительно того, что считать верным, но не укорененная в вещах и явлениях СУЩНОСТЬ.

Вот главная ошибка и Толстого и всех реалистов-материалистов, что они допускают существование вещей и явлений как словно бы беспорядочного набора всякого хлама, но отрицают нечто, что соединяет их в то или иное, более значительное, даже только значительное, но само по себе не является частью матерьяльных вещей.

Есть отдельно превосходная пьеса, дом с колоннами, изваяние, портрет, исполнение музыкального сочинения в концертном зале или в соборе, резьба по дереву, чеканка, вышивка, все это есть, все это превосходно, и *украшает* жизнь, и все сознают, что это часть прекрасного, у одного всего этого меньше, у другого больше, но все стремятся и чувства, и мысли, речи, предметы быта, здания и убранство жилищ и одежду привести к совершенству, даже самый бедный человек, например, на праздник, надевает белую рубаху, подстригает бороду, жена его подводит брови хотя бы угольком из печки – итак, все это есть, удостоверенное красотой, но КРАСОТЫ, представьте себе, НЕТ...

Непостижимо. Красивые вещи, слова, мысли, книги, музыка - есть, а красоты - нет...

И я прихожу к выводу, что как христианство исходит всецело из инобытийного Мифа о грехопадении Адама и Евы в раю, и само составляет особенный инобытийный Миф, состоящий из *Боговоплощения, Чудес, Жертвы, Искупления, Воскресения, ожидания Второго Пришествия, Суда над неправедными и Воскресения достойных*, а все остальное – и ученики, и проповеди – несущественно, ибо есть во всех поучениях всех известных проповедников праведной жизни, от Сократа и Конфуция до Льва Толстого, так и материализм исходит из ощущений как свидетельств объективного мира, отрицает действительное существование категорий и идей как оснований духовного мира, как единственного и необходимого и полного основания бытия в целом, так и рациональное мировоззрение конструирует бытие из системы положений, опирающихся на *авторитет* и возводит его в Миф. Такова мораль, вытекающая из Заповедей Моисея, и разумеется, она далеко не обнимает собою миф Иудаизма, таково «бытовое» христианство и христианство Льва Толстого.

«Ребята, давайте жить дружно!» - вот полнота такого христианства. Я не думаю, что на этом можно построить новую *Действительность*, включающую в себя и Бытие и Границу его с Инобытием.

Но спорить невозможно. Самая оправданная точка зрения у материалистов, они принимают только ощущения (подлинно существующие) как свидетельства истинности чего бы то ни было, и не нуждаются в доказательствах. Категории и Идеи не опираются на ощущения, они умозрительны, хотя не только субъективны, но и объективны. И все же не достоверны.

Где же выход?

Всякая умозрительная система – философская теория, рациональный Миф, даже математика – говорят об общем, частное и индивидуальное в их границах отсутствуют. Но они существуют в Литературе. И в Искусстве.

И Литература и Искусство восстанавливают подлинность и существенность и даже превосходство *индивидуального* над *общим*, на место умозрительной Личности возвращают единственного и исключительного человека, существующего только как индивидуальность, даже если он является вымышленным образом, как Чичиков, Чацкий, Анна Каренина.

Прав ли этот человек-образ, живущий в романе, более ли прав, чем человек рассуждений? Да. И романы Толстого правы (вместе с его героями), а его вымышленное христианство, которое он выловил в океане Нового Завета (потому что там много чего водится), не право.

Но и я не претендую на правоту, ибо все то, что я здесь пишу, обращено к *общему*.

Но и я претендую на правоту, ибо в центре моих рассуждений, моей «полуфилософии» - конкретный человек, *я сам*, к тому же более, чем я сам, ибо себя я уже почти превратил в Миф. Перед вами два главных героя моей книги: во-первых, Лев Толстой, переживающий трагедию личного бытия, кризис индивидуальности и пытающийся от литературы убежать в Миф, в Общее, пытающийся от индивидуальной разобщенности (переживаемой им в семье) уйти в Общее, в «Обнимитесь, миллионы!» Но это не христианство, а одна из его проповедей, восходящая к иудаизму (так что и правильно он был отлучен от церкви).

Вот как я отвлекся от Искусства...

Искусство – это преимущественно выражение Красоты, но так как всё есть во всем, то, вслед за логикой (но не через рассуждение, а через образ) и выражение Истины, и, вслед за этикой, выражение Добра.

Искусство относится к Бытию, но тоже восходит к Мифу, и потому достигает Границы бытия и инобытия. Через искусство (через «театр»), как и через церковь, человеку открыта дорога к видению и пониманию той границы, за которой неведомое.

Если крестьянин возделывает поле, рождает детей и содержит семью, украшает жилище и жизнь, смотрит на небо (а иные из них даже собирали крестьянские библиотеки), молится перед едой и ходит в церковь, то он живет *праведно*.

10. Катехизис христианства

Чтобы уж окончательно объясниться в своих разногласиях с Толстым, и с церковью, и с читателем, я изложу то, что я вижу и думаю относительно Учения, изложенного в Священном писании, а также данного в самой жизни Иисуса Христа, и в истолкованиях этого учения, которые я объединяю под именем обыденного (или бытового) христианства. Я выпишу вопросы, которые словно бы на экзамене по «научной религии» (или по научному атеизму, который в такой же степени научен, как и марксизм) задаются для получения Аттестата образованного (или культурного) человека.

С вопросами этими и моими на них ответами-объяснениями верующий может пойти к батюшке, и тот, почесав в затылке, скажет: всё тут верно, но этот человек «сильно умный», а ты, сын мой, не полагайся на свой ум, а приходи в церковь, и тогда будешь спасен.

Итак, вот мои вопросы и ответы, вот мой экзамен (конечно, очень скупой, самое существенное).

0. Вступление. Как известно, Бог создал небо и землю, природу и человека, человека же он создал по образу Своему и подобию, Адама и Еву создал Он, и поселил жить в раю. Были они счастливы и ходили голыми.

1. По наущению же Змея Ева сорвала яблоко с запретного дерева, и сама вкусила и угостила Адама (что было строжайше запрещено), и увидели они наготу свою, и стыдились, и прикрылись, как могли.

Итак, Первый вопрос: *С чего началась история человечества?*

По вкушании плода с запретного дерева повредилось мироздание, *грех вошел в мир, а с грехом смерть*, как о сем пишет апостол Павел.

Бог был разгневан и изгнал свои любимые творения из рая.

Сей то грех и называется *первородным*. Состоял ли он только вслушании? Я думаю, *грех* состоял в том, что Адам и Ева, вкусив запретный плод, пожелали друг друга, соединились, и стали единой плотью. Следовательно, рождение детей не входило в план творения человека, и из-за того христианское учение проповедует воздержание как идеал жизни, и "лучше человеку не касаться женщины", говорит апостол Павел

2. *Каковы же стали в результате греха мир и человек?*

Мир повредился, стал тленным (как и человек), прогнил как яблоко, падшее с древа. Но и человек подгнил, стал падшим, и даже святые не могут вернуться в исходное благодатное состояние, и «их святость смердит перед Богом», как говорят они о том сами.

3. *Зачем вочеловечился и явился в мир Христос?*

Затем, что собственными силами исправить онтологический грех повреждения мироздания человек не в состоянии, и только Сын Божий, принеся Себя Самого в жертву, способен *спасти* (исправить) мир и вернуть душу человека в первичное благодатное состояние соединения с Богом (*спасти* человеческую душу).

Христос был *распят*, как говорится в символе веры, *нашего ради спасения*. Следовательно, Распятие для спасения человека и мира было целью пришествия Иисуса Христа, Сына Божия.

4. Что же должно было свершиться после распятия?

Воскресение Христово – как символ и обещание грядущего воскресения человечества. «Если Христос не воскрес, то вера наша тщетна», говорит апостол Павел

Но преодолен ли уже онтологический *первородный грех*?

Нет. Человек еще не спасен, дан только путь спасения. Полное спасение произойдет после Второго пришествия Христа и Страшного суда.

Тогда будет спасен *малый остаток праведных*. Остальные будут ввергнуты в ад, в геенну огненную, где плач и скрежет зубный.

5. Что будет после всеобщего *воскресения*? Учение сообщает об этом смутно, мистический опыт учеников Христа не включает в себя ясного видения жизни в потустороннем мире (то есть, по-видимому, в Инобытии).

6. Какова же цель христианской жизни

Спасение души.

7. Что надо для сего делать?

Об этом апостолы и святые говорят по разному.

Апостол Павел говорит, что *человек спасается верой*. Петр и Иоанн утверждают, что *вера без дел мертва*.

Серафим Саровский поучает: Стяжай духа святого, и тысячи вокруг тебя спасутся! (Вероятно, это то самое, что в католической церкви называется Благодатию Божьей).

Но что делать помимо веры?

Необходимо *верить в Бога* (но вера в Бога включает в себя и Любовь к Нему). Каяться в грехах. Поститься. Вести праведный образ жизни.

Праведная жизнь описывается пространно и разнообразно.

По апостолу Павлу – необходимо жить не по своей воле, а во всем предаваться воле Бога (как воскликнул Иисус Христос на кресте: но да будет воля Твоя, а не моя!)

Жить аки во гробе, то есть ждать Второго пришествия, не грешить, а для сего отказаться от всех мирских радостей. Отшельники удалялись в пустыню. Иные затворялись. Иные давали обет молчания.

В общем, надо было *умереть для мира*.

Что такое *спасение души*?

Если, вслед за Толстым, я продираюсь сквозь тернии рассуждений и определений, чтобы понять, что такое Красота, и существует ли она, и вот уже в продолжение нескольких глав книги, то не больше ли глав потребуется, чтобы узнать, что такое *спасение души*? Посему остановимся на том, что понимание греха и спасения вложено в человеческую душу так же, как представление о свободе, добре и зле, истине и лжи, как сочувствие и милосердие. Ребенок обо всем этом тоже имеет некоторое понятие, только менее ясное, чем взрослый.

Итак, Христос пришел для того, чтобы своєю смертной жертвой искупить первородный грех человечества и показать ему путь ко СПАСЕНИЮ.

Сердцевина христианства – это вера в Бога согласно символу веры.

11. Миф как культурно-историческое явление

Основание мифа инобытийно, оно пронизано трансцендентной, метафизической мистикой, но и проповеди в мифе часто иррациональны. Образованный человек восемнадцатого и девятнадцатого столетия христианскую мистику отвергает, но его проповеди (прежде всего рациональные) подчас пытается принять в качестве цельного учения, и происходит «мифологизация мифа», то есть создание на его почве рационального учения о том, как надо *правильно жить*.

Новым Российским православным в значительной степени близко толстовство, с его отрицательным отношением к культуре и образованию.

Они, как и Толстой, не веруют (или отодвигают на периферию сознания) основные христианские догматы: *О сотворении мира и человека Богом* (чаще всего они дарвинисты); *о непорочном зачатии*; о воплощении Бога-Сына Иисуса Христа в человека (мне и самому до конца неясно, Бог-Сын как лицо Троицы тождествен ли Иисусу Христу), *о Преображении, Воскресении, Втором пришествии и Суде над живыми и мертвыми и Конце света*.

Всякий Миф в значительной степени рационален, особенно в проповедях и поучениях. Часть этих проповедей Толстой и принял и назвал подлинным христианством и религиозным сознанием Нового времени, а именно призыв к *братскому, любовному единению людей* (несть отныне ни эллина, ни иудея, а все во Христе едины). Но русские интеллигенты советского поколения и вообще за христианство принимают Заповеди Моисея.

Миф догматичен, он стремится охранить свою идентичность, но при этом он подобен растению, следовательно, изменяется, дополняется, образует новые побеги. Крупные явления Искусства тоже мифологичны, потому-то и возникают новые их истолкования; если это драма, то ее сценические воплощения не похожи друг на друга. Поэтому и о христианстве трудно сказать, какое из его направлений истинно, и о марксизме.

Религиозный Миф укоренен и в исторической жизни и в повседневной, важнейшей его частью являются, во-первых, Обряды:

Крещение, венчание, отпевание...

Во-вторых, Праздники.

Рождество, Вознесение, Пасха (Праздник воскресения Христа), Духов день, Введение во храм, Ильин день, Петра и Павла, Воздвижение...

В Миф входит церковная архитектура, церковная живопись, пение и музыка.

Значительная часть и мирской жизни, и государственной пронизаны христианством, с иконой шли в сражение, с молитвой вставали, садились за обед, ложились спать, священник крестил, венчал, отпевал, кропил поле, в Крестном ходе просил о ниспослании дождя и урожая...

Что удивительного в том, что Искусство пронизывает жизнь, и не только привнося в нее красоту и гармонию, мир и благодать, но и соединяя бытие с Инобытием?

Ненависть к Искусству пронизывает Миф (но не ревность ли это), но без искусства Миф пресен. Искусство же принимает миф и творит его само, искусство, в отличие от науки (хотя и ...), мифологично.

12-13. *Оправдание мира*

Рациональное мышление замыкает бытие само на себя, то есть и причины и следствия, основания и цели. Следовательно, и истоки жизни находятся в ней самой, смысл и цель жизни так же определяются жизнью.

Рациональное мышление, как и атеизм, не нуждается в трансцендентном, в том, что находится вне бытия. Правда, существует НЕбытие (относительно которого Парменид утверждает, что его нет), но если нет страха смерти, то с ним можно смириться.

Однако, не все согласны на такое бытие, ограниченное всем тем, что мы встречаем в повседневности, поэтому и появляются Миф и Искусство, как два самостоятельных, но близких способа ухода из обыденного мира за его пределы.

Миф откровенно заявляет об открытости бытия, его вторичности. Мир и человек созданы Богом, и, таким образом, причины и цели мира находятся не в нем самом.

Но и культура позволяет перешагнуть пределы мира, в особенности искусство. В искусстве содержится миф так же, как и в мифе содержится искусство.

Рациональное мышление выстраивает картину мира, поддающегося осмыслению и пониманию, словно бы не содержащего чувств, тайн, странностей (иногда кажется, что единственным уже возражением рациональному остается только женщина), мира (по крайней мере в рассуждениях Толстого) исчерпывающегося чем-нибудь одним, представляющимся наиболее важным: у материалистов это материя, у марксистов - противоречие труда и капитала, у большинства христиан – противостояние Бога и дьявола, у гедонистов – наслаждение, у Фрейда – сексуальное влечение. Толстой отрицает Истину и Красоту как самостоятельные лица духовной Троицы и принимает лишь Добро. Кажется, что даже зла нет в его космогонии, идеалом человека является для него обнимающий всех добрых и благословляющий всех злых, даже мучителей своих, страдая, благословляющий.

Принимая какое-то до крайности суженное христианство, сводящееся только к «обнимитесь, миллионы!», отвергая слишком сложное искусство образованных классов, отвергая и сами эти классы, Толстой по существу отвергает всякое искусство (даже церковное), кроме «общепонятного, то есть примитивного: «Христианское искусство ... должно быть ... всемирно, и потому должно соединять всех людей. Соединяют же всех людей только два рода чувства: чувства, вытекающие из сознания сыновности богу и братства людей, и чувства *самые простые* – житейские, но такие, которые доступны всем без исключения людям, как чувства веселья, умиления, бодрости, спокойствия и т. п. ...» (Кажется, эти воззрения перекликаются с теми требованиями к искусству, которые выдвигал Платон).

В основе произведения искусства – чувство, испытываемое художником, которое он передает и заражает слушателя и зрителя, так что оба становятся (вместе со всеми) словно бы одним. Чувства эти самые простые, как у всех.

Но что в основании произведения может быть Откровение или *особое*

состояние, в котором открывается граница Инобытия, Толстому словно бы невдомек. Художник изображает и передает чувство, по возможности, наиболее простое, доступное всем. Но что это может быть видение Магомета, продолжавшееся два-три мгновения, пока кувшин с водой, упав, еще не успел пролиться, хотя ему Ангел успел передать текст Корана, видения Жанны Д*Арк, видение Савла по дороге в Дамаск, когда ему явился Христос, видения святых и отшельников, видения Даниила Андреева, пророческие сны Николая Клюева, разговоры с музами и волхвами – Толстому не то чтобы невдомек, но он об этом не хочет и знать. Его демократизм простирается настолько, что он готов поставить поэта и писателя даже ниже мужика и ребенка, только бы не поставить выше. Всякое неравенство его возмущает, не только по власти и богатству и социальному положению, но по уму и таланту, по силе и красоте.

«Да он бунтовщик хуже Пугачева!» - воскликнул бы я на месте Священного синода, отлучившего его от церкви.

Из этого не следует, конечно, что обыденные житейские чувства вдохновляли Толстого, когда он писал свои романы, и что он не переживал взлеты души, когда ему открывалось небо. Нет, все то, что он пишет в возражение дворянскому искусству – это притворство, которому он сам не верит, но хочет верить. Это то же благословение отчаяния огню, сжигающему поместье Блока и его библиотеку, благословение покаяния за несуществующий грех.

Особенное состояние художника позволяет ему увидеть границу Инобытия, словно бы подойти к иконостасу, за которым открывается дверь (о чем пишет Павел Флоренский в «Иконостасе»).

Ничего *особенного*, ничего своего, кричит Толстой, всё только общее!

Словно бы он сам не переживал этого особенного, словно бы он сам не был особенным.

Искусство – проводник *отсюда туда*.

Разумеется, в искусстве есть и обыденное и необычное, и низкое и высокое, и красота и безобразность, и гармония и хаос, но в нем есть и выход, переход, путь... Не знаю, удавалось ли кому-то через искусство попасть на «седьмое небо», о котором пишет апостол Павел, но что только через Откровение, только через веру, только через страсть (и любовь к женщине) человек способен испытать Иное, способен и к Преображению, несомненно – а в чем, кроме мифа и искусства они выражены сильнее всего?

Искусство, как и религиозный миф, аристократично, а не демократично, оно частное дело, а не общее. Оно само является мифом. Да, разбойники, грешницы, мытари и рыбаки оказываются среди учеников и *избранных* Иисуса Христа – но они все вместе взятые – малая горсть среди званых. Остальные способны или негодовать, или изумляться, или умиляться. Но не способны повторить дело избранных То же и с искусством. Оно растленно! – восклицает Толстой – но через него открываются двери в рай.

Негодую на народ русский, на его лень, духовное падение, часто уже не нахожу силы жить дальше, уже отчаяние и ненависть к России наполняют душу – но вспоминаю, что у нас есть Толстой, Шалапин, русский романс – и я примиряюсь с Россией.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОПРАВДАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ
**ЛЮБОВЬ К ЖЕНЩИНЕ, РОД И НАРОД.
НАПОЛНЕНИЕ ЖИЗНИ. КРАСОТА, ИСТИНА, ДОБРО**

1. Любовь и ненависть в христианстве

30 августа, суббота, 14-26. Устал от городских тревожений, только надежда на бегство в деревню меня утешает.

Но, кажется, раньше четверга вырваться не удастся, так что мне волочить цепи еще пять дней, увы!..

Продолжу для души поддержки своего духа писать сию книгу. Ни человечеству не сообщая ни конечную истину, ни Толстого не вразумляю (он меня уже не услышит), ни истине или правде не пытаюсь услужить, нет, я привожу в порядок собственные мысли и чувства относительно положения человека в мире. Впрочем, не только для этого, но для сочувствующих мне и оспаривающих меня, чтобы не вводить одних в заблуждение, а других в искушение, я попытаюсь сформулировать свое видение христианского мифа, коммунистической идеологии, современного либерализма и европейской культуры, развивающейся из эллинского мира.

Хотя я и горячусь, защищая свои взгляды и порицая противоположные, но не требую, чтобы все были как я. Так не требуйте и от меня совпадения с теми истинами, которые вам кажутся абсолютными. От того, что я разошелся с христианством и коммунизмом и не схожусь с обществом, на знамени которого богатство и наслаждение, я не стал хуже, чем был в юности.

Всякий раз, как я оспаривал какую-либо *незыблемую* истину – а все они канули в Лету, те истины, которые я отвергал, ни с одной я не ошибся, так что меня можно произвести в критерий истинности тех или иных положений – мне говорили: А что взамен? Словно бы на этих истинах (или людях) свет клином сошелся, и если я не притаскивал за руку что-нибудь тут же на опустевший пьедестал, то и не имел права отрицания. Нет, "этот вам в женихи не годится", говорил я какой-либо девице, или "это платье тебе не идет" – а мне в ответ: А где же найти другого? Да что, уже из миллиона оставшихся молодых людей совсем никого не подыскать? Или у тебя одно единственное платье? Или править народом труднее, чем писать книги, выращивать овощи или проводить тончайшие исследования в разных областях науки? Да преподавать русский язык или математику гораздо труднее, но миллионы с этим справляются, посему управлять страной может если не любая кухарка, то любой школьный учитель!

Я только теорему Ферма не знаю, как доказать, даже если посвящу изучению того, что к ней приложимо, хотя бы и целых три года, но во всем остальном, если бы это до крайности понадобилось, уверен, что при должном предварительном обучении справился бы. Как, впрочем, и большинство.

И поэтому дерзаю задавать себе вопросы о смысле красоты, истины и добра и о смысле жизни и не считаю чрезмерным сомнением, что на эти вопросы пытаюсь ответить.

Я ведь об них думаю уже более пятидесяти лет, и продолжаю думать, не все понял, не все сформулировал, не на все ответил, но в значительной степени понимаю не хуже других, что хорошо и что плохо, что красиво и что безобразно. Не сто же лет искать ответы?! Столько не проживут и другие, кто со мной не согласен, поэтому я считаю себя вправе свои собственные ответы привести в этой книге, да притом настаивать на их справедливости. Музыку я не умею сочинять, но чтобы чувствовать, прекрасно то или иное произведение, надо только уметь слушать. Или читать. Или мыслить, чувствовать, видеть. Музыкант или писатель знает (и многие так и говорят), что слушатель или читатель способен понимать часто тоньше и глубже творение, чем творец.

Я – прилежный читатель. Слушатель. Зритель. Аромат женщины я обоняю и сегодня как в юности, и поэтому красоту её (как и вечерней или утренней зари или месяца, пробегающего чрез облака) я вижу и чувствую все так же, все так же волнуют меня стихи, Гайдн и Скрябин, восхищают цветы, теорема Евклида о бесконечности простых чисел, лепет ребенка и смущение девушки – что еще нужно, чтобы я смел миф о самом себе представить читателю рядом с другими мифами, пришедшими к нам из давно и недавно?

И если не я, то кто же?!

Можно долго рассуждать и вдруг неожиданно найти, что средняя линия треугольника параллельна основанию. Но можно и сначала сказать, что ограниченная монотонная последовательность имеет предел, а потом уже искать доказательства. Многое мы понимаем по подобию. Кроме обычного есть и необычное – но не все в этом уверены. Вот так же не все уверены в существовании сверхъестественного (которое я отношу к Инобытию). Ибо вот, было сказано, Гагарин слетал даже в Космос, но и там он бога не видел.

Но есть удивительные вещи среди вещей не удивительных. А именно. Рациональные числа, то есть числа целые и дроби (отношения целых) существуют, их существование ни у кого не вызывает сомнений, а вот *Иррациональные* вводят в смущение. Точно ли это числа?

Но оказывается, что существует множество монотонно возрастающих ограниченных последовательностей (как уже замечено, необходимо имеющих предел), но этот предел не содержится среди рациональных чисел, следовательно, *иррационален* (как, например, десятичные приближения с недостатком длины диагонали квадрата, то есть числа "корень из двух") Следовательно, последовательность естественных явлений (не вызывающих сомнений) может сходиться к сверхъестественному.

Отчасти и поэтому я представляю Инобытие начинающимся от Границы, к которой сходятся ряды бытийных последовательностей. Если *здесь* мир "рациональностей", то *там* мир "иррациональностей".

После этих предварительных пояснений вернусь к главному.

В центре современной жизни и культуры – любовь между мужчиной и женщиной. А так как женщина преимущественно страдательна, и воля, направляющая действие, обычно направлена от мужчины к женщине, то можно сказать, что в центре современной жизни и культуры – *любовь мужчины к женщине*. Но разве когда-нибудь это было не так?

Илиада описывает Троянскую войну, разразившуюся из-за прекрасной Елены. Война и мир повествует преимущественно о любви, которую переживают ее герои. Повести и рассказы Пушкина, его стихи и поэмы преимущественно о любви, громадный мир русского романа о ней же, многие трагедии Шекспира, Белые ночи и Бедные люди Достоевского, повести Тургенева... Шинель Гоголя рассказывает о горестях бедного маленького чиновника, ее трагедию не составляет несчастная любовь – но это исключение.

Представить себе жизнь человека не привязанной к этому заполняющему и жизнь и мир чувству трудно. Человечество и существует только потому, что между мужчиной и женщиной существуют определенные отношения, в результате которых рождаются дети. Правда, эти отношения могут не быть связаны с любовью и наслаждением, но лучше ли они в таком случае? Неужели *притяжение мужчины к женщине*, называем ли мы его любовью или похотью, хуже, чем то, что случается в результате такого притяжения? Что является безусловно плохим и требует осуждения: то, что мужчина и женщина становятся *единой плотью* или что они жаждут этого?

Толстой возмущен тем, что такая любовь, которую он называет "половой" (чтобы унижить ее, подчеркнуть ее недостойный человека характер) занимает столь большое место в жизни и в искусстве. Он пишет:

«Все искусство, и настоящее, и поддельное, за самыми редкими исключениями, посвящено только тому, чтобы описывать, изображать, разжигать всякого рода половую любовь, во всех ее видах. Только вспомнить все те романы с раздражающими похоть описаниями любви и самыми утонченными, и самыми грубыми, которыми переполнена литература нашего общества; все те картины и статуи, изображающие обнаженное женское тело, и всякие гадости, которые переходят на иллюстрации и рекламные объявления; только вспомнить все те каютные оперы, оперетки, песни, романсы, которыми кишит наш мир, – и невольно кажется, что существующее искусство имеет только одну определенную цель: как можно более широкое распространение разврата.»

Но он не одинок. То же говорят об этой любви Игнатий Брянчанинов и Письма о девственности, почти то же и апостол Павел.

Все провозвестники христианства безбрачны, безбрачны апостолы, монахи, католические священники, безбрачен Христос, дева Мария хотя и родила, но этой отвратительной (по мнению Толстого) "любви" не знала.

Но если осью искусства и содержанием его является любовь между мужчиной и женщиной, и квинтэссенция красоты заключена в женщине (и в Природе, которая так же женственна), то и осью христианства точно так же является любовь между мужчиной и женщиной. Только не в утверждении любви, а в ее отрицании, не в восхищении любовью, а в ненависти к ней.

Ева послушалась запрета в раю и вкусила запретного плода и дала вкусить Адаму, вследствие чего они узнали влечение друг к другу и поддались ему. В этом и есть сущность *первородного греха*, за это они изгнаны из рая, за это все Средневековье проклидало женщину и считало ее нечистой, даже "сосудом Дявола", за это Толстой осуждает Искусство.

Итак, закваска и завязка христианского мифа – в том, к чему стремилась Наташа Ростова, когда пыталась через окно бежать к Анатолию Курагину, в том, что испытывала Анна Каренина, сначала (без любви – и что же, безгрешно?) отдаваясь своему мужу, затем (по любви – и только из-за этого грешно?) отдаваясь своему любовнику.

Но что же проклято? То, что женщина отдается мужчине или что отдается ему по любви?

Но как бы там ни было, великий роман-миф о пришествии Христа и о его муках имеет источником порочную любовь Адама и Евы, в результате которой появилось человечество.

Отныне должно быть не так, возвестил Христос, явившись в мир, теперь "лучше не жениться и не выходить замуж" – но не потому ли, что христиане ожидали конца света? А так как он не наступил, то в миф позже были внесены поправки?

Вот что главное, а не "обнимитесь, миллионы!", как утверждает Толстой, переписывая Евангелия.

Но в христианском мифе содержится и повеление сначала любить Бога, а затем *возлюбить ближнего* (ибо через любовь к ближнему мы познаем любовь к Богу, как это следует из объяснений апостолов Петра и Иоанна, да и апостола Павла тоже).

Но *любовь к ближнему* заимствована из Ветхого завета, не в ней дух христианства.

Важнейшую часть христианского мифа составляют подвиги святых и подвижников, монашествующих братьев и сестер во Христе. В чем же они состоят?

Мария Магдалина сначала грешила, потом покаялась, перестала грешить (совсем, то есть и замуж не пошла, и детей не стала заводить). Так же поступила и Мария Египетская. И святой Себастьян. И все католические священники. И монахи и монахини. (И надо добавить, что в монахини бежали от *несчастной любви*, в монахини же родители отдавали своих порочных дочерей вследствие их "*счастливой любви*").

Но как бы там ни было, и человечество существует вследствие согрешения Евы, и грешники и праведники то же, и хотя в *любви к ближнему* нет той гнусной любви, за которую обличает искусство Лев Толстой, но без нее не было бы и этих *ближних*.

«Искусство же служит в наше время главною причиной развращения людей в важнейшем вопросе общественной жизни – в половых отношениях. Все мы знаем ..., какие страшные душевные и телесные страдания, какие напрасные траты сил переживают люди только из-за распущенности половой похоти.»

Я не доказываю, что христианство плохо, что надо его упразднить, не идти в христиане – нет, главному призыву христианства человечество все одно не следует, и если стали мало рожать, то из-за эгоизма, а не из-за того, что начали избегать наслаждения. Так что кто находит в христианском мифе утешение, пусть утешается. Но я против этой ненависти к «половой любви», и тем более не согласен с тем, что будто «...в замещении идеала нравствен-

ности идеалом красоты, то есть наслаждения, заключается... ужасное последствие извращения искусства нашего общества.»; я против ненависти к роду (семье) и народу (как последствиям «половой любви»). Неправда, что «то, что составляет наслаждение для человека богатых классов, непонятно как наслаждение для рабочего человека и не вызывает в нем никакого чувства или вызывает чувства совершенно обратные тем, которые оно вызывает у человека праздного и пресыщенного» и что «чувства чести, патриотизма, влюбления, составляющие главное содержание теперешнего искусства, вызывают в человеке трудовом только недоумение и презрение или негодование», и что не безумие спросить: «...что лучше нашему христианскому миру: лишиться ли всего того, что теперь считается искусством, вместе с ложным, и всего хорошего, что есть в нем, или продолжать поощрять или допускать то искусство, которое есть теперь» и ответить: «то я думаю, что всякий разумный и нравственный человек опять решил бы вопрос так же, как ... решали все церковные христианские и магометанские учителя человечества, то есть сказал бы: "лучше пускай не было бы никакого искусства, чем продолжалось бы то развращенное искусство или подобие его, которое есть теперь"».

Толстой часто говорит о том, что вкус у детей еще не испорчен, и то, что нравится в литературе и в искусстве детям, лучше того, что думают об этом сами писатели и художники. Я тоже превозношу в человеке детское и самих детей – но есть ли дети в христианском мифе? В нем нет детского смеха (да и смех и «смехотворчество» осуждаются), в нем ничего не говорится о детских играх. Какого же ребенка ставит Толстой нам в пример – всякого ли, рожденного – но проклят ведь весь род человеческий, ибо христианский миф говорит, что *все мы падашие*, и не из-за того только, что неправильно живем, а из-за *первородного греха*, в котором мы все, и взрослые и дети, «*Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нём все согрешили.*» – говорит апостол Павел.

Так что не случайно Толстой так неистово осуждает красоту (считая ее источником разврата), она порочна хотя бы потому, что в красивых женщин чаще *влюбляются*. И улицы Афин *установлены идолами* (изваяниями красивых женщин), как сказал апостол Павел, которому, естественно, было чуждо всякое искусство (осуждаемое у семитских народов, кроме орнамента). Кстати, и Толстой говорит: «но орнаменты от якутских до греческих доступны всем и вызывают одинаковое чувство любования у всех, и потому этот род пренебрегаемого искусства в христианском обществе должен быть ценим много выше исключительных, претенциозных картин и изваяний.» Да и то он оправдывается: «Боюсь, что здесь мне сделают упрек в том, что, отрицая то, чтобы понятие красоты составляло предмет искусства, я противоречу себе, признавая орнаменты предметом хорошего искусства, (но) содержание искусства всякого рода украшений состоит не в красоте, а в чувстве *восхищения*, любования перед сочетанием линий или красок...» – хоть на голову становись, но только чтобы красоту не называть красотой, даже если что-то красивое и нравится, а не только безобразное. Но не в стремлении ли к безобразному христианская любовь к мучениям, ненависть к плоти, изъязвление ее струпами, власяницы и рубища, и житье во гробе?

2. Что такое любовь? Любовь к женщине

«Воспоминание безмолвно предо мной Свой длинный развивает свиток: И, с отвращением читая жизнь мою, Я трепещу, и проклинаю, И горько жалуюсь, и горько слезы лью,— *Но строк печальных не смываю.*» – говорит Пушкин.

Толстой, *с отвращением читая жизнь свою*, ринулся как при наводнении, землетрясении или извержении вулкана смывать не только строки жизни своей, но и всего европейского человечества, от Гомера до Тургенева.

Толстовское ли христианство, христианство ли апостола Павла (перешедшего в христиане из иудеев – как, впрочем, и остальные христиане), раннее ли, средневековое, «древнее ли благочестие» протопопы Аввакума – все они противопоставляют Бытие и Инобытие и стремятся Бытие истребить, истребить в нем ключи и источники жизни. Христианство – это учение о необходимости и нужности конца света и *замене этой негодной жизни* Новой, наступающей после Воскресения. Коммунистическое учение, провозглашающее «Весь мир насилья мы разрушим до основанья!», этой жизни тоже противопоставило свой революционный конец света и Новую жизнь – хотя и не в Инобытии, но в будущем, которое тоже не *здесь, а там*.

Это религиозные мифы ненависти к жизни и всему тому, что ее преимущественно составляет, то есть к любви, соединяющей мужчину и женщину и скрепляющей семью, род и народ (но и в самом деле отъединяющей их от муравейника, в котором все *ближние* как нечто единое, отъединяющей от других семей и других родных и близких не пропастью, но тем, что своя жена и свои дети ближе чужих, и свой народ делающий ближе других народов.) (И следует признать, что христианство во многом ПРОТИВ Иисуса Христа, который ведь пришел спасать НЕ человечество, а свой народ. И оно последовательно в своей безумной любви, лишенной всякой любви подлинной, то есть земной, а Христос *противоречив* и непоследователен. Он даже после «не хлебом единым» взял да и накормил голодных, обещая *плач и скрежет зубовный*, лечил больных, обещая, что спасется только *малый остаток* по праведности в вере, воскресил случайных, осудив в границах безумной мифологии о *Первородном грехе* и любовь, и красоту, и похоть и блуд, но случайную грешницу, которую по Закону, который он пришел *подтвердить*, надо было побить камнями, взял да и защитил!)

Не случайно и христианское и коммунистическое учение воюют с всякими обвинениями их в противоречиях и всячески тщась объяснить их, и кажется достигли железобетонной непротиворечивости – ибо они подлинно не от мира сего и не от жизни сей, а от другого, что противостоит этому миру. И отпадение мое от них в окончательном виде объясняется просто. Я противостою миру сему, но я не согласен с тем, что он был создан как наилучший (и только человек его испортил) и его НЕЛЬЗЯ стремиться изменить, как учит христианство, а надо с ним примириться, мучиться и ждать того, что за этим миром (то есть принципиально отвергать, как негодный, но не исправлять, не переделывать, а заниматься *спасением только собственной души* – в чем и состоит жизнь и деятельность христианина); но я не согласен и с тем, что его

надо отбросить, как негодный, «разрушить до основания», чтобы уже на месте пепелища построить новый мир, как учит и действует коммунистический марксистский миф.

Я редактор и учитель, и моя мечта – вернуться к подлинному своему предназначению, то есть *редактировать мир и человека*.

Толстой в любви и в красоте и в искусстве, оплодотворенном ими, видит основное зло. Троицу Истины, Красоты и Добра он подвергает сомнению и истину отвергает как несуществующую, якобы надуманную, красоту отвергает тоже как несуществующую, но при этом вместе с любовью источающую яд развращения, и только Добро принимает и говорит, что оно и есть Бог.

Но ипостаси Троицы, соединяющей их неразрывно и неслиянно, существуют ли сами по себе, или только в единстве с Троицей в целом и ее лицами?

Нет, Красота выступает и как Гармония в противостоянии Хаосу, и как порядок, наилучшее, *совершенное* в противостоянии недоконченному, половинчатому, нечистому, безобразному и как творческая воля в противостоянии бессилию и безволию, а Добро противостоит Злу. Оно и само по себе, в сочувствии, заботе, *защите*, ответственности, но и в сопротивление хаосу, насилию, разрушению, пошлости, олицетворяющим Зло.

Добро защищает, спасает, это его главное предназначение.

Но и Истина сложна, она не только выражение логического, критерий верности и неверности в рассуждениях, она не только результат познания, но она и результат Откровения, то есть она не только рациональна, но и трансцендентна (как и Красота и Добро).

Толстой же в Троице принимает только добро, Красоту и Истину отвергает – но принимает ли он Добро, говоря о непротивлении злу? Если разбойник проник в дом, его надо увещавать (любовью) – а надо ли более действительно пытаться защитить жену и дочь от насильников? Не надо, говорит он, как и Серафим Саровский, кротко сносящий побои разбойников, напавших на него.

Что им возразить?

Бытие – это движение, жизнь, становление, христианское объяснение бытия – это остановленное бытие.

«Героем стал не богат, а нищий Лазарь; Мария Египетская не во время своей красоты, а во время своего покаяния; не приобретатели богатства, а раздававшие его, живущие не во дворцах, а в катакомбах и хижинах, не властвующие люди над другими, а люди, не признающие ничьей власти, кроме бога. И высшим произведением искусства – не храм победы со статуями победителей, а изображение души человеческой, претворенной любовью так, что мучимый и убиваемый человек жалеет и любит своих мучителей.»

Это – после смерти. Или, по крайней мере, ВНЕ подлинной, действительной жизни, по-видимому, на той *границе*, которая и стала источником христианского мифа

В действительной жизни человек учится, работает, женится, рождает

детей, воспитывает их, пишет книги, строит дом, ткет и шьет, пашет землю, болеет и выздоравливает, защищается от нападений разбойников, подвергается преследованиям, сидит в тюрьме, освобождается, любит и имеет друзей – это идеальный человек, почти миф, такой человек, как Я.

Христианская жизнь – вне жизни, и ее герои – вне жизни и даже противоположны ей.

Нищий Лазарь не работает, он живет подаянием, трудом других (как и монахи).

Мария Египетская во время своего покаяния не работает даже по той специальности, которую единственную она перед тем приобрела, и тоже живет подаянием, трудом других.

Живущие не во дворцах, а в катакомбах вряд ли имеют жену и детей или обрекают их на мучительную и бесплодную жизнь.

Люди, не признающие ничьей власти... Но это ведь даже не христиане, а анархисты – и надо ли удивляться тому, что власть осудила Толстого?

Мучимый и убиваемый человек жалеет и любит своих мучителей...

Это даже и Христа перевирает, который пожалел разбойника на кресте, но я что-то нигде в Новом Завете не вычитывал, чтобы он пожалел Иуду, Каиафу, Синедрион, римских легионеров, не говоря уж о том, чтобы ЛЮБИТЬ их.

Да, христианство многих людей, как и Толстого, не подлинное историческое христианство, и не церковное, и не сектантское даже, а новый редуцированный, ущербный миф, извлеченный из христианства и по существу противоположный ему.

Подлинная жизнь наполнена любовью (как и ненавистью), справедливостью (как и несправедливостью), красотой (как и хаосом), истиной (как и заблуждением). Христианство подлинную жизнь отвергает и учит о конце света и о бытии *не от мира сего*. Новое мифологическое сознание подлинную жизнь не отвергает, а ПОДМЕНЯЕТ обрывками мифов.

3. В чем смысл жизни?

Не дожидаясь, пока *развернет воспоминание весь свиток Истории до конца*, чтобы сформулировать как вывод то, что хочу предложить читателю как Истину, выскажу ее теперь, чтобы спор мой с отвергающими жизнь и историю был более внятн.

Пусть читатель вполне узнает, что именно я отвергаю, что отстаиваю, кто я таков – не в конце спора, а в середине его. Пусть он посмотрит в лицо человеку, вполне земному, совсем не святому, живому и грешному, не гордящемуся своими подлинными грехами, но и не посыпающему себя пеплом из-за мнимых грехов, не изъязвляющему тело и не одевающему вериги.

Я человек, и ничто подлинно человеческое мне не чуждо, но античеловеческое я отвергаю, то есть не хочу быть ни разбойником, ни жестокосердым, ни святым, отрекшимся от мира и культуры.

Есть *ангелы*, то есть почти не от мира сего, совершенные в добродетели, но они не противостоят человеческому, а возвышают его.

Итак, я выскажу, как я понимаю предназначение человека и смысл жизни. Но ответу я пространно, ибо именно в том дело, что ответ на этот вопрос не дается исчерпывающей формулой, однако достаточно определен, чтобы им можно было руководствоваться.

Человек живет в истории и культуре, он живет в Обществе, то есть в роде и народе, в семье и в близкой среде, как рыба в заводи и в реке. Порывать связи и уходить в пустыню, значит устраняться от своего Долга, а должен человек многое и многим, ибо появился он на свет в результате любви и взращен многими усилиями, так не надо ли отплатить добром за добро?

Но не только по Долгу, но и потому, что он не может иначе (значит, по-видимому, по Любви), *достойный человек берет на себя заботу* о близких, *ответственность* за них и их *защиту*, как и защиту Отечества и ответственность за него и за отечественную культуру.

Следовательно, *любовь определяет смысл жизни*.

Но известно, что кто равно относится ко всем, тот не избирает кого-то из них в возлюбленные, то есть хотя и не питает к ним недоброжелательности, но по существу их не любит. Не может любовь простираться на всё *бесстрастно*. И поэтому любовь к ближнему – это не любовь, а некое чувство, известное только «людям лунного света», которое у них заменяет любовь, к которой они не способны.

Христианство порицает гордость, самолюбие, уныние, печаль, тоску, гнев, раздражение, скуку – оно страшно сужает человека. Так же поступала и марксистская идеология, она предписывала создавать только произведения, исполненные оптимизма и непременно с победой «положительного» героя над «отрицательными». Самым положительным был человек с холодным сердцем и горячим умом (или наоборот? Я даже запутался в тех «мнимостях», которые проповедаются мифом, когда он принимает на себя власть над умами людей).

Правда, окружающие, те, кто считает себя христианином или коммунистом и не участвовал в пытках Инквизиции и допросах ЧК, вполне часто такие же, как я, но вот почему-то клеивают себе в удостоверение личности новое звание: «партийный», «православный», «сочувствующий», ненавидящий «Pussy Riot», «Пятую колонну», «иностранных агентов» и т.д. Зачем, почему, что они имеют против красивых девочек, спевших в храме очень острую эпиграмму на церковно-правительственных бонз (которых и эти ненавидящие не любят), они не знают. Жизнь и мировоззрение большинства опутано мифами, не столько классическими, сколько множасьими как те чародейные силы, которых выпустил из мешка Ученик чародея в опере Глюка.

Любовь к женщине лежит в истоке той реки, которая нас всех несет к океану Инобытия, и грешников и порицающих грех (как Лев Толстой, за которым тоже немало всякого было). Да, и труд и культура определяются в значительной степени этой любовью, потому что надо ковать оружие, чтобы защитить свой народ (нарожали все таки женщины), вспахать поле, чтобы накормить детей, украсить дом, чтобы женщине в нем не тоскливо было и она

не сбежала к другому, написать книгу, чтобы ее восхитить, спеть под ее окнами серенаду (если, конечно, хочется свою, единственную, а не ту, которую подберут родители, как и им подбирали), выпить с друзьями и поговорить с ними по-умному, а не только цитатами из Капитала или Священного Писания...

Формулы слишком односторонни, даже те, что придуманы гениями.

Вот Лев Толстой сказал, что человек – это дробь, в знаменателе которой то, что человек о себе думает сам. И чему же я равен? Иногда мне кажется, что я гений, иногда, что бездарность, то меня женщины любят, то они надо мною смеются (а что любят и теперь, через пятьдесят лет после того как смеялись, не достойно ли изумления и непомерной гордыни? И я иногда воспаряю в самомнении, а дробь сразу устремляется к нулю). Но ведь и то, что обо мне думают другие и что лежит в числителе, недостоверно, о Ленине или Гитлере недавно считали, что выше их нет никого на земле, а над Христом смеялись (не буду уж поминать то, что когда-то даже распяли!) – так что не годится эта формула для вычисления человека.

Еще Толстой говорил, что так как плохие люди объединяются легко, то вот если бы объединились хорошие, то было бы все совсем хорошо! – но как я могу объединиться с Толстым? И он человек не плохой, и я не так уж и плох, но он пойдет с апостолом Павлом бить идолов на улицах Афин, а мне, пожалуй, придется создавать народную дружину для защиты нашей, эллинской, культуры, так как бы нам не подраться...

И не подходит нам новая историческая общность во Христе (не могут православные соединиться с католиками, как те с протестантами), и я не могу соединиться с мормонами, хлыстами, скопцами, и бесчисленными новыми сектами, если уж даже православные, забыв о том, что надо любить врагов своих, просили у патриарха разрешения меня зарезать...

И не подошла нам общность советская, забыли мы и выколотили из нас, что мы русские, и вот теперь пожинаем гнилые плоды: не подарили бы Крым Украине, так они сегодня и не страдали бы, что его у них отбирают... Да еще многое худшее впереди...

Так что же, зачеркнуть христианство? Как зачеркнули строительство «нового светлого будущего», на алтарь которого положили миллионы лучших и образованнейших и культурных людей (в общем, тех самых, которых и обличал Толстой, так что и впрямь он в своих статьях об Искусстве был «Зеркалом русской революции», как выразился вождь «босяков»).

И нужен ли Бог? Зачем? Кто Он такой? Создал ли Он небо и землю, и Адама и Еву, был ли первородный грех и растление мира, погибель его, которую христианство тщится преодолеть?

Формула и моя о *достойном человеке* и достаточности земной плотской любви (хотя без нее жизнь точно бессмысленна) недостаточна и ущербна. Христианство отвергает Землю во имя Неба, так и я не хочу повторить их ошибку и отвергнуть Небо во имя Земли.

Тем более, что **Бог есть**, я с Ним разговаривал, Он влиял на мою судьбу... Хотя иногда Он пропадает и Его все равно что нет...

4. Личность поэта как миф

Мифологичен в некоторой степени каждый человек, значительно – философ и писатель, еще более – Поэт и Художник (присутствующие в каждом, но в Поэте и в Художнике в наибольшей степени).

Вот и Я, спорящий с Толстым (что некоторым может представляться как чуть ли не сожжение Парфенона, но в действительности это Толстой пытается поджечь Парфенон) – Миф. И поэтому я дерзаю спорить не только с вождями черни, но и с вождями избранных.

Всё, что Толстой говорит о Христианстве и Искусстве, я отвергаю – но тогда зачем спорю?

Дело в том, что большинство людей таковы, что я с ними ни в чем не согласен, но не спорю я с каждым из них, спорил с некоторыми, и то потому, что мне приходилось с ними водку пить, а когда под рюмку они несли нечто ужасное, водка шла не в то горло. Но я хотел знать, почему тот или иной человек становится коммунистом или христианином, однако этого никто из них не мог мне объяснить, и только единственный Толстой пустился в про-странные объяснения, почему он отвергает красоту, любовь, неравенство и искусство и почему думает, что это и есть христианство, так что мой спор с ним осмыслен, я знаю и понимаю, в чем мы расходимся. Кроме того, с иными легче спорить, чем с другими соглашаться, мне с Толстым разговаривать интересно и я даже рад, что он такую несет безумную чушь. Говорил бы он, что Пушкин во всем прав, и написал бы я только два слова: *Да, несомненно!*

А так скоро уже и книгу закончу...

Но смысл жизни не исчерпывается ни красотой, ни любовью к женщине, отечеству и отечественной культуре, он не исчерпывается Бытием, поэтому я ставлю запятую и пока продолжаю писать, но, возможно, скоро поставлю многоточие... Ибо смысл жизни не исчерпается и моими рассуждениями.

Я уже говорил, что пределом *рациональной* последовательности может являться число *иррациональное*, то есть лежащее ЗА границей области рациональных чисел; и некоторые философы даже считают, что смысл бытия не может быть в бытии, а непременно в Небытии. Но это формально диалектическое рассуждение, понятие же предела говорит о том, что может быть и так и этак, смысл бытия может находиться на его границе, как и предел, а граница может относиться и к бытию, и к инобытию или и к тому и к другому вместе. Более того, я чувствую и вижу, что жизнь пронизана флюидами чудесного, выходящего за грани естественного, и я уверен, что это проникание нашего мира тем, что *не от мира сего*; Бог не часть нашего мира, но это не значит, что Он только в той непостижимой дали – нет, как и брызги грозы, шумящей на горизонте, долетают до нас, как и солнечный свет пронизывает и согревает наш мир, так и *Инобытие в него входит через Тайну, Чудо и Миф*.

Необходимо уточнить некоторые понятия: или я использую их несколько иначе, чем другие, или они не до конца прояснены в культуре.

Часто говорят о том, что наука – это форма Познания мира (что естественно). Самой распространенной формой познания мира, доступной

всем, является личный и общественный опыт. Мы ходим, разговариваем, падаем, обжигаемся, огорчаемся, плачем, так ото дня рождения, и мы познаем: и что такое горячее, горькое, соленое, и добро и зло, и красоту и любовь. И еще мы рассуждаем, и через собственные рассуждения тоже познаем, или только малое, касающееся только нас, или даже общее, затрагивающее всех.

Но этот термин «познание» приложим ко многому, и когда в Библии говорится «познал» применительно к женщине, имея в виду «близость с нею», то я с этим словом согласен, но еще говорят и о культуре как форме познания мира, о поэзии и об искусстве, о философии и религии, и здесь требуются дополнительные пояснения и уточнения.

Я пользуюсь словом «познание» для обозначения научного (рационального) и житейского, опытного узнавания мира, но не все, что расширяет наше понимание мира, я соглашаюсь называть этим словом. Через любовь и страдание мы узнаем и жизнь и людей и мир в целом обширнее и глубже, и через литературу, и через музыку, но чтобы это узнавание не пугать с физикой и математикой и «ожиганием на молоке», я применяю слово *постижение*, которое обозначает не новые познания о том, как движутся предметы вокруг нас и кипит молоко (и в чем все люди соглашаются с одной точки зрения, ибо нет двух математик и двух физик, но для всех единая), а обозначает *изменение самой личности и ее отношений с окружающими и миром*.

Таково и воздействие философии, она не расширяет наши естественные представления, не добавляет теорем в нашу арифметику, но делает нас глубже, тоньше, шире, умнее.

И все же если сводить музыку даже к «постижению», это ее несколько унижает, через музыку, как и через любовь, мы в большей степени возвышаемся, а не только постигаем, *становимся иными*.

Итак, распространенный позитивистский и советский взгляд на то, что *культура – это (тоже) способ познания мира*, следует отвергнуть, он профанирует культуру. Ведь не будем же мы говорить, что любовь к женщине – это особый способ ее познания! Лучше сказать, что через любовь и культуру и мы сами и мир изменяемся во взаимодействии (как изменяемся мы вместе с миром через труд и творчество, хотя при этом и *постигаем* многое).

Музыка и любовь дают нам наслаждение, утешают нас, возвышают, расширяют границы нашего Я или даже вовсе их отменяют, дают надежду, преодолевают отчаяние, открывают пути для общения с Богом. Мы приходим в Концертный зал не для того, чтобы *познавать*, скорее для того же, для чего мы встречаемся с любимыми и друзьями. Вот в этом принципиальное отличие искусства от науки и даже философии, пусть Толстой и сужает искусство до крайности, придавая ему общественно-утилитарное назначение, видя в нем средство партийного воспитания и социального соединения. На стадионах и в обширных залах, похожих на стадионы, иногда собираются тысячи людей, подростков и молодежи, чтобы послушать своего кумира, поющего дурную и бесталанную, даже вулгарную и глупую песенку о пошлой любви (с которой Толстой воюет). О, как

единодушна толпа, как все любят друг друга, как они беснуются в одном порыве, обнимаясь и скандируя, притопывая в ритм «гам-таму» ногами! Об этом ли единении мечтал Толстой, говоря, что в этом назначение искусства? И разве не единодушны были толпы, слушающие Гитлера и Муссолини? И разве не единодушны зрители на трибунах корриды, глядя на бой быков, или в Римском цирке, глядя на бой гладиаторов?

Люди и в атаку бегут, чтобы уничтожить врага, объединенные одним порывом (и не всегда их объединяют высокие чувства). Разве считал Толстой, что соединенность французских солдат в единое целое в Бородинском сражении то же самое, что и русских? Простое соединяет легче, соединяет и злое, чрезмерное значение придавал Толстой соединенности, возвеличивая общность и забывая о личности.

В тюрьме в 2004-м году, в общей камере (где мечтал я об одиночке), тринадцать молодых людей томилась, *разъединенные*, отбывая срок за воровство, мелкие грабежи и хулиганство. Но иногда ночью они варили некое зелье из подручных средств, даже из бумаги, вдыхали его дым и пары, *балдели* и начинали соединяться. *Они хохотали...* О, какое буйство веселья овладевало ими!

А вот что пишет Толстой о «простом» искусстве:

«На днях я шел домой с прогулки в подавленном состоянии духа. Подходя к дому, я услышал громкое пение большого хора баб. Они приветствовали, величали вышедшую замуж и приехавшую мою дочь. В пении этом с криками и битьем в косу выражалось такое определенное *чувство радости, бодрости, энергии, что я сам не заметил, как заразился этим чувством*, и бодрее пошел к дому и подошел к нему совсем бодрый и веселый. В таком же возбужденном состоянии я нашел и всех домашних, слушавших это пение. *В этот же вечер заехавший к нам прекрасный музыкант, славящийся своим исполнением классических, в особенности бетховенских, вещей, сыграл нам орис 101 сонату Бетховена.* ...»

.... А между тем песня баб была настоящее искусство, передававшее определенное и сильное чувство. 101-я же соната Бетховена была только неудачная попытка искусства, не содержащая никакого определенного чувства и поэтому ничем не заражающая.»

Но разве примитивная *попс-музыка* на стадионах не передает «определенное и сильное чувство» и разве «ничем не заражает»?

Я думаю, что, в споре об искусстве мы точно так же не сможем ничего доказать друг другу, как в споре об величии или ничтожности христианства. Вспоминаю свой разговор с историком, когда мне было двадцать лет, а ему семьдесят. Он говорил, что о жизни Христа и даже о распятии его нет достоверных свидетельств, да, собственно говоря, и никаких нет, что евангельские рассказы точно то же самое, что и любое художественное или даже философское произведение, в основе которого воображение, как сочинение Свифта о Гулливере, Платона об Атлантиде, Томаса Мора об Утопии.

И Евангелия возвышенны, но Христа все же не было, как не было Наташи Ростово́й.

Свидетельства и доказательства того, что Христос приходил и был распят, ничего для меня не значили, и даже напротив, было хорошо, что их не было, потому что тогда исчезла бы необходимость и возможность веры. Если я знаю, что трижды пять пятнадцать, то бессмысленно в это верить.

Так что одни верят в Христа, другие не верят, и нельзя доказать, что правы одни или другие. И нельзя доказать, что без Бетховена и Скрябина жизнь беднее, и «песни баб» эту бедность не восполняют.

Но зная, что ничего доказать нельзя, и даже «нельзя проверить», как надеялся Достоевский (ибо те, кто стремится хотя бы проверить, уже не нуждаются в доказательствах), я преисполняюсь печали.

Для кого же тогда я пишу?

Но все же продолжу, может быть, найдется читатель и у меня.

Итак, наука отделена от искусства и от мифа пропастью, ибо *наука – это средство познания мира*, а искусство и миф меняют отношения человека и мира, изменяют человека, делая его глубже, возвышеннее и шире, изменяют и мир, помогают нам и его понять (иначе – *постигнуть*), и самих себя. Но даже и постижение – не главное предназначение и искусств и мифа.

Есть и более важное отличие их от науки, оно состоит в разных отношениях их к *противоречиям*.

Наука или с помощью опыта или с помощью рассуждения стремится исключить противоречия из содержания своих утверждений, ибо то, что совершается в объективном мире, совершается всегда по одним и тем же законам. Не бывает так, чтобы тарелка, упав со стола, вчера падала вниз, а сегодня взлетала вверх. Но и человек и жизнь противоречивы, они составляют содержание субъективного мира, в котором подчас и тарелки и чашки летят как хотят, и нельзя с помощью опыта проверить или подтвердить, почему эта тарелка разбилась. Законы детерминированного мира выражаются в незыблемых математических формулах, справедливость которых не устанавливается ни вкусом, ни симпатией, не зависит от пола и национальности, а тем более от настроения, но у духовного мира, в центре которого Хотение и Воля, Намерение и Свобода, нет единой и единственной детерминанты.

Но духовный мир не ограничивается бытием, его пронизают Тайна и Чудо, поэтому этот мир не выразим в формулах мира вещественного. Да к тому же есть и более глубокое разделение единого, казалось бы, Бытия на два противостоящие, не только разделение на дух и плоть, но и разделение на субъект и объект. Да к тому же есть и еще более глубокое разделение единого, казалось бы, субъективного Бытия на два противостоящие, ибо Субъект понятийно принадлежит объективному миру, он объективирован, рассуждение, философское умозрение отделяют его от подлинного, персонального Я как всеобщее. Личность принадлежит всеобщему миру, и только живое действующее Я, индивидуум, конкретный человек, *Отдельный*, по Штирнеру, данный в жизни и в искусстве (и в Поэзии и в Художественной литературе), противостоит объективации. Философствуя, я теряю свое личное Я, я превращаю его в Я для всех, но страдая, изливая страдание в стихах и в музыке, я возвращаюсь к себе.

5. Миф и устранение противоречий

Земля, как ее создал Господь, была создана как твердь посреди океана, а небо как сфера, обнимающая землю.

Рациональная (или научная, или наукообразная) мысль стремилась миф привести в соответствие с тем, что мы познаём в практическом и научном опыте. Что коммунистическая идеология, борющаяся против своих противоречий и устранившая, наконец, их все, превратилась в гранитный монолит, рухнула и разбилась, ибо потеряла всякую гибкость, несомненно. Как христианство удастся все еще раскачиваться под ударами рациональной критики, почти непостижимо. Я думаю, за счет инобытийной мистики, которую никак ни церковь не может преодолеть, ни церковная теология.

Самое значительное давление, которое испытывает христианство, это желание превратить его в проповедь *правильной* жизни, в своего рода кодекс морали, в новые «десять Моисеевых заповедей». Но в Ветхом Завете есть миф о богоизбранности еврейского народа, он и не дает целостному Мифу исчезнуть. Что же останется от христианства, если от него останется только проповедь и требование всем разрозненным Отдельным слепиться в единую личность, обняться так, чтобы перестать быть порознь, перестать ощущать себя как отдельных людей, но только как одного человека?

«... назначение человека есть благо; высшее же в нашем мире, доступное людям, благо жизни достигается единением их между собой», – говорит Толстой.

Но входит ли в это единение *«прилепится жена к мужу и станут единой плотью»* – при этом все отдельные семьи никак не смогут составлять единую семью, ибо у каждого Адама должна быть своя личная Ева (если только Толстой не хочет отменить и семью)? Входит ли в это единение *«отныне несть ни эллина ни иудея»*, но все во Христе одно? Или *«пролетарии всех стран, соединяйтесь!»*? Или новая историческая общность *«советский народ»*, пытавшийся отменить и православие, и христианство, и русскую национальную культуру, и русский народ как органическое целое, выросшее исторически, а замененное на механизм, создаваемый государством с неимоверным подавлением национальной индивидуальности (Толстому и национальная русская индивидуальность, конечно, ненавистна, он, создавший с другими титанами великую русскую литературу, готов во имя муравейника как новой всеобщей личности, заменяющей прежние частные личности, отказаться и от русского народа и от русской литературы)?

На протяжении трехсот страниц доказывая, что к искусству и к мифу принадлежит только то, что *понятно всем* (то есть наскальная живопись, детские рисунки и примитивный орнамент), что *согласно с религиозным сознанием* (в его понимании только), что *воздействует эмоционально* так, что слушатель забывает свою индивидуальность в общем эмоциональном переживании (что сродни наркотическому состоянию) – и это всё! – доказывая далее, что все учение Христа сводится только к призыву объединиться в братской любви! – Толстой ни разу не спрашивает, для того ли только пришел Христос, и *зачем он был распят* (не *почему*, а *зачем!!!*)

Вот пропасть между рациональным (при помощи благонамеренного сознания) понимание христианства и трансцендентным.

Зачем Христос сознательно и отчасти добровольно взошел на крест? Чтобы ТЕМ спасти павшего человека.

«Отчасти добровольно» потому, что «Да будет воля Твоя, а не Моя!!), расклинал он, так что это по воле Отца он пришел и вочеловечился и отдал себя в жертву (прочтите хотя бы «Овод» Элен Войнич!)

Что восхождение на Голгофу было Целью пришествия, прочтите хотя бы «Иуду Искарюта» Леонида Андреева (если Новый Завет не понятен или скушен!)

И нелепо укорять евреев в распятии Христа, если Он сам стремился к распятию, да притом прокричала толпа из пятидесяти человек «Распни!» – разве это еврейский народ прокричал? Да притом и «лучше пусть один пострадает, чем все» – не этим ли руководствовался первосвященник Каиафа, боясь за римские гонения на народ.

Разговаривая с нашими христианами, я прихожу к выводу, что я, разводящийся с христианством, ныне *последний христианин*, ибо и Ветхий и Новый заветы читал, и мистическое содержание их по крайней мере ощущаю, сначала интуитивно, а потом понимаю сознанием, и Чудо принимаю как то, что не является частью естественного мира, и не ищу исторических свидетельств того, что ВНЕ истории (вот еще одна особенность Мифа и отчасти искусства, которые выводят их за границу обыденного). Я даже доказывал слушательницам, что Земля плоская, и хотя эта идея во мне еще смутна, но я от нее не оторкся.

Почему я называю Религиозное учение Мифом (хотя и по Лосеву, то есть полагая, что это особая форма сознания и чувствования)? Еще и потому, что восприятие того, что я называю мифом, *мифологично*, и творится каждым в такой даже степени, что чуть ли не столько христианств, сколько христиан.

Противоречие – бытия и инобытия (мира сего и *не от мира сего*), естественного и сверхъестественного, духа и плоти, истины и заблуждения, отдельной личности (индивидуальности) и общего (то есть субъективного и объективного), укорененности отдельного человека во временном и в вечности – является осью всего Сущего.

6. Комментарии к Евангелиям

По примеру «Записок на пальме», где я пояснял Послания апостолов, намеревался я вначале так же, излагая последовательно евангельские тексты, объяснять их – во-первых, для себя, во-вторых, для тех, кто сам пытливно в них всматривается.

Но так как я уже на многое в них ссылался, то чтобы не было чрезмерных повторений, эту мысль я пока оставил. Если мою книгу прочтут хотя бы несколько размышляющих, не опутанных догмами, человек, и меня никто из христиан не зарежет, то, возможно, услышу я на нее и отклики. А тогда станет яснее, нужны ли еще комментарии кроме тех, что уже есть. Да и не становятся ли священные тексты более прозаическими после моих комментариев, поневоле все таки рационализирующих?

7. *Нужен ли был этот спор? Что-то не то...*

Спор с Толстым подходит к концу. Много совершенно правильных слов и о том, что слишком много усилий тратится напрасно, что мало заботы общества в целом и богатых классов о бедных, о благосостоянии трудящихся, крестьян и рабочих и всех тех. Кто живет за счет своего труда. Да, это так, и со всем этим я согласен. И сначала марксисты, потом русские большевики тоже справедливо говорили то же самое о том, что богатые живут в роскоши, а бедные прозябают.

Потом они пришли к власти, сначала истребили всех богатых, потом начали истреблять и бедных. В чем-то несогласных с командирами, потом стали истреблять и согласных. Но подозрительных, а потом уже всех подряд.

Но закончу разговор с Толстым.

«Религиозное сознание нашего времени, состоящее в признании цели жизни, как общей, так и отдельной, в единении людей, уже достаточно выяснилось, и людям нашего времени нужно только откинуть ложную теорию красоты, по которой наслаждение признается целью искусства, и тогда религиозное сознание, естественно, станет руководителем искусства нашего времени. ...и ... будет откидываться искусство, передающее чувства, *не согласные* с религиозным сознанием нашего времени...

...Искусство нашего времени и нашего круга стало блудницей. ...

...Искусством будут считаться только те произведения, которые будут передавать чувства, влекущие людей к братскому единению, или такие общечеловеческие чувства, которые будут способны соединять всех людей.

...Искусство будущего будет производиться, всеми людьми из народа, которые будут заниматься им тогда, когда они будут чувствовать потребность в такой деятельности.»

(Вот откуда у Маяковского: «Землю попашет, попишет стихи!») Да всерьез ли он это написал, не посмеялся ли?

Хотя, если по правде, я все время стремлюсь в деревню, жизнь здешняя меня тяготит, притесняет, и пенсию отобрали, и ту жалкую компенсацию, которую я получал за отсидку в советское время на «практикуме по марксизму-ленинизму». А в деревне я то кошу траву, то пропалываю гряды, то продолжаю строить сарай, и даже скучаю по нему. Но уставая от огородной работы и от сарая, время от времени сажусь за компьютер и что-нибудь сочиняю...)

«...искусство не есть мастерство, а передача испытанного художником чувства. Чувство же может родиться в человеке только тогда, когда он живет всеми сторонами естественной, свойственной людям жизни. И потому-то обеспечение художников в их материальных нуждах есть самое губительное для производительности художника условие, так как освобождает художника от свойственных всем людям условий борьбы с природой для поддержания своей и других людей жизни и тем лишает его случая и возможности испытывать самые важные и свойственные людям чувства.»

(Вот зачем на мою долю выпадают всяческие тяготы, и даже то, что мне по праву положено, даже заработанное у меня отбирают!)

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ
РОД И НАРОД.
НАПОЛНЕНИЕ ЖИЗНИ. КРАСОТА, ИСТИНА, ДОБРО

1. Новая мифология?

– А что ты предлагаешь взамен? – яростно и обличительно (обличая меня) восклицают мои собеседники (даже с которыми я не спорю).

Предлагаю ли я себя? Нет, хотя я во многом прав, чуть ли не во всем, но я не могу противопоставить мифам, пронизывающим и жизнь человеческую и культуру, только свое рациональное понимание бытия и инобытия. Поэтому я говорю (и я так чувствую и вижу), что я сам представляю культуру, ту самую культуру, с которой миф постоянно борется, сначала на Суде, на котором был обвинен в богохульстве Сократ и казнен (а, следовательно, Эллинской культуре был преподан урок), затем после того, как христиане пришли к власти и уже только они решали, что из культуры им полезно, а что следует уничтожить, и не один суд сопровождал полторы тысячи лет противостояния христианства культуре, после того как к власти пришли большевики, и теперь уже они решали, что из культуры им полезно, а что следует уничтожить, и не один суд сопровождал почти столетие противостояния большевизма культуре, наконец к власти пришли «нувориши», новые богатые, или новые русские, и теперь уже их деньги решают, что из культуры им полезно, а чему не следует даже рождаться.

Нет, я не претендую на то, чтобы представить из себя новый Миф. Возможно, и во мне есть что-то от мифа (да я и прилагал в последние пятнадцать лет немало усилий в этом направлении), но лишь в той степени, в которой я полуфилософствующий писатель и поэт (если я поэт).

Тот Миф, который я утверждаю, это Миф о Культуре, а в частности об Искусстве (в том числе о Художественной литературе). В центре этого мифа, в отличие от религии, философии и науки, в которых бытие составляет только *объективное*, и лишь отчасти *субъективное* в форме объективированной личности, то есть только *всеобщее*, - в центре мифа Искусства находится Отдельный, *индивидуальность* не в своей форме всеобщего, а именно как частное (то есть, как в математике – не $a + v = v + a$, но, например, $3 + 4 = 4 + 3$), и только в мифе искусства и может быть представлен этот живой конкретный человек. Иногда он вымышлен, иногда он действителен, иногда он является образом, отделенным от автора (так вот и я, В.И., существую в двух лицах, а именно, я автор данного опуса, рожденный, не сотворенный, живущий, имеющий то или иное положение и образование, но я еще и герой этого опуса, отстраненный от автора и не тождественный ему, и не совсем действительный, потому что я не могу и не хочу представлять доказательства того, что все, что я о нем пишу, подлинно. Вполне возможно, что иное я забыл, иное предположил как возможное, иное придумал, иное приврал. Мое второе Я, то есть мой литературный герой, выступает на страницах опуса как самый знающий, непогрешимый и понимающий истинное, но как автор, в

отличие от героя, я в себе не во всем уверен, и не знаю, действительно ли я самый умный, как Сократ, или мне это только кажется. И все же, отчаянно споря с ложными мнениями, надеясь многое объяснить жаждающим правды, я отказываюсь свои утверждения преподносить в форме «мне кажется», «возможно», «как я думаю», но преподношу их как истину, как и на уроках математики я не скажу, что «возможно, что сумма квадратов катетов... и так далее», но «несомненно, что...»

Итак, миф культуры, миф искусства я представляю и защищаю как единственное, что защищает подлинного частного человека, индивидуального, а не всеобщего, от растворения в целостном *безличном* бытии, в котором царствует либо материя с ее неотвратимостью, либо Бог, либо царь.

Толстой сокрушается о разъединенности людей друг от друга и призывает их объединиться в братстве и в любви, но я, сокрушенный посягательствами на личную свободу, пытаюсь защитить личное от неличного.

Надо покориться воле Бога, вопиют мне уже две тысячи лет христиане, *жить не по своей воле, а по воле Бога* – и я обратился даже к самому Господу, на которого все ссылаются и которым все клянутся, с просьбой разъяснить мне, так ли это. Бог меня не особенно жалуется, в беседу со мной не вступает (возможно, ему и некогда), однако иногда приходят волхвы и в смутном полусне что-то мне говорят, и кое что из этого даже мне внятно.

Но все же жаль, что не снисходит Бог не только до того, чтобы исполнить некоторые мои просьбы, но даже чтобы что-то мне разъяснить.

Надо покоряться чужой воле, жить не по своей воле, а по их, слушаться родителей, начальства, власти, должностных лиц, когда они от меня что-то требуют – и как русский человек я начинаю в сем сомневаться и повеления эти оспаривать или от них уклоняться.

С детства бегал я за девицами, потом даже на одной из них женился, но не подчинялся я повелению Толстого жить как положено по староотеческим правилам и предоставить выбор жены старшим. Еще чего!

В университет, в астрономы, поступал я по своей анархической воле, но не советовался ни с батюшкой, ни с родными, ни с учителями, ни с подругами.

Все на меня посягают, и я хотя и не думал, что я самый умный, но все же свободу свою защитить пытался.

Когда посадили меня в 2004-м году, я начал артачиться, и вместо того, чтобы подчиниться судейской власти, приговор пытался оспорить, в результате просидел все же только пять месяцев вместо пяти назначенных лет.

Нынче фискальная служба наехала на меня, арестовала счета и я перестал получать и пенсию и крошечную зарплату (работая на четверть ставки в университете). Но вместо того, чтобы безропотно отдать Кесарю кесарево, я начал жаловаться сначала старшим фискалам, потом их начальству, потом в тот суд, который меня пригвоздил когда-то, потом еще и в другой суд, который меня пока еще не пригвоздил.

Так же не по христиански поступаю я, когда на меня наезжают другие должностные лица, стараюсь, например, проехать в электричке бесплатно,

ссылаясь на то, что мне, якобы, положены льготы за то, что я когда-то сидел в тюрьме как враг советского народа.

Итак, мир постоянно ограничивает мою свободу, я же пытаюсь защитить из нее хоть что-то.

Я защищаю себя. Но так как я объясняю и оправдываю свои права на защиту и хотя бы на некоторую свободу, то тем самым я защищаю и других, не согласных раствориться либо в Боге, либо в обществе, либо в каком-либо Общем деле (оживлении людей по Николаю Федорову, Революции по Троцкому, единении пролетариата по Марксу,, единении в братской любви по Толстому).

Помимо того, что Толстой порицает искусство – почти за всё – за безудержное расширение, аристократичность, нежелание приспособливаться под вкусы толпы (мужиков и баб, извозчиков, ремесленников и тому подобных), нежелание подчиняться Власти царя, Церкви, Бога, новому религиозному сознанию (как его понимает Толстой или кто-то другой), нежелание подчиняться партийности, декретам, указам, голосованию, на котором большинство будет решать, что оставить для общего блага, а что уничтожить (как предлагает Толстой), – он еще порицает и общество и устройство всей общественной и государственной жизни и за социальное расслоение, за то, что одни богаты и культурны и имеют множество привилегий, а другие бедны и несправны. И во многом я с ним согласен. Но я против коммунистического равенства, потому что тогда культура падёт – та культура, которая дорога мне; я против гонений на красоту, потому что тогда и красивые женщины будут прятаться, а мне от этого станет только хуже; я против гонений на выделяющихся, не растворенных в обществе, на тех, кто выше, сильнее, умнее, хорошо сложен, и самое главное, на тех, кто имеет отличные от большинства взгляды. Тогда уж мне точно не поздоровится.

Если меня посадили сначала за то, что я стал христианином, затем за то, что я стал издателем, то теперь меня точно сожгут за то, что я уже и не марксист, и не христианин, и не либерал, и не известный писатель, да к тому же и бедный.

Обличая богатых и требуя, чтобы они раздали свое имущество народу, Толстой почему-то все время обращается ко мне – вероятно, потому, что богатые ничего не читают, а я читаю, даже обличительные речи Толстого.

Но он свою Ясную Поляну никому не отдал, а мой деревенский дом, пожалуй, никому и не нужен, деревушка на отшибе, климат плохой, даже яблоки не растут, нет ни пруда ни речки, и дом уже старый, вот-вот рассыплется.

Еще Толстой негодует на то, что писатели и художники и актеры и певцы получают за свои произведения и выступления деньги. Вот, например, и у Шаяпина были гонорары высокие, чем возмущались в особенности большевики, и сам Толстой получал за свои сочинения немало (или он считал, что не принадлежит к искусству?)

Меня его негодование задевает впрямую. Во-первых, я за свои книги денег никогда еще не получал. Более того, я их печатаю по несколько

экземпляров и раздаю друзьям и знакомым, чтобы они прочитали, но никто из них мне ничего не платит (да и, боюсь, бесплатно они еще берут, а за деньги уже брать не будут). Но я не думаю, что это справедливо, я и усилий немало затрачиваю, чтобы написать свои книги, и времени, к тому же печатаю их за свой счет, то мне нелегко сводить концы с концами, тем более не на что их печатать.

Правда, мне могут сказать (скорее всего, так и думают), что так как они никому не нужны, то их и не надо писать и печатать, да тем более навязывать в чтение, отнимая у читателей то время, которое они посвятили бы чтению душеполезных книг, согласных с "современным религиозным сознанием", или книг, которые понятны и нравятся большинству.

На это не так легко возражать, да и обидны большинству мои возражения, но к счастью, не все в мире устроено так, как предлагает Толстой, то есть не все подчиняется воле большинства, и в классе решает учитель, что изучать и читать школьникам, и в армии командир решает, идти ли в атаку или на танцы, и в поле посылает начальник поля или глава семьи даже самых нерадивых. Толстой думает, что то, что нравится большинству, это и есть наилучшее, но в действительности чаще наоборот, и чем меньше поклонников, тем произведение искусства или книга выше в духовном и культурном отношении. Да он и сам часто сетует, что самое лучшее (по его мнению) не находит спроса, правящий класс испортил народ. (Но восхваляемое им христианское учение утверждает, что народ уже изначально испорчен, при рождении почти пал, и вокруг одна только "мерзость запустения" и люди "все до одного негодны", по слову апостола Павла.)

Если мы развивались по Дарвину, то не оттого ли не все обезьяны сбросили хвосты и слезли с дерева, что эти делают и слушают и читают только то, что им нравится?

2. Спасибо Римскому Папе

Маркс в "Коммунистическом манифесте" сетует, что весь мир на них ополчился, и даже Папа Римский. И это, я думаю, было справедливо, потому что мы уже знаем, чем коммунизм обернулся и для всего мира, и тем более для России.

Я тоже сеял не только доброе, по глупости или небрежности, или в силу неотвратимых причин причинил немало вреда окружающим, но, разумеется, не так много, как коммунисты (например, сколько нечаянно перебил одной посуды, изорвал штанов и рубашек, да и выпил лишнего, а эти деньги мог бы потратить на лучшее. Еще ругал коммунистов, за что они меня посадили, из-за чего мои близкие из-за меня пострадали, а еще насочинял всяких книг, на печатание которых немало истратил, а деньги могли бы принести всякую пользу, скажем, если б раздал их нищим.). Однако, невзирая ни на что, Папа Римский молчит и меня не ругает, что меня хоть отчасти утешает в моих неприятностях. Остальной же мир на меня ополчился.

Перечислю мои хотя бы некоторые невзгоды.

По-первых, по дорогам, и вдоль железной дороги, и вдоль шоссе, и вдоль дороги в деревню набросано черт те что, и столбы электропередач,

деревянные и железные, выкорчеванные из земли и так брошенные, и спиленные деревья, которые так просто гниют, и кустарники, всякая всячина. А у села груды мусора, который выбрасывают селяне, те самые мужики и бабы, которые так умилили Льва Николаевича пением и битьем ритмичным об железную косу (как видно, они шли с покоса).

Мусор меня везде раздражает и мне плохо, потому что это некрасиво и терзает мое ощущение красивого. Но Лев Толстой доказал, что красоты нет, а *кому что нравится*, и то, что мусор меня раздражает, это мое субъективное ощущение, а вот мужикам и бабам сей мусор нравится, и я ничем не могу доказать, что я лучше их или что мое оскорбленное чувство справедливее или истиннее их радующегося. (Тем более, что и Истины нет, как доказал Толстой, а только *согласие всех людей, что считать правильным*.)

Но мир на меня ополчился, видно, я и сам этот мир раздражаю, уже одним своим существованием, тем, возможно, что я люблю красоту и гармонию, люблю красивую русскую речь, умение строго и правильно мыслить, что приобретается, в частности, через математику, люблю русский романс и народные песни и инструментальную музыку, глубокомысленные книги (а потребность в них определяется культурой и образованием, на которые тоже ополчается Лев Толстой), и люблю культурных и образованных людей. «Мужикам и бабам» культура и образование, как видно, не нравится, с тех пор, как они захватили власть в России, на культуру и науку, а еще пуше на поэзию и философию каких только не было гонений (а, впрочем, и на музыку, и на что ни брось взгляд из хорошего, гонения были на всё!)

Мне все время кажется, что крик Хрущева «Народу это не понятно» почти повторяет инвективы угонченного и образованного графа, нарядившегося мужиком. Возможно, это такое позднее извращенное покаяние за то, что судьба дала ему слишком много, перед обездоленными.

И он поэтому изо всех сил хочет и меня уравнять с ними.

Но я разве не «пил из чаши бытия?!»

Грудным младенцем я лежал в пеленках, ожидая, когда придет мать с работы, няnek у меня не было. Вскормлен я был молоком матери да еще соской (которая для всех деревенских детей была привычна), мать жевала кусочек ржаного хлеба, завязывала в тряпочку, и эту тряпочку я и сосал в протяжении дня. Лечили меня чаще местные деревенские бабки, правда, по какой-то особой милости принимали меня и в больнице (хотя сетует Толстой и на ученых, что не тем занимаются, и отчасти сетует справедливо, но вот послушал его Хрущев и повелел поставить во главе науки народного академика Лысенко, а этих всех, глядящих то в микроскоп, то в подзорную трубу, почаще отправлять на колхозных полях копать картошку).

Итак, я болел и в младенчестве, и в детстве, и в отрочестве, да и теперь... Вот вдруг повелели ехать в Университет исправлять опечатку в бумажке, которая могла бы подождать еще год, и мне пришлось вчера сдать свой билет на поезд, и поеду в деревню я вечером на электричке... И у меня болит сердце... Деревня меня лечит без лекарств, но вот доеду до нее я теперь только после полуночи.

Я теперь только пытаюсь доказать, что никаких особых привилегий у меня не было, дважды сидел в тюрьме, хотя виноват не был (Толстой сожалел, что сидеть в тюрьме не пришлось).

Девятнадцать раз переезжал из одного съемного угла в другой, пока не получил квартиру; девятнадцать раз следствие прекращало уголовное дело против меня, пока царь не приказал посадить не взирая ни на что; девятнадцать раз меня обманывали, но разбойники нападали только дважды. И один только раз пришлось продать книги, которые я собирал целую жизнь, чтобы отчасти расплатиться с долгами, в которых виновато государство (об этом еще я скажу).

Судьба, государство, народное мнение, Лев Толстой – все против меня.

Но в последние десять лет общество расสวิрепело, как сказала одна дама (из-за того, что со мною влюблено «лялякала» юная девушка), таких как я надо отстреливать!

Итак, повторяю, я – не жалуясь! Жил я безбедно, потому что много работал и не гнушался никакой работой. В тюрьме попросился работать в службе, мыл стены, грузил мешки, чистил картошку, потому нам полагалась прямо на кухне та еда, которую относили и начальнику тюрьмы (который относился ко мне с большим уважением и пришел посмотреть, действительно ли я отмыл стены, не мытые сто лет).

Я работал и сторожем, но начальство иногда просило меня отредактировать важное письмо и за это подкладывало купюру в конверт, я, разумеется брал. Но больше меня умилило, когда ночью приезжала машина на склад, я открывал и грузил со всеми, и мне протянули пятьсот рублей. Разумеется, и их я брал, они мною тоже были заработаны честно.

Но друзья ко мне относились неодинаково, многие из них меня ругали, кажется, любя.

Одни упрекают меня в том, что пишу про женщин и поцелуи (как видно, они читались Толстого), другие упрекают в том, что пишу и печатаю (хотя я ни у кого на печатанье денег не прошу). (Но надо сказать правду, не все меня и ругают, чаще всего братья писатели, а есть и те, кто меня угощает, призывает в гости, ставит на стол бутылку и маленькие маринованные огурчики, спрашивает в конце «ты меня уважаешь?», провозжает на остановку автобуса и дает тысячу рублей «субсидии на развитие русской литературы».

Я не жалуясь еще и потому, что так как я математик, то меня нанимали иногда для обучения тех, кому она дается с трудом. Но вот общество решило, что слишком много умников, что образование в России чрезмерно, и книги читают, и читать умеют, и пишут грамотно, и правительство и министр прокатало народное образование катком, отменило экзамены а вместо них ввело угадательный тест, который надо заучивать вместо таблицы умножения и теоремы Пифагора. И надобность во мне отпала. И этот доход мой правительство вместе с народом отобрали. О, как радовались некоторые мои друзья, говоря, что теперь не будут наживаться репетиторы на бедных родителях и их детях (а я иногда зарабатывал за год, ездя к своим подопечным на уроки и становясь для них иногда и другом, и наставником, и

чуть ли не «добрым боженькой»), почти целую месячную учительскую зарплату. Да еще меня поили чаем с пирожками. Да еще мы эти чаи распивали со всей семьей, и расчувствовавшиеся папа и мама подвозили меня на машине к метро. А через десять лет моя ученица, встретив меня случайно на Невском, бросилась ко мне на грудь и мы даже поцеловались...

Да какая еще нужна мне Нобелевская премия?! Да какая зарплата? Какие деньги за издание книг, когда министру никто не бросается на грудь, потому что дети теперь делают четыре ошибки в слове из трех букв, и такого министра проклинают и взрослые и дети (и грамотность упала безмерна, обычное правописание, которое раньше было врожденно и деревенским детям, и так как мне приходилось работать и в школе и в университете, то я могу сравнить, и с прискорбием вижу, что нынешние первокурсники безграмотнее прежних первоклассников.

Да что говорить о них?! Я редактирую писателей (правда, для большинства, видно, русский язык не родной, ибо иначе невозможно объяснить вопиющее), так вот, у одного из них на странице как-то пришлось семьдесят семь ошибок!!!!

4 сентября, четверг, 11-30. Ночью спал плохо, кажется, волхвы приходили, потом ездил в университет, поулыбался в бухгалтерии милым дамам, десятого велят приехать за зарплатой. Надо будет привезти им конфет.

В деревню на электричке едем с женой в половине пятого, да и то неплохо, в дороге буду писать или редактировать, а потом придем в деревню, вскипятим чай, и в кромешной тьме и в почти звенящей тишине забудем о всех городских неприятностях, и о русском правительстве, уничтожающем и ненавидящем русскую культуру и образованность, и о русской интеллигенции... а что о ней сказать, я уже и не знаю, слилась она с телевизором... Эх, Лев Николаевич, какое растение вы увидели в балете и опере?! Не было у вас дара предвиденья, не знали вы, что появится телевизор, пение в микрофон под электроинструмент, хуже, чем бубен шамана, скачущие на эстраде, хохочущие в зале, растлевающиеся не оттого, что смотрят, а что слушают и говорят...

Но друзья мои счастливы, они единодушны и с народом и с правительством, идеалы Толстого о слиянии душ в одном экстатическом сопереживании всем доступных чувств и их выражений наконец-то осуществились. Сочинители не нужных народу книг если еще и живы и на свободе, но пробьет час возмездия и для них!

И я, рожденный как отщепенец, в сибирской тайге, в заброшенной деревушке, знакомившийся с Пушкиным и Пришвиным при свете лучины, еще буду скрывать, что слушаю Вагнера и Бетховена и сам сочиняю стихи и пишу книги, и даже спорю с Толстым и апостолом Павлом.

Конечно, эта книга, которую я теперь пишу, не ахти что, наполовину почти из чужого, тут и из Толстого обширные выписки – ну а его роман «Воскресение», переполненный евангельскими проповедями, лучше ли?

Спасибо Папе Римскому, что хоть он не призывает меня изловить и приковать в каземате цепью!

3. Русский народ

Странно, что французы и англичане называются так, как звучат имена, а мы, русские, словно по принадлежности или по качеству, как сибирские или сельские или русые.

И такое наименование расширяет понятие русского, тверской и костромской может не принадлежать к одному племени, но относиться к княжеству или князю или местности, так и сибирские – это и русские и аборигены, и ссыльные, все те, кто из Сибири.

Мне это замечание важно для того, чтобы разобраться, кто именно относится к русским, а кто нет.

Еще одно замечание состоит в том, что Русь разлилась по обширному пространству и впитала или обежала десятки племен, кои из которых слились со славянами, а кои остались самобытны, но все же русский народ складывался во взаимодействии и соединении больше, нежели в разделении и обособлении, как при кастовой системе в Индии.

Третье замечание обращает внимание на то, что в Россию многие приходили на жительство из других краев, присягали на верность царю и либо считали себя тоже русскими, как часто немцы, французы, шведы, либо старались сохранить обособленность, как цыгане и евреи.

Кого из них и из всех нас считать русским? Справедливо ли националисты пытаются русских по крови противопоставить всем остальным, справедливо ли и то, что русскость пытались вытравить то христиане, вводя только признак веры, так что были мусульмане и православные, но не было русских, то большевики, объявив всех советскими и истребляя русских?

Да, Миф стремится всех растворить в своем образе истории и мира, и естественно, что «отныне несть ни эллина ни иудея», и «войну империалистическую надо превратить в войну гражданскую», как призвал Ленин, ибо люди делятся (якобы) не на русских и немцев, но на эксплуататоров и эксплуатируемых.

Но как есть мужчины и женщины, но не только братья и сестры во Христе, так есть и славяне и тюрки и поле Куликово, русский язык и русская литература, а не только душеполезная или пролетарская.

Да, есть, этого не отрицают современные националисты, проповедующие ненависть чуть ли не ко всему миру, но «сын вора должен стать вором», «гордый сын славян» – русским, а «ныне дикой тунгус и друг степей калмык» так и должны остаться в тундре и в степи, не знающими культуры.

И здесь надо спросить, совпадает ли понятие и идея национальности и народа с понятием племени? Является ли русским человеком Пушкин, на «одну восьмую» арап, по прадеду Ганнибалу, на одну четверть немец, по бабушке немке? И справедливо ли, что он считал себя русским поэтом?

Русские ли императрица Екатерина, Карамзин, Анна Ахматова, Владимир Даль, Зинаида Серебрякова (Лансере), Бенуа и князь Юсупов (имеющий, кстати, лишь союю долю татарской крови, заведомо меньше, чем у националистов)? Русский ли я сам?

Предок мой, казак, вероятно, приплыл в Сибирь с Ермаком с Дона, мать

родилась в Полесье, около города Мозыря Гомельской области, в восточной Белоруссии. У дедушки и бабушки в их дореволюционных паспортах указано, естественно, что они русские, мать свой паспорт получала уже после отмены советского крепостного права в 53-м году, когда крестьянам разрешили уезжать из деревни и получать паспорта, по белорусскому месту рождения ее она стала, при русских родителях, белоруской. Я приехал на ее родину в 58-м году, с поездкой этой было связано множество приключений, чуть ли не первая любовь, только влюбился я последовательно в трех очень красивых девушек, из-за одной из которых меня даже пытались побить (спасся бегством).

Через много лет я полнее уяснил себе свое отчасти белорусское происхождение. После Чернобыля я приехал к своим родственникам, они даже заплакали, что я решил к ним приехать, весь дым от Чернобыля как раз сносило в их сторону, на Припять. Народ здесь живет очень милый, добрый, да и во всей Белоруссии тоже, родной язык у них русский, не уверен, что когда-нибудь они говорили по белоруски. Этнически они принадлежат к славянскому племени, называвшемуся Полешуками, живут они по обе стороны Припяти, и на Украине тоже. И я в этом вижу важный символический смысл: будучи русским, из русских русским, как восклицал когда-то апостол Павел, я укоренен в свободолюбивом Дону, на рубежах Великой Руси, затем в вольной Сибири, и еще на границе Малой и Белой Руси.

Если историческое назначение России быть империей, соединяя три ветви великого общерусского народа, то я уже соединяю их в своем происхождении.

Что определяет народ и принадлежность к народу? Только ли кровь? Да и что определяет все, что *существует*, только ли материя? Если только материя, то существуют только предметы, но не идеи, только тела, но не души, и потому нет ни верности, ни красоты, ни любви, ни наслаждения. Но это не так, даже материалисты, боясь остаться без наслаждения, будут отстаивать его существование, а потому согласятся, что существует и то, что дорого мне. Но если существуют идеи, то существуют и их свойства, но не только протяженность в пространстве, масса и множество элементов.

Народ определяется через язык, историю, культуру, память, самосознание, судьбу и волю, следовательно, почти так же, как и личность человека. Народы имеют пристрастия, слабости, великодушны и малодушны, претерпевают невзгоды, развиваются, падают, возвышаются, погрязают в пороках, бывают невежественны, ленивы, целеустремленны – всё как у человека. Но человек еще имеет пол, не бывает человека вообще, но или мужчина или женщина, и именно пол и взаимоотношение полов определяет его судьбу, является источником любви, порождает семью, а затем и народ. Итак, Личность человека осуществляется в любви, в труде и в творчестве.

Все, чем обладает народ, обладает и отдельный, но не он производит язык, культуру, историю, среду обитания.

Итак, народ – это единство прежде всего духовных сторон бытия.

Как человек принадлежит народу? Во-первых, по происхождению, как и

дети родителям. И в этом отношении кровь существенна. Во-вторых, по духовному родству, языку, характеру, памяти, истории. И в этом отношении существенна культура. И в третьих, по выбору и присвоению. Выходит девушка замуж и становится мужней женой и родительницей его детей. Избирает муж жену и вводит ее в свой дом, и его родители и родные становятся и ее. Принимает в свой дом семья чужого ребенка и он неотделим от родных.

Так если у честных родителей и пасынки и падчерицы все равно что родные дети, то не то же ли самое с теми, кто составляет народ?

Не говорит отец, что ты, дескать, мой только наполовину, и так же не говорит этого мать. Но и у детей есть обязательства, должны они оправдывать принадлежность к единой семье, и даже когда узнает приемный ребенок, что он не родной сын отца, он вправе отлепиться или прилепиться – как прилепляется жена к мужу и становится с ним единой плотью.

Русскую литературу мы не делим по происхождению авторов, и Владимир Даль, составитель Словаря Великорусского языка, не менее русский, чем писатель «Казак Луганский» (составляющие одного человека).

Так же не делим мы Гоголя, Пушкина, Достоевского, и я надеюсь, что преодолеем мы болезнь междоусобицы, которой, я думал, переболели мы от одиннадцатого до семнадцатого века, и еще появятся у нас и Богданы Хмельницкие и Екатерины Великие, и Россия вновь станет империей.

Что и гордый сын славян, и тунгус и калмык объединены Пушкиным и русским языком, несомненно. Но и все остальные в России должны осознать себя детьми единой семьи. Не надо отталкивать евреев в Палестину, они говорят по-русски, родились в России, их отцы и деды защищали нашу общую родину наравне с нашими – и если в основе личности (человека или народа) прежде всего дух, то мы должны быть единомысленны. А что у нас телá разные, так и у мужчины и женщины они не совпадают тоже.

4. Подлинно ли существуют Истина и Красота?

Если существуют *только* предметы, иначе говоря, атомы и их сочетания, то конечно же НЕ существуют ни красота ни истина, и Толстой прав, исходя из предметного мира.

И все же существование идей и абстрактных понятий может быть удостоверено, только не с помощью рассуждений, а через конкретных людей и их судьбы, не важно, воображаемый ли это человек, герой романа, или действительный; таким образом, кроме действительной жизни, в которой мы удостоверены в существовании каждого явления, подтверждением подлинности их является и художественная литература, притом даже доказательнее. Мы знаем о каждом герое, добрый он или злой, красивый, привлекательный, или нет, умный или глупый...

Есть еще одна область действительной жизни, в которой общее пересекается с частным – это ПРАВО. Судебное разбирательство должно установить виновность или невиновность обвиняемого. В недавнее большевистское время главенствовала такая точка зрения, что *истины нет*, потому она и не может быть установлена, и человека можно осудить или

освободить на основании истины условной (то есть *кому как нравится*, по слову Толстого, или что мы *договоримся считать за верное*). Естественно, договаривались, исходя из революционной целесообразности, и расстреливали почем зря.

Но представим себе человека, для которого честь дороже жизни, положим, его обвиняют в убийстве, он вину отрицает, судья ему говорит: мы не можем выяснить, виновен ты или нет, договоримся считать тебя условно невиновным, на 55%, и отпустим.

А как же мои дети, внуки, потомки? Они будут предполагать, что их пращур злодей? Нет уж, лучше я умру в тюрьме, но я требую или признания АБСОЛЮТНОЙ моей невиновности, а не условной, или уж лучше меня расстреляйте.

В каждом частном случае то или иное или абсолютно истинно, или нет, условная истина не существует, и не существует истина, о которой надо просто договориться.

Помимо истины, которая является логическим источником верного или неверного, существует еще *мистический источник совершенства, правды, справедливости, Истина как идеал, который ищет наш страдающий дух, Истина как цель бытия, как оправдание жизни.*

Христос сказал: *Азъ есмь истина и путь!*

Мне вдруг по новому открылись эти слова. Возможно, Он имел в виду не только то, что истина содержится в Боге, и Он, Бог, и есть истина, но и то, что существование всеобщей объективной истины сомнительно, но для Отдельного всякое явление есть только несомненное и только в одной достоверной форме, и потому Истина содержится в Личности, истина лична, не может быть истины вообще. Это перекликается с тем, что «все для человека, все во имя человека» является ложью, если под человеком, которому обещается это «всё», понимается не живой данный человек, а «с большой буквы», «настоящий человек», или тот, который «звучит гордо».

Итак, герои художественной литературы хотя и созданы художником, но они такие же индивидуальности, как и каждый читатель. И красив тот или иной герой, умен, благороден, милосерден, это не предмет соглашения читателя с автором. Если роман является подлинно великим произведением искусства, то один и тот же (почти один и тот же) результат, вывод, одно и то же чувство овладевает всеми, как и при постановке античной трагедии и при исполнении совершенной симфонии. Несмотря на споры критиков, зрителей, философов, общая правда одна: Татьяна Филипповна красива и несчастна, то же и Анна Каренина (что бы ни думал сам Толстой по этому поводу), и «нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте».

В философии утверждение доказывается при помощи цепочки силлогизмов, но существование истины и красоты даже и при помощи такой цепочки нельзя доказать, потому что основания, на которых они установлены, сами требуют доказательства. Но в романе образ безусловен, и не нуждается в свидетельствах, поступки и взаимоотношения героев и являются доказательством истины и красоты.

Русская литература осуществила себя как Новую философию, методом которой стал Образ как альтернатива силлогизму, а предметом исследования, анализа и синтеза стало индивидуальное, частное, отдельный как непосредственное Я, личность, противостоящая всему объективному, неличному, Личность как центр своего личного мира – не всеобще-личного, а только моего. Воссоединение с обществом, миром, объективным осознавалось как возвышение личности, а не ее утрата, унижение, уничтожение и растворение – в Боге, мифе, обществе и "общем деле".

Делом личности становились ее собственная личная любовь: к женщине, искусству, науке (у Базарова), семье (у Пьера Безухова), народу (у Радищева и Герцена), Европе (у Чаадаева)...

Существование красоты и истины возможно узнать и понять только в ее личном существовании, понять и представить только через литературу, которая, конечно, не ограничивается человеком, но представляет все человеческое: культуру, народ, историю, природу.

После семнадцатого года литературу погнали к какой-то новой мифической цели бичами надсмотрщиков, часть ее продолжилась на западе, часть существовала подпольно и полуподпольно. После контрреволюции 90-го года литература отказалась от всяческой цели и провозгласила (неявно) существование вне цели, топтание и бег на месте, по кругу, или просто бессмысленное мельтешение туда-сюда.

[Надо сказать, что при всех исторических переломах, и при этом тоже, важную роль играет еврейство, дело которого быть закваской истории. Но не упрекать и обвинять – моя задача, а – понять. Значит, именно так, через закваску, осуществляются перемены в истории. Новая русская история будет представлять из себя становление новой Великой России с новой литературой, культурой и новым Народом, в основе которого дух и плоть, но дух преимущественно, поэтому это народ-синтез. В нем и гордый сын славян, и тунгус, и еврей должны занять свое законное место. Быть может, и нынешнее мельтешение не случайно, если впереди нас ждут Роды – рождение нового народа. Его обоснование в *новом русском национализме*, который состоит не в проповеди ненависти к другим, а в *национальном самосознании*. Вот так же личность, по мере своего возвышения, становясь Личностью, становясь более индивидуальной, становится и более всеобщей, становясь русской, становится *всерусской* и отчасти и европейской.]

5. Семь мудрецов

4 сентября, воскресенье, 17-30. Возвращаемся с женой в электричке в город, навьюченные лесными и огородными плодами, до Малой Вишеры жене приходится платить 120 рублей, а я протягиваю свою "краснокожую книжицу" (удостоверение незаконно репрессированного) и еду бесплатно (не совсем справедливо, так как сия льгота распространяется в Новгородской области только на жителей местных, а не на поселенцев.)

"Все же не зря сидел!" – удовлетворенно замечает жена. Я соглашаюсь и думаю, как часто мы несправедливы к судьбе, даже когда она к нам и впрямь, как нам кажется, несправедлива.

Итак, русская литература не только заменяет философию, но и сама является не менее философией, убедиться в этом легко, представив себе хотя бы часть русских писателей (они самые значительные, но те, про которых я не говорю, в иных отношениях ничуть не ниже, так что плеяда русских писателей отнюдь не ограничивается наиболее прославившимися.)

Выделяю семь авторов, семь *русских мудрецов* (которых в России, повторяю, неизмеримо больше). Свообразную "Троицу" составляют Достоевский, Толстой, Тургенев: "православный", "язычник" и "европеист", все три важнейших направления русской жизни, хотя их принадлежность к этим направлениям условна. Толстой стал в старости, кажется, христианином («Воскресение»), даже христианином из христиан, весь смысл жизни стал выводить из "нового религиозного сознания", которое он отождествил с Христом, и которое свел к какой-то паточной всеобщей любви, не то к единению, не то к растворению в единой личности при посредстве донельзя упрощенного искусства (так что уже и не нашлось бы времени на работу, творчество, увлечения и обольщение женщин, что, впрочем, по его мнению, осудительно). Отчасти что-то словно бы христианское проскальзывает в проповеди его нового учения "Обнимитесь, миллионы!" (но не Дьявол ли это проповедовал у Гете, для него это было бы и неудивительно, он пересмешник...), но что православные, при их патологической любви ходить с хоругвями и призывать к погромам то евреев, то староверов, то немцев (с началом Мировой войны, как об этом вспоминает Тихомиров), то сектантов, то "пятую колонну", то юных феминисток, то распустившихся интеллигентов, пошли бы за Толстым, было бы удивительно. Да они и не пошли, потому что он еще обличал высшее сословие и выставял в качестве идеала мужика.

Но и православное христианство Достоевского чрезмерно упрощено.

Раскольников нарушил ветхозаветную заповедь "Не убий" и страдает в покаянии, хотя и противится ему и всячески пытается себя оправдать.

"Тварь ли я дрожащая или право имею?", восклицает Раскольников в обоснование своего решения убить человека. Но муки совести заставляют его признаться в убийстве и отправиться на каторгу. (Но при чем здесь христианство? Разве не так же ли страдает и иудей и атеист? И разве совесть и муки совести составляют привилегию христиан?)

Тургенев европеист несомненный, к тому же любил француженку и жил в Париже, но "Записки охотника" и "Отцы и дети", типично русские произведения, романтизм и прекрасный русский язык делают и его европеизм сомнительным.

Хотя Лермонтов словно бы неотделим от Пушкина, но Пушкин – это Солон, законодатель среди семи мудрецов, может быть, их родоначальник. В каждом из русских мудрецов есть что-то удивительное свое, но в Пушкине есть ВСЁ – и свое особенное, и то, что в других, но при том несомненно истинное. Чтобы сохранить приверженность символике Троицы, присоединяю к ним Гоголя – но как же Радищев, Карамзин, Тютчев? Вот я и говорю, что слишком много мудрецов на Руси!

В перечне писателей надо поместить и такого, который представляет мир не только как Образ, но и как Рассуждение (силлогизм), и я пытался найти лазейку для себя – разве я "этого не достоин"? Но вспоминаю Аполлона Григорьева, несомненного великого русского критика, поэта, мемуариста, философа литературы – увы, мне не поместиться рядом с ним на Олимпе!

А еще есть в двадцатом столетии Даниил Андреев! И поэтому или надо отказаться от символики чисел, или придумать нечто парадоксальное, ибо "гений – парадоксов друг!" (как заметил читатель, я все свои утверждения могу оправдать Пушкиным.) Но еще ведь есть ["и случай, Бог изобретатель" – но случай еще впереди].

И вот я изобретаю "троих в одном", и пусть седьмым мудрецом, философствующим парадоксально о русской литературе и "строении бытия", будет Аполлон Григорьев вместе с Даниилом Андреевым... А если они меня возьмут в компанию третьим (хотя, как кажется, Даниил Андреев совсем не пил), то я буду счастлив. А если не возьмут, то и Белинский, и Герцен, и Иванов-Разумник могут составить им лучше меня компанию.

22-22. Но нет, не одной литературой жив человек. Четыре дня, проведенные в деревне, были сказкой, но я почти не писал (от хорошей жизни не запишешь, некогда писать! А вот трясёшься в электрике который уже час, выйдя из дому в три часа дня, и невольно "слезы бытия переводишь в литературные строки".)

Два дня мы провели в лесу, собирая бруснику, грибы брали только походя, те, что встречались по дороге, да и то набрали корзину маслят, моховиков, красных и белых. Дни были под стать белым грибам и под стать нашим собственным сахарным, с огорода, помидорам, и таяли в глазах и на устах.

Вечером затопил я баню, потом пили чай, да распробовали настойку на тёрне, и я воскликнул: "А жизнь-то, кажется, *налаживается!*"

Утром взялся снова за строительство, покрыл шифером крышу над верандой; так как я боюсь высоты, то даже такая хилая крыша меня страшила. К сараю вернусь уже по возвращении, на следующей неделе.

А теперь пишу, чтобы отвлечься от налипающего сиюминутного и утешить себя...

Полночь с 4-го на 5-е сентября. Уже я в Питерском доме, напился чаю, и жизнь снова *наладилась*...

Пока ехали, жена показывала мне из предыдущей книги абзацы, которые ей понравились, мне показалось, что теперь я пишу заунывнее, и я приуныл: наверное, я уже все написал, что знал, а теперь просто лью воду на страницы, и не знаю, как закончить, ни одной новой умной мысли уже не мыслится, и что такое Инобытие, я не знаю, и в чем состоит новый Миф, в центре которого народ, представляю себе смутно...

Но так как книга уже близится к концу, то я ее в ближайшие дни допишу, потом всю прочитаю и, возможно, сумею ее представить в целом и что-то исправить, и потом либо напечатаю, либо отложу на потом...

6. Судьба и История. Личность и Народ

Книга уже близится к концу, основную ее мысль, что Бытие не так примитивно, не просто собрание вещественных предметов, воспринимаемых чувством и сознанием, но шире и полнее и глубже, я прояснить пока не сумел. Человек встроен в Бытие, неотрывен от него, значит, оно уже не только собрание предметов.

Бытие не ограничивается собою, как сходящаяся последовательность рациональных чисел не всегда ограничивается понятием числа рационального, пределом ее может быть *иное* число, иррациональное. По подобию читатель может представить себе, что вот так же есть у событий нашего обыденного мира предельные *инойбытийные* точки, а есть ли Инойбытие и что это такое, то этому посвящена почти вся мифология, и я ни опровергать ни подтверждать разные точки зрения не буду, моя задача другая.

Литература и философия и искусство обращены к человеку в Бытии (или к Бытию в связи с человеком), их образы и рассуждения меня преимущественно затрагивают, и я ничего нового не нашел, но оправдываю культуру и человека как подлинны: *Любовь (разнообразная), поиски, творчество, труд, род и народ, культура и вдохновение* – разве этого мало, чтобы радоваться за человека? Этого даже очень много, и это прекрасно! А все то, что бывает плохого, не отрицает хорошее. Идя по лесной дороге и радуясь солнышку, дороге, лесу, полянам, мы иногда обходим лужи и коряги – разве они зачеркивают красоту природы?

То же и с искусством. По большей части все то, что отвергал Толстой, прекрасно. Что же его возмущало? Вероятно, он хотел сказать: *Посмотрите, как много горя кругом, а вы смеете радоваться! Вы даже смеете наслаждаться!*

Чтобы сочувствовать другим и помогать им и что-то полезное сделать для них, надо прежде всего стать самому достойным человеком; сосредоточившись на себе, на унынии и отрицании мира, мало поможешь и миру.

Поэтому не отрицаю и наслаждение. Но, однако, основное чувство, которое меня связывает с искусством, это даже не наслаждение, а *восторг и восхищение* (оба чувства, отрицаемых в христианстве, ибо, по их мнению, надо стремиться к бесстрастию, а это дьявол восхищает, похищает наши сильные чувства). Великий Пушкин нашел и иное слово, более выразительной и более полное и не так вызывающее, отделенное от наслаждения:

*Есть упоение в бою,
И гибель бездны на краю...*

Вот это упоение, которое человек испытывает по отношению ко многому, объясняет и ту многообразную связь с искусством, которая им переживается, независимо от «нового религиозного сознания» и необходимости всем обняться. Даже если мы не будем обниматься, мы можем или помогать другим, или их отталкивать... И так далее... дело в том, что если взгляд на жизнь сузить до узости фонарного луча в полной тьме, то полноту жизни начнешь отрицать как зло, и только сосредоточиться на дороге, ее корягах и лужах, забыв даже о том, к кому, куда и зачем идешь.

Так же узко Толстой отрицает любовь к женщине. И наслаждение близостью с нею прекрасно, но любовь неизмеримо шире только наслаждения, разве я не влюблялся в шестнадцать лет, когда даже дотронуться до нее боялся? Я и вообще боялся девушек, я бродил с ними, упоенно что-то рассказывал, им тоже нравилось со мною бродить – хорошо, что мы тогда не читали того Толстого, который говорил: «...все романы, поэмы, стихотворения передают непременно чувства *половой любви* в разных ее видах» и затем: *«почти все чувства людей нашего круга сводятся к трем, очень ничтожным и несложным чувствам: к чувству гордости, половой похоти и к чувству тоски жизни»*.

Как-то не только странно это читать, но даже вспоминаешь Блаженного Иеронима, свихнувшегося оттого, что к нему в пещеру повадился ходить бес, прикидывающий соблазнительной голой красоткой. А еще из романа Дудинцева «Не хлебом единым» вспоминается следователь, говорящий инженеру Лопаткину: «Делаете вид, что над машиной работаете, а сами шупача задаете». Но, слава богу, Толстой не свалился в христианство, это у него просто была такая блажь, как это часто бывает у великих людей.

Но человек не ограничивается самим собою. Он не только радующийся, но и печалющийся. Он не только ставит и разрешает вопросы и цели, относящиеся к жизни, но почему-то и зачем-то тоскует и жаждет – об Ином. Пушкин об этом сказал так:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился.
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.

Следовательно, есть и Инобытие. Есть и та любовь к женщине, которая в не меньшей степени вводит человека в состояние Откровения, чем соприкосновение с Богом и Вера. Ибо и Любовь содержит все то же самое (не любовь к ближнему, которую, уверен, и Толстой не переживал иначе как мысль или чувство сострадания, но именно *любовь к женщине*.)

7. Наполнение жизни. Красота, истина, добро

8 сентября, понедельник, 11-30. «И вот эти люди, дети и народ вдруг видят, что, кроме людей, восхваляемых, почитаемых и вознаграждаемых за силу физическую и силу нравственную, есть еще люди, восхваляемые, возвеличиваемые, вознаграждаемые в еще гораздо больших размерах, чем герои силы и добра, за то только, что они хорошо поют, сочиняют стихи, танцуют. Они видят, что певцы, сочинители, живописцы, танцовщицы наживают миллионы, что им оказывают почести больше, чем святым, и люди народа и дети приходят в недоумение.»

Я тоже прихожу в недоумение оттого, что ныне все совсем не так, как то обличал Лев Николаевич, не восхваляют уже за то, что «хорошо поют, сочиняют стихи, танцуют», а чаще за то, что поют плохо, сочиняют стихи для пения еще хуже, а танцуют... Дело в том, что в балете, на который он ополчился и посчитал развратным, танцуют хорошо, но это не массовое всенародное искусство, а элитарное, танцовщицы кордебалета, проливающие

пота не меньше, чем "примы", танцуют хорошо, а зарабатывают немного, не более, чем продавщица. Кумирами толп, заполняющих стадионы и амфитеатры, являются те, кто поет и танцует из рук вон плохо, под плохие стихи и плохую музыку, но зато это искусство близко народу и его объединяет в иступленном восторге.

Кто же по вашему мнению, Лев Николаевич, является героем *силы и добра*, трудно решить. Если это боксеры и штангисты, или футболисты, то они кумиры народа еще более, чем во времена Ильи Муромца, но не защищают народ от разбойников, а чаще сами разбойники.

К ожидаемым ли результатам приводят наши пожелания? Чаще всего нет. Искусство и воистину развратилось, и в значительной степени оттого, что Основания Истины, Красоты и Добра подвергнуты осмеянию и отрицаемы, благодаря материалистическому мирозерцанию и вашим, Лев Николаевич, в том числе, усилиям. Да, надо много учиться, углубляться, возвышаться, надо преобразить в себе первобытного естественного животного человека, чтобы от существования предметов, которые можно пощупать руками и в существовании которых не сомневаются и животные, перейти к восприятию и признанию абстракций, понятий, идей, сущностей. Надо слишком подняться над животным, чтобы от естественного животного мирозерцания, чувствующего и принимающего только то, что дается осязанию и зрению, подняться до восприятия и прития Идей, а тем более Бога, как *Идеи идей*.

Разве обыденное сознание, отрицающее существование Истины, Красоты и Добра (которые нельзя пощупать), способно вдруг подняться до Бога, узнать о его существовании? Ибо разве Бога можно пощупать? И хотя Добра вы словно бы принимаете, говоря, что Добро и есть Бог (но так же и Солнце можно бы назвать Богом, и разве древние египтяне это не сделали?), но не принимаете вы Бога и ничто абстрактное и всеобщее. Вы даже народ не принимаете как самостоятельную сущность, как нечто подлинно существующее, а не просто множество людей, условно называемых народом.

Вы не принимаете город и лес, созвездие, культуру, судьбу и историю.

Разве лес – это не слово только, обозначающее только *собрание деревьев* на определенной территории? – скажете вы.

Отчасти и так. Но в действительности (и меня подтвердит ученый-биолог), лес – это сложное образование, включающее в себя и отдельные деревья, и кустарники, и траву и поляны, опушки, ручьи, озера, мхи и лишайники, грибы и пернатый, животный и прочие миры в нем. Как и человек – не только соединение костей и сухожилий и прочего в человеческом теле, но сложное единство и телесного и душевного, которого – душевного – нет в человеческом теле и которое нельзя пощупать.

Возвышение человека над животным состоит не в том, что человек отличается от животного большими чувствами – почти всё, что испытывает человек, присуще животным, даже "половая любовь" (как вы это называете, Лев Николаевич) – возвышение состоит в том, что человек способен увидеть и понять не только предметы и ощущения от них, но и "отношения предметов", затем, рассуждая, начинает говорить, что это мы так для удобства

описываем объективный мир, в котором никаких отношений нет, но мы их придумываем, так, ставя стол, который мы называем обеденным, приставляя к нему табуретки, сверху постилая скатерть и на нее поставляя миски и стаканы, мы сами относимся к нему как к обеденному, а не он так к себе.

Но что мы скажем про лес, в котором и деревья (как объяснит биолог) составляют между собою сложное единство, даже помогают друг другу и посылают флюиды, и мхи и лишайники, и грибы переплетаются корнями с корнями деревьев, и опушки не случайны? Если лес – сущность, личность, единство в многообразии, то разве не таковы же отношения в целом мире? И тогда мы способны будем подняться до понимания того, что в бытие не мы произвольно втаскиваем отношения и свойства, а они в нем содержатся.

И в лес соединили различное не мы своим рассуждающим произволом, а оно как-то само собой или чьей-то волей помимо нас. И так же планеты выстроились в хоровод, затеяли отношения между собою, и нет уже просто Земли, а есть она, вращающаяся вокруг Солнца в связи и с Марсом, и с Венерой и даже с Юпитером и отдаленным Нептуном, которого никто не видел.

Правда, глядя на свой стол на кухне, я сомневаюсь, что он додумался до того, чтобы вступить в заговор с рядом стоящими табуретками и взгроможденной на него посудой, которую я только что мыл, сомневаюсь, что именно в нем содержится что-то помимо него самого, например, назначение, красота, удобство – всего этого в нем нет. И вот возникает вопрос: что есть на самом деле, а что есть условно, по нашему соглашению, то есть этого нет, но мы так называем то, что чувствуем и думаем, глядя на закат, слушая музыку, а особенно целуясь с прекрасной женщиной? *Есть*, говорит рассудок (то есть обыденное не философское сознание) *только предметы*, столы и стулья, Земля, горы и реки на ней, воздух, тяготение планет и солнца, электричество... – но *нет красоты, истины, добра*, это только человек так относится к тому, что подлинно есть. Однако, есть ли все перечисленное всерьёз? Ведь и оно сегодня есть, а завтра нет, и Каспийское море мелеет и Уральские горы разрушаются, и даже Новороссия, которую мы сами построили вместе с ее городами, вдруг у России исчезла как дым. Ничто предметное не есть вечно, ничто уверенно не откликнется на вопрос: «Есть?» Только « $a + b = b + a$ » есть, как уверен философ, ВСЕГДА.

Ну, возражает реалист, есть атомы, есть материя... Они есть всегда! – Но, впрочем, материи как раз и нет, это субстанция, сущность, почти то же самое, что Красота, которой нет.

И вывод таков: для одних несомненно, что существует истина, и что верность и неверность утверждений и теорем не произвольны, независимы от того, как мы договоримся, что считать верным, а что неверным, и если даже какой-то диктатор под страхом смертной казни прикажет считать, что «сумма квадратов катетов НЕ равна квадрату гипотенузы», но умрет диктатор, как умерли Гитлер и Сталин, и мы начнем снова думать, что и "генетика НЕ продажная девка империализма", и кибернетика, и музыка Шостаковича НЕ сумбур вместо музыки, и даже безумный язык Велемира Хлебникова и

Андрея Платонова не так уж безумен, и даже – о, ужас! – возможно, есть Бог, "которого никто никогда не видел" по мнению даже самого апостола Петра, христианина из христиан, может быть, пущего чем сам Павел.

Есть еще нечто тоже непостижимое, это ЯЗЫК.

Он странен не меньше, чем сам мир. Если в мире существуют предметы, которые мы признаём как подлинно существующие (а, например, огонь жжется, и даже младое дитя узнаёт когда-то и признаёт его существование – попробуй не признать!), то в языке существуют слова.

Кто создал язык, сочинили ли мы его по доброй воле, о сем спорят языковеды, и я уже приводил свидетельства Потебни (из них, впрочем, я и сам не понял, дан ли он нам Богом, сочинен ли народом или умными из него, или как-то иначе, скажем, в сотворчестве Бога, природы и человека).

Что существуют слова, мы все знаем, более того, мы их можем еще придумать, и Достоевский придумал два-три слова, но они как-то отпали от языка (вот как, даже у Достоевского не прошел его "волюнтаризм!")

Но ведь есть еще и предложения и связи слов, и если представить язык в целом, вместе со всеми его связями, то окажется, что он совершенно точно есть подобие объективного мира (хотя он, кажется, субъективен, во всяком случае, его нет среди предметов). Придуманы ли отношения между словами в языке, или он и впрямь есть подобие объективного мира? На самом ли деле красивы утренняя и вечерняя заря, осенняя роща, свист соловья, шмель на цветке, или это "кому как нравится"?

Я, наконец, пришел к выводу, что есть два способа думать, чувствовать и говорить, один состоит в том, что мы признаём существование только тех предметов, которые осязает наша кожа (в крайнем случае, признаём существование всемирного тяготения, упав с крыши), всё же остальное считаем за субъективное, существующее только в человеке и вместе с человеком, и что нет ни красоты, ни истины ни добра ни Бога (хотя, правда, Толстой признаёт Бога, но отрицает существование Красоты, которая отчасти хотя и субъективна, но все же не придумана нами, а существует вместе с природой, культурой и человеком), другой состоит в том, что мы признаём существование и идеального мира, признаём, что мир – это не только вещество и пространство и конфигурации атомов в пространстве, но и все остальное, о чем я так долго говорю и пишу. По крайней мере, с тем человеком, который считает, что целесообразность и воля не ограничиваются моим собственным сознанием, что всё вне меня не только хаос "по воле случая", но и обладает и всем тем, что и я, и стремлениями, и целями, и волей, и закономерностями, и случайностями и неотвратимостями и так далее – я могу как-то осмысленно разговаривать и есть надежда, что я его могу хоть в чем-нибудь убедить. Но тот, кто полагает, что в мире ничего подлинного кроме атомов нет, меня ни в чем не поймет и ему бессмысленно даже меня читать. А все самое важное зависит именно от этого. Или "русская литература" – это живой "организм", хотя и противоречивый, и в нем есть единство, а, следовательно, хотя и в разногласиях, но мы можем разговаривать о том, что принадлежит к ней, а что не принадлежит, что в ней великого, а что низкого, или это только

бесконечный набор текстов, и Пушкин *придуман* высшим обществом России девятнадцатого столетия, как в европейской музыке Вагнер и Бетховен – снобами из европейского общества.

Существует ли европейская культура (я в своих сочинениях говорю только о ней, даже и с ней-то мы еще не в состоянии разобраться, так что оставлю я японцев, китайцев и индийцев, или она произвольный набор того и сего? Есть ли смысл о ней действительно говорить, или только так, как подростки, то есть "клёво", "зашибись", "не врубаюсь"?)

Существует ли Русский народ со своею судьбой, историей, культурой, характером, языком, памятью, волей, смыслом исторического бытия, своим Богом, верой, чаяниями и надеждами, представлениями о добре и зле, красоте и безобразии, со своею собственной целью в мире – или это только население, собрание людей, существенно отличающееся от того собрания, которое было пятьдесят или сто или двести лет назад, собрание во многом случайное, имеющее только родовую, племенную (по крови) связь, ибо дух не существует (ибо его НЕТ, так как его нельзя осязать кожей)?

И справедливо ли говорить, что так как человек – это и дух и плоть, то так же и Народ, и потому отдельный человек принадлежит народу по языку, истории, памяти, культуре, и только в последнюю очередь по крови, и потому большинство так называемых русских – какие они русские?

Русские – это Пушкин и Лермонтов, Достоевский и Аполлон Григорьев, Толстой (хотя и отрицающий в итоге народ как историческую Личность, а признававший лишь крестьянских детей и мужиков и баб); русский народ – это Я, и даже когда не останется ни одного русского, но пока я жив и помню, народ будет существовать.

К моему народу мало отношения имеют современные православные (у них свой вселенский надмирный кумир и идеал), мало отношения имеют верноподданные и националисты (у них свой слишком мирской кумир и идеал), малое отношение имеют невежды, не знающие ни интеллигентской ни народной культуры, и совсем не имеют отношения "новые русские" (они русские только по крови, а кровь у них – жидкое золото).

Мой спор с Толстым – это спор с символом атеистического, материалистического, рационально-позитивистского сознания, но не с великим русским писателем. Что Толстой не верил в Бога, что он не мыслил его как объективную сущность вне предметного мира, несомненно. У него не Бог есть добро, истина и красота, но Добро есть бог, а все остальное даже не существует. Для других богом является природа, или человек, или вождь...

Но где же существует то, существование чего помимо предметов я отстаиваю? В какой части пространства?

И я отвечаю: Всё существует в Бытии или Инобытии, и материя и пространство существуют тоже только в них. Я бы сказал, что существует только то, существование чего удостоверено – человеком или Богом, и не существует ничего отдельно от бытия и духовного мира. Существование само есть категория Бытия в целом, даже, возможно, еще и вместе с Мифом, то есть с той границей миров, которую мы знаем и понимаем как Миф.

Нет материи, но есть "БЫТЬ", *существование* – а что это такое, даже я не знаю. К тому же я не философ и не богослов, и даже не писатель, или писатель не состоявшийся, не признанный, и даже поэт, разочаровавшийся в самом себе. Все то, что я пишу, не условно, но выстрадано и обдуманно и понято, и если я даже сформулировал и доказал теорему, точно обосновывающую существование действительного числа (раньше оно не было обосновано), то тем более эти книги – не хаотический текст, а результат всего того, что происходило со мною, и моей любви к женщинам и музам и русской поэзии, и моему состраданию к человеку и народу, и моего крестьянского происхождения (не надо было мне опрощаться и вокрестьяниваться, я и родился в хлеву), и моей утонченной духовности (ибо меня воздвигали великие люди от Радищева, Пушкина, Толстого до моих современников, учителей, ученых, писателей, собирателей).

9 сентября, вторник, 12-00. Спал плохо, но сам в этом виноват. Я человек не только не идеальный, но и не слишком хороший. Отчасти это тоже хорошо, мне не надо *опрощаться*, уподобляться обыденному человеку, почти всё, что в них, есть и во мне. Я пытаюсь стать лучше, и если смогу, значит, смогут и они. Глядя в деревне на Серегу, на Вову, я думаю, ограничиваются ли они тем, что мне видимо, есть ли в них судьба, принадлежность к высшему, принадлежность к народу и хотя бы к его духу и культуре.

Нет, я этого не знаю, как и многого, знания свои я тоже почерпаю не только из жизни, но и из литературы и искусства. Они меня не только воздвигают, изменяют, воспитывают, но и образуют

Сочинил, пока не спалось, стихотворение, в котором хотя бы на время прощаюсь с поэзией.

От стихов я на время ушел. Проза жизни меня запрягла.
Потружусь ради пользы, поделаю что-то другое,
И однажды шагнет ко мне муза из пятого, в небе, угла,
Электричка уйдет в даль земную, Петербург-Бологое.

От стихов я на время ушел. Но не буду гадать...
В размышлениях тоже своё несомненное право.
Пусть решает судьба, улыбнуться ли, взять или дать –
Не глагольную рифму – призвание, власть или славу.

Не знаю, совсем ли уже развёлся я с христианством и социализмом, но отношение свое к ним я достаточно полно сформулировал. От христианства я защищаю Личную свободу, частного человека, стремящегося к познанию, красоте, творчеству, труду, осуществлению себя в культуре, семье и народе. Этого же человека я защищаю от социализма, хотя даже настаиваю на том, чтобы государство и общество защищали личность и заботились о ней (что входит в понятие социализма), а не оставляли ее только наедине с враждебным миром. Но я выступаю против насильственного уравнивания людей, правда, настаиваю на том, чтобы от богатых отнималось чрезмерное богатство (с помощью налогов), как это делается во многих странах.

Что я предлагаю вместо старой мифологии? Культуру, народ и личное Откровение. Но об этом еще впереди, в последней главе.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ ДУХОВНАЯ ЖАЖДА И ИНОБЫТИЕ

1. *Необходимо стать лучше*

«А что ты предлагаешь взамен? – яростно и обличительно (обличая меня) восклицают мои собеседники (даже с которыми я не спорю).

Предлагаю ли я себя? Нет, хотя я во многом прав, чуть ли не во всем, но я не могу противопоставить мифам, пронизывающим и жизнь человеческую и культуру», только себя самого. Тем более что я не умнее многих, менее образован, менее талантлив, а самое главное, я *не лучше* большинства, а предлагать для подражания, предлагать как учителя истины надо если не самого лучшего, то все же лучшего большинства.

Много раз, укоряя себя за лень, за пьянство, вспыльчивость и обидчивость, за глупость, опрометчивость, невежество, я клялся начать *новую жизнь*, читать только умные книги, не водиться с бестолочью, не лучше меня а то и хуже, заниматься самообразованием, совсем не пить или только чуть-чуть, не тратить время на ухаживания за вертихвостками, на чтение газет, на ненужные разговоры с друзьями (которые кончались, конечно, пьянкой)... не тратить скоротечное время на многое не так уж и необходимое.

Но ничего толкового не выходило из моих клятв.

Вот и теперь, восхваляя себя в глазах читателей, пытаюсь их оболгать и склонить на свою сторону, я думаю в очередной раз, что *надо стать лучше!*

Хотя бы перестать выпивать не воздержно (не говорю – *не пить совсем*, так как из-за больного сердца я и так пью очень мало), и держаться крепко границы, например, не выпивать более 50-ти или в крайности 75-ти грамм.

Но куда там!

И вот высшие силы ставят меня в угол на крапиву, совесть еще пуше гнетет, а перемениться к лучшему мне не удается.

Кроме того, даже если я стану лучше, это не решит всех проблем.

Я – пусть и не декларативно – обещал читателю объяснить, в чем смысл жизни, обещал, что предложу «новое небо» взамен обветшавшего христианского и «новую землю» взамен лживой марксистской.

Смысл жизни как будто бы я нашел, он состоит в служении семье, народу и культуре и в расширении личности – но это, добавлял я, еще не всё, необходимо достигнуть границы бытия и инобытия, и там найти и узнать еще более важное, сверхбытийное.

Но сначала дойти до этой границы должен я сам.

С марксизмом все обстояло бы просто, достаточно было прочитать Капитал, уверовать во всеобщее равенство и строительство коммунизма и начать проповедовать эти привычные идеи. С христианством тоже не так невозможно сложно, достаточно было бы прочитать Библию, уверовать в христианского Бога и начать ходить в церковь.

Но чтобы предложить «новое небо» и «новую землю», необходимо было найти их самому.

2. Ничтожность жизни и скверность плоти

Если существует жизнь после смерти, то там мы и узнаем Инобытие, пока же мы здесь, мы только способны или совсем погрязнуть в мирском, или отвергать его вместе с жизнью. Две крайние точки зрения странным образом привлекательнее целостной гармонии, которая была известна и доступна эллинской мысли. Нет, или пей и веселись здесь, ибо там ничего нет; или отвергни жизнь, потому что она только тление!

Вот отношение христианской мысли к тому, что порождает и культуру, и меня самого, и мою книгу:

Василий Великий: «Такова жизнь человеческая – непостоянное море, зыбкий воздух, неуловимое сновидение, утекающий поток, исчезающий дым, бегущая тень, собрание вод, колеблемое волнами. И хотя буря страшна, плавание опасно, однако же мы – пловцы – спим беспечно. Страшно и свирепо море жизни, суетны надежды, надмевающие подобно бурям.»

Антоний Великий: «Страх Господень и памятование смерти да будут непрестанно пред очами нашими. Возненавидим мир и удалим от себя все, чем приносится плоти нашей наслаждение. Эту краткую жизнь проведем так, чтоб нам жить в Боге, Который потребует от нас отчета в день суда, – алкали ли мы, жаждали ли, претерпевали ли наготу, пребывали ли в плаче, воздыхали ли из глубины сердец наших, рассматривали ли себя, достойны ли мы Бога? Будем погружаться в плач и сетование, чтоб обрести Бога. Презрим плоть для спасения душ наших!»

А каково отношение христианской церкви к браку? С одной стороны, «брак честен, и ложе нескверно», но с другой «...очистительная после рождения младенца молитва читается в тех самых терминах (*Прости ей, Господи, днесь родившей, грех её*), без малейшей перемены слов, в браке после венчания, как и в блуде до венчания... Оказывается, венчание ничего не преобразило... И «брак скверен», и «ложе нечисто»... – В. Розанов.

3. Духовная жажда

Человек изменяется в течение жизни многообразно, под влиянием семьи, родных, школы, друзей и сослуживцев, общества, государства, болезней, под влиянием невзгод и других происшествий, случающихся с ним, например, тюрьмы, позора, любви, измены... *Особенные состояния*, которые по разным причинам переживаются человеком, меняют его в наибольшей степени, но при этом не только характер, не только мировоззрение, но то, как человек чувствует и мыслит. Обычный человек рационален, умен житейским умом, в котором почти все объяснимо, почти все в равновесии, но *особенное состояние* меняет его трансцендентно, делает из него пророка, юродивого, революционера, монаха, разбойника (и все это есть в литературе, и не надо искать в философии, потому что философия, как правило, о них не говорит).

У поэта, писателя и ученого *особенное состояние* – это *вдохновение*.

Особенным состоянием может быть Любовь и Вера, конечно, не во множестве случаев, а как у Джульетты, Жанны Д*Арк, апостола Павла. При этом человек иначе чувствует, слабым напоминанием чему может служить

состояние опьянения или наркотическое состояние, или изменение под влиянием психического заболевания (почему психиатры, которые часто и сами психи, склонны и любовь, и вдохновение, и веру относить к заболеванию).

Чтобы написать необыкновенную книгу, надо испытать нечто необыкновенное, по крайней мере душевный подъём, иначе книга будет обыкновенной. Чаще всего надо и самому быть человеком необыкновенным, что определяется словами *талантливый, не от мира сего, гениальный*.

Таким человек уже рождается, хотя я верил и пытался доказать, что может и *становиться* – именно под влиянием *особенного состояния*.

Но мир душевного, мир склонностей, способностей, характера и отношения к миру загадочен и непостижим, рыбак Симон становится Петром, "ловцом человеков", обличитель христиан Савл становится Павлом, скромный присяжный поверенный Ульянов превращается в Ленина, пламенного революционера, свергнувшего трехсотлетнюю монархию, заурядный архитектор – в диктатора, повелевающего Европой.

Духовный взлет, порыв гениальности, как я думал, обязан собою особой милости божией, но как может Бог благоволить тиранам? И при этом, конечно же, при всей узости и убогости их мирозерцания, при примитивности их философии нельзя не соглашаться с тем, что они не заурядны как народные вожди.

Итак, я не знаю, что лежит в истоках Мифа, как он зарождается, почему вдруг, как пожар, распространяется среди толп – и не только, но несет за собою и необыкновенных людей.

Я не знаю, почему один человек рождается талантливым, а другой бесталанным, возможно, это просто игра случая, как и то, что один рождается в хижине, другой во дворце. Но образование и культурное развитие в значительной степени зависят от упорства и воли, как и добродетели: распутным и святым человек становится, так же милосердным и жестоким (хотя, как знать... есть воля, но есть и судьба, есть склонности, но есть и роковое влияние одного человека на другого, благотворное или злоторное).

И все же, хотя *дух и дышет, где хочет*, так что случается и так, что и у Кудяра-разбойника "*совесть Господь пробудил*", но духовный переворот в человеке совершается под влиянием особого явления, которое называется *духовной жаждой*, в результате которого происходит *духовное рождение*. Так что человек может родиться дважды, один раз физически, а другой духовно.

Не знаю, у всех ли так, но в двадцать лет со мною произошло чудо появления нового человека, и ему предшествовало то состояние, о котором Пушкин писал:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влчился.
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.

И с тех пор я представляю судьбу человека как трудный путь через пустыни и обвалы, камни и тернии.

Быть может, можно сразу родиться добродетельным и духовно необыкновенным человеком, не изнемогая в пустыне, возможно, такой путь особой милости Бог приготавливает для "избранных".

Впрочем, о себе я не знаю, был ли я "избран", так как в детстве я был особенным, потом меня отправили в "мир" и я стал как все. Впрочем, о себе я не знаю, не блуждаю ли я и ныне в "миру", чтобы вновь быть как все...

Так что же я предлагаю?

Во-первых, *стать человеком*, то есть *стать человеком достойным*.

Во-вторых, искать духовные почести: восхищение женщин, погружение в культуру, *томление духовной жажды*, трудный путь *взбирания в горы*...

В третьих, работу и творчество, заботу о семье, народе, культуре.

А большего и сам я не знаю, ибо где я ныне блуждаю, не знаю тоже.

Иной мне и скажет: "Так и вступиай в компартию или в христиане!"

Но разве вы еще не увидели, что многие ценности, определяющие мое отношение к миру, и в том и в другом мифе претерпевают гонения? – личность ущербна из-за подчинения обществу и Богу; культура – из-за подчинения партии и церкви; народ (как национальная личность) – из-за подчинения "народу христианскому" и "пролетариату".

4. *Оправдание человека*

Спор с христианством не закончился в европейской мысли, потому что основательно и не начинался. Он был в античное время (и, кажется, в Записках на пальме я об этом пишу), потом продолжился в эпоху Великой французской революции, особенно у Вольтера, затем продолжился в начале двадцатого столетия у Чемберлена... Но на море апологетической литературы этого ничтожно мало. Вот почему я уделяю значительное место своему разводу с христианством в этой книге, хотя, казалось бы, все уже мною было сказано.

Вот так же и с марксизмом мы расстались, даже его не оспорив: кто нечто существенное по его поводу сказать, был уничтожен, после того как большевики пришли к власти, а марксисты, даже те, которые за что-то ругали советскую власть, как Александр Зиновьев, с марксизмом не спорили, они спорили только с дряхлеющим советским Политбюро.

И тот и другой миф втапывал человека в землю. Но какой же новый миф им должен наследовать?

Разве Миф о золотом тельце, то есть о так называемых «либеральных ценностях», победивший, наконец, в России остатки человеческого?

Новый русский национализм, объединяющий на духовной основе все народы в России. Возрождение Российской империи, ее народной, государственной и хозяйственной мощи, и свободного, экономически и политически, человека.

Возрождение национальной культуры, по форме своей – культуры европейской. Но одновременно с этим возрождение деревни и крестьянства, и, следовательно, возрождение народной (крестьянской) культуры, ибо в городе народной культуры быть не может.

5. Мистицизм

Я в мир пришел писать роман.
Но отвлекался – школа, дёвы;
То слишком трезв, то слишком пьян...
И вот, взываю: годы, где вы?!

Я в мир пришел писать – и что ж?
Еще и жизнь не начиналась:
То тирания, трусость, ложь,
То высших истин не тревожь,
То вдохновенье не являлось.

Тогда о чем, скажи мне, Боже,
Я мог писать роман? О лжи?
Десятилетия итожа,
Я видел доброе, скажи?!

И ты хорош – помочь не мог.
И не хотел. Я был заброшен,
Истрепан, стерт, до дыр изношен,
Как стельки стоптанных сапог.

Да, я хотел писать. Рука
Уже перо сжимала. Строго
Струилась Млечная река
От врат небесного чертога.
Я обнял сущность красоты.
И кто разрушил мир? Не Ты?
Моя судьба не в воле Бога?

Нет, не пустые отвлеченья
Виной тому, что лист мой пуст.
Снаружи – мрак, внутри – смятенье.
И не коснулось Откровенье
Уже иссохших ждущих уст.

Это стихотворение я написал два года назад о ненаписанном романе «Отбеливание льна», который я замыслил пятьдесят лет назад.

Тогда мне было двадцать лет, во мне столкнулись социализм и христианство, да еще забушевала и безумная любовь к семнадцатилетней особе, которая слушала меня как оракула почти не дыша.

Роман этот ненаписанный я благополучно сжег, так как по смыслу своего имени он должен был повествовать о человеке, который отбеливал бы уже и душу и тело, то есть почти бы вознесся на небо. А я еще собирался побыть на земле... Но не только бушевали страсти, философы и писатели, апостолы и музыка возносили мою душу куда-то в неземные пределы и я начал переживать особенные состояния, в которых словно бы слышал музыку сфер.

Здесь необходимо отвлечься.

Представим себе, что построена наконец казарма из золота с мраморными

колоннами, с обеденным шведским столом, на который пациенты казармы могут приносить от раздачи какие им нравятся кушанья, струится ровный свет, дождь не капает сквозь дыры в потолке, тихо плещется душеуспокоительная музыка, тихо реют добродетельные мысли, летают беспольные ангелы, таблица умножения незыблема и вписана в бронзу, простые числа все сосчитаны и даже атомы не летят как угодно.

Какие страсти, какие соблазны, какие смуты и сомнения?! – все семь небес ровно возносятся один над другим и даже приставлена лестница от крыльца казармы, по которой можно легко на них взбираться. И лев возлегает рядом с антилопой, и великий инквизитор тихо дремлет в кресле-качалке, и секретные осведомители КГБ пишут доносы о том лишь, что некто храпел во сне... все только душеспасительное, благопристойное, Истина уже давно найдена, измерена, взвешена, создана рядом с Таблицей Менделеева еще одна таблица Благонамеренной жизни, все в золоте, серебре, бронзе и мраморе.

А я слушаю музыку сфер, временами завывания бури, подруга моя начала вдруг ко мне прижиматься, а еще одна почитательница заявила, что или я, или монастырь! (и теперь я ее вспоминаю и понимаю, какой я дурак!)

Представим себе, что большевистский социализм уже построен и мы в нем живем, вот в этой казарме. Или царство Божие на земле построено и мы в нем живем, вот в этой казарме.

И все благопристойно и хорошо, но ко мне приходят музы и ангелы, а Инквизитор вдруг проснулся и затрепетал: *А не бесы ли это в виде ангелов?*

А Музыка сфер, которая ко мне доносилась из выси и мешала прижиматься к прекрасной и жаркой подруге, особенно заинтересовала психиатров из КГБ. Как же так, даже простые числа сосчитаны, а тут еще "музыка сфер"?! Нет, все что угодно, только не это! "Всё, что задуже, то недуже!" – говорил осторожный хохол и он был прав: Пока он так и жил и не ходил на Майдан, все и было спокойно и гладко.

Существуют очень прочные и незыблемые границы – не границы бытия и инобытия, а границы *правильно* конструируемого мира и человека, и "*шаг влево, шаг вправо – конвой стреляет без предупреждения!*"

Правильный счастливый мир (или царствие Божие) был бы несомненно построен, только человек не должен был нарушать установленные правила и границы. А их нарушение приводило к тому, что человек объявлялся грешником или еретиком, инакомыслящим или психически больным. Оба эти мифа были странно близки в своей рациональной непогрешимости. И хотя христиане мечтали о потустороннем рае, а коммунисты о сюстороннем, но в правильности своей они были неотличимы. Особенно заботились они о том, чтобы я не пожелал жены ближнего своего (даже если и не желал). Одно только желание – не деяние – делало из меня отщепенца.

Я пробовал разговаривать с теми и с другими, при том что я читал и Библию и Капитал, а они не читали. Нет, разговаривать с ними невозможно.

Вот Лев Николаевич говорит, что одно искусство должно побуждать людей к единению и быть в духе "современного религиозного сознания" (только он его и сам понимает смутно), а другое быть понятно и детям и

простолюдинам и "заражать" их, а Никита Сергеевич говорит, что "искусство должно принадлежать народу!" – но Лев Николаевич не верит в Бога, а Никита Сергеевич не верит в социализм – как же мне с ними спорить?

В центре обоих мифов простой человек, "простой как правда", один рыбак, другой сборщик налогов, третья бывшая блудница, и только Павел не так прост, он скорее подобен следователю ЧК, ибо сначала сторожил одежды тех, кои побивали камнями христианина Стефана, потом шел в Дамаск за полномочиями терзать других христиан.

Нет, они все не так уж просты, и хотя они не читали стихов, но, возможно, не были бы так жестоки к поэзии и поэтам, как Лев Толстой, который отверг и осудил даже Пушкина и всю поэзию как пустопорожнее и растленное занятие, не лучше балета, где непристойно обнажаются.

И не создателей того и другого мифов я укоряю, а последователей их, они невыносимы. Они строят если и рай, то *их рай – невыносимая КЛЕТКА для человека*, и самое главное невыносимое их свойство состоит в том, что если вдруг чуть-чуть обмолвишься, чуть-чуть выйдешь из роли благонамеренного и правильного человека, то тут тебе и печать или беса или сумасшедшего.

Как же с ними разговаривать, если психиатры договорились даже до того, что и Пушкин сошел с ума, и Лермонтов, и Достоевский был психом, а Толстой свихнулся на старости лет?! Это мой собственный опыт пребывания в психиатрической тюрьме на Арсенальной улице (правда, там были и другие, человек сложнее той схемы, в которую его пытался загнать миф, и эти *другие* меня любили и старались спасти, и эти другие – *инакомыслящие, инакобытийные* – в две тысячи втором году, после тридцати дней исследования в специальной экспертной тюрьме-больнице мне, единственному из диссидентов бывшего Советского Союза, поставили диагноз: "ЗДОРОВ, никогда не болел, был здоров и в 70-м году". Да, кстати, и они мне очень понравились, и я им. Нет, мир и человек не однородны!)

Мир и человек даже не цельны, иррациональны, даже трансцендентны.

Новый Завет совсем не прост, и с каждым из его авторов мне, Редактору, было бы о чем поговорить и поспорить (как и с автором Капитала). Но последователи их невыносимы. Да и я для них невыносим тоже.

Кстати, разве я спорил с Толстым по поводу "Войны и мира?" Нет. Я с ним во всем был согласен, очарован и восхищен. Но не надо было ему читать Новый Завет. А Есенину – Капитал (к счастью, хотя он и воскликнул было, сгоряча: "Давай, Сергей, за Маркса тихо сядем, понюхаем премудрость скучных строк!" – но, слава Богу, не сел).

Нет, не все христиане уныло-правильные и пресные, и ведь Достоевский в "Записках из подполья" разве не восклицал устами своего героя: "А не послать ли весь этот благонамеренный мир к черту, не взорвать ли его, только бы хоть на мгновение по собственной воле пожить, как самому хочется?!"

Русская литература противостоит Правилам, Прописям, Скрижалям! Она единственная отстаивает живого подлинного человека, не с большой буквы или маленькой, а такого как есть, черт его знает, с какой он буквы!

Но возвращаюсь к музам и ангелам и к музыке сфер. Такое

мироощущение и умонастроение, в котором кроме предметно-ощущаемого мира есть и еще черт его знает какое, но явно ненормальное (не зря Толстой даже позитивиста Вернадского назвал мистиком!), и которое советская психиатрия заклеила душевной болезнью и приравняла к антисоветской деятельности, имеет много различных градаций и оттенков, в этом умонастроении пребывают и романтики, и поэты, и влюбленные, и мечтательные девушки, когда же оно сгущается, обычно называют его **мистицизмом**. Но церковь настроена против мистицизма, как и против язычества, то есть обожествления Природы. Не случайно в подавляющем большинстве своем православные принимают в христианстве проповеди и мораль и образ жизни, образ, так сказать, как личину, то есть «взгляд скорбный или кроткий и глас тихий», отчасти воскресение Христа, но реже поклоняются чудесам, знамениям, откровениям, голосам и видениям.

Пушкинское «И шестикрылый серафим На перепутье мне явился» обычный советский человек, верующий он или не верующий, принимает только как метафору. Не зря говорится, что советский человек одномерен.

Но трагедия состоит в том, что и Миф одномерен, он создает для человека Клетку, таким, как я, в ней нет места, или мы сдохнем от тоски, или они сами нас расстреляют. В их правильной клетке душно.

Не от этой ли духоты праведники и святые и сбегали в леса и в пустыни и там строили свои обители, подальше от людей?

Так и я, задохнувшись от прямолинейной казарменной примитивности социалистического всеобщего равенства, в котором правила посредственность, в котором Нормой была посредственность, в котором только эта фельдфебельская, водорослевая Норма и была приравнена к идеалу правильного здорового человека, бежал сначала в христианство, а затем уже и от христианства побежал незнамо куда.

Пока марксисты или христиане гонимы, они милы и приветливы, с ними даже есть о чем поговорить, потому что гонители еще хуже. Но когда они сами становятся правящими, расчерчивают мир на правильные квадраты и прямоугольники и окна забирают в решетки и даже небо над головой (прочитайте мой рассказ «Любовь под открытым небом»), они становятся невыносимы более, чем их вчерашние гонители.

6. Что есть Истина?

10 сентября, 9-45. Получил от писательницы, с которой переписываюсь о литературе и жизни, письмо. В нем она пишет: «Хочу понять, чего же от нас хочет Бог, может ли Он изменить нашу жизнь.

Спасибо Вам, Вы все понимаете, Вы мудрый человек, мне кажется, Вы чем-то похожи на Господа, Он мне Вас послал.

Очень надеюсь, что и у Вас все будет хорошо.»

Я ей тут же ответил: «Уезжаю в деревню в пятницу, буду достраивать сарай, ходить за брусникой, копать картошку.

Дописываю злополучную книгу, словно куда-то бегу, и уже устал бежать, а житейские дела из-за нее забросил, такое состояние, что в доме кавардак, а я наспех студентам диктую доказательство теоремы.

И вот придумал закончить эту книгу парадоксально, то есть почти никак, почти без выводов, закончу, поставлю многоточие из семи точек ..... напишу: "да мы еще поговорим, встретившись на фортепьянном концерте, дел и на земле много, не всё только в небо смотреть!", а потом опять поставлю многоточие .....

Будем верить, что теперь полоса жизни, которую следует назвать ПРЕОДОЛЕНИЕ. Она трудная, но и в ней рассветы и молнии и сны и радости, и слава богу, что жизнь еще почти только начинается! – и я подумал, что если и жизнь во многом МИФ, то пусть это будет миф о преодолении разрывов и о начале Новой жизни, подлинного нового неба взамен всех уже поблекших или ВМЕСТЕ с ними...

Был ли у меня замысел, в котором я уже представлял отчасти, к чему бежит и куда впадает река моей книги? О да! И я намеревался представить Истину, сформулировать, чему поклоняться, во что верить, на что опираться, куда идти. Из себя я намеревался тоже создать новый миф, ну, правда, не миф о боге, а только о человеке, но зато о своего рода новом Сократе. Но столько уже я стрел выпустил, ниспровергая ложные учения, и больше за то, что они останавливали пытлившую мысль, ибо все, якобы, уже найдено, что представил будущего редактора, в недоумении листающего мои "откровения" – и это и есть Истина? Всего-то?! – что стало мне тошно, и я решил не больше других обманывать легковерное человечество. Да и трудно создавать миф в наш век прозрачности вся и всего, когда и в деревне скрыться от чужих глаз невозможно. Да и еще дно: если уж намереваюсь я защитить человека, то не должен его бросать, я должен ему уподобиться почти во всем важном, даже в глупости, необъективности (что звучит как «не по хорошу мил, а по милу хорош!»), лени, опрометчивости, заносчивости, обидчивости, страстях и слабостях. Но почти такой же как все, *всеобщий человек* не может стать мифом, так что я и останусь человеком *всеобщим*, хотя отчасти и *исключительным*.

Вот почему не могу я закончить эту книгу патетическим обращением: *Радуйтесь! Истина найдена и я вам ее возведу.*

В некотором отношении она уже давно найдена, то есть, известно, где она находится, и всякий человек может с ней познакомиться.

Я уже писал, кажется, что *язык удивительно подобен бытию в целом, что все отношения, которые существуют в мире, существуют и в языке*, так что *язык не меньше бытия*, но более идеален, он не что иное как золотоносная порода бытия, очищенная от песка.

Но если язык подобен бытию, то он его заменяет в качестве основания, из которого произрастает идеальное, в частности, литература, в том числе художественная литература и философия, а так же и Миф, ибо они не что иное (как и стихи) как нужные слова в нужном порядке. Но если Истина содержится в литературе, то она содержится уже и в языке, надо только в него пристальнее взглядеться. Правда, в языке истина содержится так же, как растение в семени, ей еще нужно из него произрасти, поэтому легче ее находить в философских романах.

Итак, радуйтесь! Воистину справедливо, что Слово – начало и конец всего, в слове содержится истина, оно порождает миф, но и человек в значительной степени определяется через слово, так как и национальная принадлежность дана через слово по преимуществу: если даже целый народ – немцы – так названы лишь потому, что русского слова они не понимают и молчат как немые.

Только Пол не подчиняется Слову, "прилепится жена к мужу и станут единая плоть", и входит она в его семью и в его род и народ и рождает детей для мужнина рода, какого бы роду-племени ни была сама. По крайней мере так было, пока созидались народы, и даже среди иудеев, заботящихся о родовой чистоте, в древности было так.

Так что же есть истина? – вскричит нетерпеливый читатель.

Истина – это Культура в ее совокупности, подчиненная вкусу и мере.

7. Пора, перо покоя просит...

10 сентября, 17-45. Вопиют важные дела, я их отложил на день, а книга меня удерживает как праздная кокетка. Или она меня чем-либо вознаградит?

Нет, не вознаградит, и читатель от меня отвернется.

Надо достроить сарай, идти за брусничкой, копать картошку... не говоря уж о том, что надо редактировать чужие тексты, за которые, быть может, я буду вознагражден.

Я еще намеревался кое о чем написать, и поставить точку, достроив сарай.

Но ведь можно и так закончить, как есть, на *всеобщем человеке*, на Редакторе, ставшем на время автором...

Представим себе, что сегодня *девятнадцатое сентября*. За брусничкой я уже ходил, картошку копал, баню топил. Надо отчитаться перед читателем и поставить точку. Или многоточие...

Девятнадцатое сентября 2014. Я решил перестать философствовать и продолжить свой роман «Отбеливанье льна». Дело в том, что я отыскал Франциску, она еще на меня смотрит хмуро, но я уже стоял перед нею, глядя в ее зеленые глаза. Они все те же и она все та же, как и в те незабвенные дни, когда мы с нею гуляли в садах Ликее, а Платон читал нам свой «Пир, или беседы о любви».

Да, писать роман намного приятнее, чем изображать из себя философа, очень многое позабыв в философских системах.

Всё, сия книга по существу закончена, меня ждет Франциска, тем более что она обещала, что если я закончу свой вечный роман, то она наконец-то... да, именно так, но я замолкаю, чужие тайны для меня священны.

Может быть, не писать и Заключение?

Ибо осталось только решить, кому посвящается сей труд.

Для вас, души моей царицы, красавицы, для вас одних... – так было бы лучше всего, если бы не написал уже этого Пушкин.

А я сегодня отправлю свой роман типографу, чтобы семнадцатого числа, когда я его допишу, он уже был у меня в руках, и чтобы тот сарай, с которого всё началось (мое падение, болезнь и безумие) был уже построен.....

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осталось только написать Заключение. С читательницами я еще не прощаюсь, они все еще любопытны как Ева, и если им пообещать, что именно в моих книгах найдут они снова то злополучное яблоко, с которого всё началось (хотя я никак не могу решить, то ли это плод с Древа грехопадения, то ли Яблоко раздора, послужившее причиной Троянской войны) – то они с нетерпением будут ждать от меня новых книг.

Возможно, я уже знаю истину или догадываюсь о ней – и не только в том смысле, что она заключена в языке или в культуре, и остается только приложить усилия... ну, в этом смысле, наверное, догадывается об истине каждый человек; но, возможно, я знаю истину и более непосредственно и наглядно, так что мог бы и сформулировать – но надо ли это делать? Вот так насмешник Ферма сформулировал теорему, о которой написал, что он знает ее доказательство, но у него *"не хватило бумаги"*, чтобы ее записать (точнее, он сказал так: "Поля Диофантовой арифметики слишком узки, и доказательство на них не помещается").

Конечно, почти ничего нового я не говорю, и даже то, что следует из *подобия языка и бытия* (и, значит, подобия языка и философии и даже физики), заключено уже в учении Аристотеля (вытекающем из учения Платона о врожденных идеях), что теоретическое знание о мире уже заложено в душе и выявляется благодаря соединению сознания и получаемых из внешнего опыта представлений.)

И все же, мне кажется, взгляд на Языкознание как на способ глубинного понимания мира плодотворен, дело за малым, за физиком и философом, который был бы лингвистом.

Ничего нового не говорю я и об Инобытии, традиция проникновения в мистических видениях за границу Бытия насчитывает уже тысячи лет. Но хотя я и противопоставляю рациональному иррациональное, содержание книги, Форма ее, стиль и метод рациональны. Я не касаюсь видений христианских святых, образов Апокалипсиса, не ссылаюсь на великую книгу Даниила Андреева «Роза мира», оказавшую на меня громадное влияние. Не говорю я и о своих озарениях, которые переживал пятьдесят лет назад.

Но существенно то, что мой духовный опыт носил всегда не предметный характер, а абстрактно-идейный. Меня влекли озарения, но в них я хотел черпать Идеи, и содержанием озарений должно было становиться рождение идей. Хорошо или плохо, но период трансцендентных порывов прошел, он был плодотворен, но не выразился в Тексте, а словно бы образовал почвенный слой, на котором я произрастал.

Кроме литературы громадное влияние на меня оказали люди, принимавшие участие в моей жизни, опекавшие меня, дружившие со мной. Они ожидали от меня значительных результатов, и когда еще я ничего почти не писал, относились они ко мне как к почти равному себе. И друзья мои были благотворны, и те девушки, в которых я влюблялся (как словно бы слушал музыку), и Красота, которую я переживал как сверхъестественный восторг – и женская красота, и красота музыки и Природы.

11 сентября, 16-45. Два или три человека мои две книги уже прочитали, иные из них их хвалят, иные ругают, никому из них я уже ответить не успею и даже ни с кем согласиться. Правда, уже написана третья, но по откликам на первые две мне показалось, что они все же не будут удовлетворены в своих ожиданиях. Если книга написана, но они ее еще не прочитали, то могу ли я теперь знать, в чем она не полна и вдогонку ее дополнить?

Они ведь сегодня мне об этом ничего не успеют сказать?!

Но я могу, вспоминая их неудовольствие, хотя бы в заключение перечислить, о чем я не сумел рассказать, на какие вопросы не успел ответить; быть может, читатель, оглядываясь назад, после того как книгу прочитает, по воспоминанию найдет в моих текстах нечто, отчасти заменяющее мною не сделанное, так что не надо будет мне писать новую книгу... или быть может, она необходима, и мы оба это увидим... но буду ли я её писать, сумею ли, надо ли, об этом пока говорить не буду.

Итак, перечисляю, как мне теперь представилось, не сделанное или неудовлетворительно сделанное.

1 Личность и Бог. Народ и Бог.

В некотором смысле у каждого из нас свой Бог, у верующих и неверующих, находим ли мы в нем поддержку, утешение, надежду или нет. Писатель-философ, претендующий сказать читателю что-то значительное, не сказанное, необходимое, то, без чего жизнь не полна, не осмыслена и не понята, нуждается в Боге как в учителе, источнике Откровения, в том, который из немощного человека, жаждущего выразить свои мысли и чувства в творчестве, созидает Пророка.

Совпадает ли Бог народа с Богом гениев и пророков, поэтов и ученых? Надо ли непременно признавать их Бога или Редактор «право имеет» объяснять народу всё важное, даже и их Бога?

2. Поэт и общество, Поэт и Народ, Поэт и царь.

Говорил я об этом много. Но сказано ли важное, достаточно ли сказанного?

3. Оправдание любви.

Любовь между мужчиной и женщиной является центром и пружиной и творчества и Искусства, в том числе Поэзии и художественной литературы. Но доказал ли я, что БЕЗ любовной коллизии роман почти во всех своих разновидностях невозможен, как невозможна семья, полноценное продолжение рода и органическое, страстное, не бледно-немочное развитие народа?

4. Чувство или мысль определяют содержание и форму искусства? Или они в деятельном соединении? Полноценно ли искусство, выражающее только эмоции, ощущения, чувства, не оплодотворенное Мыслью? Не является ли искусство своего рода двуединым, двуполым, когда мужское (мысль) оплодотворяет женское (чувство)? И живописное произведение и даже музыкальное будят мысль – так что же сказать о литературе?!

5. Оправдание социального неравенства, смягченного милосердием и заботой государства о нуждающихся.

6. Вырождение культуры, основанной только на общечеловеческом. Необходимость исторической жизни в государственно-национальных границах. Новый русский национализм.

Показать национальную равновеликость Русской литературы сравнительно с европейской. Мне ранее казалось, что Европа русскую литературу тоже признала, притом с восхищением, но вот теперь меня начинают уверять критики (и моих книг, и Русской литературы, и России), что мы всего лишь эпигоны европейской культуры, и даже наш Пушкин – не более чем продолжатель западно-европейского романтизма конца восемнадцатого, начала девятнадцатого столетий. Следовательно, надо сравнить Тургенева, Достоевского и Толстого - с Стендалем, Бальзаком, Флобером, Гюго.

Аналогично, надо показать достоинство Пушкина сравнительно с Гете, Стендалем, Гюго, Гофманом.

7. Оправдание культуры.

Закончив чтение книги Толстого об искусстве, закончив спор с ним, я вижу, что мало и не убедительно я возразил его мнению о вторичности и неосновательности культуры, и в частности литературы и искусства. Культура осталась не оправданной перед нападками на нее не только невежества, но и христианского мифа, социалистического, а теперь еще эклектического толстовско-хрущевского или псевдонародного мифа.

Итак, книга закончена. И я уже думаю о другом...

Я в деревне, на опушке леса, вокруг меня волшебная жизнь... Городских тягот нет...

Художественное произведение не обязано подчиняться каким-либо правилам, оно может выражать самые наивные чувства, обращаться к детям и к толстовским «мужикам и бабам» и тронуть сердце читателя. Но искусство в целом не может быть «несовершеннолетним», по слову апостола Павла, и ограничиться наивным лепетом, что проповедовал Толстой в своей «философии» искусства...

14 сентября, 10-20. Интернет заглох... Ну, зато больше будет времени на редактирование издательских книг и собственные записки.

Ночью мороз ударил, мои кабачки и тыквы померзли, надежды на то, что нарастет еще, пропали. Хорошо, милка вчера почти все собрала.

Ладно, не буду унывать.

Составилось даже девять пунктов того, что у меня недостаточно убедительно сказано или вскользь.

Но не писать же новую книгу?

И вот принимаю решение уже после Заключения написать еще главу, и в ней попытаться объясниться с читателем. А предыдущий текст пока будет читать самая горячая моя поклонница.

Так что печка с утра натоплена, в доме тепло, одеваюсь и иду строить сарай. А когда прогреется огород, посмотрю, все ли погибло и что теперь делать.

Так что буду писать еще одну главу в этой книге, но не новую книгу.

Глава двадцатая
НЕДОГОВОРЕННОЕ

0. Полнота жизни

15 сентября, 13-13. Ночью было минус два, сейчас плюс тринадцать. И хотя утром протопил, но на стройке мне теплее. Решил сделать небольшой перерыв, перекушу и потом вновь примусь за сарай. А вечером часов с восьми засяду за работу дома, пусть печка гудит, чай кипит, гренки поджариваются и мысль гущается!

Как я живу?

Вчера вечером прокосил кусочек огорода, топил печку, сидел за компьютером. Хожу в лес за грибами и ягодами, сушу, варю, чищу, копаю картошку, ношу воду, прибиваю доски, пилю и строгаю...

Насмешки Толстого над «работой головой» неуместны, но справедливо то, что и впрямь лучше человеку соединять в повседневности всяческий труд.

И так бывает часто. И монахи в монастыре трудятся, и Сергей Радонежский неустанно трудился, не ограничиваясь молитвой, и я даже переименовываю слова Иоанна, и говорю, что одни молитвы без неустанной работы мертвы, как и вера без дел мертва.

Но, однако же, молоток и пила меня призывают...

15-13. На улице даже жарко, уже плюс восемнадцать. И я снова прервался на чай, а заодно на несколько строк.

Маяковский написал в своих фантазиях о будущем коммунистическом рае, представляя, как будет жить и работать будущий крестьянин: «Землю попашет, попишет стихи». Легкомысленно эти строки звучат и унижающе поэзию, не издевался ли он сам над образом гармонического будущего, где «лев возлегает рядом с ягненком»? Ибо тогда же он доказывал в Разговоре с фининспектором, что «Поэзия – та же добыча радия. В грамм добыча, в год – труды!» И сам он землю предпочитал не пахать. Ну, хотя я к нему отношусь и неодобрительно за его неискренность и продажу поэзии сов. власти, но поэт он великий – да только народный ли, в толстовском смысле?

Мои оппоненты отстаивают чуть ли не взгляды самого Бога и от меня защищают народ, но удивительное состоит в том, что я один подлинно из народа, и хотя перед народом не заискиваю и не пытаюсь «интеграл и дифференциал истории» заменить на таблицу умножения, чтобы для народа было попроще, но все же переписываю многие свои пассажи не один раз, стараясь достигнуть прозрачности мысли – следовательно, не так уж читателя я презираю, кем бы он ни был. (К слову еще добавлю. Хотя мои сочинения переполнены раздражением и против начальства, и против черни, но цельных сочинений, в которых бы я обывателя и чернь втапывал в грязь, у меня нет, и генералов я не раздеваю принародно, показывая, что без мужика они даже поест не умеют, как Салтыков-Щедрин, и про «мурло мешанина» не пишу, как Маяковский, и не унижаю народ, представляя его сплошь или неразумным дитятей или стадом баранов, как Лев Толстой.

21-44. Работал до восьми, изнемогая, начало уже темнеть. В девять пошел к колодцу, было уже совсем темно – а разве не на днях буквально работал до девяти и огорчался, что рано э?

Суп, приготовленный милкой, отлил в маленькую кастрюлю, добавил картошки; поджарил те кабачки, которые сегодня ночью смерзли (ну, мороженые части я отрезал), да еще налил рюмочку настойки на тёрне – да это райская жизнь!!! Но устал, и сердцу тесно в груди.

Заварил чаю, вот сейчас начинаю пить его с лимоном и сыром.

1. Народ и Бог

16 сентября, 10-00. В два часа ночи было минус два, сейчас плюс четыре. Что прошлой ночью не домерзло, то домерзло этой. В деревне мне нравится жить и в конце весны, и летом, и в начале осени, но заморозки на меня действуют угнетающе, к тому же здесь они как возмездие или для острастки: живи, мол, но слишком не восторгайся! Хотя и я Природу люблю, и она меня любит, и с Богом отношения у меня не враждебные, но от огорода у меня не только радости, но и огорчения.

Мне больше подходит климат умеренный, согласен и на Питерский, только переехать ближе к Питеру мне уже не светит – хотя и живу я счастливее богатых, но все же бедность временами гнетет. Даже по нашей деревне прошелся – самый бедный наш дом.

Ночью болело сердце, потому и встал не рано, и теперь не спешу на стройку, приду в себя...

Народные боги, разумеется, не могут совсем уж противостоять богам поэта, но народ богов превращает в кумиры, а заветами богов пользуется как дубиной, чтобы ею оглоушивать неугодных поэтов.

И поэтому я предлагаю мирный договор: вы мне не мешаете жить с моими богами, музами и волхвами, с моими театрами, концертными залами и библиотеками, а мои книги можете не читать. Ваши же церкви и кумирни я не призываю ломать, если только новые христиане или новые большевики не объявят крестовый или иной какой поход на культуру, или если церковь не попытается сама стать государством.

Написанного же о богах у меня достаточно, если что и буду писать еще, то не для разъяснения публике, а так, мои собственные беседы с ними.

2. Поэт и царь

Снились удивительные сны. Будто бы царь и влиятельный царедворец, объезжая «владенья свои», по чьему-то совету призвали меня для беседы. Поставлен был стол во дворе, и мы трое сели и начали выпивать.

Сначала я вспомнил Пушкина, он говорил, что жил при трех царях, первый потрепал его кудри, второй отправил в ссылку, третий из нее вернул.

У меня отношения с царями хотя и отдаленные, но все же при первом я родился но был убит мой отец, при втором я учился и состоялось мое духовное рождение, третий посадил меня в тюрьму и сумасшедший дом, прочие цари меня не трогали и я их не трогал, но а при последнем я жив и то слава богу!

Потом они меня спрашивали, нельзя ли реформировать государство, и я ответил так: Иван Грозный разгромил один стеновой хребет государства – старое служивое боярство, но не добил дворянство и оно послужило основой возрождения России. Реформа 1861 года, освободив крестьян и вызвав к новой жизни «третье сословие», дворянство ослабило, что привело в конечном счете к падению монархии и гибели сословного государства. Большевики сломали все, что могли, но самое пагубное, что он сделали, они разгромили крестьянство и привели к катастрофической убыли русского народа. Русская империя стала союзным государством, русский народ в нем захирел, а потом и оно распалось, распался и великий общерусский народ.

Только Реформы Петра и Екатерины были плодотворны, но не дай бог повторять казни и войны Петра! Он привил России европейское образование, но он же и развратил народ.

Потом я остался наедине с царедворцем и мы с ним здорово напились, перешли даже на ты, и он спросил, не надо ли мне чем помочь.

Я ему сначала рассказал анекдот.

Народ празднует столетие Василия Ивановича.

По этому поводу собралась Государственная Дума, один депутат выступил и предложил: А что, ребята, дадим Василию Ивановичу денег, премию какую-нибудь? А? А то он ходит босиком, весь в лохмотьях, без шапки, ночует в стоге сена, квартиру мы у него отобрали, пенсию не платим, если кто покормит, а то так голодный в сено зарывается... .

Депутаты даже некоторые после такой речи заплакали и похлопали.

Тут выступил Председатель.

- Нет, ребята, денег Василию Ивановичу мы давать не будем. Ведь чем он замечателен? Тем, что он единственный живет не ради своей пользы. А дадим ему денег, он ведь станет как мы, упаси бог! А нас и самих девать некуда, разве на свалку истории! Ха-ха-ха, это я так, для красного словца, вспомнились мне его речи...

Ну так вот, рассказал я царедворцу тот анекдот и добавил: "Впрочем, от помощи я не отказываюсь, если независимость мою не потребуют взамен".

Не зря говорил Пушкин: «Зависеть от царя, зависеть от народа - не все ли мне равно? Другая, тайная мне надобна свобода!»

Поэт и царь – об этом столько написано, что надо ли еще писать? Да, пока остается в Символе народной веры (хотя это и сказано в Ветхом завете, но принято и христианами), что поэт ниже всех в иерархии народных ценностей, так тем более поэт оказывается неизмеримо ниже царя. Более того, даже Толстой, интеллигент и писатель, не только поставил поэта ниже многих, но даже возмутился тем, что Пушкину воздаются почести. Одно только могу сказать в ответ на унижение поэта, а также и культуры: Разве Христос не был поставлен ниже и Ирода, царя, и Каиафы, первосвященника, и Пилата, наместника, и римских солдат, и даже ниже разбойника, которого отпустила толпа вместо него, и ниже толпы, которой было дано право миловать или казнить? Та к что же я возмущаюсь тем, что до сих пор многих возмущает, что поэтов не казнят вместо разбойников? Впрочем, советская власть сию оплошность исправила.

3. *Оправдание любви*

Большевики, будучи материалистами, духовный смысл *родовой любви* отрицали, но ничто не содержит ее более, ибо *родовая любовь – корень всей жизни*. Возможно, в Инобытии все другое, и новое небо и новая земля, и там ни влюбляются, ни ненавидят, не заводят семью и детей – возможно, но поелику мы живем в *этом* мире, куда, как от солнца, от Инобытия доносятся свет и тепло и протуберанцы и чудеса и, возможно, губительные бури, сказания и мифы, гонения и помощь, то я пишу о том, как мы живем в этом мире и как в нем жить наилучшим образом.

И начинаю с того, что защищаю *Родовую любовь*, которая всякого ее ненавистника вскормила: он ненавидит женщину (а все христианство гнало ее и клеймило как «сосуд Дявола» и проклидало ее прелести и отвращало от нее «человека»), а она вскормила его своим молоком, став матерью. Иной из ее гонителей воспевае семью и супружескую верность (как Лев Толстой) – будто бы жены не женщины и их верность не пристокает из того же, что сказано еще в Ветхом Завете: прилепится жена к мужу и станут единой плотью (а кому повезет, так и единым духом). Иной из ее гонителей воспевае народ, патриотизм, верность государству, воинские доблести – будто бы не женщина народ нарожала, не она отправляет мужей и сыновей на войны и их ждёт и оплакивает, не она становится последней защитницей на стены крепостей, когда уже все мужчины пали, как в Карфагене... да и везде...

Он восхваляет литературу и искусство – а где он видел дистиллированную литературу, очищенную от семьи, от рода и народа, от наших возлюбленных и их детей (если уж не хотим мы считать их своими)?

Музыка, романс, лирическая поэзия, трагедия – корень всему то всемирное притяжение, которое заканчивается лишь смертью... да и то поэт сетует на то, что «в мире том друг друга они не узнали!»

Душеспасительные нравоучения годятся лишь людям лунного света. Но когда останутся только они, тогда и наши споры сами собой утихнут... и всяческие споры... а затем умрет и последний ревнитель Лунного света.

Эпоха Возрождения наконец-то осмелилась (а это у христиан было под запретом!) явить миру в живописи Мадонну с младенцем – и даже с приоткрытой грудью. Если так возносимая «любовь к ближнему» (которая, впрочем, у нормальных людей основа всей жизни под именем *сострадания* и *сочувствия*) совершенной всего, то выше ли она материнской любви? Выше ли она слез Богородицы, родившей и вскормившей Христа, снявшей его с креста, оплакавшей и похоронившей? Если Его муки превосходят смертные муки простых людей (но Он то воскрес, и знал, что воскреснет, а мой отец, оставаясь на безымянной высоте, чтобы спасти последних живых солдат своего взвода, принося себя в жертву, знал, что умрет и не воскреснет – кроме как в той любви, которую Христианство проклало (и Толстой пытается термином «половая любовь» ее как-то унизить, уже самим именем опровергнуть!) – то есть в любви матери (к которой он всегда выходил первым, в отличие от Христа), в любви жены (которую он и сам любил так страстно, как и положено Богом человеку), и в любви сына (ибо он не сухая смоковница, а мужчина и муж!)

4. Чувство или мысль в основании искусства?

Толстой так упорно говорит о *заражении* читателя или зрителя *чувством*, которое испытывает создатель какого либо произведения искусства, в том числе, например, песни, которую исполняли деревенские бабы у ворот его усадьбы, сопровождая пение ритмичными ударами по железной косе (видно, что они пришли прямо с луга), что создается впечатление только сиюминутного общения зрителя и создателя, непосредственного выражения чувств (как при пении киргиза, который едет на лошади по степи и поет; о чем ты поешь? – спрашивают его. А не знаю... На что смотрю, о том и пою.)

Наша повседневная жизнь складывается из встреч и дел, переживаний и всплесков эмоций. Толстой, как видно, не делает различия между произведением художника, которое тот создает с определенной целью в течение иногда длительного времени, и спонтанным выражением чувств, часто даже не требующим зрителя или слушателя. Им может оказаться песня, рифмованные строки, некоторое действие напоказ, например, выкрик, жест, сломанное дерево, разбитое окно, камень, брошенный в собаку или в прохожего. Такие спонтанные или обдуманные, но часто бессмысленные действия ныне тоже называются искусством и носят имя....

Правда, среди них встречаются и выразительные, весьма обдуманные и тщательно подготовленные действия, как, например, драматическая сцена, исполненная группой Пусси Райот (и она имеет все признаки пьесы, подготовленной и исполненной труппой актеров).

Называя сиюминутное выражение чувств в кратковременном действии или пении искусством, и противопоставляя такое искусство профессиональному, Толстой стремится профессиональное искусство унижить и доказать его никчемность – всякого искусства, не только нарочито «барского». В отличие от Хрущева, который заявлял позднее, что «искусство принадлежит народу и должно быть ему понятно», Толстой доказывает (даже когда не говорит этого прямо), что профессиональное искусство не нужно народу совсем. Оно не должно быть и никому не нужно, но запретить богатому сословию из праздности развлекаться искусством Толстой, к его сожалению, не может.

То или иное человек воспринимает, когда испытывает в том потребность. Можно бы на этом наш спор и оставить, потому что потребность в поэзии, в философии, в молитве испытывается не всеми, но из этого не следует, что ни философия, ни поэзия, ни молитва не нужны. Одним нужны, другим не нужны. Если мир бездуховен, определяется только сцеплением атомов, то на этом тоже можно бы поставить точку. Но мир пропитан духом так же, как почва водою, и *необходимым образом произрастают в почве злаки, а в человеческом обществе культура*. С одной стороны, человек свободен, с другой – культура появляется, растет и развивается по «*божественной необходимости*». И на этом тоже можно было бы поставить точку, хотя я ничего еще и не доказал.

Но, как ни странно, потребность даже в моих сочинениях испытывали разные люди, которым я давал их читать, и я даже слышал от них восхищенные отзывы о том, что я пишу. Но как не могу я доказать, что Пушкин велик и

Толстой велик тому, кто слишком сам еще мал (а тому, кто значителен или велик, доказывать сие нет необходимости), так не могу доказать, что культура нужна, и любовь прекрасна, и жизнь прекрасна тоже (но этого я доказать не смогу тому, кто упорно думает о веревке).

Почему Толстой думает о веревке, почему он решил ею связать человечество в его страстях и желаниях, в его разнообразной любви, в его любви и потребности в женской ласке, в его любви и потребности в искусстве, я не знаю тоже.

Как не знаю причины многих бессмысленных деяний властей, отравляющих нам жизнь.

Зачем человек живет? Спроси кого-нибудь, он ответит: затем, что *хочется и нравится*. Разве этого мало? Разве такой ответ низок? А лучше было бы сказать и чувствовать, что живу затем, чтобы угодить Богу или осчастливить кого-нибудь? Правда, бывают и крайности, женщина, которой тяжело живется, муж погиб на войне, пенсии солдатским вдовам не платили, говорит, что с радостью б умерла, но живет, чтоб вырастить детей.

Вот и об искусстве слишком «возвышенного» ответа не надо требовать, зачем человек идет в театр, филармонию, оперу, зачем читает книгу: во-первых, хочется, во-вторых, нравится, а в-третьих... бывает и в-третьих, когда приходится «грызть гранит науки» – что поделаешь, *надо*...

Значительное художественное произведение, например, роман или опера, похоже на здание. У здания есть основание, но оно далеко не исчерпывает само строение, здание не вытекает из своего основания и не определяется им, а только удерживается. По отношению к роману можно, однако, сформулировать образ основания, не только поддерживающего роман, но и задающего ему направление, облик, в основании романа лежит некоторая *Идея*. Мысль или чувство в этом смысле уместнее сравнить с отдельным камнем основания, но никак не с основанием в целом. Тем более нельзя говорить о чувстве, обнимающем такое сложное, многостороннее произведение, как Война и мир. Толстой писал его восемь!!! лет. Я свои возражения Толстому пишу полгода, и никаким чувством не пытаюсь заразить своего возможного читателя, потому что за полгода даже я испытал их слишком много. Можно мне возразить, что Толстой говорит об искусстве, а Роман уже нечто другое... я думаю, что художественное произведение непременно в той или иной степени искусство, хотя отчасти и нечто другое...

Но мысль или чувство определяют собою романс, стихотворение, песню?
Для кого они часть жизни, тот и сам не хуже меня ответит на этот вопрос.

5. Оправдание социального неравенства

Мы не равны по рождению. Одни из нас мужчины, другие женщины. Одни гении, другие бесталанны. Можно было бы добавить: одни рождаются рабами, другие господами – но если пол мы изменить не можем, то положение в обществе и социальная принадлежность зависят от воли общества и государства. Французская буржуазная Революция отменила привилегии земельной аристократии, но не отменила неравенство в богатстве

и власти; Социалистическая Революция в России объявила об отмене всех и всяческих привилегий, но с ухудшением качества жизни разнообразных привилегий стало еще больше: карточки, льготы, пайки, надбавки...

Разница в богатстве стала меньше, стало меньше богатых, но зато стало больше бедных. История однозначно вынесла свой приговор: жизнь в социалистическом обществе, несмотря на декларируемое неравенство, стала хуже, бедствий и социальных потрясений стало больше, только массовый голод, который не случался в России с 1612 года, унес на протяжении трех десятилетий тридцать миллионов жизней.

Но речь об Искусстве. Как реки текут потому, что существует неравенство в положении истока и устья, так и искусство обязано своим существованием сословному неравенству в обществе. В «Обществе равных возможностей» архитектор превратился в ремесленника, живописец в маляра и фотографа, "партийная литература" одела на писателя цепи и вериги.

Правда, в России снова богатые у власти – стало ли лучше литературе? Она еще жива, но умер читатель.

Но я пишу не об этом. Внятного исчерпывающего объяснения ненужности серьезной литературы я не знаю, как не знаю, почему и у меня читателей только трое. Культурная жизнь общества в значительной степени определяется политикой государства, и Пушкиным мы обязаны Девятнадцатому столетию, эпохе Просвещения, наступившей в России по воле монархии и дворянского общества. А ныне я радуюсь хотя бы тому, что нынешняя власть богатеет не одела цепи на меня самого.

6. Пушкин и «Поиски длиною в жизнь»

17 сентября, 20-41. Возвращаюсь в город на ласточке. Сарай еще не достроил, вчера ходил в лес, наслаждался природой. А сегодня ласточка вдруг влетела в сарай в проем двери. На улице заря уже гаснет.

Обиделся на погоду, я еще надеялся, что вызреют кабачки и тыквы, которые завязались и пустились в рост, так как днем плюс восемнадцать. Но ночью температура падает до минус трех, почти все померзло. Осталась еще мята и часть цветов, везу в город большой букет.

Но – продолжаю Записки.

Целую жизнь, как оказывается, я пытаюсь понять смысл и тех учений, которые объявляют себя полнотой истины, и смысл самой жизни, что-то я понимаю лучше, что-то по-прежнему не знаю. Но неизменно, какие бы трудности передо мной ни стояли, о чем бы я не размышлял, ответы ищу я в русской литературе, и прежде всего у Пушкина. Причем я у него даже не ищу ничего намеренно, Пушкин возникает и говорит мне и то и другое, и всё то, что он говорит, ясно и исчерпывающе.

Все те темы, которых коснулся я в своих трех книгах, исследовал и Пушкин – в стихах и в прозе, в журнальных статьях или в письмах. Нелепо доказывать, что он велик. Дело в том, что я не все знаю, и хочу понять и узнать то или иное не из любопытства, а из тягчайшей потребности – как узник, ищущий способ побега, как умирающий от голода, ищущий кусок хлеба.

И Пушкин со мною – товарищ, отважившийся вместе бежать, спаситель, протягивающий часть своего хлеба.

Многие меня созидали, не только он, жаждой любви и свободы обязан я французской литературе, особенно Стендалю и Гюго, умением рассуждать – немецкой философии, почти всем их философам, цвету – фламандской и итальянской живописи, сомнению – английской литературе, романтическому настроению – всей европейской литературе в целом, Гофману и Оскару Уайльду, многим обязан литературе американской. Но, видимо, самое задушевное может сказать только близкий по крови и духу и языку, а самый близкий для русского человека, самый всё обнимающий – это Пушкин.

Ребенку не объяснишь прелесть любви, так и то, что я объясняю о литературе и искусстве, детям не будет внятно. Надо ведь по уму и образованию становиться совершеннолетним, оставаясь в душе дитя, как повелел апостол Павел. Велик ли Пушкин? Если без него человек может прожить, значит, он может прожить и без русской Поэзии, по крайней мере, без Пушкина не будет он читать поэтов и романтиков девятнадцатого столетия, Лермонтова, Аполлона Григорьева, Тютчева, Тургенева...

Если человек может прожить без искусства и литературы, то... и на здоровье... Значит, не всем надо карабкаться на небо по горным кручам. Необходимо только, чтобы слой таких людей, привязанных к культуре, существовал, чтобы он был духовной почвой общества – как в девятнадцатом столетии. Хотя бы как в двадцатом. В крайнем случае – как в восемнадцатом. Сегодня мы бредем по выжженной каменистой пустыне. По солончакам. По барханам.

Это вывод из моей работы Редактора. Это вывод из моей жизни, которую, как ни удивительно, уместно было бы назвать жизнью Редактора.

7. *Оправдание культуры.*

К лицу поэту – бедность и невзгоды.
Трудней нести и немощи и годы,
Я их терплю, хотя подчас скорблю.
Я смертный и завишу от природы,
Я узник тьмы, заложник у свободы.
Но этот мир – за краткость дней – люблю!

В христианском Мифе слово «Счастье» не встречается ни разу. Коммунистический миф обещал своим верующим счастья «по потребности». Пушкин же сказал, что «На свете счастья нет. Но есть покой и воля.» Далее он добавил: «Давно, усталый раб, замыслил я побег В обитель дальнюю трудов и дивных нег...»

Делать погоню за личным счастьем смыслом всех своих стараний и нелепо, и неправильно, и бессмысленно, и предосудительно. Надо заботиться о близких. О родине. О культуре. О тех, кому плохо и кто нуждается в помощи. Но и не забывать про себя, только не делать из себя средоточия своих устремлений, даже *в спасении своей души.*

Я хочу закончить эту книгу надеждой. Хотя и говорю, что должны быть и богатые и бедные, но это не значит, что пусть всё течет по воле Бога, или воле Природы, Рока, Случая, по воле богатых – а человек пусть сидит в прохудившейся ладье, бросив весла и покоровившись воле волн и ветра.

Нет, человек должен быть *деятелен*. Возвышен, благороден, умён, духoven, романтичен. *Сострадателен к тем, кто нуждается в помощи*.

Я и консерватор и революционер одновременно. Старый сарай, который грозил рухнуть и кого-нибудь задавить, я разрушил сам (и чуть не погиб под его обломками), хотя мне говорили: *Не тобою поставлено, не тебе и менять!* – религия русского патриархального консерватора. Но дом, хотя он и нуждается в помощи, я ломать не хочу. Я отвергаю тотальное разрушение мира, но МИР НЕОБХОДИМО РЕДАКТИРОВАТЬ, даже если его создал Бог.

И я думаю, что Бог и поставил меня на место Редактора, это мое Призвание. А Призвание культуры – быть источником духовной жизни народа. Сначала, быть может, только избранных. Когда-нибудь и всех. При этом культура не должна ни заискивать ни прислуживать. Только глубокий атеист утверждает вторичность культуры. Отчасти ее создает Художник и Мыслитель. Отчасти Народ. Отчасти Язык (что не тождественно ни народу ни творцу). Но ведь человек, переживающий мир как духовную полноту, не вскричит в самомнении, что всё создал он сам – нет, есть и Высшая воля! Так и Почва, родящая пропитание и цветы и всяческие другие растения, не одна только трудится, но и вода, и солнечный свет, и мотыга крестьянина, и даже маленький муравей, перетаскивающий что-то с места на место.

Культура – наше совместное дело.

Как и эти Записки Редактора.

Я стал Редактором в тот самый миг, когда попросился в пионервожатые (не будучи уже пионером и так не став комсомольцем). Мои мудрые учителя меня поддержали, и в четырнадцать лет я пришел из нашей блистательной Средней школы в захудалую семилетку, и там я родился еще раз. Мои тринадцатилетние питомцы курили. Сквернословили. Тискались. Но я не стал их бранить, а рассказал им сказку, которую тут же сочинил. И повел их в осенний лес на поиски Чуда. Пошли недоверчиво, но все ж потянулись. Особенно Евы. За ними Адамы.

Несколько лет назад начал я редактировать книги и тексты молодых авторов (или начинающих), и не только.

И эти три книги сочинил не я. А мы вместе. Хотя я почти не вставлял в нее строки из своих переписок с ними, но они меня вдохновляли. Даже тем, что я видел, что могу принести им пользу.

Доказательства истин ищут в науке. В философии. В социологии. В религиозных мифах. Писатель, дело которого Творение нового художественного Мира (не выдуманного, а переиначенного, очищенного от ненужного мусора), ставшего *действительностью*, доказывает всякие истины плодотворнее и глубже только ученого или только мыслителя, ибо он не только рассуждает, но еще и переживает, видит, *провидит*. Художник – это воистину Провидец и отчасти Демидург.

В споре, который ведут Добро и зло, Истина и ложь, Добродетель и растление, Красота и дисгармония (безобразность), Сострадание и бессердечие, участвуют не только книги писателя, но и он сам как Личность.

Ни одно произведение Даниила Андреева не было издано при его жизни. Его судьба трагичнее судьбы Пушкина. Но он пришел к нам. Наиболее темное зло России сконцентрировано в Сталине, даже посмертно он смущает умы (и каждый, соблазненный его сатанизмом, еще ответит за свой соблазн). Кого ты избираешь, Сталина или Даниила Андреева, кого бы ты хотел оставить России, кем бы хотел гордиться? Слабый человек преклоняется перед силой, в споре царя и поэта он принимает сторону царя, условно говоря, он избирает путь стражника, провожающего поэта к виселице.

Вот характеристика Сталина, данная Даниилом Андреевым, проведенным по воле тирана десять лет в ужасающих тюремных застенках:

«...в истории человечества еще не было существа, одержимого жадной самоутверждения с такой силой, накалом, темпераментом. Какой жалкой выглядит сорокаметровая статуя Нерона в образе Аполлона, некогда сооруженная им возле Колизея, если сопоставить ее со многими тысячами статуй революционного вождя, воздвигнутых повсеместно, на любой привокзальной площади, в любом парке, в любом заводском дворе... Заставить назвать своим именем главную улицу в каждом городе ... принудить любое общественное собрание... завершаться овацией в честь вождя; вменить это прославление в обязанность всем видам искусства, литературы, музыки, науки; вынудить в XX веке половину человечества считать его корифеем всех отраслей знания; наладить механизм фальсификации исторических документов ... написать новое евангелие, в котором прославлять самого себя, и заставить все население штудировать этот хлам чуть ли не наизусть; навести такого туману, что неисчислимые массы людей за рубежом уверовали в то, что им выпало величайшее счастье – жить одновременно с гениальнейшим, мудрейшим и гуманнейшим из смертных... Что рядом с этим все поползновения деспотов прошлого...

"Эти беспрецедентные формы и масштабы тиранствования говорят о сверхчеловеческой жадности самоутверждения и столь же сверхчеловеческой жестокости.

Он был кровожаден, как истый демон. Какими соображениями государственной пользы... объяснишь систему периодически производившихся массовых кровопусканий? В первый раз он это позволил себе в начале коллективизации, когда кулачество, точнее – зажиточное крестьянство, ликвидировалось, по его предначертанию, "как класс". Толпы людей лишались средств к существованию и, в условиях гибельных даже для скота, перебрасывались в необжитые районы, где и отдавали Богу свои души. "Откуда-то слышался гул; казалось, что где-то рушатся целые деревни и там раздаются вопли, стоны и проклятия. Плыли по воде стоги сена, бревна, плоты, обломки изб..."»

Каждый человек должен заботиться о своей Родине, защищать ее от врагов, преумножать ее культуру и благосостояние. И прежде всего задачей каждого – а государственного деятеля в первую очередь – должно быть, по слову Солженицына, *сбережение народа*.

О каких заслугах Сталина, его, бездарного государственного деятеля и бездарнейшего полководца, можно говорить, если народ русский он не только не сберегал, но и развеял по ветру как пыль. Народ, создавший великую Империю, составлявший в ней три четверти населения, стал составлять менее половины. Численность казахов в населении нынешнего Казахстана, составленного из территорий, принадлежавших преимущественно сибирским и южноуральским казакам, а также киргизским и кайсацким племенам, увеличилась за годы советской власти в четырнадцать раз. Количество русских деревень даже в центральной России уменьшилось в пять раз. Целые области обезлюдели. Хребет России переломан – вот следствие политики, руководствованной мифом о всеобщем равенстве. И равенство не достигнуто, и народ исчезает.

Культура народна, в этом Толстой был прав.

Только народа не существует в том смысле, в котором он представляется как аморфное население или "народные массы"... нет народа слипшегося, лишённого индивидуальности...

Или есть народ как личность, с волей, характером, судьбой, предназначением; или есть отдельные личности, составляющие этот народ.

За «народные массы» расписывались всё большевики, но они эти *массу* не любили, презирали, использовали как сырьё в своих интересах, а при попытках самостоятельности просто уничтожали.

Народность Культуры не означает, что если "гармонию не поверяет алгебра", то ее должны поверять каждая кухарка и каждый сапожник.

Иногда мне кажется, что я проповедую детские истины, что я учитель для первоклашек... *Что за комиссия, Создатель, быть Редактором народа, который никак не хочет повзреть!*

Ну так и не надо мне быть его единственным редактором! Подлинный и наилучший Редактор – это культура. Ничто полнее и ничто глубже не способно народ просветить – а и в этом тоже, то есть в Просвещении, предназначение культуры. Не достаточно быть народу любезным, можно быть и горьким ему, он того заслужил...

Растворил я окно на осенний разор.

То пожар догорает, повадился ль вор?

Пожелтели листья, побурела земля.

И прощальный с небес слышу крик журавля...

18 сентября, 14-55. Вчера вернулся из деревни, сегодня мечтаю о ней. Сарай я еще не достроил. Сделал дверь, примерил – нет, не входит в косяки, надо переделывать...

Но книгу я уже переделывать не буду.

Добавлю только несколько слов...

Итак, надо возродить Российскую империю (в новых формах и не так безудержно растекшуюся по земле). И надо вернуть достоинство человеку, лишённому свободы – в тюрьмах и поселениях. Если не начнем по человечески относиться к страдающим братьям своим, все остальное тщетно, тщетна даже культура.

Глава двадцать первая
ИСТОЧНИКИ КУЛЬТУРЫ

1. Национализм

Неоднородны и французы, и немцы и англичане. Британский народ включает в себя и ирландцев (в Северном Ольстере; а недавно и вся Ирландия была в составе Англии), и шотландцев, и валлийцев. Французы включают в себя гасконцев, бретонцев (давно ли было восстание в Вандее, описанное Гюго в его романе «93-ий год?»), в Испании только что гремели взрывы борцов за независимость басков, и даже немцы не однородны, саксонцы понимают жителей Баварии еще менее, чем мы украинцев (а вот поди ж ты, баварцам не приходит в голову объявлять себя отдельным народом и отделяться от Германии, как нашим «младороссам»).

Европейские народы почти все жили в составе империй, на днях только распалась окончательно Австро-Венгрия, последний ее осколок, Чехословакия, разделился на Чехию и Словакию, на днях и Югославия в жестокой войне разделилась на ряд государств, причем от Сербии Америка вместе с Европой откусила кусок древней исконно-сербской земли и отдала албанцам. Делится Бельгия на Фландрию и Валлонию, грозит от Англии отделиться Шотландия, французская Канада в оппозиции к английской. Борются на Ближнем Востоке за независимость курды (а, значит, они еще зависимы, и часть их в составе бывшей Турецкой империи (того, что от нее осталось), часть в составе Ирака (который также неоднороден, хотя исторически был «единым и неделимым» и тоже являлся отчасти империей), да еще небольшая часть в составе Сирии.

Стремление к национальной обособленности, житии в своем отдельном доме, в отдельной квартире, а не в коммунальной, сегодня даже пуще, чем в девятнадцатом столетии, несмотря на все политические и экономические усилия по соединению различных частей Европы и Средиземноморья в единое целое.

Но пока не распались по племенам и историческим землям ни Англия, ни Франция, ни Испания, ни Германия, хотя они отнюдь не однородны (а Германия только сто пятьдесят лет как Бисмарком объединена в единое государство), но все сообща они обличают и ненавидят Россию за ее стремление сохранить историческую целостность, основанную на общности происхождения, языка и культуры, даже больших, чем у европейцев. Мне было бы горько, если бы распалась Великобритания на Англию, Шотландию и Уэльс; если бы от Франции обособились Корсика, Бретань, Эльзас и Лотарингия – но почему же европейцы так ненавидят великорусский народ, столько претерпевший в последние сто лет, который сначала большевистская банда разделила на полунезависимые части, а потом она же и исторические земли великороссов раздала по соседям?

И об этом тоже думал и писал Пушкин, говоря о ненавидящих нас:

«Хмельна для них славянов кровь;
 Но тяжко будет им похмелье;
 Но долог будет сон гостей
 На тесном, хладном новоселье,
 Под знаком северных полей!»

А далее словно бы ответ на сегодняшнюю смуту на Украине:

«Куда отвиним строй твердынь?
 За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
 За кем останется Волянь?
 За кем наследие Богдана?
 Признав мятежные права,
 От нас отторгнется ль Литва?
 Наш Киев дряхлый, златоглавый,
 Сей прашур русских городов,
 Сроднит ли с буйною Варшавой
 Святыню всех своих гробов?»

Российское одеяло несправедливо резать на части и по отношению к тем малым народам, которые присоединялись к Московскому царству по мере его упрочения и расширения. Русский народ растекался по среднерусской равнине, вбирал в себя, как великая река вбирает притоки, и удельные княжества бывшей древнерусской земли, и негосударственные племена, просвещая их, принося им письменность, веру, культуру, земледелие и начала хозяйственной жизни. Эти племена без объединительной роли русского народа исчезли бы или растворились в составе сильных народов, ныне же они обладают всеми преимуществами жизни в составе великого народа и организованного государства. Развитие промышленности, культуры, содержание армии легли бы непосильным бременем на отдельное племя, как бы ни тешило его самолюбие тщеславное чувство политической самостоятельности. Если мы будем способны повернуть вспять притоки Волги и Днепра, Двины и Рейна, то тогда я первый воскликну: пусть каждая малая речка течет к своему отдельному морю!

Как Рим был обречен быть империей, как Франция вобрала в свой состав племена галлов и всех, кто жил среди них, и нормандцев и бретонцев (и чувствовали ли себя бретонцы французами, надо спросить у Ванден), и корсиканцев (причем только в 1768 году по Компъенскому трактату Генуя передала остров Франции за долги, и в 1789 году Корсика была провозглашена неотъемлемой частью Франции), а Германия германские племена, как Италия в конце концов объединила под знаменами Гарибальди и сицилийцев и Рим и северо-итальянские республики, так и Россия имела не только историю и волю, но и свою судьбу.

В истории народов и государств мы ничего не поймем и не объясним, если не начнем смотреть на них как на органические явления, существенно личные. Если Бог – личность, то тем более личность Народ и личность Государство (да, быть может, и природа).

Хаотический и случайный характер жизни государства и народа,

экономические, политические и социальные причины тех или иных событий в их жизни способны совершенно заслонить для нас видение этой жизни как жизни личности. А тогда надо принимать во внимание характер, волю, веру, надежду, рациональные и иррациональные устремления, и в еще большей степени *трансцендентное* как определяющее (и только Даниил Андреев способен стать для нас путеводителем в таком новом необычном понимании истории и судьбы народов и государств).

Если еврейский народ *богоизбран*, то не значит ли это, что таков и всякий народ – быть может, в ином смысле, чем иудеи, но все же и другие народы богоизбраны? (Быть может справедливее сказать, что еврейский народ – это народ, неотделимый от религии, и Бог избрал евреев как носителей особого отношения к Богу, а значит, он избрал Себе иудеев. Но тогда относятся ли к *богоизбранному* народу евреи, изменившие своей религии?)

Воля ли отдельных людей и отдельных правительств предопределила появление в Палестине государства Израиль? Нет, СУДЬБА.

И потому как беспомощны споры о национальных и государственных судьбах, ссылающиеся только на действия правительств и на международные договоры!

Чтобы закончить споры о Народе, государстве и культуре, надо спросить: *каковы основные ценности человеческой личности?*

Он сам, его жизнь, свобода, достоинство, честь, благополучие.

Семья, близкие, любовь.

То, как и в чем осуществляется личность. Следовательно, труд, творчество, культура, духовная жизнь.

Мир, в котором личность *становится*, развивается, создается, осуществляет себя. Этот **мир** для многих из нас – **это народ**, к которому относится личность, или государство, заменяющее народ, или нечто, что заменяет и то и другое, то есть Миф (религиозный, революционный, какой-либо еще...)

Народ – это одна из основных ценностей жизни, быть может, главная (тем более в тождестве с национальной культурой).

Таким образом, *национализм подобен религиозному мифу*. Я не пытаюсь доказать, что национализм выше религии. Каждому свое. Есть даже и атеисты. Надо ли по примеру нетерпимого религиозного братства считать их людьми второго сорта? Нет. Точно так же равноправны в споре наших точек зрения (если мы еще соглашаемся, что нам есть о чем спорить) и коммунисты.

И эту последнюю главу я хочу (после того как я и сам кричал и проклинал и возмущался) закончить на некой ноте попытки понимания. Быть может, я потом напишу нечто более убедительное. А пока я только высказался, но никого и ни в чем не убедил. Хорошо, если еще отдельные меня прочитали хотя бы не бранясь.

Только снова и снова повторяю: *национализм (или народничество)* – это не противопоставление своего народа другим как высокого и совершенного низким. Это сознание *принадлежности* к своему народу *как основы* собственной личности, подобно принадлежности к семье и к жене.

2. Личность и общество

21 сентября, воскресенье, 23-30. И в частных беседах, а особенно в спорах, и в своих книгах я оказался не убедителен, во-первых, и не настолько значителен, как надеялся, во-вторых.

Это меня угнетает, хотя я и стараюсь преодолевать чувство своего поражения.

Ладно-ладно, говорю я себе, если Бог есть, то, возможно, Он еще и мне подаст руку и я поднимусь выше.

Что я тогда напишу, я не знаю, но необходимо надеяться, что это будет более важная и более убедительная книга.

А пока я только вдогонку к сказанному добавляю несколько слов, которые не изменят впечатление от книги, но дополняют ее явные прорехи. Я оглядел строение, вижу, что в двух-трех местах продувает, надо заделать последнюю щель. Ну а теперь можно будет поставить точку... После того, как заделаю щель... так что еще две-три страницы надо дописать...

22 сентября, 10-30. День сравнялся с ночью и пошел на убыль. Но я еще поеду в деревню утром в пятницу, и я еще исправлю что-нибудь и в себе самом, прежде чем поставить точку. Ну, например, ограничусь при необходимости выпивать в компании одной только маленькой рюмкой. Не буду чрезмерно сердиться на тех, кто думает иначе, чем я. Не буду самолюбив и обидчив. Не буду самонадеян и тщеславен.

В чем-нибудь и еще постараюсь стать лучше.

А теперь перехожу к исправлению прорех.

Начнем с того, что *существует*, что *существенно*, что принято как основание отношения к миру и человеку.

Итак, существует сам человек, общество, народ, государство, культура, «ближние» в христианском смысле этого слова (не совсем мне понятном), *близкие* в смысле обыденном. Существуют заповеди и правила «должного» (часто совсем не совпадающие, например, Заповеди Моисеевы повелевают «не убий», а коммунистические заповеди «должного» хотя и противоречивы, но чаще требуют быть беспощадным по отношению к классовым врагам, изменникам *общему делу*, по отношению даже к тем, кто только не согласен с *общим делом*. Правда, и Христос говорит, «кто не со Мною, тот против Меня», но не добавляет при этом, что таковых надо топить в смоле и варе... хотя однажды и говорит, что их удел, на том свете, «плач и скрежет зубный»). Существуют еще государственные законы, помимо Заповедей и «Морального кодекса...», часто весьма суровые или свирепые.

Существует – для верующих, и «по вере» – Бог.

Существует – по крайней мере для меня – Граница Бытия и Инобытия, на которой я словно бы всматриваюсь в то, что невидимо в обыденности.

Существуют *особенные состояния сознания и опыта*, в которых отдельные люди узнают скрытое от обыденного зора, как, например, апостолы, Даниил Андреев, Жанна Д*Арк, и иные...

Христианство повелевает *прежде жить для Бога*, затем... далее повеления запутаны и размыты, Христос повелевает любить ближнего, но вектор

всех повелений, Его и Его учеников, церкви и государственного начальства, церковью узаконенного (как, например, объявление Кесаря помазанником Божиим) я понимаю в виде некоторой убывающей системы повелений: подданный, повинуйся кесарю; раб, повинуйся хозяину; подчиненный – начальству (командиру в армии, полицейскому, судье, помещику и т.д.); жена – мужу, дети – родителям. И это повелевает человеку от внутреннего подчиниться внешнему, от личного – общественному.

Но жизнь для Бога требует усилий и жизни, направленной *к спасению (собственной) души*, то есть обращению от внешнего к внутреннему, от общества – к личности.

Коммунистическое учение хотя и утверждает, что «всё для человека, всё во имя человека», но устанавливало первенство общества перед личностью такое, что личного в личности уже и не может остаться, кроме как тайно, скрытно. Это, конечно, не известно или забыто нынешним поколением, и лагеря, и пытки, и тотальный сыск, тотальная несвобода, подчиненность всех *одному*... Как забыты христианами утопления ведьм, костры, пытки, запрет критики существующего положения вещей (и если бы не откололась вся Германия от Римского папы, то Лютер за свою критику горел бы в огне).

Нынешнее положение вещей явно не требует молиться власти и золотому тельцу, но человек поставлен в такие отношения к ним, что ему легче повеситься или влачить рабскую жизнь (если он не успел нахапать, когда это было разрешено), или бежать ... только куда бежать?

Однако, жить ли для себя или для общества? – на такой вопрос отвечать приходится, об этом же и Лев Толстой говорит, он даже всю культуру обличает за то, что она либо сама для себя (не понятна мужикам и бабам и не полезна общему делу – в частности, стремлению всем объединиться во всеобщей любви), либо для развращенного класса привилегированных и так же не понятна и не нужна ни народу ни всеобщему энтузиазму (единению всех в зараженности чувством, выраженном художником в своем творении).

Я не доказываю, что надо жить для себя или для общества, или для Бога.

Книги я пишу ... в значительной степени для себя, это потребность самовыражения, а также мой способ Понимания Истины. Отчасти для Бога (если Бог благоволит их прочитать). Отчасти для читателей. Но я не подчиняюсь ни тем ни другим.

Работаю я, чтобы прокормить себя, помочь близким.

Хожу в Театр, потому что мне это нравится. Смотрю на красивых девушек, потому что они мне нравятся, как и заря, и закат, и осенний лес, и многое другое в Природе.

Томлюсь духовною жаждою и влачусь по пустыням, потому что *жажду*.

А жажду потому, что такова моя судьба, видно...

Вожу в деревню детям вещи, которые мне дают друзья, чтобы помочь детям. Это я делаю не для себя (ну а с тем, кто говорит, что всё мы делаем для себя, я спорить не буду, потому что тогда снимается противопоставление личности и общества, и большинство споров оказываются ни о чем). Но, конечно, я согласен с Омаром Хайямом: *«Всё, что отдал, то твоё!»*

Итак, я живу на земле, но не забываю смотреть и на небо. Восторгаюсь прекрасным и не доказываю, как Лев Толстой, что его нет. Не доказываю, как Маркс, что нет добра, а только классовый интерес. Не доказываю, как атеисты, что нет Бога. Не доказываю, как верующие, что «всё уже сказано» и не надо ничего искать. Не доказываю, как космополиты, что надо ненавидеть собственный народ. Не доказываю, как лживые народники, что надо ненавидеть чужие народы.

Я бы даже сказал, что в этом тотальном мире односторонностей и узостей я единственный широк и идеален. Но, к сожалению, во мне слишком много слабостей...

Не надо растворять свою духовную личность в стремлении иметь больше всех: золота, власти, наслаждений. Не надо до конца растворять свою духовную личность в повелениях мира, даже если они кажутся идеальны: в партийности, в народности, в вере...

3. Красота, Искусство, Художественное произведение

Я еще мечтаю и надеюсь научиться писать так, как должно, чтобы быть понятным и убедительным. Тогда я начну писать еще одну Книгу: *Философия как Миф*. Но прежде я должен буду многие книги еще прочитать. Возможно, для этого мне понадобится десять лет. Так что надо будет поневоле становиться *совершенным*, чтобы и жить еще долго, и успеть и прочитать чужие книги, и написать свою.

А теперь попробую написать нечто вразумительное о художественном произведении, чего я не написал ранее.

Когда мне было года три или четыре (это первое мое воспоминание) я с другими детьми на околице деревушки, в которой родился, из песка лепил куличики. Это были не настоящие куличики, и я это понимал. Для настоящих надо было вспахать поле, посеять пшеницу, собрать урожай, смолоть, затворить из муки тесто и затем из него на огне испечь то, что надо. Вылепить из песка с помощью одного только воображения подлинное нельзя, еще до того, как начинает работать воображение, многое должно сработать независимо от творца. Мы в творении, как и в корабле, видим только надводную часть, но она сама по себе существовать не может, она продолжает часть подводную, вырастает из нее. Так же если мы хотим создать красивый цветок, возможно ли его создать без стебля, корней, почвы, из которой он вырастает, воды, минеральных солей, тепла и солнечного света? «Ну, вона куда хватил! – возразят мне. Мы же не о настоящем цветке говорим, а о притворном!» Ну да, в притворном нет почти ничего от того, что я перечислил и что отличает настоящий цветок от ненастоящего – но ведь Толстой ищет критерий, по которому настоящее искусство отличается от ненастоящего! И этот критерий единственен, как у Олега Григорьева:

Я взял бумагу и перо,
Нарисовал уют,
Порвал листок, швырнул в ведро –
В ведре раздался стук.

После такого введения я сумею объяснить мое представление о произведении искусства как органическом явлении, подобном тем, кои происходят в действительности.

Представим себе, что Бог замыслил создать Лунную сонату, и для этого он создал композитора, который ее должен был написать (вот так ведь и огороды Он поливает не из лейки, а устроил в природе тепло, испарение, тучи и дождь, который поливает огород исправнее всякой лейки).

Теперь сделаем фантастическое предположение, что композитор уже создан и ждет своего часа, время от времени просыпаясь в каком-то забытом уголке старинного собора. Проснувшись в первый раз, он обнаруживает, что нет ни фортепьяно, ни органа, ни клавесина – их еще нет среди музыкальных инструментов. Через сто лет он уже видит фортепьяно, но не существует еще сонатная форма музыкального произведения. И только в третий раз для заданного Богом произведения подготовлены необходимые условия: почва, вода, тепло и свет, и семя, из которого произрастает то, что нужно, иначе говоря, музыкальный язык.

И вот наконец-то подготовлена **почва**, на которой может произрасти Лунная соната. Это все те века, которые понадобились для созидания и совершенствования музыкальных инструментов, для созидания и совершенствования музыкальных форм, для подготовки концертного зала и слушателей (и их надо было созидать так же в течение столетий, и для этого развивать Просвещение, писать романы, строить храмы и дворцы, совершать революции и мятежи, затевать войны, утончать женскую красоту и изощрять мужской интеллект), а затем еще надо было родить в мир гениального ребенка, который должен был впитать в себя все столетия подготовительной работы европейского творчества, десятилетиями изощрять свой слух, впитать в себя творчество предшественников и современников) – и вся эта "почва" – это большая часть художественного произведения. Вот точно также доказательство любой математической теоремы, даже если оно состоит только из одной строки, включает в себя тексты и доказательства всех предшествующих теорем и без них не состоятельно. Вот точно также я не мог бы построить в сарае дверь, пока не построены стены сарая. И не мог бы родиться, если бы злополучный плод с злополучного дерева не сорвала любопытная голая Ева.

Так не издается ли над читателем Лев Толстой, говоря о создании художественных произведений, которые проникают и трогают слушателей более фортепьянного концерта, исполненного знаменитым мастером, но для которых всего-то достаточно деревенских баб (а они могли бы родиться и в пещере неандертальца), и куска железа? Вот почему не может он отыскать критерия ни для отличия настоящего искусства от ненастоящего (то есть кулича из теста от кулича из песка), ни для отличия красоты от безобразия, ни для отличия Культуры от межзвездной пустоты или аравийской пустыни. Его искусственные фантазии существуют ВНЕ действительного бытия, вне истории культуры и человека, вне Истории России и Европы. Вот так же в большинстве разговоров и споров говорят пустые люди о множестве

вещей, в которых ничего не понимают. Но что же он, образованный и утонченный, рассуждает так, словно бы художественное явление никак не связано с историей культуры, с историей цивилизации, словно бы оно возникает и существует само по себе, отдельно от всей духовной жизни, отдельно от взаимосвязи вещей и явлений, вне времени и вне человека?

О, насколько легче учить и спасать человечество и человека, как символ человечества, и насколько труднее учить и спасать конкретного, частного, своего соседа, знакомого, родственника! Толстой начинает свой роман об Анне Карениной с того, что «все счастливые семьи счастливы одинаково, а несчастные несчастливы по особенному», но заканчивает жизнь не тем, чтобы помочь одной несчастной семье, а сразу всем, вне семьи и общества, но безличным и абстрактным – и как? Нравоучительным призывом обняться!

Кстати, ездил в Пенсионный фонд на Кондратьевский проспект, нечаянно проехал по Арсенальной, где просидел в заточении два с половиной года. Многого вспомнилось... Я думал о том, что был молод и неуязвим, жизненной силы было во мне достаточно, чтобы противостоять невзгодам, и была у меня такая же молодая жена, возможно, и она была почти так же вынослива, как и я сам, но все же сегодня я ее больше жалею, чем тогда. Красивая, доблестная, гордая, стойкая, верная! Она собою жертвовала для меня – так ли я ценил ее жертвы, как они того стоили?

Достаточно ли я понимал (а сколько я уже видел семей и жен, и равнодуший, и себялюбий, и отчужденностей!), насколько она мила и необыкновенна?! Пусть хоть эти строки будут поздним признанием ее добродетелей, которыми она возвышается над обыденным!

Моя дорогая! Я тебя люблю! Я принимал все, что ты делала, не как подвиг, а как должное. Но не потому, что я тебя не ценил, а потому что я так и думал, что такими должны быть и все жены, что иначе не может быть, и не должно. А оказывается, что судьба меня вознаградила незаслуженно высоко, у меня были прекрасные учителя, необыкновенные наставники, верные друзья, достойнейшие родители, любящие родные, и такая удивительная семья, и такая удивительная жена!

Ну что ж, я буду стараться, я многого не смогу, но помогу хотя бы немного тем, кто нуждается в помощи, и буду стараться писать лучше, и буду стараться стать лучше.

Дух в большей степени **есть**, нежели Материя, ибо материя вовсе не то, что действует на наши органы чувств, то есть это не вещество и не поле и не солнечный свет и даже не сила тяготения, это не вещи и явления окружающего мира, тем более это не Я, хотя мое тело и вещественно. Даже Маркс говорит, что *Материя – это категория сознания*, а как таковая она сознаётся, но вовсе не осязается. Так же и Идея, и мысль, и Дух, хотя все же дух больше похож на все то, что мы мыслим и чувствуем, чем вещи и явления на Материю. Материя отличается от вещей и явлений чуть ли не так же, как образ и представление от представляемого – никто же не скажет, что красивая девушка в воображении или воспоминании то же самое, что она воочию, так и понятие или образ дерева не совпадает с осинкой или березой. А что в Материи

от плотности, упругости, теплоты, массы и веса, электрического заряда? Даже когда мы говорим о *матерьяльных предметах*, то употребляем это слово не в его философском значении, а как синоним слова «вещественный».

Отчасти то же самое надо сказать о Красоте – действительно, существует ли она и где она находится? В каком времени и в каком месте пространства? Но ведь и тождество « $a + v = v + a$ » хотя и справедливо, нигде не находится и не связано с временем, но значит ли это, что двое в обнимку не равны себе порознь, и что красивые девушки не существуют, как полагает Толстой, ибо красоты на самом деле нет, а это только оценка того или другого, мнение об окружающем? И значит ли это, что нет ни плотности, ни теплоты и это только мнение наше о таковом (быть может, ошибочное?) и каждый волен думать то, что ему нравится, вот и Лев Николаевич додумался до того, что музыка Вагнера – чепуха, и у Бетховена разве только несколько пассажей хороши, да и то деревенские бабы поют лучше?!

Где находится красота и существует ли она, мы пока не знаем, и многие думают, что ее нет объективно, а это только субъективная оценка предмета или художественного произведения; – но где находится художественное произведение? Отдельная страница его находится в Тексте, весь же Текст находится в сложном метапространстве бытия, а именно – в Контексте литературы, страны, эпохи, он не сам по себе, как изолированный предмет, а связан тысячами нитей с Бытием в целом.

И оценки его не произвольны, не «кому что нравится» – или, по крайней мере, не только «кому что нравится», иначе мы придем к выводу об абсолютной относительности и случайности мнений по всем вопросам истории и невозможности ни искать взаимопонимание, ни искать понимание. Тогда мы будем иметь дело с неким множеством изолированных художественных явлений, относительно которых невозможно будет искать общую точку зрения и какую-то, хотя бы и не абсолютную, истину (впрочем, и теперь, по мнению Толстого, нелепо *искать истину*, ибо

«Ученые люди пишут длинные туманные трактаты о красоте, как одним из членов эстетической троицы: *Красоты, Истины и Добра*... В сущности же, слова эти не только не имеют никакого определенного смысла, но мешают тому, чтобы придать существующему искусству какой-нибудь определенный смысл, и нужны только для того, чтобы оправдать то ложное значение, которое мы приписываем искусству, передающему всякого рода чувства, как только эти чувства доставляют нам удовольствие.

Стоит только отрешиться на время от привычки считать эту троицу столь же истинной, как и троицу религиозную, и спросить себя о том, что мы все всегда разумеем под тремя словами, составляющими эту троицу, чтобы несомненно убедиться в совершенной фантастичности соединения этих трех совершенно различных: и, главное, несоизмеримых по значению слов и понятий в одно. ...

Что же касается до истины, то еще менее можно приписать этому члену воображаемой троицы не только единство с добром или красотой, но даже какое-либо самостоятельное существование.

Истиной мы называем только соответствие выражения или определения предмета с его сущностью, или со всеобщим, всех людей, пониманием предмета. ...

Понятие красоты и истины не только не понятия, равные добру, не только не составляют одной сущности с добром, но даже не совпадают с ним.»

Существует ли история искусства, история литературы, история культуры? Существует ли ИСТОРИЯ человечества не как собрание случайных происшествий, а как их последовательность, как их причинно-следственная связь между собою? Да и существует ли сама жизнь отдельного человека как единство происшествий, связность их в некое повествование?

По Толстому, раз нет ни Красоты, ни Истины, а только «кому что нравится» и только «соответствие определения предмета с всеобщим, всех людей, пониманием предмета», то история культуры исчезает, нет смены направлений, стилей, форм, взаимодействия и взаимовлияния, предшествования и следования, нет даже вульгарно-социологической партийной трактовки явлений культуры, которая худо-бедно выстраивала ее в какую-то схематическую систему.

Вне контекста истории народа и государства и контекста истории культуры отдельное художественное явление представляет из себя нечто внешнее, случайное, выпадающее из культуры, а, значит, и *не существующее*. Как не входит в музыкальное произведение стук двери в Зале филармонии, как не относятся, как правило, к тексту романа пометки на полях книги случайного ее читателя.

Роман или музыкальное произведение существуют только в некоем ряду, во взаимосвязи, в последовании, точно так же как и отдельные строки текста значат то или иное внутри по крайней мере связного отрывка.

Но есть еще нечто более удивительное, это отношения читателя и книги. Если читатель случайно, раз в год, читает какую-то книгу, то читателем его назвать нельзя, книга должна быть в контексте его собственной читательской судьбы, она должна быть связана с историей его жизни как читателя (а соната или симфония должна располагаться в ряду музыкальных произведений, которые слушатель не только слушает, но и СЛЫШИТ, и восхищается, даже, возможно, заливаясь от нее слезами – как я начал рыдать, слушая игру Полины в Концертном зале).

(Да, кстати, вот так же я стал слушателем Шостаковича, довольно поздно, хотя мне и приходилось его слышать раньше. Но нет, пока ... Ну, это почти то же, что произошло, когда я встретил свою знакомую девушку, с которой был уже два года знаком, и вдруг засиял мир вокруг!!! Был ли я знаком с нею раньше? Нет, можно сказать, что воистину я ее только впервые увидел).

Роман или музыкальное произведение существуют только в необходимом ряду, во взаимосвязи, в последовании, – не только в контексте культуры, но и в контексте читательской или слушательской судьбы.

Читатель связан с романом некой почти вещественной связью, как путник с дождем – но надо промокнуть, чтобы иметь право сказать: «вот, я попал под дождь».

Читатель, это человек, обладающий некоторым культурным багажом, хотя бы на уровне дореволюционной гимназии или хорошей советской школы. Человек, случайно читающий случайную книгу – это не читатель.

А оставался ли читателем или слушателем сам Лев Толстой, когда писал свою статью об Искусстве?

Если он не издевался над собственным читателем, то надо будет признать, что с ним что-то случилось, в результате чего он перестал слышать и видеть и воспринимать всё, кроме ритмичных ударений о кусок железа.

4. Снова о Девятнадцатом столетии

Если и человека сложно оценить самого по себе, хорош он или плох, но только в сравнении с другими, в контексте бытия, то тем более сложно произнести приговор над целым столетием, притом таким удивительным, как девятнадцатое: время вершин почти во всем – в социальной жизни, в культуре, в науке, в отношениях людей.

Но не будем ставить оценку, а просто сравним два столетия, девятнадцатое и двадцатое.

Начнем с императоров: Александр Первый, Николай Первый, Александр Второй – с одной стороны, Ленин, Сталин, Хрущев – с другой.

Первые три высокие, красивые, превосходно образованные, талантливые. Самодержцы. В двадцатом столетии властители некрасивы, маломерны, образование однобоко, а Хрущев и вовсе невежда, и не культурен. Тираны.

Александр Первый вошел в Париж, Россия потеряла полмиллиона человек, Франция примерно столько же. Сталин вошел в Берлин, Россия потеряла сорок миллионов человек, Германия около семи, на каждого немца шесть убитых русских.

Николай повесил пять человек. Сталин повесил пять миллионов.

Александр Второй освободил крестьян, Сталин вновь ввел в деревне крепостное право, у колхозника не было паспорта и он не имел права бежать из деревни.

В девятнадцатом столетии бывал и голод, по отдельным губерниям, возможно даже, вследствие недоедания бывали и жертвы.

Но Голод в первые тридцать пять лет советской власти стал главным содержанием истории, наряду с войной и репрессиями. Многие даже независимые историки приходят к выводу, что это была **тайная Война против русского народа**, направленная на его полное уничтожение.

Поволжье: Пик голода пришёлся на осень 1921 – весну 1922 года, число жертв голода составило около 5 миллионов человек. (Но голодали на трети территории России!)

"Голодомор 1932-1933 годов", по оценкам некоторых историков, унес жизни от 7 до 10 миллионов жителей Украины, в том числе около 4 миллионов детей.

От голода во время Блокады в Ленинграде умерло более миллиона человек.

Но голодали везде и всегда, вплоть до смерти последнего тирана.

Профессор московского университета Кузнецов однажды сказал Льву

Троцкому, что "Москва буквально умирает с голода", на что Троцкий, всплыв, ответил: "Это еще не голод. Когда Тит брал Иерусалим, еврейские матери ели своих детей. Вот когда я заставлю ваших матерей есть своих детей, тогда вы можете ко мне прийти и сказать: Мы голодаем".

Луначарский добавил: «мы ненавидим христиан. Даже лучшие из них должны быть признаны нашими врагами. Они проповедуют любовь к ближнему и сострадание, то, что противоречит нашим принципам. Христианская любовь преграждает развитие революции. Долой любовь к ближнему! То, что нам нужно – это ненависть. Мы должны уметь ненавидеть; только тогда мы можем победить вселенную».

Двадцатое столетие в России беспримерно. Его нелепо сравнивать с чем-либо в русской истории, даже с временем татаро-монгольского ига.

И на этом сравнения и споры я прекращаю. Пусть те, кого исторические иллюзии согрели и навели сладкие сны, простят меня, если могут. Пусть и они, отказывающиеся видеть **муки и смерть миллионов безвинных**, в том числе детей, и прямо или косвенно оправдывающие убийц и беспримерных злодеев, простят и сами себя, если смогут.

5-6-7. Любовь к ближнему и прощание на время с читателем

Да бог с ней, с этой декларируемой *любовью к ближним*! Она то же самое, что «все для человека, все во имя человека», или «свобода, равенство и братство», но при этом существуют и тюрьмы, и ненависть, и нищие, и несчастные... Да посочувствуй и помоги ты одному человеку, нуждающемуся в помощи, и не стремись любить всех ближних или даже все человечество!

Да будь хотя бы только хорошим товарищем, семьянином и гражданином!

Да хотя бы возделывай хорошо свое крестьянское поле!

А кто-то и спросит: Так что же, не следовало призывать *возлюбить ближнего*?

Да, не следовало.

Будь милосерден! – вот что справедливее и в чем нуждаются страждущие.

Поэтому-то я и не знаю, есть ли в русском романе помимо милосердных еще и *возлюбившие ближних*?

Но если всё писать вдогонку, то никогда не закончу. Но так как я вдруг понял, что еще принужден позже писать о философии, то оставляю для следующей книги нерешенные вопросы. История народа способна привести в восхищение и в негодование, как и история культуры, как и история собственной жизни, но спросим совета у Пушкина. О себе он пишет: «И с отвращением читая жизнь мою, Я трепещу и проклиная, И горько жалуюсь, и горько слезы лью, Но строк печальных не смываю.»

А о народе (который и его приводил в негодование), в строках, посвященных «Русскому либералу», он сказал так: «Ты просвещением свой разум осветил, Ты правды чистый лик увидел, И нежно чуждые народы возлюбил, И мудро свой возненавидел.»

Но закончу собственными стихами, прощаясь на время с читателем: «...переведем дух! Ощупаем звуки, цвет, вкус, плоть, Зрение, обоняние, слух...»

7. И все же вдогонку к написанному

25 сентября, 13-38. Срочные дела вопиют, и я предполагал по дороге в универ и обратно их частью исполнить – но забыл за суетою флешку, и вот принужден, чтобы время совсем напрасно не проходило, писать для Книги, которую уже я закончил и не хотел к ней возвращаться. Правда, две темы меня гложут, хотя и не впрямую они относятся к культуре, но они важны для становления личности человека, а значит, пригодятся и для этих Записок. Эти две темы – то абсолютное Зло, которым являлась большевистская Революция и ее власть над Россией, и то абсолютное Зло, которым являлись большевистские вожди и, в частности, Сталин.

Я посвятил эту книгу своему разводу с христианством и с коммунистическим учением, и, пусть с экивоками, с ними все же расстался, но надо мне провести черту и между собой и теми часто просто бестолковыми, иногда глупыми, возможно, просто исторически неграмотными людьми, которые находятся в плену двух сатанинских мифов: что якобы и в большевизме и в сталинизме что-то было и благотворным, а потому нельзя их осуждать так же, как, скажем, разбойника, вошедшего в дом и убившего всех ваших родных и близких. Если вы предполагаете, что и для этих разбойников можно найти оправдания, то я с вами больше не спорю, думая, что вы и сами хуже таких разбойников. Если же разбойников, убивших ваших близких, вы не оправдываете, то продолжим обсуждение того, что из себя представляют большевизм и Сталин.

Нет, я не требую, чтобы человек был только ангелом, чтобы в нем видеть и человеческое. На «Арсенальной» (в тюремном сумасшедшем доме, где были изолированы от общества преступники и в их числе некоторые инакомыслящие, такие, как я), встречался я и с теми, кто совершил в состоянии безумия тяжчайшие преступления. В то время, когда я с ними общался, они, как казалось, словно бы чувствовали и рассуждали здраво. Но полностью ли прошло то безумие, которое ими когда-то овладело настолько, что они даже могли убить близкого человека, я не знаю. Но они себя не оправдывали и, кажется, понимали, что они совершили. Но и большевики и Сталин не были психически больными людьми, они имели ясно сознаваемые цели и для их осуществления совершали жестокие преступления.

Сталин мне кажется подобным разбойнику, пришедшему в чужой дом и «вынужденному» истребить его жителей, чтобы завладеть их имуществом. Основной его целью, его маниакальной жаждой, была жажда власти. Разумеется, не отвергал он и многое из мирских удовольствий, вытекающих из власти, но все же само ощущение властвования имело для него наибольшую цену.

Большевики же были неоднородны. Одни из них находились под властью извращенно понятого марксизма, были среди них и романтики, которым пришлось в горниле братоубийственной войны тоже превратиться в разбойников, но большинство были подобны мелким жуликам и ворам, любителям жить в свое удовольствие не работая. Но власть над жизнью людей их тоже развратила и сблизила с теми, кто был разбойником.

Но главарями, заводилами являлись люди, которых вела патологическая страсть, в частности, комплекс личной или национальной неполноценности. Или комплекс национальной ненависти.

К таким принадлежали Ленин, Троцкий, в значительной степени и Сталин, и многие другие вожди, большинство из которых являлись инородцами. Они ненавидели, во-первых, русский народ и Россию; ненавидели культуру, во-первых, потому, что ее не понимали и не любили. Русская культура была аристократична, как и Пушкин, Лермонтов, Толстой и Достоевский, и хотя надеялся Пушкин, что будет его читать и любить и «ныне дикой тунгус и друг степей калмык», но дикий калмык Ленин, к тому же считающий себя и евреем, Пушкина, как и ничего русского, полюбить не мог.

Троцким двигала чистая ненависть к «Риму», он знал, что «Рим – великая блудница» должен быть разрушен (как то знали и к тому стремились христиане).

Сталиным двигала и ненависть, и чувство неполноценности (была ли в нем еще и еврейская кровь, я не знаю, но, вероятно, в нем была «блядская» кровь, если справедливо, как полагают, что сам он был «выблюдком».)

И всеми большевиками двигала в том числе и «сучья» кровь, то есть кровь сучьего племени, племени воров и разбойников, обманщиков и предателей.

(Мотивы, причины и движущие силы Русской революции во многом подобны движущим силам Французской революции, которую совершили завистник Марат, честолюбец Робеспьер и сластолюбец Дантон и парижские шлюхи, и движущим силам русских мятежей, устраиваемых казаками)

Была ли Русская революция социалистической? Нет, она была антинациональной, антирусской революцией инородцев, населения окраин – только прикрывающейся социалистическими лозунгами.

Какие цели она перед собою ставила, независимо от личных целей каждого из ее участников? Только полное ИСТРЕБЛЕНИЕ русского народа и великорусских славян и превращение России в колонию Европы или раздел ее между сильными государствами.

1. Революция свершилась, большевики победили, правительство контролирует центр и его власть стремительно распространяется по громадной стране. Кроме того, у правящей партии большевиков множество надежных и влиятельных союзников, армия и генералитет присягнули ей на верность, советская власть, возглавляемая Троцким, является ее опорой в народе, аристократия и буржуазия эмигрируют, интеллигенция либо присягает на верность либо согласна покориться силе.

Но Ленин ставит главную задачу перед победившей властью – разжигание гражданской войны. И сопротивление и война всячески провоцируются, и еще до всякого сопротивления начинаются жесточайшие бессмысленные репрессии против верхнего слоя народа, то есть против всех, кто отличался от основной массы имущественно или культурно – против дворян, офицеров, духовенства, интеллигенции, купечества, зажиточной части крестьянства.

Наконец, война началась – с собственным народом (хотя, конечно, следует не забывать, что на этот народ захватчики смотрели как на чужой и враждебный).

Война велась с невиданной прежде в России жестокостью.

Но я испытываю странное чувство: большевики как будто были уверены, знали, что они победят, что даже если они истребят половину народа, власть они не потеряют. Значит, надо смотреть на Историю глазами Даниила Андреева, значит, не исчерпывается она своей видимой рациональной частью.

После победы в Гражданской войне большевики начинают новую войну на истребление, они начинают уничтожать народ Голодом. Пять миллионов в 22-м году, 10 миллионов в тридцать втором году, и в протяжении всей советской истории голод и недоедание как главный бич надсмотрщика над русским народом.

Да, евреи (но и инородцы, но и славяне и русские тоже!) играли важнейшую роль в этой войне, но мы ничего в ней не поймем, если примитивно объясним ее только еврейским заговором. Еврейской буржуазии эта война была не нужна, она так же, как аристократия, потеряла всё и бежала на Запад. Еврейская интеллигенция разделила судьбу русской интеллигенции, ибо являлась ее частью. Основная масса еврейского народа, возможно, получила некоторые приобретения, но это произошло потом, после рек крови...

(К слову сказать, так же примитивно не надо объяснять и другие геополитические события и катастрофы. Нужна ли была гитлеровская мания завоевания мира немецкому народу? Ему, скорее, было выгодно объединение Германии и присоединение к ней приграничных земель – но, тем не менее, психоз мирового господства захватил и душу и тело немецкого народа и он ответствен за все, что произошло с Европой).

Итак, Революция, Гражданская война, катастрофический голод в Поволжье (спровоцированный, подготовленный, вызванный бесчисленными действиями властей), Коллективизация, уничтожение и разрушение Крестьянства и голод, вызванный раскулачиванием, Мировая война, бесконечная Бойня, сорок миллионов погибших, в том числе пять миллионов от голода и недоедания. Невиданные в истоки репрессии против мирного **покорного** населения, сеть концлагерей, миллионы следователей, охранников, стукачей, конвоиров и надзирателей и Растрление народа.

Голод в Поволжье... Все о нем знают, слышали, но веру в советскую власть этот голод не поколебал. Словно бы Власть сама по себе, а голод сам по себе, как Океанская волна, обрушивающая берега Японии. А ведь с 1612 года таких... нет, не таких, а хотя бы в тысячу раз меньших бедствий Россия не знала. Или это природа вдруг обрушилась, терпевшая русский народ триста лет?

Ну а голод в 1932 году, от Поволжья до Украины, в тридцати губерниях, унесший жизнь десяти миллионов человек? Весь хлеб у крестьян был отобран, даже на семена ничего не оставили. Очаги самого страшного голода были окружены заградительными отрядами. Тех, кто пытался бежать, расстреливали.

Есть три точки зрения. Хлеб был нужен для индустриализации, десятью миллионами крестьян приходилось пожертвовать.

Власть не умела еще руководить хозяйством, ошибки хозяйствования привели к голоду.

И, наконец, то, что не хочется признавать ни защитникам, ни даже противникам советской власти и Сталина. Голод был «развязан» так же, как развязываются войны.

У советской власти и Сталина была главная цель, она состояла в уничтожении и ослаблении русского народа.

Миллионы пламенных коммунистов и комсомольцев не сознавали эту цель, даже стукачи о ней не подозревали.

И все же, на Страшном суде каждый, живший в то страшное время, должен будет ответить за то, как он жил.

Никто не будет оправдан тем, что он НЕ ЗНАЛ. Каждый человек должен знать, понимать, видеть и чувствовать и Добро и Зло.

Но часто бывает выгодно закрывать глаза, чтобы не видеть и не потерпеть личного ущерба, защищая обиженных и противодействуя обижающим.

И, наконец, Война с Германией.

Потери наши чрезмерны.

Даже если бы офицеры немецкого генштаба руководили советскими армиями и изо всех сил старались увеличить наши потери, они бы не сумели достигнуть такого блестящего результата. Существовали миллионы офицеров, сержантов, солдат, способных сражаться с врагом. И они сражались достойно. Но их усилия были тщетны в силу более грозного врага, нежели немцы, этот враг находился в Кремле.

После поражения немцев под Москвой в декабре 41-го года и их повсеместного отступления Сталин и Жуков *как будто намеренно* оголяют фронт на юге (но почему же *как будто?*), а в итоге сдают немцам три миллиона боеспособных, уже умеющих воевать солдат (*«У Луцкая, между прочим, пропал без вести под Ржевом. Неудачно с маршалом Жуковым наступал»*), добиваются того, что немцы зачерпывают волжскую воду своими шеломами.

Якобы для прорыва Блокады организуется Невский плацдарм, на котором гибнут боеспособные части, в итоге некому прорывать Блокаду.

Но все же мы победили! – восклицает обыватель.

Нет, мы потерпели сокрушительное поражение. В составе Российской империи русский народ

составлял три четверти населения, ко времени мнимой победы его уже оставалось только четверть. Империю мы потеряли даже не при ЕБН (хотя и он достойный выкормыш советской системы), а в 45-м году.

В заключение этих страниц я помещу только две фотографии. Пусть дети Сталина и большевистских идеалов взглянут в лицо его жертвам.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
Глава первая. Одиночество	5
Глава вторая. Оправдание творчества как бунта	13
Глава третья. Одномерный человек	27
Глава четвертая. Граница Бытия и инобытия	36
Глава пятая. Любовь	48
Глава шестая. Любовь к ближнему	66
Глава седьмая. Любовь к Богу	82
Глава восьмая. Сочувствие и благодать	93
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
Глава девятая. Перед дверью	118
Глава десятая. Искусство и красота	132
Глава одиннадцатая. Христианство и смысл жизни	153
Глава двенадцатая. Отношения человека и мира и смысл жизни	166
Глава тринадцатая. Оправдание Толстого	181
Глава четырнадцатая. Искусство и действительность	194
Глава пятнадцатая. Искусство как триединство	214
Глава шестнадцатая. Бытие как Я и Всеобщее	235
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	
Глава семнадцатая.	257
Глава восемнадцатая. Род и народ	274
Глава девятнадцатая. Духовная жажда и Инобытие	295
Заключение	305
Глава двадцатая. Недоговоренное	308
Глава двадцать первая. Источники культуры	319

Василий Иванович Чернышев

ЗАПИСКИ РЕДАКТОРА

Книга третья

Инобытие как МИФ и Литература

Текст книги размещен на сайте
spb-pisатели.ru

Подписана в печать 27 сентября 2017
Формат 60x90 1/16 **21** п. л., **336** стр.

Издательство «NAPISANO PEROM».

Печать по требованию

Санкт–Петербург

2017